

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра уголовного процесса и криминалистики

ГОМЕЛЬСКИ ДЗЯРЖАЎНЫ УНІВЕРСІТЭТ

ІМЯ ФРАНЦЫСКА СКАРЫНЫ (БЕЛАРУСЬ)

МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ СОДЕЙСТВИЯ ПРАВОСУДИЮ

КУРСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

АССОЦИАЦИИ ЮРИСТОВ РОССИИ

при информационной поддержке

ООО «ИНФО-КОМПЛЕКС ПЛЮС»

**ПРОБЛЕМЫ ОТПРАВЛЕНИЯ
ПРАВОСУДИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

Сборник научных статей

IV-ой Международной научно-практической конференции

Часть I

16 – 18 апреля 2015 года

Курск 2015

УДК 343.1
ББК Х629.3
П781

Рецензент

Председатель Курского областного суда, Заслуженный юрист
Российской Федерации *В.Г. Золоторев*

Редакционная коллегия:

Т.К. Рябинина, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики ЮЗГУ, кандидат юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (отв. редактор);

А.А. Козявин, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ЮЗГУ, кандидат юридических наук, доцент (отв. редактор);

И.В. Ревина, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ЮЗГУ, кандидат юридических наук, доцент;

В.В. Струкова, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ЮЗГУ, кандидат юридических наук;

Д.В. Алымов, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ЮЗГУ;

Е.А. Грохотова, преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики ЮЗГУ

П781 Проблемы отправления правосудия по уголовным делам в современной России: теория и практика: сб. науч. ст. IV-ой Междунар. науч.-практ. конф. 16-18 апреля 2015 г., г. Курск: В 2 ч./ редкол.: Т.К. Рябинина, А.А. Козявин (отв. ред.), [и др.]; Юго-Зап. гос. ун-т., ЗАО "Университетская книга", Курск, 2015. Ч. 1. 319 с.

ISBN 978-5-9906896-8-8

В сборнике научных статей IV-ой Международной научно-практической конференции «Проблемы отправления правосудия по уголовным делам в современной России: теория и практика», организованной кафедрой уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета, (Курск), совместно с Гомельским государственным университетом им. Франциска Скорины (Республика Беларусь) под эгидой Международной ассоциации содействия правосудию и Курского регионального отделения Ассоциации юристов России при информационной поддержке Инфо-Комплекс КонсультантПлюс, нашли отражение ключевые проблемы реформы уголовного процесса и практики применения уголовно-процессуального законодательства, а также актуальные вопросы современной криминалистики, судебной экспертизы и оперативно-розыскной деятельности.

В части первой сборника представлены статьи, подготовленные участниками конференции из числа профессорско-преподавательского состава, аспирантов, а также студентов сторонних вузов, во второй части – из числа студентов Юго-Западного государственного университета.

Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов, студентов юридических факультетов, правоприменителей, а также для всех, для кого система уголовной юстиции представляет интерес. Текст печатается в авторской редакции.

УДК 343.1
ББК Х629.3
П781

ISBN 978-5-9906896-8-8

© Юго-Западный государственный университет, 2015

© ЗАО "Университетская книга", 2015

© Авторы статей, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	8
Раздел I. Уголовное судопроизводство современной России как социальная система, оценка ее эффективности и пути модернизации	11
О.С. Антюфеева К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ДРУЖЕСТВЕННОГО РЕБЕНКУ ПРАВОСУДИЯ И ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ В РОССИИ	11
Ю.В. Астафьев НОРМАТИВНЫЕ ПРОБЕЛЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА	16
Т.П. Афонченко, И.Н. Цыкунова ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕВЕНТИВНОГО НАДЗОРА	24
А.Р. Белкин ПОЧТА, ТЕЛЕГРАФ, ТЕЛЕФОН И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ	30
А.Н. Бычков ДОЗНАНИЕ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ ПО УПК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И УСКОРЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО ПО УПК РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ОСНОВАНИЯ ПРОВЕДЕНИЯ И СРОКИ	37
А.В.Верещагина МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ СТАНДАРТ И НАЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ИНСТИТУТА ЯЗЫКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	41
Е.А. Грохотова ДОПУСТИМО ЛИ ЗАКРЕПЛЕНИЕ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНЕ ПОЛНОМОЧИЯ МИРОВОГО СУДЬИ ПО ОКАЗАНИЮ СОДЕЙСТВИЯ СТОРОНАМ В СОБИРАНИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ?.....	48
Д.Р. Даниелян ПОСТРОЕНИЕ СИСТЕМЫ СУДЕБНЫХ СТАДИЙ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, ТЕХНИКА	52
Е.В. Жоголева, А.Д. Прошляков «НОВОЕ» НОВОЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО ВОЗОБНОВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ	55
В.Д. Зарипов О НЕКОТОРЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ТРУДНОСТЯХ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ СТОРОН	60
Д.В. Зотов ФАКТИЧЕСКИЕ И НЕОБХОДИМЫЕ ПРЕДЕЛЫ ДОКАЗЫВАНИЯ	64

В.В. Иванов К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ПОТЕРПЕВШЕГО В РАССМОТРЕНИИ СУДАМИ ВОПРОСОВ ОБ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОМ ОСВОБОЖДЕНИИ.....	70
Н.В. Ильютченко К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ СТАТИСТИЧЕСКОЙ ОТЧЕТНОСТИ НА КОЛИЧЕСТВО ПРЕКРАЩЕННЫХ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ	77
А.М. Калуцких СТАДИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА: ЭВОЛЮЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ МЫСЛИ.....	80
О.А. Калякин ПРЕДЕЛЫ ВОЗМОЖНОСТЕЙ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, ТЕХНИКА	84
А.Н. Ключко ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В БАНКОВСКОЙ СФЕРЕ	89
А.А. Козявин ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АДВОКАТА ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ: НЕКОТОРЫЕ ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ	94
Н.А. Колоколов ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОТДЕЛЬНЫХ СУДЕБНЫХ ПРОЦЕДУР: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, ТЕХНИКА (КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ В ОБЛАСТИ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ, УСТАНАВЛИВАЮЩИХ УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ПОЛОВУЮ СВОБОДУ И НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ).....	101
Я.Н. Колоколов, А.В. Терновцов ПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛАМ О НЕЗАКОННОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ОБРАЗЦОВ: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, ТЕХНИКА.....	116
Н.В. Лантух ЭКСТРАОРДИНАРНЫЕ СПОСОБЫ ОБЖАЛОВАНИЯ И ПЕРЕСМОТРА СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	124
А.С. Лукомская ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТОДА КЛАССИФИКАЦИИ В ИССЛЕДОВАНИИ ПОНЯТИЯ ПОТЕРПЕВШЕГО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ.....	130
Е.В. Марковичева ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У ПРОЦЕДУР МЕДИАЦИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ?	133
К.В. Муравьев ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВИЛЬНОГО ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА КАК ЦЕЛЬ ОПТИМИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА	138
А.Л. Осипов ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ИНСТИТУТА ОГЛАШЕНИЯ ПОКАЗАНИЙ СВИДЕТЕЛЕЙ ПРИ ОТПРАВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ	143

Л.М. Разяпова ОЗНАКОМЛЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ОБВИНЯЕМОГО С ПРОТОКОЛОМ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ ...	148
А.А. Резяпов НАЗНАЧЕНИЕ И ПРОВЕДЕНИЕ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ В ОТНОШЕНИИ СВИДЕТЕЛЕЙ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ	151
Т.К. Рябинина ФУНКЦИИ СУДА В СТАДИИ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ	154
Е.В. Рябцева РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ОБРАЩЕНИЕ В СУД КАК ГАРАНТИЯ ПРАВА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ	161
Я.П. Ряполова ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОБЪЯСНЕНИЙ, ПОЛУЧЕННЫХ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА	165
В.Ф. Сайманова ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В XXI ВЕКЕ В РАМКАХ СУЩЕСТВУЮЩЕЙ СИСТЕМЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИИ	171
И.М. Синица КАРАТЕЛЬНОЕ И ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ РЕЖИМА ОСУЖДЕНИЯ (СУДИМОСТИ)	176
М.В. Скляренко МЕСТО И РОЛЬ СИСТЕМЫ ОБЖАЛОВАНИЯ, ПРОВЕРКИ И ПЕРЕСМОТРА СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, ТЕХНИКА	182
М.В. Скляренко МЕСТО И РОЛЬ РОССИЙСКОЙ АПЕЛЛЯЦИИ В СИСТЕМЕ ОБЖАЛОВАНИЯ ПРОВЕРКИ И ПЕРЕСМОТРА СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ	187
В.В. Струкова НАРУШЕНИЕ ПРАВ ОБВИНЯЕМОГО ПРИ ПАССИВНОЙ ПОЗИЦИИ ЗАЩИТНИКА	201
Д.В. Татьяна ПРОИЗВОДСТВО ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ В СУДЕБНОМ ЗАСЕДАНИИ: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ	205
Л.Г. Татьянина СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ КАК ГАРАНТ ПРИНЯТИЯ ЗАКОННОГО, ОБОСНОВАННОГО И СПРАВЕДЛИВОГО СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ	209
Е.Ф. Тензина О РОЛИ СУДА В ВОЗМЕЩЕНИИ ИМУЩЕСТВЕННОГО ВРЕДА В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ	214
О.Н. Тисен НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ УСКОРЕННЫХ ПРОЦЕДУР	218
М.В. Чепик ИДЕЯ КОМПРОМИССА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	223

Д.О. Чистилина СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ГРАЖДАН НА ПОЛУЧЕНИЕ КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ	228
--	-----

Раздел II. Криминалистика, судебная экспертиза и оперативно-розыскная деятельность на современном этапе развития науки и практики

Д.В. Алымов К ВОПРОСУ О ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	233
А.М. Банников, О.С. Бочарова, В.В. Ревинский ОПРЕДЕЛЕНИЕ РАКУРСНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ГОЛОВЫ АВТОМАТИЗИРОВАННЫМИ МЕТОДАМИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ПОРТРЕТНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ	238
К.А. Борисенко РОЛЬ ОПЕРАТИВНОЙ ОБСТАНОВКИ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ	244
О.Г. Дьяконова СЛЕДСТВЕННОЕ, СУДЕБНОЕ ИЛИ ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ - К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ	248
А.С. Закоянский ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ДОКАЗЫВАНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ	254
И.М. Комаров, И.М. Комаров СЕМЕНА РАСТЕНИЯ МАК КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОЙ И ЭКСПЕРТНОЙ ОЦЕНКИ	260
Е.И. Комарова ПОНЯТИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА	270
С.М. Коцюмбас К ВОПРОСУ О ПУТЯХ ПРЕОДОЛЕНИЯ НЕДОСТАТКОВ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ АНАЛОГОВ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ	275
А.М. Ломшин КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОЗДАЮЩИХ ПРЕПЯТСТВИЯ МАЛОМУ И СРЕДНЕМУ БИЗНЕСУ	278
Е.В. Мангутова (Кантеева) КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ	283
А.С. Правоторов К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ОТПРАВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ ПО СЕРИЙНЫМ УБИЙСТВАМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СПОСОБАХ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ	288

А.И. Сотов ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ТОРГОВЛИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНСАЙДЕРСКОЙ ИНФОРМАЦИИ	294
О.В. Цуканова ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ОРГАНАМИ ДОЗНАНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ НА ОБЪЕКТАХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА.....	298
Н.А. Чеснокова К ВОПРОСУ О НАЗНАЧЕНИИ СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ И КОМПЛЕКСНОЙ СУДЕБНОЙ ПСИХОЛОГО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ.....	303
М.В. Шайкова СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ПОЛИГРАФА (ПСИХОЛОГО-ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ).....	308
Т.Н. Шамонова О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА	313

Предисловие

В российской и зарубежной юридической науке уже накоплен колоссальный опыт в изучении проблем одной из сложнейших сфер юридического труда – сферы борьбы с преступностью, определены концептуальные подходы к анализу сущности уголовно-процессуального права, криминалистического, судебно-экспертного и оперативно-розыскного обеспечения процесса расследования и рассмотрения уголовных дел. Однако направленность и содержание современной жизни ставят новые задачи перед уже развитыми институтами правоохранительной и правозащитной систем, а также вызывают необходимость подвести некоторые итоги функционирования правовых институтов в данной социальной сфере, дав оценку последним законодательным и тактическим новациям в России и ближнем зарубежье, наконец, ответить на вопрос, насколько претворена в жизнь и согласована с ее потребностями назревшая в период судебно-правовой реформы переориентация общественной практики на приоритет защиты прав человека, на воплощение идеалов демократии и правовой государственности.

Совокупность вышеизложенных обстоятельств послужила основанием для проведения в апреле 2015 г. в Юго-Западном государственном университете, в г. Курске, уже IV-ой Международной научно-практической конференции «Проблемы отправления правосудия по уголовным делам в современной России: теория и практика». Конференция стала результатом плодотворного международного межвузовского научного сотрудничества кафедры уголовного процесса и криминалистики и всего Юго-Западного государственного университета с Гомельским государственным университетом им. Франциска Скорины (Республика Беларусь).

Отразившее широкую научную географию мероприятие прошло под эгидой Международной ассоциации содействия правосудию и Курского регионального отделения Ассоциации юристов России при информационной поддержке Инфо-Комплекс КонсультантПлюс.

Его целью явилось обсуждение широкого круга научно-практических проблем, связанных с совершенствованием системы отправления правосудия по уголовным делам, а также путей преобразования процесса нормотворчества и правоприменения в сфере борьбы с преступностью.

Для участия в конференции и публикации в сборнике свои научные статьи направили юристы ученые, практики, педагоги, аспиранты и студенты, представляющие ведущие научные и учебные учреждения России, Украины и Республики Беларусь: Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации, г. Гомель, Российский государственный социальный университет, филиал в г. Минске, НПЦ Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь, Сумский государ-

ственный университет, МГУ им. М.В. Ломоносова, МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА), Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург, Высшую школу экономики, г. Москва, Российский государственный университет правосудия, г. Москва, Саратовскую государственную академию права, Московский государственный университет приборостроения и информатики, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Национальный исследовательский Белгородский государственный университет, Башкирский, Воронежский, Мордовский, Орловский, Самарский, Удмуртский государственные университеты, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Ижевский государственный технический университет им. М.Г. Калашникова, Санкт-Петербургский университет МВД России, Омскую академию МВД России, Дальневосточный юридический институт МВД России, г. Хабаровск, Московский педагогический государственный университет, Тульский филиал Российской правовой академии Минюста России, Владимирский юридический институт ФСИН, Курскую государственную сельскохозяйственную академию им. И.И. Иванова, Международный университет в Москве, Воскресенский филиал Российского нового университета.

Высокую заинтересованность в обсуждении проблем продемонстрировали молодые ученые: студенты Юго-Западного государственного университета, что позволило опубликовать их научные статьи отдельной частью сборника.

В рамках конференции была организована работа 2-х секций, давших материал для двух разделов сборника научных статей:

- 1) Уголовное судопроизводство современной России как социальная система, оценка ее эффективности и пути модернизации;
- 2) Криминалистика, судебная экспертиза и оперативно-розыскная деятельность на современном этапе развития науки и практики.

В части первой сборника представлены статьи, подготовленные участниками конференции из числа профессорско-преподавательского состава, аспирантов, а также студентов сторонних вузов, во второй части – из числа студентов Юго-Западного государственного университета.

Первый раздел каждой из частей сборника отражает различные взгляды авторов на общие социально-правовые проблемы организации системы отправления правосудия по уголовным делам, ее институциональное построение и эффективность; на совершенствование правовых гарантий личности в уголовном процессе, а также правообеспечительных механизмов; реализацию отдельных принципов уголовного процесса; на укрепление процессуального статуса профессиональных и непрофессиональных участников уголовно-процессуальных отношений; на доказательства и доказывание в уголовном процессе, модернизацию отдельных процессуальных порядков и процедуры отдельных стадий.

Второй раздел каждой из частей сборника раскрывает последние теоретические достижения авторов в сферах криминалистики и судебной экс-

пертизы, их предложения по решению ключевых проблем криминалистического, оперативно-розыскного и экспертного обеспечения уголовного судопроизводства.

В представленном сборнике статей, анализируя концептуальное многообразие взглядов ведущих юристов, авторы излагают и аргументируют свои позиции, ориентируясь на идею о том, что процесс социально-правовых реформ с необходимостью предполагает большее обращение к использованию научного потенциала в законодательной и правоприменительной деятельности, отчего и зависит его судьба.

Научные статьи, представленные в сборнике и характеризующие самые принципиальные и актуальные проблемы российского и зарубежного уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы не могут не вызвать заинтересованность, обсуждение и дискуссии, а потому их содержание полезно для научно-исследовательской и учебно-методической работы.

**Ответственные редакторы,
зав. кафедрой уголовного процесса
и криминалистики ЮЗГУ,
кандидат юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Российской Федерации
доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики ЮЗГУ,
кандидат юридических наук, доцент**

Т.К. Рябинина,

А.А. Козьявин

Раздел I. Уголовное судопроизводство современной России как социальная система, оценка ее эффективности и пути модернизации

УДК 343.01

О.С. Антюфеева, канд. юрид. наук, доцент, зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Воскресенский филиал Российского Нового университета (e-mail: helga_o2002@mail.ru)

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ДРУЖЕСТВЕННОГО РЕБЕНКУ ПРАВОСУДИЯ И ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ В РОССИИ

В статье на основе анализа современного российского законодательства и статистических данных рассматриваются некоторые вопросы формирования дружественного ребенку правосудия и ювенальной юстиции.

Ключевые слова: уголовное правосудие, дружественное ребенку правосудие, ювенальная юстиция, несовершеннолетний, уголовный закон, уголовный процесс, наказание.

Несовершеннолетние всегда были и остаются особой категорией субъектов как материального, так и процессуального права. Эти особенности продиктованы не только возрастными характеристиками, но и вытекающим из них специфическим правовым статусом. В уголовном судопроизводстве с участием этих лиц существует ряд моментов, которые необходимо учитывать правоприменителю, с тем, чтобы решить двудединую задачу: с одной стороны, - обеспечить полное и всестороннее расследование и дальнейшее судебное разбирательство уголовного дела о преступлении, совершенном несовершеннолетним; с другой – полностью обеспечить его законные права и интересы, вытекающие не только из его процессуального статуса, но и из общеправового. Современное российское правосудие по делам несовершеннолетних существует в достаточно жестких условиях. Прежде всего, это касается повышенного внимания общественности к правам и законным интересам несовершеннолетних правонарушителей, ряда экспериментов по введению некоторых элементов ювенальной юстиции (причем в разных субъектах РФ в разной форме), реформирования норм действующего УПК РФ. Необходимость некоторых изменений, конечно, существует. Она определяется самой ситуацией с преступностью несовершеннолетних, в особенности статистическими данными об уровне рецидива, количестве совершенных подростками тяжких и особо тяжких преступлений. Так, в 2014 году несовершеннолетними или при их соучастии совершено 59240 преступлений (данные по 2014 году приводятся без учета данных по Крымскому Федеральному Округу), что на 11, 9 % ниже 2013 года, сократилось также число тяжких и особо тяжких преступлений

на 5,8 % [1; с. 38]. По данным переписи осужденных 2009 года доля осужденных несовершеннолетних, содержащихся в воспитательных колониях за совершение особо тяжких преступлений по сравнению с переписью 1990 г. увеличилась почти в 5 раз с 5,4 до 26,0% [2; с.171]. Кроме того, 43, 2% несовершеннолетних осужденных имеют опыт криминального поведения и осуждения к лишению свободы, в основном, условно, в соответствие со ст. 73 УК РФ. Среди лиц несовершеннолетнего возраста, осужденных по ст. 105 УК РФ (убийство), доля ранее судимых к лишению свободы составляет 17,7 %; по ст. 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью) – 23%; среди осужденных по ст. 131 УК РФ (изнасилование) – 23,2%. В то же время доля осужденных, совершивших корыстные преступления по ст. 158, 161, 162 УК РФ и ранее судимых к лишению свободы составляет соответственно 65%, 59,9 % и 36,6% [2; с. 174-175].

Уголовное правосудие по делам несовершеннолетних призвано не только обеспечить грамотное государственное реагирование на преступление, совершенное несовершеннолетним, но и дать старт процесса перевоспитания несовершеннолетнего правонарушителя. Именно поэтому важно не только скрупулезное соблюдение всеми субъектами норм уголовно-процессуального закона, но и учет возрастных особенностей несовершеннолетнего участника процесса. С позиции многих ученых это возможно только в рамках формирования дружественного ребенку правосудия и системы ювенальной юстиции [3, 4].

Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012-2017 гг., утвержденная Указом Президента РФ 1.06.2012 г. № 761, установила основные приоритеты и направления государственной политики в отношении детей. Эти приоритеты базируются, прежде всего, на нормах международного права, а также российском законодательстве о правах ребенка. Среди основных приоритетных направлений государственной политики в отношении детей выделено и формирование дружественного ребенку правосудия. Под дружественным ребенку правосудием понимается система гражданского, административного и уголовного судопроизводства, гарантирующая уважение прав ребенка и их эффективное обеспечение с учетом принципов, закрепленных в рекомендациях Совета Европы по правосудию в отношении детей, а также с учетом возраста, степени зрелости ребенка и понимания им обстоятельств дела.

Основные принципы и элементы дружественного ребенку правосудия: общедоступность, соответствие возрасту и развитию ребенка; незамедлительное принятие решений; направленность на обеспечение потребностей и интересов ребенка; уважение личности ребенка, его частной и семейной жизни; признание ключевой роли семьи для выживания, защиты прав и развития ребенка; активное использование в судебном процессе данных о детях, условиях их жизни и воспитания, полученных судом в установленном законом порядке; усиление охранительной функции суда по отношению к ребенку; приоритет восстановительного подхода и мер воспита-

тельного воздействия; специальная подготовка судей по делам несовершеннолетних; наличие системы вспомогательных служб (в том числе, служб примирения), а также процедур и норм общественного контроля за соблюдением прав ребенка [5].

Таким образом, российское государство приняло четкое решение о переходе к ювенальной юстиции. Однако, процессуальная форма осуществления данных процедур осталась вновь неопределенной. Это позволяет сделать вывод о том, что процессуальной основой пока останется действующий УПК РФ. Кроме того, само понятие дружественного ребенку правосудия вызывает вопросы. Безусловно, ювенальная юстиция направлена не только на дела о преступлениях несовершеннолетних, но и на дела, где дети являются потерпевшими. Во втором случае никаких сомнений не возникает: государство обязано сделать уголовное правосудие максимально комфортным для таких детей, как можно меньше травмировать их психику при осуществлении процессуальных действий, прежде всего, допросов, очных ставок и т.д. Здесь важным положительным шагом является введение поправок в ст. 191 УПК РФ, вступивших в силу с 1 января 2015 года – об обязательной видеосъемке таких следственных действий и строгим регламентировании времени допроса несовершеннолетних свидетелей и потерпевших, согласно их возраста. При этом «действие менее строгих правил дачи показаний несовершеннолетними, например отсутствие ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний, а также иные меры и процедуры, дружественные к ребенку, не умаляют важность и значение показаний ребенка»[6; с.8]. Кроме того, записанные на аудиовизуальные средства показания такого ребенка делают необязательным его присутствие в суде, что также позволит лишнего раз не травмировать его. Совсем другие мысли вызывает понятие дружественного правосудия по отношению к несовершеннолетнему правонарушителю. Мы считаем, что, несмотря на то, что права и законные интересы такого несовершеннолетнего должны быть незыблемыми и соблюдаться во всех случаях, роль уголовного процесса как процедуры привлечения такого подростка к уголовной ответственности не должна умиляться. Указанные в Национальной стратегии принципы дружественного ребенку правосудия, прежде всего, аккумулируют в большей степени зарубежный опыт, который в России, как показывает практика, обычно оказывается малоэффективным. Также вызывает сомнения необходимость включения в уголовное судопроизводство общественного контроля и служб примирения. Мы считаем, что, если речь идет об уголовном правосудии, то контроль за его грамотным осуществлением должно осуществлять только государство в лице уполномоченных органов – органов прокуратуры. Принципы гласности и допуска общественных организаций в уголовный процесс, когда это касается несовершеннолетнего, должны быть ограничены, ограничены, прежде всего, интересами несовершеннолетнего. Кроме того, приоритет восстановительного подхода далеко не всегда очевиден в рам-

ках уголовного процесса, особенно, если это касается тяжких и особо тяжких преступлений подростков.

Основные международные нормы, регламентирующие общие правила уголовного правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила, ЭР-Риядские принципы и др.) требуют специализации судебных и следственных органов по делам несовершеннолетних, чего в четком закреплении не предусмотрено УПК РФ, за что он регулярно подвергается критике Комитета по правам ребенка ООН. Действующие в настоящее время в России нормы главы 50 УПК РФ, устанавливающие правила уголовного правосудия в отношении несовершеннолетних с одной стороны подвергаются критике сторонников введения ювенальной юстиции, но с другой, позволяют поэтапно вводить ее механизмы, поэтому вполне могут являться основой для закрепления ювенальных технологий. Мы не согласны с презумпцией «ущербности российских норм» по сравнению с нормами зарубежных стран, где система ювенальной юстиции уже сформирована и действует, и не являемся сторонниками слепого копирования этих положений. Россия сама должна выработать и закрепить особые механизмы ювенального судопроизводства, соответствующие собственному историческому опыту, современной правовой и криминальной ситуации, российскому менталитету, российскому правовому полю. В настоящее время в судах разных регионов России вводятся некоторые элементы ювенальных технологий – это и специализированные составы судов по делам несовершеннолетних, и институт судебных психологов и педагогов, и большая воспитательная направленность самого процесса. Однако с правовой точки зрения, единого подхода до сих пор не выработано, не закреплена процессуальный статус психологов и педагогов, что негативно сказывается на учете судом личности несовершеннолетнего правонарушителя.

Система ювенальной юстиции с ее специализированными органами и системами позволяет более широко привлекать в процесс узких специалистов – экспертов, что, в свою очередь, позволит суду более детально разбирать каждое уголовное дело с участием подростка. При этом, мы считаем, что при формировании данной системы необходимо учитывать и дорабатывать нормы главы 50 действующего УПК РФ. Это касается процессуального статуса всех групп субъектов уголовного правосудия с участием несовершеннолетних. Нужно учитывать и то, что ювенальная юстиция подразумевает и вопросы защиты прав не только несовершеннолетних правонарушителей, но и несовершеннолетних потерпевших, свидетелей. Поэтому четкая проработка статуса, как правового, так и процессуального, этих лиц, как и педагогов, психологов, социальных работников просто необходима, причем, это должны быть самостоятельные процессуальные фигуры, независимые от судьи. Следовательно, законодательная база должна быть максимально продуманной, с минимальным количеством оценочных понятий. Да и сам уголовный процесс в отношении несовершеннолетних правонарушителей, несмотря на включение в него некото-

рых элементов социальной защиты, новых субъектов не должен утратить своего характера и превратиться в профилактическую воспитательную беседу. Действующий УПК РФ содержит целый ряд особенностей уголовного преследования несовершеннолетних. Это и особенности проведения некоторых процессуальных действий, и допуск в процесс законных представителей, и особый предмет доказывания, и особые вопросы, рассматриваемые судом при постановлении приговора и др. В целом эти нормы не только не нарушают основных принципов международных стандартов, относящихся к правосудию по делам несовершеннолетних, но и полностью им соответствуют. Поэтому мы считаем, что при введении механизмов ювенальной юстиции и дружественного ребенку правосудия нельзя полностью отказываться от них и вводить в уголовно-процессуальное законодательство перекося в воспитательную сторону, ведь основная функция судопроизводства – это рассмотрение уголовного дела по существу.

Список литературы:

1. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2013 г. М., 2014.
2. Осужденные и содержащиеся под стражей в России по материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, 12-18 ноября 2009 г. / Под ред. В.И. Селиверстова. М., 2012.
3. Зыков О. Ювенальные технологии. Актуальное интервью. «Судьбой ребенка надо заниматься профессионально» [Электронный ресурс] // Режим доступа. www.juvenjust.org. Вопросы ювенальной юстиции. № 2 (28). 2010.
4. Хананашвили Н.Л. Преимущества и эффективность системы ювенальной юстиции [Электронный ресурс] //Режим доступа. www.juvenjust.org. Вопросы ювенальной юстиции. № 5 (31). 2010.
5. О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы. Указ Президента РФ от 1.06.2012. №761. [Электронный ресурс] // Режим доступа. www.garant.ru. 2015 г. Официальный сайт СПС Гарант.
6. Методические рекомендации по организации и ведению допроса несовершеннолетних в специализированном помещении на этапе следствия. СПб., 2014.

O.S. Antyufeeva, Candidate of Law, Associated Professor, Head of the Criminal Law Courses Department, Russian New University (Voskresensk Subsidiary) (e-mail: helga_o2002@mail.ru)

ON THE FORMATION CHILD-FRIENDLY JUSTICE AND JUVENILE JUSTICE IN RUSSIA

Abstract: on the basis of analysis of the current Russian legislation and statistics are considered some of the issues of formation of child-friendly justice and juvenile justice.

Key words: criminal justice, child-friendly justice, juvenile justice, juvenile, criminal law, criminal procedure, punishment.

УДК 343.1

Ю.В. Астафьев, канд. юрид. наук, доцент, зав. кафедрой уголовного процесса Воронежского государственного университета (e-mail: woltgam@mail.ru)

НОРМАТИВНЫЕ ПРОБЕЛЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Статья посвящена актуальным вопросам обеспечения прав и законных интересов участников стадии возбуждения уголовного дела. Рассматриваются вопросы определения правового статуса участников уголовного процесса, укрепления системы уголовно-процессуальных гарантий. Вносятся предложения по изменению действующего законодательства.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, следователь, подозреваемый, пострадавший, очевидец, свидетель, прокурор.

Специфической чертой российского уголовного процесса, существенно отличающей его от зарубежных аналогов, является наличие чётко регламентированных, детальных и развёрнутых досудебных процедур. С момента появления повода к возбуждению уголовного дела законодатель предусматривает комплекс процессуальных гарантий прав и законных интересов участников уголовного процесса, определяет перспективу развития этих гарантий на последующих стадиях производства по делу. Именно такой подход характеризует нравственное содержание процессуальной деятельности с момента её появления до момента завершения.

Предложения о ликвидации процессуальных форм производства на досудебном этапе, в частности, идеи о ликвидации стадии возбуждения уголовного дела, не могут восприниматься иначе как стремление разрушить нравственное содержание российского уголовного процесса, выражающееся в создании уже с начала производства по делу условий принятия справедливого итогового решения. Гарантией обоснованного и справедливого приговора должны стать добытые законным путём и процессуально оформленные надлежащим образом доказательства. Не результаты полицейского дознания, а только доказательства в их процессуальном смысле являются предпосылкой законного судебного решения. Формирование же самих доказательств начинается с момента поступления и фиксации повода к возбуждению уголовного дела. Переоценить здесь роль стадии возбуждения уголовного дела невозможно. Тем не менее, стадия возбуждения уголовного дела длительное время находилась на периферии уголовного процесса, её потенциал был ограничен, несмотря на очевидную потребность получения и проверки поступающей информации процессуальным путём. А.В.Победкин, анализируя причины правового нигилизма, в этой связи справедливо отмечает, что следователи и дознаватели, просто вы-

нуждены были идти на нарушение процессуального закона в силу необходимости хотя бы как-то получить и зафиксировать информацию на стадии возбуждения уголовного дела [1]. И.Л.Петрухин употребил меткое определение к такого рода сведениям «эрзац-доказательства» [2].

Проблему признал, в конечном итоге и законодатель, проведя существенную реформу стадии возбуждения уголовного дела, в частности, расширив процессуальные полномочия следователя и закрепив комплекс прав лиц, вовлечённых в эту стадию уголовного процесса. При этом особенно острым становится вопрос о надлежащем обеспечении равенства прав участников уголовного процесса, гарантиях реализации их новых прав, условиях взаимодействия с органами расследования.

Следователи и иные лица, уполномоченные решать вопрос о возбуждении уголовного дела, в настоящее время наделены целым комплексом прав: получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий (ст.144 УПК РФ). Каждое из этих положений требует своего отдельного осмысления и анализа. Однако важнейшим аспектом, требующим осмысления, является вопрос о правоотношениях, возникающих в условиях изменившегося законодательства.

Вопросы возникают на разных уровнях. Первый из них – характер отношений между следователем и органами, проводящими ОРД, особенно в случаях, когда проведение ОРД по поручению следователя требует длительного срока, до 30 суток. С процессуальных позиций после поступления повода к возбуждению уголовного дела руководящая роль следователя бесспорна. Однако обойтись без серьезной оперативной поддержки на данном этапе он, в большинстве случаев, не может. Нельзя забывать и тот факт, что следователь не вправе давать оперативным сотрудникам указание о способах и средствах их деятельности. Цель поручения следователя – сбор информации, а процесс её непосредственного получения – прерогатива оперативников. С позиций нравственности неверным было бы превращать следователя в диктатора, а оперативных сотрудников – в обслуживающий персонал. У каждого из них своя, специфическая правовая сфера деятельности. Здесь уместны и необходимы отношения партнёрства, взаимопомощи, согласованности действий. В то же время именно на следователя ложится ответственность (как моральная, так и процессуальная) за результаты деятельности по установлению наличия или отсутствия оснований возбуждения уголовного дела, проверки достоверности поводов к

началу производства, получению первичного доказательственного материала.

Полагаем, что в ситуации привлечения оперативно-розыскных возможностей на стадии уголовного дела следователь фактически осуществляет общее руководство оперативно-розыскной деятельностью. Он не только определяет её направление и задачи, но и анализирует специфику производства, потенциал и перспективу для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Сказанное, однако, не тождественно тотальному контролю следователя за оперативно-розыскной деятельностью. Это было бы не только противозаконно, но и противоречило нормам профессиональной этики. Обоснованным было бы закрепление в УПК РФ требования об обязательном создании следственно-оперативных групп в случае необходимости продления срока решения вопроса о возбуждении дела до 30 суток, если это обусловлено длительностью оперативно-розыскных мероприятий. Полномочия следователя и оперативников были бы строго распределены. Помимо оперативной деятельности, последние могли бы производить комплекс действий, указанных в ст.144 УПК РФ в качестве полномочий следователя, но не имеющих правовой, уголовно-процессуальной основы. Это относится, например, к получению объяснений, производству проверок и организации иных процессуальных действий.

В дореволюционном законодательстве вопрос о взаимодействии следователя и сотрудников полиции решался весьма взвешено, прежде всего, с нравственных позиций.

Так, ст.249 Устава уголовного судопроизводства прямо закрепляла положение, в соответствии с которым предварительное следствие производилось судебными следователями при содействии полиции и при наблюдении прокуроров и их товарищей. В свою очередь полиция в срок не позднее суток обязана была сообщать следователю о преступлении (ст.250 УУС). Без уведомления следователя полиция была вправе проводить розыскные мероприятия при отсутствии должных поводов к началу уголовного преследования (ст.252 УУС). Результаты такого рода полицейского дознания передавались следователю, а в дальнейшем их работа с полицией осуществлялась совместно (ст.254 УУС). Ответственность же за обоснованность уголовного преследования целиком возлагалась на следователя: «Предварительное следствие не может быть начато судебным следователем без законного к тому повода и достаточного основания» (ст.262 УУС).

Такого рода отношение к вопросам взаимодействия различных структур как нельзя лучше отражает уважительное и корректное отношение законодателя к роли и значению каждой из них в правоприменении.

К числу уголовно-процессуальных новаций относится и наделение широким комплексом прав лиц, участвующих на стадии возбуждения уголовного дела. При этом права эти носят процессуальный характер. Лицам,

участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, необходимо разъяснять их права и обязанности, а также обеспечивать возможности их осуществления. Законодатель отмечает наличие у них специфических интересов при участии в процессуальных действиях, закрепляет их право не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, пользоваться услугами адвоката, а также приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа (п.1.1 ч.1 ст.144 УПК РФ).

Закономерен вопрос о процессуальном статусе этих лиц, особенно в аспекте того обстоятельства, что они являются участниками целого ряда следственных действий, которые подлежат протоколированию. Фактически в уголовном процессе появляются лица без определённого процессуального статуса, но, тем не менее, наделённые элементами такового, в частности, процессуальными правами. Полагаем, что глубоко порочным, прежде всего с нравственных позиций, является введение в уголовный процесс участника, не имеющего даже чёткого наименования. В этом кроется некая половинчатость гарантий интересов и прав данных лиц. Размытость их правового положения препятствует должной защите их интересов, делает их заложником субъективного отношения следователя. О таких «мелочах» законодатель не задумывается. Зато обеспечивает охрану интересов этих лиц, в том числе путём использования псевдонима. Сложно дать ответ на вопрос кого же освидетельствует следователь, у кого он берет объяснения, образцы для сравнительного исследования, в отношении кого назначает и организует экспертизу и т.д.

Очевидно, что настало время внести изменения в раздел «Участники уголовного процесса».

Основания для признания лица подозреваемым должны быть дополнены следующим положением: *«Подозреваемым признаётся лицо, в отношении которого имеется заявление или иное сообщение о совершении им преступления, в случаях, если это сообщение поступило к следователю, руководителю следственного органа, дознавателю, начальнику органа дознания и зарегистрировано в качестве повода к возбуждению уголовного дела»*. Такое лицо должно в обязательном порядке уведомляться о поступившем в отношении его деяния заявлении и иметь не только обязанность, но и право давать объяснения, ходатайствовать о производстве следственных действий из числа предусмотренных на стадии возбуждения уголовного дела, обращаться с жалобами на действия следователя или оперативного сотрудника, привлечённого к участию в проверке поводов возбуждения уголовного дела. Следует поддержать высказанное в юридической литературе мнение о необходимости по всем делам без исключения (а не только при производстве дознания) установить обязательное письменное уведомление лица о подозрении, если в отношении него подано заявление о возбуждении уголовного дела [3]. Правовую помощь этому

лицу смог бы оказывать не просто адвокат (как предусматривает действующее законодательство), а защитник, обладающий комплексом прав, в том числе, предусмотренных ст.86 УПК РФ. Глубокое нравственное содержание принципа обеспечения права на защиту будет реализовано в полном объёме, тогда как в нынешней ситуации говорить о равенстве возможностей обвинения и защиты не представляется возможным.

Лицо, направившее в установленном порядке заявление о совершении в отношении его преступления, должно именоваться *пострадавшим*. Аналогичный статус должен быть присвоен и лицу, в интересах которого проверяется заявление о совершении преступления, если такая проверка инициирована правоохранительными органами.

Вопрос о процессуальной фигуре пострадавшего и её отличиях от потерпевшего уже неоднократно поднимался в юридической литературе. Однако речь шла о замене термина «потерпевший» термином «пострадавший» как более ёмким и отражающим реальную правовую ситуацию.

Такой подход представляется не вполне обоснованным. Процессуальная фигура потерпевшего в уголовном процессе возникает не сразу, а после установления следователем обстоятельств, свидетельствующих о различных формах вреда, причинённого противоправным деянием. Сбор и проверка таких сведений – процедура длительная, требующая комплекса взаимосвязанных следственных действий. На стадии возбуждения уголовного дела, когда не решён ещё вопрос о необходимости и возможности начать само уголовное преследование, признание лица потерпевшим было бы преждевременным. Спектр следственных действий также, в силу своей ограниченности, не позволяет произвести полноценную процедуру собирания и проверки доказательств. В то же время безнравственным было бы лишать лицо, обратившееся за защитой (или нуждающееся, по мнению правоохранительных органов, в защите) возможности отстаивать свои законные интересы. Законодатель учёл это обстоятельство, однако сделал это весьма своеобразно, назвав этих лиц заявителями и лицами, участвующими в производстве на стадии возбуждения дела.

Между тем, необходимость наделения их чётким правовым статусом диктуется потребностью соблюдения исключительно нравственного по сути своей требования ст.6 УПК РФ, предусматривающей первостепенной целью уголовного процесса защиту интересов *пострадавших* от преступления лиц.

Определение статуса пострадавшего имеет под собой и правовые основания. К их числу относятся заявление о совершении в отношении них или их близких преступления (особенно в случае смерти близкого), результаты проведённой до возбуждения уголовного дела экспертизы, освидетельствования, осмотра, объяснения, данные ими следователю.

Идеи о необходимости наделения заявителя конкретным статусом уже на ранних этапах расследования высказывались в юридической литературе. Так, А.М. Ларин полагал необходимым в случае возбуждения дела в

отношении конкретного лица в том же постановлении решать вопрос о признании заявителя потерпевшим [4], П.Р.Марфицин разработал целую систему прав, которыми должно быть наделено лицо, обратившееся с заявлением о возбуждении уголовного дела [5], И.В.Жеребятьев полагает необходимым наделять заявителя статусом пострадавшего сразу же после начала уголовно-процессуальных процедур, сохраняя такой его статус вплоть до постановления приговора (после чего именовать его потерпевшим) [6].

Данный подход – лишнее свидетельство практической значимости расширения полномочий лиц, обратившихся с заявлением о возбуждении дела. Их неотъемлемым правом должна стать полная информированность о результатах проверки поданного заявления, право представлять новые сведения в процессе проверки их заявления, право заявлять отводы и обращаться с жалобами. Адвокат-представитель этих лиц должен обладать всей полнотой возможностей реализации своих полномочий в объёме представителя потерпевшего по делу. Такой подход полностью соответствует и международным стандартам, базой которых стали общечеловеческие моральные ценности. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью закрепляет требования справедливого обращения с жертвами преступлений, обязанность обеспечивать жертвам преступлений доступ к механизму правовой защиты, право жертв преступлений требовать предоставления необходимой информации [7]. Залог осуществления этих требований – чёткий процессуальный статус пострадавшего в уголовном процессе.

В этой связи абсолютно прав И.В.Жеребятьев, утверждающий: «простым арифметическим увеличением процессуальных прав заявителя-пострадавшего в стадии возбуждения уголовного дела реальной защиты прав, свобод и законных интересов личности добиться вряд ли возможно. Виной всему - существующий процессуальный порядок принятия решения о возбуждении уголовного дела. Нам действительно нужны гуманные, справедливые процедуры, но лишь постольку, поскольку они имеют смысл не сами по себе, а как одно из существенных условий реализации социального назначения уголовного процесса» [6, с. 90].

Причина упорного нежелания законодателя ввести фигуру пострадавшего уже на ранних этапах уголовного процесса, равно как и отсутствие в законе жёсткого требования о своевременности признания лица потерпевшем, кроётся и в глубинном, нравственно порочном отношении к лицам пострадавшим от преступления как потенциальной помехе расследованию. Об этом Л.Д.Кокорев писал ещё в 1969 году, обращая внимание на умышленное затягивание следствием присвоения потерпевшему его статуса [8].

Складывается парадоксальная ситуация при которой уголовный процесс, обязанный стать реакцией на совершение преступления фактически относится к его жертве как второстепенной фигуре!

Отдельного внимания заслуживают лица обладающие информацией, значимой для проверки сведений о признаках преступления. Их процессуальное положение ещё более туманно, чем положение заявителей. Они выступают участниками правоотношений со следователями в процессе дачи объяснений и по этой причине могут быть отнесены к лицам «участвующим в производстве процессуальных действий» (по смыслу ст.144 УПК РФ) с правом пользоваться иммунитетом, псевдонимом и иными средствами обеспечения безопасности, обращаться к адвокату и т.д. Однако неясным остаётся то, в качестве кого они могут обратиться с соответствующими ходатайствами? Если заявитель имеет хотя бы процессуально зарегистрированный документ от своём обращении, а лицо в отношении которого ведётся проверка уведомляется о её причинах, то с осведомлёнными лицами отношения складываются односторонне-властно со стороны следователя. Эти лица несут реально одну обязанность – давать объяснения. Законодатель не уточняет даже то, каким образом им разъясняются права. Не ясно, например, в какой форме должен следователь в объяснении, полученном от этих лиц, фиксировать разъяснение права пользования свидетельским иммунитетом и обращения по вопросам обеспечения личной безопасности. В последнем случае отсылочной нормы к ст.166 УПК РФ явно недостаточно.

Полагаем, что указанные лица могли бы именоваться *очевидцами*, поскольку, в отличие от свидетелей, не подвергаются допросу, а лишь дают объяснения на данном этапе процесса, пользуясь, однако, процессуальными правами, во многом аналогичными правам свидетеля. В то же время свидетелями в полном смысле слова она не являются, поскольку существование последних возможно по уже возбуждённому делу. Это вполне логично с процессуальных позиций в силу того, что допрос свидетеля предполагает наличие определённой конкретики в отношении вменяемого деяния, что достигается после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела.

Необходимость определения чётких границ процессуального статуса непрофессиональных участников стадии возбуждения уголовного дела активно отстаивается Н.И.Газетдиновым, обращающим внимание на нравственно-правовое обоснование таких новелл, особенно с позиции принципа охраны прав и свобод человек и гражданина в уголовном процессе [9]. Однако, соглашаясь с позицией Н.И.Газетдинова в отношении подозреваемого в стадии возбуждения уголовного дела, вряд ли можно поддерживать мнение о необходимости замены заявителя потерпевшим, а очевидцев свидетелями [9, с. 200]. Полагаем, что первоначальной информации явно недостаточно для получения ими такого рода статуса.

Применительно к такой форме расследования как предварительное следствие неопределённым оказался и правовой статус прокурора в стадии возбуждения уголовного дела. Если в отношении дознания он активный участник решения всех вопросов, касающихся проверки поводов и уста-

новления оснований возбуждения уголовного дела, ответственный за итоговое решение, то на следствии дело обстоит принципиально иначе. Роль прокурора сводится к надзорным проверкам законности регистрации сообщений о преступлениях, рассмотрении жалоб на действия или бездействия следователя, а также жалоб на отказ в возбуждении уголовного дела. Двойственное отношение законодателя к вопросам прокурорской деятельности на стадии расследования, отражая кажущуюся дифференциацию уголовного процесса, с позиции нравственно-этических абсолютно недопустимо. Единство процесса в его нравственном содержании предполагает единство и в формах процессуальной деятельности по принципиальным, знаковым аспектам производства по делу. Л.Д.Кокорев в своей работе «Этика уголовного процесса» отмечал: «Большинство процессуальных норм, определяющих задачи, сущность, принципы уголовного процесса и отношения его участников, отражает нравственные начала, соответствующие принципам морали» [10]. Как не может быть двойственного отношения к защите прав и свобод граждан, так не может быть различий процессуальных способах их охраны и обеспечения. В этой связи, обоснованным и нравственно оправданным стало бы возвращение прокурору его прежних полномочий по активному контролю за законностью действий и решений следователя на стадии возбуждения уголовного дела, с обязательным санкционированием постановления о возбуждении дела или об отказе в возбуждении дела.

Правовое и нравственное содержание уголовно-процессуальной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела неотделимы. Само возбуждение дела представляет собой реализацию публично-правовой функции государства по охране интересов общества в целом отдельных граждан, в частности. Именно в этой связи особую актуальность приобретают вопросы обеспечения четкой нормативной регламентации прав и обязанностей участников данной стадии, развитие системы гарантий их законных интересов. Такой подход – гарантия эффективности предстоящего производства по уголовному делу, достижения его целей, принятия обоснованного и справедливого решения по уголовному делу.

Список литературы:

1. Победкин А.В. Уголовный процесс: состояние вне права. М., 2013. С. 89.
2. Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса России. М., 2005. С. 27.
3. Гуджабидзе Г.А. Обеспечение прав и законных интересов личности в досудебном производстве по уголовным делам (сравнительно-правовое исследование по законодательству Российской Федерации и иных государств – членов СНГ): Автореф. дисс... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 11.
4. Ларин А.М. Расследование по уголовному делу. М., 1986. С. 28.
5. Марфицин П.Р. Обеспечение прав и законных интересов личности в стадии возбуждения уголовного дела. М., 1993. С. 4.
6. Жеребятьев И.В. Личность потерпевшего в современном уголовном судопроизводстве России. Оренбург, 2004. С. 83.

7. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью // СПС «Консультант-Плюс»
8. Кокорев Л.Д., Побегайло Г.Д. Адвокат-представитель потерпевшего в советском уголовном процессе. Воронеж, 1969. С. 13.
9. Газетдинов Н.И. Реализация принципов уголовного судопроизводства. М., 2007. С. 197-200.
10. Кокорев Л.Д., Котов Д.П. Этика уголовного процесса. Воронеж, 1993. С. 51.

Yu.V. Astafjev, Candidate of Law, Associated Professor, Head of the Criminal Procedure Department of Voronezh State University (e-mail: woltgam@mail.ru)

PROCEDURAL AND MORAL ASPECTS OF INSURANCE THE RIGHTS AND LEGAL INTERESTS OF INDIVIDUALS ON INITIATION OF CRIMINAL CASE

Abstract. The article is dedicated to the actual topics of insurance the rights and legal interests of individuals on initiation of criminal case. The authors consider the problems of defining of legal status of criminal proceedings participants and strengthening the system of criminal procedural guarantees. In conclusion some legislative novels are proposed.

Key words: initiation of criminal case, investigator, suspected, aggrieved person, witness, prosecutor.

УДК 343.13:343.265.22

Т.П. Афонченко, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры правоведения Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации, г. Гомель (Республика Беларусь) (e-mail: atp76@mail.ru)

И.Н. Цыкунова, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Гомельского государственного университета им. Франциска Скорины (Республика Беларусь) (e-mail: Irinatsykunova@tut.by)

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕВЕНТИВНОГО НАДЗОРА

В статье осуществляется обзор основных этапов установления в отношении лица, освобожденного из мест лишения свободы, одной из мер постпенального контроля, предусмотренной законодательством Республики Беларусь, – превентивного надзора. Выявлены некоторые правовые пробелы и сформулированы предложения по их устранению в целях совершенствования действующей нормативной правовой базы.

Ключевые слова: суд, превентивный надзор, процессуальный порядок, исправительное учреждение, осужденный.

Анализ норм Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь 1999 г. (далее по тексту – УПК) [1] и Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь 2000 г. (далее по тексту – УИК) [2] позволил выделить следующие основные процессуальные этапы процедуры установления превентивного надзора:

1. Подготовка материалов для решения вопроса об установлении надзора в исправительном учреждении. Согласно статье 198 УИК, пред-

ставление в суд об установлении превентивного надзора направляет администрация исправительного учреждения за месяц до предстоящего освобождения осужденного из мест лишения свободы. Соответствующее представление оформляется в отношении следующих категорий осужденных:

1) в отношении лица, допустившего особо опасный рецидив преступлений (пункт 1 части 3 статьи 80 Уголовного кодекса Республики Беларусь 1999 г., далее по тексту – УК) [3];

2) в отношении лица, достигшего 18-летнего возраста, судимого за преступления, совершенные в составе организованной группы либо преступной организации (пункт 2 части 3 статьи 80 УК);

3) в отношении лица, достигшего 18-летнего возраста, судимого за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления либо судимого два или более раза к наказанию в виде лишения свободы за любые умышленные преступления, если в соответствии с законодательными актами Республики Беларусь на момент освобождения из исправительного учреждения оно признано злостно нарушающим установленный порядок отбывания наказания (пункт 1 части 4 статьи 80 УК).

Таким образом, если в первых двух перечисленных случаях надзор устанавливается безальтернативно в силу указаний закона, то в последнем случае от администрации мест лишения свободы во многом зависит, будет ли помещен под превентивный надзор осужденный за тяжкое или особо тяжкое преступление либо судимый более двух раз за умышленное преступление, если он в период отбывания наказания был признан злостно нарушающими установленный порядок отбывания наказания. От выявления таких лиц во многом зависит успех последующей работы по предупреждению преступлений со стороны освобожденных из исправительных учреждений.

2. Подготовка материалов для решения вопроса об установлении надзора в органах внутренних дел. Часть 1 статьи 198 УИК устанавливает, что представление в суд в отношении лица, достигшего 18-летнего возраста, судимого за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления либо судимого два или более раза к наказанию в виде лишения свободы за любые умышленные преступления, если после отбытия наказания в виде лишения свободы оно более двух раз в течение года привлекалось к административной ответственности за совершение административных правонарушений, за которые законом предусмотрено административное взыскание в виде административного ареста, направляет орган внутренних дел по месту жительства осужденного. Кроме того, Законом Республики Беларусь от 4 января 2003 г. статья 14 УИК была дополнена частью 8², которая установила: «Профилактическое наблюдение и превентивный надзор осуществляют территориальные органы внутренних дел по месту жительства лиц, за которыми осуществляется профилактическое наблюдение или установлен превентивный надзор». Изучение нормативных актов Министерства внутренних дел Республики Беларусь и практики правоприме-

нительной деятельности в данной сфере показало, что указанная деятельность в полном объеме находится в настоящее время в компетенции уголовно-исполнительной инспекции органа внутренних дел (далее по тексту – ОВД) по месту жительства освобожденного из мест лишения свободы. Уполномоченные сотрудники указанной службы ОВД принимают активное участие, как в установлении, так и в осуществлении превентивного надзора за осужденными.

3. Разрешение вопросов, связанных с превентивным надзором, в суде.

Превентивный надзор как мера, существенно ограничивающая лицо в гарантируемых Конституцией Республики Беларусь правах и свободах, устанавливается по решению суда. Представление об установлении в отношении лица превентивного надзора администрации исправительного учреждения либо уголовно-исполнительной инспекции ОВД носит предварительный характер: в нем ставится вопрос об установлении надзора (и это обязывает суд принять его к рассмотрению), но не предопределяет решения по существу. К сожалению, процедура установления превентивного надзора, имеющая определенную специфику и связанная с существенным вторжением в сферу интересов индивида, не нашла должного закрепления на уровне процессуального закона даже с учетом дополнения УПК статьями 402¹ и 402². Представляется целесообразным расширить сферу уголовно-процессуального регулирования порядка и условий установления превентивного надзора за осужденным. Так, в зависимости от оснований, превентивный надзор и связанные с ним ограничения устанавливаются судом по месту отбывания наказания (часть 1 статьи 402¹ УПК) либо судом по месту жительства осужденного (часть 2 статьи 402¹ УПК). Период, в течение которого суд обязан рассмотреть представление об установлении (добавим, – прекращении, продлении, изменении объема правоограничений) в УПК не предусмотрен. Представляется, что данный срок соответствует общему порядку принятия дела к рассмотрению.

Материалы рассматриваются судьей единолично с участием прокурора. Ведется протокол судебного заседания. В судебное заседание вызываются представители органов, ведающих исполнением наказания, либо органов, осуществляющих превентивный надзор за освобожденными из исправительных учреждений, а также лицо, в отношении которого устанавливается, продлевается или прекращается превентивный надзор либо изменяются требования превентивного надзора (статья 402² УПК).

Законодательством не регламентировано обращение к адвокату в рассматриваемой ситуации, хотя право пользоваться услугами адвокатов или иных лиц, имеющих право на оказание юридической помощи, представляется вполне естественным и для лица, в отношении которого решаются вопросы, связанные с превентивным надзором.

В ракурсе рассматриваемого вопроса хотелось бы обратить внимание на другую проблему. В УК и УИК речь идет о двух процессуальных актах – постановлении либо определении суда об установлении (изменении, пре-

крашении) надзора. В то же время, как указывалось выше, все вопросы, касающиеся превентивного надзора, решаются судьей единолично, их разрешение в кассационной инстанции исключается, так как подобное не предусмотрено УПК. Представляется целесообразным законодательно урегулировать проблему: установить, в каких случаях суды выносят постановления по указанным вопросам, и разрешение каких ситуаций оформляется определением суда.

Установление надзора в отношении лица, отбывающего наказание в исправительном учреждении, в том числе допустившего особо опасный рецидив, целесообразно возложить на *пениitenciарного судью*. Основными функциями его являлось бы рассмотрение в выездном судебном заседании материалов, связанных с условно-досрочным освобождением от наказания, превентивным надзором, реализацией положений амнистии, обжалованием мер взыскания, наложенных администрацией ИУ, и т. п.

4. Срок превентивного надзора. Необходимость точного определения момента, с которого лицо считается помещенным под надзор, обуславливается тем, что именно с него, а не ранее, возникает специфическое правоотношение между поднадзорным и органом, осуществляющим надзор, характеризующееся появлением одних и отпадением (изменением) других прав и обязанностей указанных субъектов. Единообразный подход к пониманию *начала срока надзора* определяет не менее важный момент *окончания* соответствующего правоотношения. Кроме того, установление точных рамок превентивного надзора связывается с применением мер ответственности за его нарушение, вплоть до привлечения к уголовной ответственности.

Лица, допустившие особо опасный рецидив, находятся под надзором в течение всего времени судимости до ее снятия судом. В предусмотренных законом случаях возможно досрочное прекращение надзора в отношении такого лица. В связи с этим ошибочным является установление надзора в отношении указанной категории осужденных с указанием срока, в течение которого необходимо выполнять закрепленные в законе обязанности (1 год, 2 года, 5 лет и т. п.). Правильным в этих случаях является установление надзора без указания срока его осуществления.

В отношении лиц, осужденных за преступления, совершенные в составе организованной группы или преступной организации, а равно при наличии данных о противоправном поведении как условия установления надзора в отношении лиц, судимых за тяжкое либо особо тяжкое преступление, либо судимых к лишению свободы два и более раза за любые умышленные преступления, превентивный надзор устанавливается на срок от 6 месяцев до 2 лет и может быть продлен судом в течение срока судимости. Продолжительность срока надзора в перечисленных случаях ставится в зависимость от содержания комплекса собранных данных об осужденном. На максимальный срок целесообразно установление надзора за лицами, наиболее отрицательно характеризующимися. Наблюдающийся единооб-

разный подход к решению данного вопроса вызывает у осужденных чувство несправедливости.

Исходя из требований действующего закона, возможны две ситуации, при которых превентивный надзор не может быть установлен или возобновлен: погашение судимости или снятие судимости, поскольку превентивный надзор устанавливается в течение срока судимости (пока она не снята и не погашена). В течение всего срока судимости лицо находится под бременем уголовной ответственности. Поэтому не представляет сложности разрешение вопроса о возможности повторного установления превентивного надзора как меры уголовной ответственности в ситуациях, когда после прекращения превентивного надзора поднадзорные вновь начинают вести антиобщественный образ жизни. Данное положение получило подробное доктринальное толкование в работе И.В. Шмарова. Так, имея в виду повторное установление надзора, автор пишет о его возобновлении, справедливо полагая, что подобная возможность полностью соответствует принципам рассматриваемой меры, согласно которым лицо, освобожденное из мест лишения свободы, при наличии соответствующих условий находится под угрозой применения к нему ограничений превентивного надзора [4, с. 125-126]. Иными словами, в случае досрочного прекращения превентивного надзора, последний может быть в случае необходимости установлен вновь в любое время в пределах срока судимости [5, с. 120].

5. Обжалование решений и действий, связанных с превентивным надзором. Как указывалось выше, действующее законодательство не регламентирует должным образом участие и процессуальные полномочия прокурора, а также защитника в установлении, продлении, прекращении надзора. Этим объясняются различные подходы к решению вопросов обжалования выносимых судом решений. Необходимо законодательно установить сроки, порядок обжалования решений, связанных с превентивным надзором, сроки рассмотрения поданных жалоб, а также регламентировать возможность опротестования прокурором вынесенных судом решений.

Статья 204 УИК предоставляет право лицу, в отношении которого установлен превентивный надзор, подавать заявления и жалобы на действия органов внутренних дел, связанные с осуществлением (не установлением) превентивного надзора, которые рассматриваются начальником вышестоящего ОВД, прокурором или судом. Из буквального смысла статьи 204 УИК следует, что поднадзорный может непосредственно обратиться с жалобой в суд. Однако УПК не предусматривает процессуального порядка рассмотрения таких жалоб.

В литературе неоднократно обращалось внимание на то, что «... эффективный надзор со стороны независимых судов признается главной гарантией недопущения злоупотреблений, которую должна обеспечивать любая правовая система» [6, с. 84]. Указанный тезис говорит о необходимости предоставить суду более широкие полномочия в вопросе контроля за со-

блюдением законности осуществления превентивного надзора. Должна быть предоставлена реальная возможность обжалования осужденным решением суда первой инстанции об установлении превентивного надзора. В свою очередь, прокурор должен иметь право на принесение протеста на вышеуказанные действия, за исключением отказа судом удовлетворить представление ОВД либо администрации исправительного учреждения об установлении надзора.

Проведенные исследования в качестве выводов позволяют утверждать, что необходима практическая реализации следующих предложений:

1. В связи с расширением предмета процессуального регулирования в УПК необходимо установить процедуру, сроки и порядок обжалования (опротестования) и рассмотрения жалоб осужденных (протеста прокурора) в связи с установлением (продлением, прекращением, возобновлением) превентивного надзора.

2. Установление надзора в отношении лица, отбывающего наказание в исправительном учреждении, в том числе допустившего особо опасный рецидив, целесообразно возложить на *пенитенциарного судью*. Основными функциями его являлось бы рассмотрение в выездном судебном заседании материалов, связанных с условно-досрочным освобождением от наказания, превентивным надзором, реализацией положений амнистии, обжалованием мер взыскания, наложенных администрацией исправительного учреждения, и т. п.

3. Законодательно установить, в каких случаях суды выносят постановления по вопросам установления (продления, прекращения, возобновления) превентивного надзора, и разрешение каких ситуаций оформляется соответствующим определением суда.

Список литературы:

1. Республика Беларусь. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобрен Советом Респ. Нац. собр. Респ. Беларусь 30 июня 1999 г. : с изм. и доп. по сост. на 05 января 2015 г. // Национальный Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2015. URL: <http://www.pravo.by> (дата обращения: 10.03.2015).

2. Республика Беларусь. Законы. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 14 дек. 1999 г.: одобрен Советом Респ. Нац. собр. Респ. Беларусь 22 дек. 1999 г. : с изм. и доп. по сост. на 05 января 2015 г. // Национальный Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2015. URL: <http://www.pravo.by> (дата обращения: 10.03.2015).

3. Республика Беларусь. Законы. Уголовный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г. : с изм. и доп. по сост. на 29 января 2015 г. // Национальный Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015. URL: <http://www.pravo.by> (дата обращения: 10.03.2015).

4. Шмаров И.В. Предупреждение преступлений среди освобожденных от наказания: Проблемы социальной адаптации. М., 1974. 136 с.

5. Хомич В.М. Формы реализации уголовной ответственности. Минск, 1998. 132 с.
6. Музеник А.К. Условное осуждение и отсрочка исполнения приговора / А.К. Музеник, В.А. Уткин, О.В. Филимонов. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1990. 176 с.

T.P. Afonchenko, Candidate of Law, Associated Professor of Jurisprudence Department of Belorussian Trade and Economy University of Consumer Cooperation, Gomel (Republic of Belarus) (e-mail: atp76@mail.ru)

I.N. Tsykunova, Candidate of Law, Associated Professor of Criminal Law and Procedure Department of Francisk Skorina Gomel State University (Republic of Belarus) (e-mail: Iri-natsykunova@tut.by)

PROCEDURAL ASPECTS OF ASCERTAINMENT OF PREVENTIVE SUPERVISION

Abstract: *The article includes an overview of the main stages in respect of a person released from prison, one of the measures control post penal envisaged within the laws of the Republic of Belarus, – preventive supervision. Identified some legal gaps and proposals to address them in order to improve the current regulatory and legal framework.*

Keywords: *law-court, preventive supervision, procedural order, correctional facility, convicted person.*

УДК 343.132

А.Р. Белкин, д-р. юрид. наук, профессор, Московский государственный университет приборостроения и информатики (e-mail: anatbel@yandex.ru)

ПОЧТА, ТЕЛЕГРАФ, ТЕЛЕФОН И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Статья анализирует проблемы регламентации таких действий, как наложение ареста на корреспонденцию, контроль и запись переговоров и абонентских соединений, и предлагает ряд поправок к ст. 185–186¹ УПК РФ.

Ключевые слова: *наложение ареста на корреспонденцию, контроль и запись переговоров.*

Строго говоря, такие комплексные процессуальные действия гл. 25 УПК РФ, как наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, контроль и запись телефонных переговоров, контроль соединений между абонентами и абонентскими устройствами следственными действиями не являются. Назначение их следователем или дознавателем при этом можно считать следственным действием, сами же операции по аресту, контролю и записи производятся техническими сотрудниками узлов связи и оперативными работниками. Наконец, заключительные этапы указанных комплексных действий – выемка и осмотр (прослушивание) полученных результатов – вновь вполне отвечают требованиям, предъявляемым к следственным действиям.

Отметим, что текущая редакция ст. 165 УПК не допускает производства этих действий в безотлагательном порядке, требуя получения предварительной, а не апостериорной судебной санкции.

Упоминание радиограмм наряду с почтово-телеграфными отправлениями в ч. 1 ст. 185 УПК не может не удивлять, поскольку радиограмму можно лишь перехватить, прослушать, но никак не арестовать – исключить её получение адресатом технически возможно лишь путём глушения; но тогда о дальнейшем отправлении её адресату (предусмотренном ч. 5) говорить не приходится. Логичнее упомянуть радиограммы в ст. 186 (контроль переговоров).

С другой стороны, всё большее распространение электронной почты привлекает внимание к вопросу о наложении ареста на электронные почтовые отправления. Сама по себе формулировка соответствующей нормы не так сложна, но практическая её реализация может столкнуться с непреодолимыми трудностями, поскольку достаточно заметное количество электронных почтовых ящиков обслуживается иностранными узлами интернет-связи, не подпадающими под нашу юрисдикцию. Тем не менее, мы полагаем целесообразным всё же отразить подобную норму в тексте ст. 185, сознавая при этом её ограниченность.

Часть 1 ст. 185 УПК никак не уточняет субъектов, на почтово-телеграфные отправления которых может быть наложен арест. По мнению К.Б. Калиновского, "арест может быть наложен только на отправления конкретного лица – подозреваемого или обвиняемого <...> запрещается наложение ареста на корреспонденцию потерпевшего, свидетеля или иного лица" [1, с. 542]; В.П. Божьев считает возможным добавить к подозреваемому и обвиняемому "и связанных с ним лиц", хотя непосредственно перед этим оговаривает, что в УПК "нет перечня лиц, на корреспонденцию которых может быть наложен арест" [2, с. 586–587].

Такая точка зрения опирается на расширительное толкование ст. 23 Конституции РФ, часть 2 которой гласит: *Каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения.* Ю.Г. Торбин, подчеркнув, что в ст. 186 УПК не указаны лица, в отношении которых может применяться данная мера, делает отсюда неожиданный и странный вывод, что "арест может налагаться только на почтово-телеграфные отправления подозреваемых, обвиняемых или связанных с ним лиц" [3, с. 329].

На самом деле, разумеется, ничего подобного из ст. 23 Конституции РФ не следует – следует лишь то, что арестовать можно корреспонденцию любого адресата, но лишь по судебному решению. В свете этого, оснований для столь серьёзного ограничения сферы действия ст. 186 УПК нет, да и понятие "связанных с ними лиц" не может быть определено строго. При наличии к тому оснований арест может быть наложен на корреспонденцию, адресованную любому физическому или юридическому лицу, имеющую значение для дела [4, с. 264].

Отметим, что идея наложения ареста на корреспонденцию юридического лица противоречит текущей редакции п. 1 части 3 ст. 185 УПК, явно

требующего указать в ходатайстве *фамилию, имя, отчество и адрес лица, почтово-телеграфные отправления которого должны задерживаться.*

Интересен и вопрос о том, может ли быть наложен арест не только на входящую, но и на исходящую почтово-телеграфную корреспонденцию. В литературе можно встретить утверждения, что она тоже может быть подвергнута аресту, причём наложение ареста допустимо вне зависимости от статуса отправителя: им может быть и физическое и юридическое лицо [1, с. 542; 5, с. 454]; арест может быть наложен и на служебную переписку с участием обвиняемого, подозреваемого [6, с. 264]. Однако С.Ф. Шумилин обоснованно указывает, что неизвестно, в каком учреждении связи будет отправлено письмо, посылка, телеграмма и т.д., а кроме того, соответствующая корреспонденция не обязательно содержит настоящие данные отправителя, что резко затрудняет её обнаружение среди прочих отправлений [7, с. 274–275]. Добавим к этому, что даже в случае, когда учреждение связи удаётся установить (например, оперативным путём, в ходе слежки и т.п.), наложение ареста, как уже отмечалось, в безотлагательном порядке УПК не разрешает, а к моменту получения судебной санкции корреспонденция уже будет отправлена. Таким образом, технически арест исходящей корреспонденции может оказаться трудно осуществимым.

До недавнего времени осмотр задержанных почтово-телеграфных отправлений, их выемка и снятие копий с должны были производиться с участием понятых, причём часть 5 ст. 185 уточняла, что понятые должны были быть работниками данного учреждения связи. Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ отменил этот порядок, исключив эти действия из числа производимых с обязательным участием понятых, что выглядит абсолютно нелогичным. Нам представляется разумным восстановить требование обязательного участия именно сведущих понятых – сотрудников узла связи.

С учётом сказанного, предложим ряд поправок к ст. 185 УПК РФ:

Статья 185. Арест, осмотр и выемка почтово-телеграфных отправлений

1. При наличии достаточных оснований полагать, что предметы, документы или сведения, имеющие значение для уголовного дела, могут содержаться соответственно в бандеролях, посылках или других почтово-телеграфных отправлениях, телеграммах или сообщениях электронной почты, на них может быть наложен арест.

<...>

3. В ходатайстве следователя (дознателя) о наложении ареста на почтово-телеграфные отправления и производстве их осмотра и выемки указываются:

1) данные лица, почтово-телеграфные отправления которого должны задерживаться: для физического лица – фамилия, имя, отчество и адрес, для юридического лица – наименование, почтовый и (или) юридический адрес;

<...>

5. Осмотр, выемка и снятие копий с задержанных почтово-телеграфных отправок производятся следователем (дознавателем) в соответствующем учреждении связи с участием понятых из числа работников данного учреждения. В необходимых случаях для участия в осмотре и выемке почтово-телеграфных отправок следователь (дознаватель) вправе вызвать специалиста, а также переводчика. В каждом случае осмотра почтово-телеграфных отправок составляется протокол, в котором указывается, кем и какие почтово-телеграфные отправления были подвергнуты осмотру, скопированы, отправлены адресату или задержаны.

6. Арест на почтово-телеграфные отправления отменяется следователем (дознавателем) с обязательным уведомлением об этом суда, принявшего решение о наложении ареста, и прокурора, когда отпадает необходимость в этой мере, но не позднее окончания предварительного расследования по данному уголовному делу.

Говоря о контроле и записи переговоров, отметим, что в сферу действия ст. 186 УПК попадают переговоры посредством всех видов телефонной и радиотелефонной связи, в том числе сотовой связи и интернет-телефонии.

Важная ч. 2 ст. 186 неоправданно сужает перечень лиц, которые могут подвергаться соответствующим угрозам. Помимо потерпевших и свидетелей, такие угрозы могут адресоваться понятым, защитникам и представителям, присяжным заседателям и, наконец, даже обвиняемым (в частности, тем из них, кто вздумал заключить досудебное соглашение со следствием). В этой связи конкретизация списка лиц, которым могут поступать угрозы, выглядит излишней.

В ч. 3 той же статьи следует предусмотреть возможность контроля и записи переговоров, ведущихся не только данным лицом, но и по конкретным номерам, им используемым.

Не вполне понятен смысл временного ограничения, установленного ч. 5 той же статьи. Во всяком случае, выглядит разумным разрешить продление этого срока также в порядке ст. 165 УПК – например, на срок не более двух месяцев, но неоднократно¹.

Совершенно непонятно требование ч. 7 ст. 186 УПК о том, чтобы осмотр и прослушивание фонограммы производились с обязательным участием лица, чьи переговоры записаны. Подобное действие фактически приводит к тому, что следователь преждевременно раскрывает имеющуюся у него информацию, которую в интересах следствия, возможно, следовало бы сохранять в тайне от подследственного. В любом случае после окончания расследования обвиняемому будет предъявлен весь имеющийся массив информации; но до того раскрывать не все карты – прерогатива

¹ А.П. Гуляев в своём комментарии к ст. 186 УПК прямо указывает на возможность продления этого срока даже на 6 месяцев, причём неоднократно [5, с. 457]. На наш взгляд, ничего подобного в ст. 186 нет, так что наше скромное предложение вносится *de lege ferenda*.

следователя. Сформулируем несколько поправок к ст. 186 УПК РФ, обусловленных сделанными выше замечаниями:

Статья 186. Контроль и запись переговоров

1. При наличии достаточных оснований полагать, что телефонные, радио- и иные переговоры подозреваемого, обвиняемого и других лиц могут содержать сведения, имеющие значение для уголовного дела, их контроль и запись допускаются при производстве по уголовным делам о преступлениях средней тяжести, тяжких и особо тяжких преступлениях на основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном статьёй 165 настоящего Кодекса.

2. При наличии угрозы совершения насилия, вымогательства и других преступных действий в отношении потерпевшего, свидетеля или другого участника уголовного судопроизводства либо их близких родственников, родственников, близких лиц, контроль и запись их телефонных и иных переговоров допускаются по их письменному заявлению, а при отсутствии такого заявления – на основании судебного решения.

3. В ходатайстве следователя (дознавателя) о производстве контроля и записи телефонных и иных переговоров указываются:

<...>

3) сведения о лице (лицах), чьи телефонные и иные переговоры подлежат контролю и записи; телефонные и иные номера и иные идентификаторы, с использованием которых могут вестись переговоры;

<...>

4. Постановление о производстве контроля и записи переговоров направляется следователем (дознавателем) для исполнения в соответствующий орган.

5. Производство контроля и записи переговоров может быть первоначально установлено на срок до 6 месяцев и прекращается по постановлению следователя (дознавателя), если необходимость в данной мере отпадает, но не позднее окончания предварительного расследования по данному уголовному делу. При необходимости возможно неоднократное продление срока контроля и записи переговоров в порядке части первой настоящей статьи не более двух месяцев каждый раз.

6. Следователь (дознаватель) в течение всего срока производства контроля и записи переговоров вправе в любое время истребовать от органа, их осуществляющего, фонограмму для осмотра и прослушивания, которая передаётся в опечатанном виде с сопроводительным письмом, где указываются даты и время начала и окончания записи переговоров и краткие характеристики использованных технических средств.

7. О результатах осмотра и прослушивания фонограммы следователь (дознаватель) составляет протокол, в котором дословно излагается та часть фонограммы, которая, по мнению следователя, имеет отношение к данному уголовному делу. К осмотру и прослушиванию может быть привлечён специалист, а также лица, чьи телефонные и иные переговоры за-

писаны. Лица, участвующие в осмотре и прослушивании, вправе изложить свои замечания, подлежащие обязательному занесению в протокол.

<...>

Заключительная статья гл. 25 УПК – "Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами" – также рождает ряд вопросов. Главный из них – какой период времени имеется в виду в этой статье: текущий (начиная с момента принятия решения о контроле за такой информацией) или относящийся к прошлому времени?

Выглядит вполне очевидным, что текущий (оперативный) контроль за интересующими следователя соединениями, назовём ли мы его следственным действием, оперативным или как угодно, представляет собой фактически слежку, некое ограничение свободы личности и может требовать судебной санкции на своё производство. С другой стороны, для получения информации о прошлых соединениях и их характеристиках (не содержания!) достаточно произвести выемку или истребовать эту информацию, направив соответствующий запрос в порядке части 4 ст. 21 УПК. Ситуация принципиально ничем не отличается от истребования, например, от авиакомпании сведений, куда летал конкретный гражданин за последний месяц и кто ещё летал тем же рейсом, и судебной санкции не требует. В то же время из формулировки п. 3 ч. 2 ст. 186¹ УПК можно заключить, что речь может идти как о прошлых соединениях, так и о будущих, начиная с текущего момента. Для исправления ситуации мы предлагаем связанные поправки в само название и текст ст. 186¹.

Отметим, что смысл временного ограничения устанавливаемого ч. 4 той же статьи, вновь неясен – представляется, что продление срока должно быть допустимым. Не вполне понятно и то, почему представленные документы, содержащие информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, в тексте ч. 6 ст. 186¹ УПК считаются вещественными доказательствами. Как отмечает Б.Т. Безлепкин, эти "документы признаками вещественного доказательства не обладают и в особом режиме приобщения к уголовному делу и хранения с теоретической точки зрения не нуждаются" [4, с. 268].

Статья 186¹. Получение текущей информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами

1. При наличии достаточных оснований полагать, что информация о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами имеет значение для уголовного дела, получение следователем (дознавателем) указанной информации допускается на основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном статьёй 165 настоящего Кодекса.

2. В ходатайстве следователя (дознавателя) о получении текущей информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, указываются:

<...>

3) период получения текущей информации и (или) срок производства

данного следственного действия;

<...>

3. В случае принятия судом решения о получении текущей информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами его копия направляется следователем (дознавателем) в соответствующую организацию, осуществляющую услуги связи, руководитель которой обязан предоставлять указанную информацию, зафиксированную на любом материальном носителе информации. Указанная информация предоставляется в печатанном виде с сопроводительным письмом, в котором указываются период, за который она предоставлена, и номера абонентов и (или) абонентских устройств.

4. Получение следователем (дознавателем) текущей информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами может быть установлено на срок до шести месяцев. При необходимости возможно неоднократное продление этого срока в порядке части первой настоящей статьи не более двух месяцев каждый раз. Соответствующая организация, осуществляющая услуги связи, в течение всего срока производства данного действия обязана предоставлять следователю (дознавателю) указанную информацию по мере её поступления, но не реже одного раза в неделю.

5. Следователь (дознаватель) осматривает представленные документы, содержащие текущую информацию о соединениях, о чём составляет протокол, в котором должна быть указана та часть информации, которая, по мнению следователя (дознавателя), имеет отношение к уголовному делу (дата, время, продолжительность соединений, номера абонентов и другие данные). К осмотру может быть привлечён специалист, а также иные участники судопроизводства. Лица, участвующие в осмотре, вправе изложить свои замечания, подлежащие обязательному занесению в протокол.

6. Представленные документы, содержащие информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, приобщаются к материалам уголовного дела в полном объёме на основании постановления следователя (дознавателя).

7. Если необходимость в производстве данного следственного действия отпадает, его производство прекращается по постановлению следователя (дознавателя), но не позднее окончания предварительного расследования по уголовному делу.

Список литературы:

1. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к УПК РФ. 5-е изд., перераб. и доп. / Смирнов А.В., ред. М.: Проспект, 2009.
2. Научно-практический комментарий к УПК РФ, изд. 6 / ред. В.М. Лебедев; науч. ред. В.П. Божьев. М.: Юрайт, 2010.
3. Комментарий к УПК РФ / Сухарев А.Я., ред. М.: Норма, 2004.
4. Безлепкин Б.Т. Комментарий к УПК РФ: (постатейный). 13-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015.
5. Комментарий к УПК РФ // ред. В.П. Верин, В.В. Мозяков. М.: Экзамен, 2004.

6. Комментарий к УПК РФ / под ред. И.Л. Петрухина. М., 2002.

7. Шумилин С.Ф. Теоретические основы и прикладные проблемы механизма реализации полномочий следователя в уголовном судопроизводстве: Дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2010.

A.R. Belkin, Doctor of Law, Professor, Moscow State University of Instrument Engineering and Informatics (e-mail: anatbel@yandex.ru)

MAIL, TELEGRAPH, TELEPHONE, AND LEGAL ACTIONS IN CRIMINAL PROCEDURE

Abstract. *The article analyzes some problems of legal regulation for such actions as correspondence blocking, monitoring and recording of conversations and connections, and offers a number of amendments to Art. 185-186¹ of Code.*

Keywords: *correspondence blocking, conversations monitoring and recording.*

УДК 343.1.

А.Н. Бычков, канд. юрид. наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Ижевского государственного технического университета (e-mail: rok25-12@mail.ru)

ДОЗНАНИЕ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ ПО УПК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И УСКОРЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО ПО УПК РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ОСНОВАНИЯ ПРОВЕДЕНИЯ И СРОКИ

В статье производится сравнительный анализ дознания в сокращенной форме по УПК Российской Федерации и ускоренного производства по УПК Республики Беларусь.

Ключевые слова: *дознание в сокращенной форме, ускоренное производство.*

Необходимость оптимизации уголовного судопроизводства, отыскание таких его форм, которые бы позволили качественно и в срок установить обстоятельства произошедшего, выявить виновное лицо, принять меры по обеспечению возмещения причиненного преступлением ущерба заставляет обратиться к законодательству других стран в целях изучения особенностей производства по уголовному делу с применением процедур, установленных законодательством других государств. В этой связи интересным является ускоренное производство по уголовным делам, осуществляемое с учетом главы 47 УПК Республики Беларусь [1, с. 310-315]. Наличие производства дознания в сокращенной форме, установленного гл. 32.1 УПК РФ, полагает возможным сравнение указанных производств и выявление негативных и позитивных моментов, имеющих в них.

Ускоренное производство по УПК РБ согласно ст. 452 осуществляется при наличии признаков преступлений, не представляющих большой общественной опасности, или менее тяжких преступлений, если факт преступления очевиден, известно лицо, подозреваемое в совершении престу-

пления, и оно не отрицает своей причастности к совершению преступления [1, с. 310-311].

Согласно ст. 226.1 УПК РФ дознание в сокращенной форме производится: 1) если уголовное дело возбуждено в отношении конкретного лица по признакам одного или нескольких преступлений, указанных в п. 1 части 3 ст. 150 УПК РФ (подследственность уголовных дел органам дознания); 2) подозреваемый признает свою вину, характер и размер причиненного преступлением вреда, а также не оспаривает правовую оценку деяния; 3) отсутствуют обстоятельства, исключающие производства дознания в сокращенной форме в соответствии со ст. 226.2 УПК РФ.

В УПК РБ производство по уголовным делам проводится только в форме предварительного следствия и в форме упрощенного производства. Дознание как форма предварительного расследования отсутствует. В связи с чем упрощенное производства может проводиться по любому уголовному делу в соответствии с ч. 2 ст. 181, за исключением уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних, об общественно-опасных деяниях невменяемых лиц, а также лиц, заболевших психическим расстройством, исключающим дееспособность, после совершения преступления. Кроме того, в соответствии с ч. 1 ст. 181 УПК РБ предварительное следствие не проводится по делам частного обвинения [1, с. 152].

В отличие от положений ст. 226.2 УПК РФ вопрос о применении упрощенного производства не зависит от мнения потерпевшего, а также от владения подозреваемым языком, на котором ведется производство по уголовному делу, либо от отнесения лица к отдельной категории лиц. Полагаем, что позиция УПК РБ более правильная, поскольку невладение или недостаточное владение подозреваемым языком уголовного судопроизводства обеспечивается участием переводчика и не должно отражаться на сроках и качестве производства по уголовному делу. Обеспечение лица переводчиком является обязанностью органов предварительного следствия или суда, которые не заинтересованы в затягивании производства по указанной категории уголовных дел. Учет позиции потерпевшего в отношении вопроса применения производства дознания в сокращенной форме представляется чрезмерным. Вызывает сомнение, что право возражать против дознания в сокращенной форме - это дополнительная гарантия прав потерпевшего. В указанной ситуации можно сказать, что и форма дознания в целом нарушает права потерпевшего, поскольку в ней имеются изъятия, характерные для предварительного следствия. Форма производства предварительного расследования и условия ее применения определяются законодателем с учетом особенностей конкретных категорий уголовных дел. Законодатель, определяя процессуальный порядок производства в конкретной форме, учитывает как частный, так и публичный интерес, при этом он ни в коем случае не умаляет защиту частного интереса, в связи с этим выяснять мнение частного лица, несведущего в вопросах процесса о применении конкретной формы расследования пред-

ставляется просто нецелесообразным. Позиция законодателя, нашедшее себе отражение в УПК РБ по данному вопросу представляется абсолютно обоснованной.

Интересно решен вопрос процессуальных сроков производства дознания в сокращенной форме по УПК РФ и упрощенного производства по УПК РБ.

Максимальный срок производства дознания в сокращенной форме со дня вынесения постановления о производстве дознания в упрощенной форме составляет не более 15 суток, таким образом, срок производства предварительного расследования в форме дознания и срок упрощенного дознания могут чаще всего не совпадать. Следует учитывать, что законодатель не предполагает возможность дальнейшего продления срока дознания в сокращенной форме. Если в указанный срок – 15 суток от момента возбуждения производства дознания в сокращенной форме его нельзя будет завершить, то производство дознания должно осуществляться в обычной форме на основании постановления дознавателя. В то же время при подписании протоколов ознакомления представителями сторон дознаватель рассматривает ходатайства и решает вопрос об их удовлетворении. Законодатель допускает возможность продления срока дознания в сокращенной форме максимально до 20 суток, если возникает вопрос о необходимости удовлетворения ходатайств [2, с. 168].

Таким образом, дознание в сокращенной форме начинается даже не с момента возбуждения уголовного дела, а с момента вынесения постановления о производстве дознания в сокращенной форме, именно с этого момента начинает отсчет 15 суток. В общей сложности, учитывая, что до возбуждения уголовного дела проверка материалов может осуществляться в срок от одного до 10 дней; постановление о производстве дознания в сокращенной форме может быть вынесено после установления подозреваемого при производстве дознания и получения от него ходатайства, которое является основанием для выяснения согласия потерпевшего на проведения дознания в сокращенной форме, то общий срок производства по делу с применением, так называемой «сокращенной формы» может превысить 30 суток. Возникает вопрос о целесообразности введения такой формы с учетом сложности ее процедуры.

В этой связи представляется правильным установление срока ускоренного производства по УПК РБ, который согласно ст. 453 предполагает 10 суток со дня поступления в орган предварительного следствия заявления или сообщения о преступлении до передачи уголовного дела прокурору или направления в суд. Данный срок может быть продлен не более, чем на пять суток. Указанный срок позволяет в максимально сокращенные сроки осуществить без необоснованной волокиты производство по уголовному делу.

При окончании производства дознания в сокращенной форме прокурору согласно ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ дается трое суток для изучения уго-

ловного дела, поступившего с обвинительным постановлением, и принятия по нему решения. Согласно ч. 1 ст. 455 УПК РБ прокурор в течение 24 часов должен изучить уголовное дело и принять по нему решение. Учитывая категории дел, по которым осуществляется дознание в сокращенной форме, полагаем, что предоставление трех суток излишне, срок, установленный в УПК РБ, представляется обоснованным и оптимальным.

Полагаем, что необходимо изменить основания, порядок возбуждения и сроки производства дознания в сокращенной форме по УПК РФ:

1. Дознание в сокращенной форме должно осуществляться только по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, подследственных органу дознания, возбужденных в отношении конкретного лица, совершившего преступление.

2. Решение о возбуждении уголовного дела и принятие решения о производстве дознания в сокращенной форме должно приниматься не позднее 24 часов с момента поступления заявления или сообщения о преступлении.

3. Максимальный срок производства дознания в сокращенной форме должен составлять не более 15 суток со дня его возбуждения до направления в суд с обвинительным постановлением.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь. Минск, 2013. С. 310-315.
2. Резяпов А.А. Окончание предварительного расследования с обвинительным заключением (актом) и направление уголовного дела в суд: Дис. канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. С. 168.

A.N. Bychkov, Candidate of Law, Associated Professor of the State Law Courses Department of Izhevsk State Technical University (e-mail: rok25-12@mail.ru)

INQUIRY IN ABBREVIATED FORM BY THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND EXPEDITED PROCEEDINGS UNDER THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE REPUBLIC OF BELARUS: THE BASES OF CONDUCT AND TERMS

Abstract. In the article the comparative analysis of inquiry in abbreviated form by the criminal procedure code of the Russian Federation and expedited proceedings under the criminal procedure code of the Republic of Belarus.

Keywords: inquiry in abbreviated form, for a quicker process.

УДК 343.131.2, 343.131.5, 342.725.1

А.В.Верещагина, канд юрид. наук, доцент, зав. кафедрой публичного права Института права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (e-mail: vereschagina_alla@mail.ru)

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ СТАНДАРТ И НАЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ИНСТИТУТА ЯЗЫКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Статья посвящена исследованию соотношения международно-правового стандарта языка уголовного судопроизводства и имеющейся модели этого института в уголовно-процессуальном законодательстве России. Анализ международно-правовых актов позволил прийти к выводу о служебной роли этого института, который направлен на обеспечение реализации права на защиту обвиняемого. На российскую модель принципа повлияли особенности формирования современной российской государственности. Основным в его содержании является реализация равенства наций, входящих в состав России. Закрепленная в законе множественность языков судопроизводства, а также некоторые иные дефекты регламентации приводят к сложностям применения норм данного института.

Ключевые слова: международные акты, язык судопроизводства.

Можно выделить две группы международных актов, касающихся языка судопроизводства. Одна из них «цивилизационные», зачастую носящие рекомендательный характер, направленные на сохранение материальной и духовной культуры человечества. К таким актам относится Европейская хартия региональных языков или языков национальных меньшинств [1]. В статье 9 документа сформулирована рекомендация использовать в уголовном судопроизводстве региональные языки и языки меньшинств в тех судебных округах, где это оправдывается числом жителей, пользующихся региональными языками или языками меньшинств. Решение принимается судьей, если он не сочтет это препятствием для надлежащего отправления правосудия (п. «а» ч.1 ст. 9). Как видно из приведённого региональный язык или язык национального меньшинства *может*, а не *должен* применяться только в тех местностях, где на нём говорит подавляющая часть населения, и, если это не является препятствием к отправлению правосудия.

Вторая группа документов закрепляет международно-правовой стандарт прав и свобод личности, в том числе при осуществлении в отношении неё уголовного преследования. Эта группа документов более обширна. Основными в ней являются Конвенция о защите прав человека и основных свобод [2]; Международный пакт «О гражданских и политических правах» [3]; Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека [4]; Римский статут Международного уголовного суда [5].

В международно-правовом стандарте прав и свобод личности вопросы языка судопроизводства касаются только уголовно-преследуемого лица,

либо если в отношении субъекта применены меры процессуального принуждения. Они носят сугубо служебный характер, и рассматриваются как средство обеспечения права лица, не владеющего языком судопроизводства, на защиту.

Международно-правовой стандарт состоит из трёх положений. 1. Каждый арестованный имеет право получить информацию о причинах ареста на понятном ему языке [2, ч.2 ст.8; 4, ч.3 ст.5]. 2. Каждый обвиняемый срочно и подробно уведомляется о характере и основании предъявляемого ему уголовного обвинения на понимаемом им языке. 3. Если обвиняемый не понимает используемого в суде языка или не говорит на нем, то пользуется бесплатной помощью переводчика [2, п. «а», «е» ч.3 ст. 6; 3, п. «а», «б» ч.3 ст. 14; 4, п. «а», «д» ч.2 ст. 6; 5, п. «а», «б» ч.1 ст. 67].

Редакция приведённых выше норм в целом во всех означенных международных актах совпадает. Простота и ясность формулировок исключает вариативность интерпретаций. Некоторая неопределённость содержится в предписаниях части 2 статьи 5 Конвенции о защите прав и основных свобод, части 2 ст. 5 Конвенции СНГ и п. «а» части 3 статьи 6 Конвенции СНГ, заключающаяся в использовании словосочетания «понятного языка» для обвиняемого. Его буквальное толкование позволяет предположить, что вне зависимости от того знает или не знает язык судопроизводства арестованный или обвиняемый, он имеет право получить информацию на любом понимаемом им языке. Однако этот недостаток устраняется системным толкованием приведённых выше норм, позволяющим прийти к выводу о появлении у лица права на бесплатную помощь переводчика только при наличии двух юридических фактов – лицо «не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке». Уровень понимания языка в документах не конкретизируется. Это позволяет утверждать, что необходимо обыденное понимание языка суда.

Словом у арестованного или обвиняемого с точки зрения международно-правового стандарта право получить бесплатную помощь переводчика не связано с национальной принадлежностью, желанием воспользоваться по каким-то причинам, в том числе с целью затягивания процесса, родным языком, проживанием на территории, где используется региональный язык или язык национального меньшинства, и т.д. Такое право появляется, если субъект не понимает и (или) не может говорить на языке суда.

Имеющаяся в России конструкция рассматриваемого института отличается от международно-правового стандарта. В XX веке дважды «национальная карта» использовалась для сохранения территории нашего государства в границах, предшествовавших социальным потрясениям: после революций 1917 года и провозглашения курса на перестройку на рубеже 80-90-х годов [6; 7]. Это обусловило появление в институте языка уголовного судопроизводства политизированных норм, которые искажают его изначальную, указанную выше, служебную сущность – средство реализа-

ции права на защиту, затрудняют правоприменение и приводят к злоупотреблению процессуальным правом.

Сформулированный тезис подтверждается историей формирования рассматриваемого принципа. Язык судопроизводства не закреплялся Декретами о суде №1[8] и №2[9]. В обоих декретах содержалась ссылка на возможность применения законодательства свергнутых правительств в той мере, в которой оно не было отменено революцией, не противоречило революционной совести и революционному правосознанию [8, ст.5; 9, ст.8]. Согласно Уставу уголовного судопроизводства привлечение переводчика допускалось в случаях, когда подсудимый или свидетель не понимает по-русски, т.е. языком судопроизводства признавался только русский язык [10, ст. 579]. В Конституции 1918 года [10] также положения о языке уголовного судопроизводства в узком смысле отсутствуют. Однако есть нормы, которые, по нашему мнению, безусловно, повлияли на его развитие в советский период и современное содержание. В статьях 8 и 11 Конституции РСФСР 1918 года в качестве критерия формирования федерации закреплён национальный признак. Как следствие, в Декрете ВЦИК от 8 декабря 1918 года, принятом после Конституции 1918 года, появляются два положения о языке судопроизводства. 1. Судоговорение может осуществляться на любом местном языке. 2. Язык судоговорения определяет в каждом судебном районе либо городской Совет Рабочих и Крестьянских Депутатов либо Исполнительный комитет уездных съездов Советов Рабочих и Крестьянских депутатов при участии представителей Народного Суда [11, ст. 21]. Иными словами эти положения никакого отношения не имеют к реализации права на защиту для лиц, не владеющих языком судопроизводства, а носят сугубо политический характер. Они развивают заложенное в Конституции РСФСР 1918 года право каждой нации самостоятельно определять условия вхождения в Федерацию. Такие же предписания мы находим в Положении о народном суде 1920 года с той лишь разницей, что при определении языка судопроизводства мнение представителей народного суда уже не учитывалось [12, ст. 21].

Конституция СССР 1924 года педалировала сформулированную в 1918 году идею полноценного развития всех народов, входивших в состав СССР, только в условиях диктатуры пролетариата. В соответствии с этим документом союзное государство - добровольное объединение равноправных народов, которым обеспечивалось право свободного выхода из него [13]. Базируясь на постулате равенства всех народов, Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1924 года в качестве общего правила закрепили судоговорение на языке большинства местного населения [14, ст.15]. При этом на суды возлагалась обязанность обеспечить «ведение уголовных дел на языке обвиняемых, если они не принадлежат к национальному меньшинству» [14, ст.15]. Принимая решение в распорядительном заседании о языке судопроизводства по конкретному делу, суд обязывался руководствоваться «интересами наиболее полного

выяснения дела, интересами гласности суда и интересами обвиняемых» и обеспечить участвующим в деле лицам, не владеющим языком судопроизводства, переводчика. Как видно из структуры регламентации первичным в регулировании вопроса языка уголовного судопроизводства был популистский политический аспект – каждый народ СССР имеет право на судоговорение на своем языке. Производным являлось положение о реализации права на защиту путем обеспечения переводчика для лица, который не владеет языком суда.

В дальнейшем изложенный выше подход, несмотря на некоторые вариации формулировок, сохранился в нормативных правовых актах.

На конституционном уровне принцип языка судопроизводства закреплён впервые в 1936 году [15]. Он сводился к декларированию 1) судопроизводства на языке союзной или автономной республики, или автономной области, 2) с одновременным обеспечением лицам, не владеющим языком суда, ознакомления с материалами дела через переводчика, а также права выступать «на суде на родном языке» [15, ст. 110]. Эти положения практически дословно воспроизведены в Конституции РСФСР 1937 года [16, ст.114], в Законе «О судостроительстве» 1938 года [17, ст.7], а также в Основах судостроительства Союза ССР 1958 года и Основах уголовного судопроизводства Союза ССР 1958 года [ст.11], которые допускали судоговорение на языке национального округа или на языке большинства населения района [18, ст.10]. Подобный подход мы встречаем и в УПК РСФСР [19, ст. 17]. Исходя из структуры статьи 17 УПК РСФСР, краеугольным, как и в предшествующих актах, является положение о множественности языков судопроизводства (на языке субъектов федерации или большинства населения местности). Право пользоваться родным языком и услугами переводчика производно от него. Оно возникало у участника уголовного процесса, если тот не владел языком судоговорения по конкретному делу.

Содержание принципа языка уголовного судопроизводства в УПК РФ 2001 года [20, ст. 18] несколько иное. Во-первых, произошел отказ от производства по уголовным делам на языке любого народа, населяющего нашу страну. Судоговорение допускается либо на государственном языке России, либо союзной республики, входящей в ее состав. Во-вторых, императивность применения русского языка закреплена для военных судов и Верховного Суда России. В-третьих, у лица возникает право пользоваться родным языком или языком, которым оно владеет, и получать бесплатную помощь переводчика не только, когда оно не владеет, но и недостаточно владеет языком суда.

По нашему мнению имеющееся содержание принципа языка судопроизводства имеет как преимущество (уменьшение возможного числа языков судоговорения), так и недостаток (введение неопределенного понятия «недостаточное владение языком суда как основания привлечения переводчика к участию в деле»). Появление оценочной категории «недостаточное владение» языком суда приводит к тому, что фактически любой участник

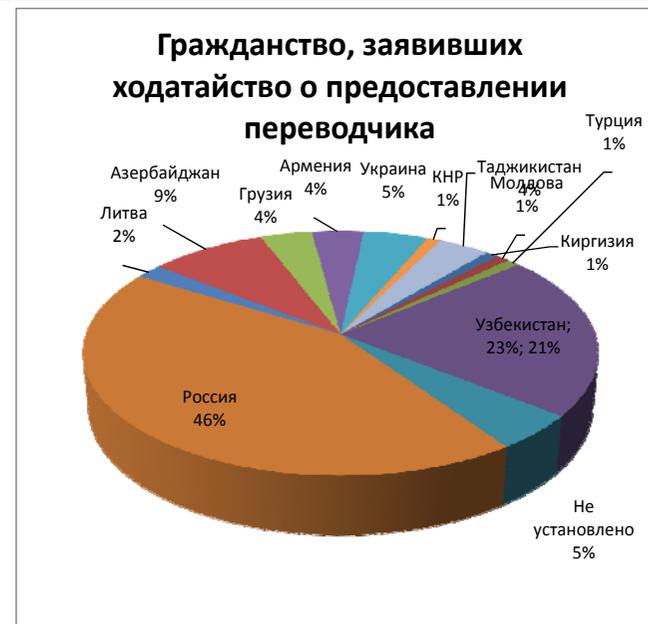
процесса, ссылаясь на это обстоятельство, может заявить ходатайство о предоставлении ему переводчика. В сочетании с безусловным основанием отмены приговора - «нарушение права подсудимого давать показания на родном языке или языке, которым он владеет, и пользоваться помощью переводчика» [20, п.5 ч.2 ст.389.17] - удовлетворение ходатайств о предоставлении переводчика по этому основанию становится практически безоговорочным. В затруднительных случаях, например, когда речь идет о редких языках, наличие такой формулировки в законе приводит к злоупотреблению процессуальным правом.

Изученная нами судебная практика подтверждает этот вывод. Несмотря на то, что 90% россиян называют родным языком русский, почти 50 процентов ходатайств о предоставлении переводчика заявлено именно гражданами России. Структура гражданства лиц, заявивших ходатайство о привлечении переводчика, представлена на расположенной ниже диаграмме.

Таким образом, изложенные нами: 1) содержание международно-правового стандарта языка судопроизводства; 2) развитие этого института в России и 3) сопоставление международно-правового и национального подходов позволяет сформулировать несколько выводов:

1) с точки зрения международно-правового стандарта право пользоваться родным языком является исключением из общего правила, носит служебный характер (средство реализации права на защиту) и допускается только при наличии следующих юридических фактов: лицо не понимает языка суда и не говорит на языке суда.

2) российский институт языка судопроизводства политизирован. Установленная полиязычность судоговорения является общим правилом и отражает особенности федеративного устройства России. Закрепление в УПК РФ неопределенного юридического факта – недостаточное владение языком суда в сочетании с некоторыми другими положениями УПК РФ приводит к неоднозначной реализации этого института.

Список литературы:

1. Европейская хартия региональных языков или языков национальных меньшинств [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.terralegis.org/terra/act/e474.html> (Дата обращения 1 мая 2015 года).
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года // Международное гуманитарное право в документах. М., 1996. С.69-84.
3. Международный пакт «О гражданских и политических правах» от 16 декабря 1966 года // Международное гуманитарное право в документах. М., 1996. С.40-59.
4. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 года // Международное гуманитарное право в документах. М., 1996. С.541-552.
5. Римский статут Международного уголовного суда. Принят 17 июля 1998 года [Электронный ресурс] // Режим доступа: [http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf) (Дата обращения 1 мая 2015 года).
6. Верещагина А.В. Россия: федерация или унитарное государство Россия // Политические вызовы XXI века. Второй Всероссийский конгресс политологов. 21-23 апреля 2002 г.-М., 2002. С.172- 173.
7. Верещагина А.В. Форма государственного устройства России: некоторые вопросы // Проблемы политологии. М., 2005. Вып.7. С. 73-84; Вып.8. С. 33-57.
8. Декрет №1 о суде. Опубликован 24 ноября (7 декабря) 1917 года // СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.
9. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета № 2 о суде // СУ РСФСР. 1918. № 26. Ст. 347.
10. Устав уголовного судопроизводства. Высочайше утвержденный 20 ноября 1864 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXIX. Отд. II. № 41476. СПб., 1867.

11. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

12. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета «О народном суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» от 30 ноября 1918 года // СУ РСФСР. 1918. № 85. Ст. 889.

13. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета «Положение о Народном суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» от 23 ноября 1920 года // СУ РСФСР. 1920. № 100. Ст. 543.

14. Основной Закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик. Принята второй сессией ЦИК СССР первого созыва 6 июля 1923 года и в окончательной редакции II съездом Советов СССР 31 января 1924 года [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1924.htm> (Дата обращения 1 мая 2015 года).

15. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. Утверждены Постановлением ЦИК СССР от 31 октября 1924 года // СЗ СССР. 1924. № 24. Ст. 206.

16. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 года [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfrs/1936/red_1936/3958676/ (Дата обращения 1 мая 2015 года).

17. Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Утверждена постановлением Чрезвычайного XVII съезда Советов 21 января 1937 года [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://base.garant.ru/185481/> (Дата обращения 1 мая 2015 года).

18. Закон СССР «О судостроительстве СССР, союзных и автономных республик» от 16 августа 1938 года // Ведомости ВС СССР. 1938. № 11.

19. Основы законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик. Утверждены Законом СССР от 25 декабря 1958 года // Ведомости ВС СССР. 1958. № 1. Ст. 12.

20. Уголовно-процессуального кодекса РСФСР. Принят третьей сессией Верховного Совета РСФСР пятого созыва 27 октября 1960 года // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

21. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (ред. от 30 марта 2015 года // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч.1). Ст. 4921.

A.V. Vereschagina, Candidate of Law, Associated Professor, Head of the Public Law Department of Law Institute of Vladivostok State University of Economy and Service (e-mail: vereschagina_ally@mail.ru)

INTERNATIONAL LEGAL STANDARD AND NATIONAL MODEL OF THE LANGUAGE CRIMINAL PROCEEDINGS'S INSTITUTE

Abstract. The article is devoted to the study of the relationship between international legal standards-the language of the criminal proceedings and the available models of this Institute in the criminal procedure legislation of Russia. Analysis of international legal instruments has allowed to come to the conclusion of the service the role of this institution, which aims at ensuring the right of defense of the accused. On the Russian model of the principle of affected special features of the formation of modern Russian statehood.. Central in co-holding is the realization of the equality of Nations that are part of Russia. Enshrined in the law of the multiplicity of languages of the proceedings, as well as some other defects of regulation lead to difficulties of applying the rules of this institution.

Keywords: international acts, the language of the proceedings.

УДК 343.13

Е.А. Грохотова, преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета, г. Курск (e-mail: jusprofi@mail.ru)

ДОПУСТИМО ЛИ ЗАКРЕПЛЕНИЕ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНЕ ПОЛНОМОЧИЯ МИРОВОГО СУДЬИ ПО ОКАЗАНИЮ СОДЕЙСТВИЯ СТОРОНАМ В СОБИРАНИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ?

В данной статье автором исследуется одно из неоднозначных полномочий мирового судьи при рассмотрении уголовного дела частного обвинения как оказание содействия сторонам в собирании доказательств. Анализируются противоположные точки зрения на рассматриваемую проблему, высказывается собственная позиция.

Ключевые слова: уголовные дела частного обвинения, полномочия мирового судьи.

Среди полномочий мирового судьи при рассмотрении уголовных дел частного обвинения, предусмотренных ч. 2 ст. 319 УПК РФ, закреплено, право по ходатайству сторон оказать им содействие в собирании доказательств, которые не могут быть получены сторонами самостоятельно. В научной литературе мнения авторов по данному вопросу разделились.

Так, одни выступают с позицией, что на суд вновь возложена несвойственная ему функция и стороны изначально ставятся в неравное положение и, таким образом, нарушается важнейший принцип уголовного процесса – состязательность [1, 2, 3]. Однако другие ученые указывают [4, 5, 6, 7], что мировой судья не осуществляет противоречащую закону деятельность, он лишь помогает сторонам преодолеть препятствия, лишаящие их возможности самостоятельно собрать необходимые доказательства по делу частного обвинения. Кроме того, отдельные авторы уголовно-процессуальной науки ратуют за активное оказание сторонам помощи от мирового судьи [8, 9, 10, 11, 12].

По нашему мнению, помощь мировых судей сторонам в сборе доказательств, в том случае, когда она осуществляется по ходатайствам сторон, не противоречит принципу состязательности, поскольку подача ходатайства одной из сторон не препятствует возможности второй стороны обратиться с подобным ходатайством. Помимо этого, следует подчеркнуть то обстоятельство, что вышеупомянутая норма уголовно-процессуального закона указывает на то, что мировой судья вправе оказать помощь именно по ходатайству, а не как иначе.

Более того, И.М. Ибрагимов отмечает, что следует слово «вправе» заменить словом «обязан» для того, чтобы принципы состязательности и выявления истины по делу взаимно предполагали, а не исключали друг друга в процессе судебного разбирательства уголовного дела. Ведь основной целью уголовного судопроизводства является свершение правосудия,

т.е. справедливости, а не выяснение того, какая из состязующихся сторон уголовного процесса юридически более подготовлена и сильна [11].

В свое время, Конституционный суд Постановлением от 14 января 2000 г. № 1-П, выразил свое отношение к этому вопросу следующим образом: судья не осуществляет функцию обвинения или стороны защиты и не проявляет несвойственную ему как органу правосудия инициативу - он лишь разрешает ходатайство соответствующей стороны об истребовании и исследовании указанного ею доказательства, используя властные полномочия, которые в судебных стадиях уголовного судопроизводства имеются у него и отсутствуют у сторон [13]. Такая позиция Конституционным судом была высказана исходя из анализа норм УПК РСФСР. Аналогичное решение было принято и при очередном обращении с вопросом о противоречии Конституции РФ, но уже положений УПК РФ, касающихся вопроса об оказании мировым судьей помощи в сборе доказательств [14].

Кроме того, инициатива мирового судьи вполне уместна в случаях, когда закон предусматривает обязательное проведение каких-либо процессуальных действий, но ни от одной из сторон не поступило ходатайства о его проведении. В связи с этим примечательна правовая позиция Конституционного Суда РФ [15], в соответствии с которой собирание доказательств не только является прерогативой сторон, но и входит в число полномочий суда, реализуемых в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством для производства судебного следствия. Выполнение функции обвинения заключается в возбуждении уголовного преследования, формулировании обвинения и отстаивании его в суде.

Вместе с тем, и УПК РФ регулирует полномочия мирового судьи по уголовным делам частного обвинения. Следует акцентировать внимание на том обстоятельстве, что по уголовным делам, находящимся в производстве мирового судьи, он вправе самостоятельно определять перечень доказательств, которые будут исследоваться в ходе судебного разбирательства, а также какие меры необходимо предпринять для получения и исследования тех доказательств, о которых заявлены ходатайства участвующими в деле лицами. Особо следует отметить, что, признав необходимыми конкретные меры по обеспечению слушания дела в судебном заседании, мировой судья в пределах своих полномочий принимает процессуальное решение, которое носит обязательный характер и подлежит исполнению органами и лицами, которым оно адресовано.

Представляется, что формами оказания содействия со стороны судьи будут:

1) поручения органам дознания о проведении конкретных процессуальных действий, в том числе неотложных следственных действий с составлением соответствующих протоколов и постановлений (осмотр места происшествия, освидетельствование, назначение судебной экспертизы);

2) запросы в различные организации об истребовании различных доку-

ментов [16].

Деля запросы в различные учреждения, организации, мировые судьи не выполняют уголовно-процессуальных функций обвинения или защиты. Справедливо отмечено, что об оказании одной из сторон помощи в собирании доказательств в мировой судья должен уведомить другую сторону [17]. Действительно, таким образом, должен быть исчерпан вопрос о нарушении состязательности сторон.

При рассмотрении данного вопроса следует проводить границу между понятиями «Оказание содействия в собирании» и «Собирание доказательств». На мирового судью никто не возлагает обязанность по сбору доказательств, а оказание содействия чаще всего проявляется в различного рода запросах, которые сами граждане сделать не могут. Упущение законодателя видится в том, что нормы уголовно-процессуального закона не содержат указания на то, какие формы и виды содействия вправе оказать мировой судья.

Нами предлагается дополнить ч. 4 ст. 318 УПК РФ следующими положениями: «оказание частному обвинителю и обвиняемому по их ходатайствам содействия в собирании доказательств в любых процессуальных формах».

Таким образом, из анализа полномочия мирового судьи по оказанию содействия сторонам в собирании доказательств следует, что большинство авторов выступают за активное участие мирового судьи в рассмотрении уголовных дел частного обвинения.

Список литературы:

1. Орлова А. Производство по делам частного обвинения // Российская юстиция. 2001. № 4. С. 39.
2. Чурилов Ю.Ю. Проблемы эффективности оправдания по уголовным делам частного обвинения // Российский судья. 2007. № 7. С. 46.
3. Ухова Е.В. Институт частного обвинения в уголовном судопроизводстве. М.: 2008. С. 116.
4. Дорошков В.В., Патов Н.А. Особенности уголовного судопроизводства у мирового судьи // Российский судья. 2002. № 4. С. 18.
5. Хаматова Е. УПК РФ: производство по уголовным делам у мирового судьи // Уголовное право. 2002. № 3. С. 89.
6. Сотникова Ю.Н. Актуальные вопросы производства по уголовным делам частного обвинения // Мировой судья. 2007. № 2 С. 89.
7. Судебное производство в уголовном процессе Российской Федерации: практическое пособие по применению Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / С.А. Ворожцов, В.А. Давыдов, В.В. Дорошков и др.; под общ. ред. А.И. Карпова. М.: Юрайт, 2008. С. 402.
8. Рустамов Х.У. Уголовный процесс. Формы: Учебное пособие. М.: Закон и право, 1998. С. 210.
9. Лазарева В.А. Судебная защита в уголовном процессе РФ: проблемы теории и практики / Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М. 2000. С. 33.
10. Велиев И.В. Особенности правового статуса прокурора как субъекта уголовно-процессуальных правоотношений в законодательстве Российской Федерации и Рес-

публики Казахстан // Современное право. 2006. № 2. С. 16.

11. Ибрагимов И.М. Потерпевший как свидетель, субъект доказывания и субъект обвинения по делу // Современное право. 2008. № 3. С. 97-100.

12. Быков В.М. Новые законы о порядке производства по уголовным делам частного обвинения // Российская юстиция. 2008. № 1. С. 15.

13. Постановление Конституционного Суда от 14. 01. 2000 № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений УПК РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, связи с жалобой гражданки И. П. Смирновой и запросом Верховного Суда РФ» // Российская газета 02 февр. 2000г. № 23.

14. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2005 № 7-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска» // Собрание законодательства РФ. 2005. 11 июля. № 28. Ст. 2904.

15. Определение Конституционного Суда РФ от 6 марта 2003 г. № 104-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Бокситогорского городского суда Ленинградской области о проверке конституционности части первой статьи 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» / Справочно-прав. сист. «КонсультантПлюс». Раздел «Законодательство».

16. Дорошков В.В. Частное обвинение: правовая теория и судебная практика. М.: Норма, 2000. С. 66.

17. Струкова В.В. Механизм реализации уголовного преследования, осуществляемого в частном порядке // Мировой судья. 2011. № 9. С. 7.

E.A. Grokhotova, Teacher of the Criminal Procedure and Criminalistics Department of Southwest State University, Kursk (e-mail: jusprofi@mail.ru)

IS IT PERMISSIBLE TO CONSOLIDATE THE CRIMINAL PROCEDURE LAW, THE AUTHORITY OF THE MAGISTRATE TO ASSIST THE PARTIES IN COLLECTING EVIDENCE?

Abstract. In this article the author examines one of the ambiguous powers of the magistrate in a criminal case of private prosecution as assisting SRT-moval in the collection of evidence. Examines opposing viewpoints on cases analysed the problem, there is own position.

Keywords: criminal cases of private prosecution, the authority of the magistrate.

УДК 343.1

Д.Р. Даниелян, юрисконсульт ГБУ ДПО «Московский учебно-спортивный центр» Москомспорта (e-mail: nikita_kolokolov@mail.ru)

ПОСТРОЕНИЕ СИСТЕМЫ СУДЕБНЫХ СТАДИЙ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, ТЕХНИКА

В данной статье анализируется влияние стадий уголовного судопроизводства на его эффективность, а также производится сравнение стадий в странах континентального и англосаксонского типа.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, стадии уголовного судопроизводства, система стадий уголовного судопроизводства, судебная система РФ, судебно-правовая реформа, судебная политика

Стадии уголовного судопроизводства представляют собой взаимосвязанные этапы уголовно-процессуальной деятельности, которые определяют в конечном итоге структуру и порядок производства по уголовному делу. К.Ф. Гуценко выделял три судебных этапа уголовного процесса, в рамках которых реализуются стадии уголовного процесса.

Производство в суде первой инстанции включает стадии подготовки судебного разбирательства и собственно судебное разбирательство. Производство в суде второй инстанции включает стадии: апелляционное и кассационное производство; на этапе исполнения приговора реализуется собственно только стадия исполнения приговора; на этапе проверки законности, обоснованности и справедливости, вступивших в законную силу приговоров и иных судебных решений проходят стадии производства в надзорной инстанции и пересмотр приговоров в виду новых и вновь открывшихся обстоятельств. Соблюдение данных стадий в рамках этапов уголовного процесса способствует достижению общим целям судопроизводства и придает судебной деятельности системный характер.

Судебное заседание первой инстанции является первым и основным уровнем правосудия. На стадии судебного разбирательства исследуются доказательства и выносится приговор. Организация судебного действия включает мероприятия по подготовке доказательств, поиску новой информации, определению, а также взаимосвязей с подготовкой, выбор тактики судебного действия.

В научной литературе имеются разные точки зрения о роли суда на стадии разбирательства дела в первой инстанции. Суд может ограничиться наблюдением за соблюдением формальных правил процедуры судопроизводства, оценкой убедительности доводов и аргументов стороны обвинения и стороны защиты и объявлении победителя в споре. В ином случае отмечается зависимость суда от сторон, когда проявляется невозможность суда ступить ни шагу для пополнения совокупности доказательств без соизволения сторон.

В УПК РФ 2001 года за судом закрепляется роль полноправного участника, создающего сторонам обвинения и защиты необходимые условия для осуществления прав и исполнения обязанностей. В целом, указанное положение суда соотносится с целями судебной реформы, проводимой в России с конца XX века. Активная роль суда в исследовании доказательств – отмечал И.Л. Петрухин, – достояние инквизиционного процесса. В состязательном судопроизводстве исследование доказательств производят стороны, а судья лишь следит, чтобы при этом не нарушался процессуальный регламент.

В текущий момент времени имеются достаточные основания утверждать, что:

1. Основной целью построения системы судебных стадий должно являться обеспечение принятия законного, обоснованного и справедливого решения.

2. Суд в судебных стадиях уголовного процесса должен обладать достаточными полномочиями в целях создания необходимых условий для осуществления прав и исполнения обязанностей сторон.

3. Суд должен принимать активную роль в исследовании и получении только тех доказательств, которые не могут быть получены непосредственно сторонами без участия судебного органа.

Уголовный процесс представляет собой осуществляемую в установленном законом и иными правовыми актами пределах деятельности (систему действий) наделенных соответствующими полномочиями государственных органов по выявлению, предупреждению, раскрытию преступлений, установлению лиц, виновных в их совершении и назначению им мер уголовного наказания или иного воздействия, а также возникающие в связи с этой деятельностью правовые отношения между органами и лицами, участвующими в ней.

Эффективность системы уголовного судопроизводства находится в зависимости от эффективности работы всех органов, должностных лиц, вовлеченных в деятельность, урегулированную нормами уголовно-процессуального законодательства. Эффективность работы должностных лиц и органов заключается, в свою очередь, в рациональном и своевременном реализации своей компетенции в рамках конкретного дела.

Компетенция органов и должностных лиц должна быть достаточной для получения доказательственной базы и принятия процессуальных решений. Компетенция суда должна быть достаточной не только для принятия процессуальных решений, но и для контроля за действиями указанных органов и должностных лиц, в соответствии с уголовно-процессуальным законом.

Выделяют две системы уголовного судопроизводства, сложившиеся в странах романо-германского и англо-американского типа. А.В. Пилюк отмечает различия в построении уголовного судопроизводства, в стадиях – этапах движения дела; различия в конструкции процесса доказывания,

обуславливающее специфику форм и способов собирания доказательств; отличия в построении отдельных процессуальных институтов; различия организации субъектов – участников уголовного судопроизводства, неодинаковая компетенция, структура и задачи, различный объем прав и обязанностей, обусловленных спецификой правоотношений, в которые вступают участники процесса друг с другом и с судом на различных стадиях движения дела.

Шейфер С.А. пишет, что главным отличием англо-американского и континентального типа процесса является наличие в континентальном типе процесса стадии предварительного расследования, к основным признакам которой относят линейный розыскной характер, отсутствие триады субъектов, осуществляющих функции обвинения, защиты и разрешения дела по существу, наличие лишь элементов состязательности.

В странах континентального типа усмотрение органов осуществляющих предварительное расследование бывает ограничено порядком производства юридически значимых действий и обеспечивает защиту прав участников уголовного судопроизводства.

В странах англо-американского типа (например, США, Англия, Канада) отсутствует указанные бюрократические элементы, а органы, осуществляющие расследование составляют отчеты, а не протоколы. Обвинение предьявляется нарушителю гласно, публично, как правило в судебном заседании, после чего сторона обвинения продолжает, а сторона защиты начинает собирать доказательственный материал. Стороны «не формируют» доказательства в процессуальном смысле, а только выявляют их источники, чтобы представить лиц, предметы и сведения в судебное заседание, где сведения, полученные из этих источников, будут исследованы сторонами и судом.

Подобные различия можно отнести к специфике исторического развития государств и менталитета конкретного народа. В СССР, к примеру, в рамках уголовного судопроизводства следственные органы обладали значительными полномочиями и, несмотря на систему протоколов в их деятельности отсутствовало должное уважение к правам участников уголовного процесса. Поэтому строгая регламентация действий не всегда приводит к повышению эффективности всего труда.

Еще одним отличием системы уголовного судопроизводства в странах англо-американского типа является отсутствие до начала судебного разбирательства специальных предустановленных статусов. В странах с континентальным типом уголовного процесса сведения, собранные в ходе предварительного расследования в установленной процессуальной форме, могут быть положены в основу приговора, при отсутствии сомнений в их доброкачественности.

Сложность континентального типа судебного процесса приводит к созданию упрощенных форм судебных производств: заочное производство, особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с

предъявленным ему обвинением и др.

В заключение считаем необходимым констатировать следующее.

Эффективность системы уголовного судопроизводства зависит от специфики исторического развития государств и менталитета конкретного народа.

В странах с континентальным типом судебного процесса производство по делу имеет строгую регламентацию, направленную на недопущение прав участников уголовного судопроизводства.

Сложность континентального типа судебного процесса приводит к созданию упрощенных форм судебных производств.

D.R. Danielyan, Counsel GBU DPO "Moscow sports training center" Moskomспорта (e-mail: nikita_kolokolov@mail.ru)

BUILDING A SYSTEM OF JUDICIAL STAGES OF CRIMINAL PROCEEDINGS: THEORY, PRACTICE, TECHNIQUE

Abstract. This article analyzes the impact of stages of criminal proceedings on its effectiveness, and compares the stages in the countries of continental and Anglo-Saxon type.

Keywords: criminal proceedings, stage of criminal proceedings, the system of stages of criminal proceedings, the judicial system of the Russian Federation, judicial and legal reform, judicial policy.

УДК 343.1

Е.В. Жоголева, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург (e-mail: zheva@e1.ru)

А.Д. Прошляков, д-р юрид. наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург (e-mail: up@usla.ru)

«НОВОЕ» НОВОЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО ВОЗОБНОВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

В статье рассматриваются вопросы применения п.2.1 ч.4 ст.413 УПК РФ, и анализируются судебные прецеденты.

Ключевые слова: новые обстоятельства, возобновление производства по уголовному делу, новые общественно опасные последствия, смерть потерпевшего.

Статья 384 УПК РСФСР 1960 года предусматривала основания возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам, относя к ним:

1) установленную вступившим в законную силу приговором суда заведомая ложность показаний свидетеля или заключения эксперта, а равно подложность вещественных доказательств, протоколов следственных и судебных действий и иных документов, или заведомая ложность перевода, повлекшие за собой постановление необоснованного или незаконного

приговора; 2) установленные вступившим в законную силу приговором суда преступные злоупотребления судьей, допущенные ими при рассмотрении данного дела;

3) установленные вступившим в законную силу приговором суда преступные злоупотребления лиц, производивших расследование по делу, повлекшие постановление необоснованного и незаконного приговора или определения суда о прекращении дела;

4) иные обстоятельства, неизвестные суду при постановлении приговора или определения, которые сами по себе или вместе с обстоятельствами, ранее установленными, доказывают невиновность осужденного или совершение им менее тяжкого или более тяжкого преступления, нежели то, за которое он осужден, а равно доказывают виновность оправданного или лица, в отношении которого дело было прекращено.

Судебная практика считала и считает до сих пор, что к этим иным обстоятельствам относятся сведения о том, что:

- преступление совершено не осужденным, а другим лицом (оговор, самооговор и др.);

- сведения об иной степени тяжести телесных повреждений (вреда здоровью) у потерпевшего;

- в преступлении участвовали и иные лица, не привлеченные к уголовной ответственности;

- оправданный в действительности совершил преступление;

- лицо, которое было сочтено погибшим, на самом деле живо;

- лицо, к которому суд применил принудительные меры медицинского характера, симулировало психическое расстройство;

- осужденный скрыл подлинные данные о своей личности.

К этим же обстоятельствам суды относили и наступление смерти потерпевшего уже после вступления в силу приговора, которым виновный был осужден за покушение на убийство или за причинение тяжкого вреда здоровью. Этот случай являлся единственным исключением, который не вписывался в общую «схему» иных обстоятельств, поскольку данное обстоятельство не существовало на момент принятия судебного решения, однако всегда приравнивалось к ним путем расширительного толкования закона.

УПК РФ расширил основания возобновления производства по уголовному делу и, наряду с традиционными вновь открывшимися обстоятельствами, в качестве самостоятельных оснований для возобновления производства по делу были закреплены новые обстоятельства, к числу которых отнесены:

1) признание Конституционным Судом РФ закона, примененного судом по данному уголовному делу, не соответствующим Конституции РФ;

2) установленное Европейским Судом по правам человека нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом РФ уголовного дела, связанное:

— с применением федерального закона, не соответствующего положениям данной Конвенции;

— с другими нарушениями положений Конвенции;

3) иные новые обстоятельства (ч. 4 ст. 413 УПК РФ), к числу которых, бесспорно, относится и наступление смерти потерпевшего уже после вступления приговора в законную силу.

Именно это обстоятельство, не вписывающееся в прежнюю «схему» иных обстоятельств, послужило основанием для принятия постановления Конституционного Суда РФ от 16 мая 2007 года № 6-П, [1] где положения п.2 ч.2 ст. 413 УПК РФ признаны не соответствующими Конституции РФ, в той части, в которой они позволяли отказывать в возобновлении производства по уголовному делу и пересмотре принятых по нему решений ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств при возникновении новых фактических обстоятельств, свидетельствующих о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления.

Во исполнение решения Конституционного Суда РФ Федеральным законом от 26.04.2013 N 64-ФЗ [2] перечень новых обстоятельств был дополнен еще одним основанием возобновления производства по уголовному делу, а именно: «наступление в период рассмотрения уголовного дела судом или после вынесения судебного решения новых общественно опасных последствий инкриминируемого обвиняемому деяния, являющихся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления» (п.2.1 ч.4 ст.413 УПК РФ).

Но можно ли отнести к этим последствиям установление новых эпизодов продолжаемой преступной деятельности? Складывающаяся судебная практика дает отрицательный ответ на этот вопрос.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ [3] отменила постановление президиума Курганского областного суда от 27 января 2014 года в отношении З., Ф. и отклонила заключение прокурора Курганской области от 5 декабря 2013 года о возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств, указав следующее.

Согласно п.2 ч.2 ст. 413 УПК РФ новыми являются указанные в ч. 4 ст. 413 УПК РФ обстоятельства, не известные суду на момент вынесения судебного решения, устраняющие преступность и наказуемость деяния или подтверждающие наступление в период рассмотрения уголовного дела судом или после вынесения судебного решения новых общественно опасных последствий инкриминируемого обвиняемому деяния, являющихся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления.

Таким образом, по смыслу закона новыми обстоятельствами являются такие фактические обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, которые в силу объективных причин ранее не могли входить в предмет исследования по делу.

По данному делу в заключении прокурора Курганской области указано,

что в ходе проведенной проверки по возбужденному производству ввиду новых обстоятельств допрошенные представитель потерпевшего С. и свидетели В., К., П. показали, что результаты проведенной в мае 2011 года комплексной проверки ОСЗН района, в ходе которой выявлены факты мошенничества З. и Ф., были сразу же направлены в правоохранительные органы для решения вопроса об уголовном преследовании данных лиц. Вместе с тем, охватить весь период преступной деятельности и установить иные факты хищения бюджетных средств З. и Ф. в ходе проведенной проверки не представилось возможным, поскольку необходимо было проверить значительный объем документов, на основании которых проводились выплаты пособий жителям района.

Только после проведения окончательной и полной проверки, как указано в заключении прокурора, информация, содержащая новые факты преступной деятельности З. и Ф., в мае 2012 года была направлена в правоохранительные органы, после чего 30 мая 2012 года возбуждено уголовное дело.

Таким образом, новые факты преступной деятельности З. и Ф., полученные в ходе расследования не были ранее предметом исследования по делу не в силу каких-либо объективных причин, а в результате упущения со стороны органов предварительного следствия, которые, как следует из заключения прокурора, «не могли охватить весь период преступной деятельности и установить иные факты хищений З. и Ф. из-за необходимости проверки значительного объема документов».

Результатом отмены президиумом Курганского областного суда приговора в отношении З. и Ф. фактически является восполнение неполноты предварительного следствия, что является недопустимым.

Наступление в период рассмотрения уголовного дела судом или после вынесения судебного решения новых общественно опасных последствий инкриминируемого обвиняемому деяния, являющихся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления, выделено в законе как самостоятельное и отдельно взятое новое обстоятельство, а, по сути, оно подпадает в «разряд» иных новых обстоятельств.

В связи с этим возникает вопрос: а стоило ли ради одного случая, связанного со смертью потерпевшего после вступления в силу приговора, менять законодательство и расширять перечень новых обстоятельств возобновления производства по уголовному делу? Тем более, что все эти иные новые обстоятельства были хорошо известны судебной практике, и даже отсутствие их формального упоминания в законе никак не отражалось в решениях правоприменителя.

Не совсем удачной представляется и формулировка п.2.1 ч.4 ст.413 УПК РФ. Стоит обратить внимание на то, что если новые общественно опасные последствия наступили в период рассмотрения уголовного дела судом или до вступления судебного решения в силу, то суды первой или второй инстанции вполне могут вернуть уголовное дело прокурору для привлечения

лица к уголовной ответственности за более тяжкое преступление, а не возобновлять производство по делу в порядке главы 49 УПК РФ, которое возможно только после вступления приговора в законную силу.

Список литературы:

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 мая 2007 года № 6-П «По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда» // Вестник Конституционного Суда РФ. № 3. 2007.
2. Федеральный закон от 26 апреля 2013 г. N 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2013. 30 апреля.
3. Определение Верховного Суда РФ от 9 июля 2014 г. № 82-Д14-4 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 1.

E.V. Zhogoleva, Candidate of Law, Associated Professor of the Criminal Procedure Department of Ural State Law University, Ekaterinburg (e-mail: zheva@e1.ru)

A.D. Proshlyakov, Doctor of Law, Professor, Head of the Criminal Procedure Department of Ural State Law University, Ekaterinburg (e-mail: up@usla.ru)

“NEW” NEW CIRCUMSTANCE FOR RESUMPTION OF PROCEEDINGS ON A CRIMINAL CASE

Abstract. *The article discusses the application of paragraph 2.1 section 4 of article 413 of the code, and judicial precedents are analyzed.*

Keywords: *new circumstances, the resumption of proceedings on a criminal-th case, new socially dangerous consequences, the death of the victim.*

УДК 343.135

В.Д. Зарипов, студент Института права Башкирского государственного университета (e-mail: Emperorguard@mail.ru)
Науч. рук-ль: А.А. Тарасов, д-р юрид. наук, профессор, зав. кафедрой уголовного права и процесса Института права Башкирского государственного университета

О НЕКОТОРЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ТРУДНОСТЯХ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ СТОРОН

В данной статье автор проводит анализ нынешнего положения института прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон, выражает собственную позицию по вопросам современной законодательной регламентации института, рассматривает проблемы и предлагает пути решения, путем внесения конкретных изменений в УПК России.

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство, прекращение уголовного дела, примирение сторон.*

Современное российское уголовно-процессуальное законодательство обладает весьма широким перечнем оснований для прекращения уголовного дела, что, на наш взгляд, отражает гуманные и либеральные начала и принципы обновленного уголовного процесса Российской Федерации. Однако на практике использование данного института уголовно-процессуального права порождает массу ошибок и просчетов [1].

Законодатель в УПК России вполне справедливо ставит во главу систем оснований прекращения уголовного дела и уголовного преследования именно основания реабилитирующие, так как они наиболее полно отражают суть целесообразного прекращения действия «машины уголовного преследования». Тот факт, что реабилитирующие основания логически наиболее понятны не только профессиональным юристам, но и лицам, не обладающим специальными юридическими познаниями, делает их наименее спорными в части практического применения. Совершенно другая практика складывается с нереабилитирующими основаниями. Именно поэтому представляется необходимым разобрать некоторые распространенные ошибки практики прекращения уголовного дела или уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям.

Институт прекращения уголовного дела при практическом его применении показывает, что существует множество неточностей в законодательной его регламентации, которые необходимо исправить и уточнить. Примером тому может служить существующая необходимость выделения основания освобождения от уголовной ответственности в связи с примечанием к статьям УК РФ с целью отделить его от освобождения в связи с деятельным раскаянием [2]. На наш взгляд, необходимо обратить внима-

ние также на некоторые другие проблемы законодательной регламентации данного института.

В свое время, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в кассационном определении от 17 января 2006 г. № 53-005 по делу Коробова и др. [3] разъяснила, что освобождение от уголовной ответственности на основании ст. 76 УК и ст. 25 УПК РФ допустимо лишь по делам о преступлениях, посягающих на права и законные интересы конкретных лиц, освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим по делам о преступлениях против правосудия и общественной безопасности противоречит смыслу закона. Другими словами, Верховный Суд РФ пояснил, что нецелесообразно прекращать уголовные дела в порядке ст. 25 УПК РФ по многообъектным преступлениям [4]. Подобной позиции придерживается ряд ученых, указывая также на то, что применение порядка ст. 25 УПК не применимо к некоторым делам, в которых затруднено установление волеизъявления потерпевшего, например в силу малолетства [5]. Однако на практике положения ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ иногда применяются и к многообъектным преступлениям. Зачастую по уголовным делам о таких преступлениях, как, например, оскорбление представителя власти, суд, принимая документы, доказывающие примирение потерпевшего с подсудимым и возмещение причиненного преступлением вреда, прекращает уголовное дело в соответствии со ст. 25 УПК РФ. Представляется, что подобные случаи в корне противоречат смыслу уголовного закона, в соответствии с которым, сам факт примирения не исключает наличие общественной опасности в том случае, когда преступным деянием был причинен вред авторитету власти в лице ее представителей, наделенных этим статусом федеральным законодательством. Подобную точку зрения разделяют многие ученые и практики, считая подобные явления, проявлением непрофессионализма правоприменителя [6].

Согласно ст. 25 УПК РФ возможно прекращение уголовного дела после примирения подозреваемого или обвиняемого с потерпевшим при условии возмещения потерпевшему вреда. Закон говорит о праве органов предварительного расследования и суда, а не об обязанности прекращения уголовного дела, что породило ряд споров и разночтений в практике. Конституционный суд в определении от 21 июня 2011 года № 860-О-О [7] разъясняет, акцентируя внимание на этом в нескольких местах, что механизм прекращения уголовного дела, закрепленный в ст. 25 УПК РФ является исключительно следствием реализации своего права судом, следователем с согласия руководителя следственного органа или дознавателя с согласия прокурора. Однако Конституционный суд РФ в другом определении от 04.06.2007 года № 519-О-О [8] пояснил, что суд или орган предварительного расследования, прекращая уголовное дело в порядке ст. 25 УПК РФ, не может произвольно решать этот вопрос на основе исключительно своего усмотрения, но обязан исходить из совокупности всех обстоятельств

уголовного дела. Также, по мнению Конституционного суда, право отказа уполномоченных органов в принятии заявления потерпевшего о прекращении уголовного дела в порядке ст. 25 УПК РФ не противоречит нормам Конституции РФ. На наш взгляд, данная трактовка уголовно-процессуального закона, противоречит принципам уголовного права, в той мере, в которой позволяет правоприменителю необоснованно отказать в прекращении уголовного дела, даже если потерпевший примирился с лицом, совершившим преступление, а значит, считает свои права и законные интересы восстановленными.

В данном случае необходимо отметить, что подобные толкования норм уголовно-процессуального закона существенно ущемляют право слабой стороны уголовного процесса - стороны защиты, лишают подозреваемого, обвиняемого или подсудимого права на прекращение уголовного дела при выполнении им всех установленных законом условий. Толкование закона, данное Конституционным Судом РФ, совершенно не вносит ясности, давая очередную «размытую» формулировку. Представляется, что сама норма, закрепленная в ст. 25 УПК РФ, предполагает два варианта трактовки: законодатель действительно закрепил субъективное право уполномоченного органа, или же законодатель, опираясь на принципы уголовно-процессуального права, закрепил некую обязанность уполномоченного органа прекратить уголовное дело при наличии указанных условий, однако допустил техническую ошибку. Последнее, на наш взгляд, в полной мере отражает природу института прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон. Сам Конституционный Суд РФ в своем определении разъяснил: «разрешение же в процессе правоприменения коллизий между различными правовыми актами должно осуществляться исходя из того, какой из этих актов предусматривает больший объем прав и свобод граждан и устанавливает более широкие их гарантии» [9]. Таким образом, мы видим, что конфликт субъективного права государственного органа и субъективного права гражданина, обеспеченного законом, должен решаться в пользу последнего, так как именно его права и законные интересы поставлены на вершину пирамиды ценностей современного правового мировоззрения.

Необходимо отметить, что, несмотря на некоторые предлагаемые ограничения субъективного права органа предварительного расследования или суда в порядке ст. 25 УПК РФ прекратить уголовное дело или преследование, нельзя говорить об ограничении возможности расценивать те или иные обстоятельства, опираясь на свои внутренние убеждения. Ведь указанная ниже предлагаемая формулировка нормы, закрепленной в ст. 25 УПК РФ, не мешает правоприменителю оценивать такие категории как «примирение с потерпевшим» и «заглаживание вреда» опираясь исключительно на закон и свое внутренне убеждение. Однако, на наш взгляд, при наличии признания со стороны правоприменителя, что вред был возмещен потерпевшему, а лицо, совершившее преступление примирилось с ним, а

также преступлением вред был причинен исключительно интересам и правам потерпевшего, следовательно, дознаватель или суд не имеют права отказать стороне защиты в применении нормы, закрепленной в ст. 25 УПК РФ.

Исходя из всего вышесказанного, считаем необходимым внесение изменений в ст. 25 УПК РФ в следующей редакции:

«Суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора **обязан** на основании заявления потерпевшего или его законного представителя прекратить уголовное дело в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, в случаях, предусмотренных статьей 76 Уголовного кодекса Российской Федерации, если это лицо примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред, **если противоправным деянием лица вред был причинен исключительно правам и законным интересам потерпевшего**».

Указанные изменения помогут прекратить многолетние споры, позволят исключить возможность применения ст. 25 УПК РФ к многообъектным преступлениям, устроят неточности в формулировке норм закона, позволяющие злоупотреблять уполномоченным органом своим формальным правом, лишая граждан реального права, закрепленного в законе.

Список литературы:

1. Козлов А.М. Причины ошибок при прекращении уголовных дел на стадии расследования // Уголовный процесс. 2014. № 10. С. 18 - 26.
2. Гурулев Д.В. Прекращение уголовных дел в связи с деятельным раскаянием // Законность. 2014. № 7. С. 42 - 45.
3. Анисимов А.П. Прекращение уголовных дел в связи с примирением сторон // Законность. 2009. № 10. С. 43 - 45.
4. Бикмиев Р.Г., Бурганов Р.С. Ошибки при прекращении уголовных дел судами // Уголовный процесс. 2014. № 10. С. 10 - 17.
5. Тарасов А.А. К вопросу о публичности «частного обвинения» // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 5. С. 180 - 181.
6. Бикмиев Р.Г., Бурганов Р.С. Ошибки при прекращении уголовных дел судами // Уголовный процесс. 2014. № 10. С. 10 - 17.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 21.06.2011 № 860-О-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Зяблина Евгения Владимировича на нарушение его конституционных прав статьей 76 Уголовного кодекса Российской Федерации" (Документ не опубликован)
8. Определение Конституционного Суда РФ от 04.06.2007 № 519-О-О "Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Ленинского районного суда города Махачкалы о проверке конституционности статьи 25 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" (Документ не опубликован).
9. Определение Конституционного Суда РФ от 21.10.2008 № 673-О-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Крюкова Виктора Федоровича и Забелина Николая Григорьевича на нарушение их конституционных прав положениями статей 7, 29, 176, 177 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" (Документ не опубликован).

V.D. Zaripov, Student of the Law Institute of Bashkir State University (e-mail: Emperor-guard@mail.ru)

SOME PROCEDURAL DIFFICULTIES TERMINATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN CONNECTION WITH THE RECONCILIATION OF THE PARTIES

Abstract. In this article the author analyses the current situation of the Institute termination of a criminal case in connection with reconciliation of the parties expresses its own position on the issues of modern legal regulation of the Institute, examines the challenges and proposes solutions, by making specific changes to the criminal procedure code of Russia.

Keywords: criminal proceedings, the termination of the criminal case, reconciliation of the parties.

УДК 343.140.02

Д.В. Зотов, канд. юрид. наук, доцент кафедры организации судебной власти и правоохранительной деятельности Воронежского государственного университета (e-mail: zotov78@mail.ru)

ФАКТИЧЕСКИЕ И НЕОБХОДИМЫЕ ПРЕДЕЛЫ ДОКАЗЫВАНИЯ

Пределы доказывания понимаются как число источников доказательств, требуемое для определения их достаточности; в статье предпринята попытка определения необходимого и оправданного числа доказательств, позволяющего субъектам доказывания обосновать позицию по делу.

Ключевые слова: доказывание; пределы доказывания; фактические пределы; достаточность; необходимые доказательства; обязательные доказательства.

Если под пределами доказывания понимать число источников доказательств, требуемых для обоснования их достаточности, то закономерен вопрос о размерах этого числа. Возможно ли законодательное определение обязательного количества доказательств? Существуют ли пределы для «пределов» доказывания?

Количественное определение доказательств можно выразить через понятие достаточных и необходимых пределов доказывания [5].

Вопрос о достаточных пределах доказывания решается неоднозначно.

С одной стороны, излишнее обоснование одного и того же факта различными способами и средствами свидетельствует о нерациональности уголовно-процессуального познания, влечет потерю времени и сил функционеров судопроизводства, мешает целеустремленности субъектов доказывания. К отрицательным проявлениям неоправданного переизбытка доказательств следует отнести отрыв лиц от своих занятий, повышение материальных затрат судопроизводства, нарушение принципа разумности сроков и экономичности процесса.

С другой стороны, количественный критерий достаточных пределов доказывания призван гарантировать надежность и прочность собранных доказательств. Сложно опровергнуть известную формулу, согласно которой

достоверность доказательств пропорциональна их числу. Вопросы количественной оценки доказательств занимали Л.Е. Владимирову: «Увеличивая число свидетелей, мы, следовательно, действуем по тому же способу, по какому индуктивный исследователь устанавливает причинную связь между двумя явлениями посредством постепенного исключения влияния случайных обстоятельств. Умножая число свидетелей, мы вычитаем причины случайные (физиологическую, интеллектуальную негодность) и причины, отклоняющие свидетеля от правдивого показания (страсти, интересы, предрассудки), пока не достигаем такого числа свидетелей, которое обеспечивает чистоту свидетельского показания» [3. С.53]. Эти идеи плодотворно были освещены и Г.М. Миньковским: «С увеличением количества доказательств, с объективно совпадающим или частично перекрывающим (подкрепляющим) содержанием увеличивается и их надежность, а следовательно, и надежность установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания» [9. С.191]. Обоснованные опасения дискредитации доказательств, а равно и реальное противодействие расследованию предполагают «сознательное допущение некоторой избыточности доказательств, обеспечиваемой дублированием наиболее «узких мест» и установлением дополнительных связей между доказательствами» [1. С.51]. Вследствие этого А.Р. Белкин, задаваясь вопросом «а можно ли утверждать, что эта система доказательств, составляющая пределы доказывания, не только достаточна, но и необходима, т.е. в ней нет излишних, избыточных элементов и звеньев?» пришел к пониманию пределов доказывания как «разумно избыточной» системы доказательств, при этом отнюдь не необходимой [1. С.50].

Разумная избыточность как относительная категория не позволяет заранее назвать оправданное число доказательств, требуемых для установления искомого факта. Необходимо учитывать, что оценка числа доказательств постоянно меняется. Хотя собранная совокупность доказательств до определенного момента позволяет считать те или иные обстоятельства предмета доказывания установленными, эта оценка до окончания доказывания всегда является лишь предварительной и подвергается перепроверке. Самые разнообразные факторы могут влиять на расширение или сужение пределов доказывания: выявление новых обстоятельств дела, выдвижение версий, перемена субъекта доказывания, переход в новую стадию процесса, ошибки расследования и пр. Принципиально лишь то, что основным условием, определяющим пределы оправданной избыточности выступает уникальность конкретного уголовного дела. Сугубая индивидуальность преступного события прошлого делает невозможным предварительный расчет совокупности доказательств, дублирующих и страхующих друг друга. Каждое уголовное дело формирует только ему присущее оправданно-разумное число доказательств, которое и выражает понятие фактических пределов доказывания по конкретному делу.

Важно, что фактические пределы доказывания представляют опреде-

ленное число источников доказательств, требуемое для обоснования выводов по делу, а вовсе не количественную оценку, содержащихся в них сведений. Предположения о возможностях математического анализа достоверности выводов из системы доказательств были критически рассмотрены А.А. Хмыровым и сделан верный вывод о преждевременности подобных попыток: «В каждом случае оценки системы доказательств следователь и суд имеют дело не с массой однородных явлений, случайных по своему значению (а этой и есть предмет теории вероятностей), а с уникальным, единственным в своей неповторимости событием, конкретные признаки которого, отразившиеся в доказательствах, образуют также индивидуальный, в принципе неповторимый комплекс. В этом комплексе могут фигурировать не только типичные для данного вида преступления доказательства, частота встречаемости которых может получить количественную оценку вероятностно-статистическими методами, но и доказательства «атипичные», сугубо индивидуальные по своему характеру, ценность которых не только нельзя выразить количественно, но и даже предвидеть» [10. С.207-208]. Остается лишь добавить, что фактические пределы подлежат установлению не только для итоговых выводов по делу, но и для отдельных фактов материального и процессуального характера, нуждающихся в доказывании.

Несмотря на то, что свобода оценки доказательств, в том числе их численности, обуславливает невозможность просчета разумной избыточности доказательств, тем не менее, это не исключает попыток определения случаев, когда пределы доказывания заранее следует признать неоправданными. Причины неоправданной избыточности связаны с допущением характерных ошибок (просчетов):

- 1) материальных (например, установление обстоятельств, не предусмотренных диспозицией Особенной части УК РФ);
- 2) процессуальных (например, соби́рание недопустимых доказательств в силу процессуальных правил доказывания; установление обстоятельств не входящих в предмет доказывания, фактов не требующих доказывания, общеизвестных фактов; игнорирование преюдициальных фактов и т.п.);
- 3) организационно-тактических (например, неправильная организация процесса расследования, приведшая к расширению круга источников одной и той же информации, при возможности ее получения более простым способом; расчет на получение доказательств определенного вида научно необоснованными способами [6. С.172-192]);
- 4) персональных (например, личные качества субъекта доказывания, мешающие ему определить пределы разумной избыточности доказательств; случаи, когда функционер доказывания не «может остановиться» в процессе формирования доказательств).

Названные причины связаны, в том числе и с оценкой содержательной стороны доказательства, а не только с фактом самого наличия источника доказательства, но, тем не менее, приведенные просчеты однозначно вле-

кут необоснованное количественное превышение пределов доказывания.

Определенное распространение в науке получила точка зрения о том, что в ходе расследования и судебного разбирательства фактические пределы доказывания должны стремиться к необходимым пределам [9. С.193-194; 7. С. 239]. Однако какие либо аргументы в пользу приведенного утверждения не приводятся. Представляется, что уязвимость подобных суждений состоит в 1) неверном определении категории «необходимость», 2) неправомерном отождествлении понятий «необходимые пределы доказывания» и «необходимые доказательства».

Недостатком приведенных взглядов является восприятие необходимых пределов доказывания в качестве требуемого в идеале либо желательного числа доказательств, устанавливающего тот или иной факт. Такой подход противоречит философскому пониманию необходимости, представляющей собой «характеристику явления, однозначно определённого некоторой областью действительности, предсказуемого в рамках знания о ней»[8]. Ключевым моментом в этом определении выступает предсказуемость характеристик, их предварительная известность, заблаговременная предрешенность. Очевидно, что такое понимание не совместимо с постоянно меняющимся, неопределенным, а порой и размытым числом источников доказательств в рамках единственного в своей неповторимости конкретного уголовного дела. Признание того, что фактические пределы доказывания должны стремиться к необходимым, а не довольствоваться разумной избыточностью, означало бы запрограммированность уголовно-процессуальной деятельности, лишение субъектов доказывания инициативности, сведение процесса доказывания к формальным установкам вне свободной оценки доказательств.

Вместе с тем, философское понимание необходимости вполне уместно для уяснения категории «необходимые пределы доказывания», под которыми следует понимать такое число источников доказательств, без которых невозможно обоснование позиции по делу либо оценка их достаточности. Необходимые пределы доказывания есть обязательное и неизбежное число источников доказательств, отсутствие которых тормозит доказательственную деятельность. Достижение необходимых пределов доказывания свидетельствует о позитивной возможности дальнейшего развития процесса доказывания. Иначе говоря, необходимые пределы доказывания – это не количество доказательств, к которому следует стремиться, а число источников доказательств, без которого доказывание практически невозможно.

Необходимые пределы доказывания в процессуальной литературе встречаются под названием обязательных источников доказательств. «Под обязательными можно понимать такие источники доказательств и доказательства, – пишет Р.С. Белкин, – при отсутствии которых нельзя сделать вывод о полном и всестороннем расследовании уголовного дела, а собранные доказательства – признать достаточными» [2. С.92]. Важно, что в этом

определении разграничиваются обязательные источники и обязательные доказательства. Если первые отражают количественную сторону процесса доказывания, то вторые – качественную. Если «необходимые пределы доказывания» – наличие определенного числа источников доказательств, то понятие «необходимые доказательства» характеризует их с информативно-содержательных позиций, требуемых для формирования обоснованных выводов по делу.

При этом неповторимость и индивидуальность каждого уголовного дела вовсе не мешают определению необходимых пределов доказывания, которые, по сути, отражают стандартное число источников доказательств в наиболее типичных ситуациях. В состав необходимых пределов доказывания следует включать заключение эксперта, в случаях когда назначение экспертизы обязательно, вещественные доказательства или иные документы являющиеся предметами преступления или средствами (орудиями) его совершения в случаях прямо предусмотренных диспозициями Особенной части УК РФ.

Необходимые пределы доказывания не обладают заранее установленной доказательственной силой и не имеют каких-то преимуществ перед другими средствами доказывания. Но при их отсутствии невозможно установить обстоятельства, подлежащие доказыванию, а также это ведет к затягиванию процесса, а в итоге к невозможности правильного разрешения дела.

Логичным в доказывании выглядит цепочка, при которой определение пределов доказывания обязательно предшествует оценке достаточности доказательств, после чего субъекты доказывания формируют выводы по делу. Иначе говоря, в основе принятия решения лежат сведения, полученные из надлежащего источника.

Однако традиционная причинно-следственная связь «пределы – достаточность» в уголовном судопроизводстве проявляется не всегда. Встречаются исключения, когда позиция по делу может быть сформирована либо за счет пределов доказывания, либо на основе оценки достаточности без учета числа доказательств.

В первом случае речь идет о необходимых пределах доказывания, которые сами по себе свидетельствуют о возможности прямого вывода без анализа их содержания. Само число источников доказательств выступает «достаточным» условием для обоснования процессуальной позиции. Примерами, когда достаточность сводится, как правило, к заранее предусмотренному числу источников доказательств, могут служить различные проявления сокращенных и упрощенных производств. Так, если подозреваемый признает свою вину, характер и размер причиненного преступлением вреда, а также не оспаривает правовую оценку деяния, приведенную в постановлении о возбуждении уголовного дела, то это является основанием для производства дознания в сокращенной форме (ст. 226.1 УПК РФ). Что касается упрощенных производств, то законодатель не требует

процессуальной оценки достаточности сведений, содержащихся в заявлении потерпевшего по уголовному делу частного обвинения. Решение о возбуждении уголовного дела мировой судья основывает на факте наличия самого заявления (рассматриваемого как доказательство), а не на уяснении содержащихся в нем сведений.

Обратной ситуацией являются случаи, когда необходимые пределы доказывания отсутствуют, но вывод о достаточности может быть сделан. Такой вывод, как правило, имеет отрицательное значение. Оценка достаточности сводится к признанию «недостаточным» числа доказательств, а, следовательно, и невозможности обоснования позиции по делу. Так «классическим» подтверждением этого правила выступают положения ст. 77 УПК РФ, запрещающие формировать обвинение лишь на основе собственного признания вины обвиняемым при отсутствии других доказательств.

Таким образом, пределы доказывания являются желательной, но не обязательной предпосылкой оценки достаточности доказательств. И наоборот.

Приведенные суждения свидетельствуют о значительной роли количественного критерия в оценке доказательств, не умаляя критерия содержательного. При этом число источников доказательств (пределы доказывания) выступает необходимой предпосылкой оценки их качества.

Список литературы:

1. Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2007. С. 51.
2. Белкин Р.С. Собираение, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. М., 1966. С. 92.
3. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула, 2000. С. 53.
4. Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькин П.С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978. С. 90-91.
5. Зотов Д.В. Пределы для пределов доказывания // Законность. 2014. №9. С. 57-60.
6. Зотов Д.В. Уголовно-процессуальное доказывание и научно-технические достижения: теоретические проблемы. Воронеж, 2005. С. 172-192.
7. Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж, 1995. С. 239.
8. Левин Г. Д. Необходимость и случайность // Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН. М., 2010.
9. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Отв. ред. Н.В. Жогин. М., 1973. С.191.
10. Хмыров А.А. Косвенные доказательства в уголовных делах. М., 2005. С. 207-208.

D.V. Zotov, Candidate of Law, Associated Professor of the Organization of Judicial Power and Law Enforcement Department of Voronezh State University (e-mail: zotov78@mail.ru)

ACTUAL AND NECESSARY LIMITS OF PROOF

Abstract: *proving limits – the number of evidence required to determine their adequacy; attempt to determine the required number and justified evidence to substantiate the subjects*

to justify the position of the case.

Keywords: *probation; beyond proof; actual limits; sufficiency; necessary evidence; evidence required.*

УДК 343.98

В.В. Иванов, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета (e-mail: ivanov_sl@rambler.ru)

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ПОТЕРПЕВШЕГО В РАССМОТРЕНИИ СУДАМИ ВОПРОСОВ ОБ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОМ ОСВОБОЖДЕНИИ

В настоящей статье рассматриваются вопросы обеспечения прав потерпевшего в стадии исполнения приговора. Особое внимание уделено порядку информирования потерпевшего о рассмотрении судом вопросов об условно-досрочном освобождении осужденного, замене неотбытой части наказания и освобождении от отбывания наказания. При написании статьи учтены последние изменения уголовно-процессуального законодательства, позиция Конституционного Суда РФ и правоприменительная практика, сформировавшаяся за последний год.

Ключевые слова: *потерпевший, исполнение приговора, информирование потерпевшего, участие потерпевшего в суде, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания.*

Уголовно-процессуальный кодекс РФ в качестве одной из целей уголовного судопроизводства провозгласил необходимость защиты прав и законных интересов потерпевших от преступлений. Эта цель достигается как благодаря усилиям государства в лице органов и должностных лиц, ведущих производство по делу, так и благодаря усилиям самих потерпевших и их представителей. В связи с этим законодатель предоставил потерпевшему полномочия, реализуя которые он может, во-первых, добиваться компенсации причиненного преступлением вреда, и, во-вторых, быть уверенным в том, что справедливое и беспристрастное судебное разбирательство, завершившееся приговором, гарантирует ему в дальнейшем спокойную жизнь и безопасность.

Под безопасностью в данном случае понимаются не только меры физической защиты, предпринимаемые в ходе расследования уголовного дела и его рассмотрения судом. Безопасность – это и право потерпевшего на спокойную жизнь на протяжении всего периода исполнения наказания назначенного осужденному в соответствии с приговором суда, в первую очередь наказания в виде лишения свободы. Это гарантия того, что на протяжении времени, необходимого, по мнению суда, для исправления осужденного, тот не совершит повторных противоправных действий в отношении потерпевшего и его близких.

Однако, участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве нередко

фактически оканчивается вынесением приговора суда. В пересмотре приговора в апелляционном, кассационном, надзорном порядке потерпевший участвует далеко не всегда. Так сложилось исторически, и до последнего времени эта практика полностью основывалась на законе, в стадии исполнения приговора потерпевший никакого участия не принимает. Сравнительно недавно это стало меняться. Федеральным законом от 23.07.2013г. №221-ФЗ ст.399 УПК РФ была дополнена частью 2.1, закрепляющей возможность участия потерпевшего в рассмотрении судами вопросов об условно-досрочном освобождении от наказания и замене неотбытой части наказания более мягким. Что побудило законодателя изменить сложившуюся на протяжении десятилетий систему отношений?

В отечественной литературе и правоприменительной практике сложилось традиционное представление о том, что участниками стадии исполнения приговора являются осужденный, защитник, прокурор, представитель органа исполняющего наказание и, конечно же, суд, который полномочен разрешать вопросы, возникающие на данной стадии (условно-досрочное освобождение, замена не отбытой части наказания более мягким видом наказания, освобождение от отбывания наказания и др.). На первый взгляд, ни о каком участии потерпевшего на этой стадии речи идти не может. Во многом такая система отношений сформировалась под влиянием традиционных представлений о сущности института уголовного наказания и его целях. В теории уголовного права наказание на протяжении многих десятилетий рассматривается как правоотношение между преступником и государством. Вполне логично, что в эти правоотношения не вовлекаются частные лица, в т.ч. и потерпевшие, которые прямого отношения к процессу исполнения приговора не имеют. Взгляд на наказание как на правоотношение пришел на смену существовавшей ранее теории, ставящей знак равенства между наказанием и карой. В такой системе отношений потерпевшему тоже не было места.

В определенной мере это справедливо, поскольку государство не должно поощрять кровожадность потерпевших, и их позиция по вопросу о виде и мере наказания, высказанная в прениях сторон, хотя и учитывается судом при постановлении приговора, но не имеет обязательного значения. Также у потерпевшего есть еще один инструмент – право на подачу апелляционной, кассационной и надзорной жалобы, в которой он может высказать свое несогласие с назначенным наказанием и добиваться его ужесточения. При этом, обжалование вступивших в законную силу приговоров в современных условиях не позволяет добиваться их отмены по мотивам несправедливости.

Право на компенсацию ущерба, причиненного преступлением, потерпевший может реализовать участвуя в деле в качестве гражданского истца. Поэтому на стадии исполнения приговора он имел и имеет право отстаивать свои материальные интересы, заявленные в гражданском иске и удовлетворенные в приговоре суда. Однако, исчерпываются ли этим инте-

рессы потерпевшего на стадии исполнения приговора? Ответить на данный вопрос утвердительно не представляется возможным.

Общеизвестно, что при постановлении судом обвинительного приговора, потерпевшего больше всего интересуют вопросы о виде и мере наказания, а также о размере удовлетворенных судом исковых требований. Поэтому потерпевший, активно добивавшийся изобличения обвиняемого в совершении преступления, участвовавший в доказывании как в ходе досудебного производства, так и на стадии судебного разбирательства, способствовавший наиболее полному и тщательному исследованию обстоятельств дела, после вступления приговора в законную силу и обращения его к исполнению имеет право надеяться, что на протяжении того времени, которое указано судом, осужденный, находясь в условиях изоляции от общества, не совершит никаких посягательств на его права и законные интересы. Иными словами, потерпевший, услышавший в зале суда фразу «признать подсудимого виновным и назначить ему наказание в виде лишения свободы сроком на 6 лет», понимает, что ближайшие 6 лет он будет огражден от любых встреч с осужденным.

Однако по отбытии определенной законом части наказания и при наличии установленных законом оснований, у осужденного появляется реальный шанс на условно-досрочное освобождение или сокращение размера наказания иным законным способом. Право потерпевшего на безопасность оказывается под угрозой нарушения, поскольку осужденный за время нахождения в изоляции от общества может озлобиться, считать главным виновником произошедшего потерпевшего и вынашивать планы мести, но законные интересы потерпевшего на этом этапе уголовного судопроизводства никак не защищены. Потерпевшего до последнего времени не уведомляли ни о заявлении такого ходатайства, ни о дате и месте судебного заседания по его рассмотрению, в связи с чем он не имел возможности довести до сведения суда свою позицию по вопросам об условно-досрочном освобождении, об изменении вида наказания и т.п. Не вызывает сомнений, что потерпевший должен знать о принимаемых на этой стадии решениях, чтобы иметь возможность оценить реальность и размеры возникшей для своих прав угрозы и на основании этого обезопасить свое жилище и имущество, принять решение о возможной смене места жительства, анкетных данных и т.п., либо не предпринимать указанных действий ввиду маловероятности повторного совершения преступления. Международный опыт последних десятилетий нацелен на необходимость извещения потерпевшего о подобных решениях, а также и на учет его мнения [См.: 1, с. 89-91]. В связи с этим, следует приветствовать дополнение статьи 399 УПК РФ частью 2.1, предписывающей извещать потерпевшего о времени и месте судебного заседания и предоставлении возможности личного участия в этом заседании. Такие нововведения, безусловно, направлены на обеспечение прав потерпевшего и на завершающей стадии уголовного процесса.

Не прошло и года с момента появления рассматриваемой ч.2.1 ст.399 в законе, как 18 апреля 2014г. Конституционный Суд РФ в своем постановлении №-5П рассмотрел вопрос о соответствии Конституции РФ нормы наделяющей потерпевшего правом на участие в судебном заседании при рассмотрении вопроса об условно-досрочном освобождении осужденного от отбывания наказания и пришел к весьма интересным выводам.

Исходя из обязанности государства обеспечивать лицам, потерпевшим от преступлений, доступ к правосудию, с тем чтобы они имели возможность отстаивать свои имущественные и неимущественные интересы, в том числе путем обжалования судебных решений об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания лиц, осужденных за эти преступления, федеральный законодатель дополнил статью 399 УПК Российской Федерации частью второй.1, предусматривающей возможность участия потерпевшего либо его законного представителя и (или) представителя в судебном заседании при рассмотрении судом вопроса об условно-досрочном освобождении осужденного (пункт 1 статьи 2 Федерального закона от 23 июля 2013 года № 221-ФЗ “О внесении изменений в статью 83 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации”), а часть первую статьи 79 УК Российской Федерации, определяющую требования, соблюдение которых необходимо для применения условно-досрочного освобождения, - указавшим на полное или частичное возмещение вреда, причиненного преступлением, в размере, определенном решением суда (пункт 2 статьи 1 Федерального закона от 28 декабря 2013 года № 432-ФЗ “О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве”).

Но обязанность государства обеспечивать права потерпевших от преступлений не предполагает наделение их правом определять необходимость осуществления публичного уголовного преследования в отношении того или иного лица, а также пределы возлагаемой на это лицо уголовной ответственности и наказания - такое право в силу публичного характера уголовно-правовых отношений принадлежит только государству в лице его законодательных и правоприменительных органов; юридическая ответственность, если она выходит за рамки восстановления нарушенных неправомерным деянием прав и законных интересов потерпевших, включая возмещение причиненного этим деянием вреда, является средством публично-правового реагирования на правонарушающее поведение, в связи с чем вид и мера ответственности лица, совершившего правонарушение, должны определяться исходя из публично-правовых интересов, а не частных интересов потерпевшего. Данная правовая позиция в равной мере распространяется на стадию исполнения приговора.

Справедливо исходя из того, что конституционно-правовой, а также процессуальный статус потерпевшего по уголовному делу предполагают

его право довести до суда свою позицию по вопросу об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания осужденного по данному уголовному делу, которая, не предопределяя самого по себе решения по существу вопроса, позволит учесть в рамках судебной процедуры конституционно оправданные интересы потерпевшего, связанные с обеспечением его личной безопасности, защитой его семьи и близких от угроз со стороны лица, совершившего преступление, либо с получением реального возмещения причиненного этим преступлением вреда, Конституционный Суд приходит к выводу, что реализация потерпевшим этого права не должна осуществляться с нарушением принципа процессуальной экономии, т.е. приводить к существенному увеличению сроков рассмотрения ходатайств об условно-досрочном освобождении (особенно если количество потерпевших по делу исчисляется десятками и сотнями) и, как следствие, к чрезмерно длительному пребыванию осужденного в состоянии ожидания судебного решения и неопределенности относительно своего правового положения. Обеспечение баланса прав осужденных и потерпевших во многом предопределяется наличием в распоряжении суда, рассматривающего ходатайство об условно-досрочном освобождении, организационных механизмов, позволяющих получить актуальную информацию о местонахождении потерпевшего и тем самым считать его извещенным о поступлении соответствующего ходатайства.

Обязывая законодателя внести в действующее правовое регулирование изменения, направленные на оптимизацию порядка уведомления потерпевших по уголовному делу о судебном заседании по рассмотрению вопроса об условно-досрочном освобождении осужденного по данному уголовному делу от отбывания наказания, в том числе в части распределения функций по обеспечению их информирования между администрацией учреждения или органа, исполняющих наказание, и судом, Конституционный Суд указал, что впредь до внесения в действующее правовое регулирование надлежащих изменений извещения о дате, времени и месте проведения судебного заседания по вопросу об условно-досрочном освобождении осужденного от отбывания наказания направляются потерпевшим, их законным представителям и (или) представителям по адресам, имеющимся в распоряжении суда, - указанным самими потерпевшими, их законными представителями и (или) представителями, а также адресам, указанным в материалах уголовного дела; суд также вправе запросить необходимые сведения, если они отсутствуют в полученных им материалах, как у суда, в котором хранится уголовное дело, так и у администрации учреждения или органа, исполняющих наказание.

Возложенная на суды обязанность извещения потерпевших и их представителей на практике достаточно быстро стала исполняться. Выборочное изучение 70-ти материалов об условно-досрочном освобождении, рассмотренных районными судами Самарской области в 2014г. показало, что более чем в 80 % случаев потерпевшие извещались судами о рассмотре-

нии ходатайств осужденных об УДО. Неуведомление потерпевших имело место в случаях отбытия наказания осужденными, прибывшими в Самарскую область из другого региона. Это существенно осложняет информирование потерпевших в таких ситуациях, т.к. ранее действовавшее законодательство не содержало такой обязанности, механизм информирования до последнего времени не был принят, а в личных делах осужденных информация об адресах потерпевших имеется не всегда. Направление запроса об адресах потерпевших в суд постановивший приговор занимает много времени и существенно затягивает рассмотрение ходатайств об УДО. Поэтому суды не всегда уведомляют потерпевших.

Показателен случай рассмотрения ходатайства одного из осужденных об условно-досрочном освобождении. Адвокат осужденного настаивал на переносе судебного заседания до момента выяснения позиции потерпевшего по этому вопросу. Суд ограничился направлением потерпевшему повестки по прежнему месту жительства, но адвоката это не устроило. В итоге, адвокат осужденного добился не только уведомления потерпевшего, но и его явки в судебное заседание, в котором потерпевший сообщил суду, что не возражает против удовлетворения ходатайства осужденного об УДО. Судом данное ходатайство было удовлетворено, в т.ч. и с учетом мнения потерпевшего.

Неясность механизма информирования потерпевших, отчасти компенсированная названным Постановлением Конституционного Суда РФ, в дальнейшем была устранена федеральным законом от 30 марта 2015г. №62-ФЗ. Данным законом внесены поправки в УПК РФ и УИК РФ. В частности, в п.21.1 ч.2 ст.42 УПК РФ расширен перечень информации, которую вправе получать потерпевший на основании письменного ходатайства. К ней отнесены сведения о прибытии осужденного к лишению свободы к месту отбывания наказания, в том числе при перемещении из одного исправительного учреждения в другое, о выездах осужденного за пределы учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, о времени освобождения осужденного из мест лишения свободы, а также о рассмотрении судом связанных с исполнением приговора вопросов об освобождении осужденного от наказания, об отсрочке исполнения приговора или о замене осужденному неотбытой части наказания более мягким видом наказания.

Также статья 42 УПК РФ дополнена частью 5.1, устанавливающей порядок заявления потерпевшим ходатайства и его содержание. В ходатайстве потерпевшим указываются перечень информации, который он желает получить, адрес его места жительства, адрес электронной почты, номера телефонов, а также иные сведения, которые могут обеспечить своевременное получение названной информации. Ходатайство о получении информации должно быть заявлено потерпевшим, его законным представителем, представителем до окончания прений сторон в письменной форме. Данное ходатайство разрешается судом одновременно с вынесением об-

винительного приговора путем вынесения постановления, определения об уведомлении потерпевшего или его законного представителя. Следует отметить, что действующее уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает возможности информирования по электронной почте. Эффективность его применения покажет время, но отрицать прогрессивность такого механизма невозможно.

Наряду с этим, на администрацию исправительного учреждения возложена обязанность по уведомлению потерпевших о переводе осужденных из одного исправительного учреждения в другое (ч.2.4 ст.78, ч.2.1 ст.81, ч.4 ст.140 УИК РФ), а также направлению потерпевшему уведомлений о направлении в суд представления администрации учреждения, исполняющего наказание, или ходатайства осужденного об условно-досрочном освобождении, о замене ему неотбытой части наказания в виде лишения свободы более мягким видом наказания или об отсрочке отбывания наказания (ч.2 ст.172.1 УИК РФ).

Таким образом, федеральный законодатель в настоящее время разработал и закрепил, как в уголовно-процессуальном, так и в уголовно-исполнительном законах, механизм уведомления потерпевших о рассмотрении судами соответствующих вопросов. Закрепленный в законе механизм двойного уведомления потерпевших должен обеспечить эффективную защиту их прав в стадии исполнения приговора.

Список литературы:

1. Брусницын Л. О правах потерпевшего в стадии исполнения приговора // Уголовное право. 2013. № 6.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 18 марта 2014 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности части второй.1 статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кетовского районного суда Курганской области» // СПС «Гарант». Дата обновления: 01.03.2015.
3. Федеральный закон от 30 марта 2015 г. N 62-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации по вопросу участия потерпевших при рассмотрении судом вопросов, связанных с исполнением приговора» // СПС «Гарант». Дата обновления: 01.03.2015.

V.V. Ivanov, Candidate of Law, Associated Professor, the Criminal Procedure and Criminalistics Department of Samara State University (e-mail: ivanov_sl@rambler.ru)

TO THE QUESTION OF THE PARTICIPATION OF VICTIMS IN PROCEEDINGS BEFORE THE COURTS QUESTIONS ABOUT PAROLE

Abstract. This article examines the issues of the rights of the victim at the stage of execution. Particular attention is given to the order to inform the victim of the Court's examination of the parole of the convicted person, the replacement of the unserved part of the punishment and release from punishment. When writing this article takes into account recent changes in the criminal procedure law, the position of the Constitutional Court of the Russian Federation and practice that has developed over the last year.

Keywords: victim, enforcement of sentence, informing the victim, participation of victims in court grant of parole of completion of sentence

УДК 343.1

Н.В. Илютченко, аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета, г. Курск (e-mail: ilyutchenko@gmail.com)

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ СТАТИСТИЧЕСКОЙ ОТЧЕТНОСТИ НА КОЛИЧЕСТВО ПРЕКРАЩЕННЫХ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

В данной статье уделяется внимание прекращению уголовного дела. Анализируются статистические данные Судебного департамента при Верховном суде РФ, предлагается вариант оптимизации института прекращения уголовного дела.

Ключевые слова: статистика, прекращение уголовного дела, уголовное преследование.

На протяжении эволюции государства и общества вопросу преступления и наказания отводилось особенное внимание. Общественная опасность преступления и желаемая неотвратимость наказания стимулировали разработку соответствующих социальных норм различного вида.

С образованием государственности и формирования права как важнейшей системы регулирования жизни обострилась необходимость детальной регламентации всех важнейших правоотношений. Право выступает в качестве инструмента в руках государства, с помощью которого выражается общественно необходимое соотношение частных и публичных интересов, регулируются социальные противоречия.

На современном этапе развития российского уголовного судопроизводства правоприменительная практика, в соответствии нормативной базой, сложилась таким образом, что прекращение уголовного дела на этапе досудебного производства воспринимается как ненадлежащая работа органов предварительного расследования. Подобная расстановка приоритетов не может положительным образом отразиться на соблюдении прав и законных интересов участников уголовного процесса, кроме того, она существенным образом деформирует правоприменение в иных плоскостях уголовно-процессуальной деятельности: на этапе досудебной проверки, в стадии возбуждения уголовного дела в целом, на этапе привлечения лица в качестве обвиняемого и т.д., ставя фактически неадекватные данной процессуальной деятельности задачи на возбуждение уголовного дела.

Если обратить внимание на данные, которые содержатся в статистической отчетности Судебного департамента при Верховном суде РФ, за первое полугодие 2014 года, то можно увидеть, что судами первой инстанции было окончено 440 372 уголовных дела, из них 100 090 (22.72 %) прекращено, 5 584 (1.26%) по реабилитирующим основаниям.

Если дифференцировать окончанные уголовные дела по тяжести преступлений, то выясняется, что наибольшее количество прекращенных дел это преступления небольшой и средней тяжести, так:

а) особо тяжкие преступления – окончено 21 350 дел, из них прекращением 169 (0.79%), по реабилитирующим основаниям – 14 (0.07%);

б) тяжкие преступления – окончено 79 517 дел, из них прекращением 1192 (1.5 %) , по реабилитирующим основаниям – 23 (0.03%);

в) преступления средней тяжести – окончено 102 194 дела, из них прекращением 24 217 (22.38%), по реабилитирующим основаниям – 35 (0.4 %);

г) преступления небольшой тяжести – окончено 237 211 дел, из них прекращением 74 612 (31.45%) дел, по реабилитирующим основаниям – 5 522 (2.33%). [1]

Результат предварительного расследования по тяжким и особо тяжким преступлениям качественно отличается от преступлений небольшой и средней тяжести. Безусловно, нельзя не учитывать огромную разницу в количестве преступлений и их общественной опасности, но права и интересы, охраняемые государством, ущемляются в любом случае. Количество прекращенных дел по преступлениям небольшой и средней тяжести – 31.45% и 22.38% соответственно, в разы больше чем количество прекращенных уголовных дел по тяжким и особо тяжким преступлениям. Получается, что треть оконченных дел по преступлениям небольшой тяжести могли и вовсе не доводиться до суда, а это без малого семьдесят пять тысяч уголовных дел, а всего в совокупности прекращено в суде первой инстанции около ста тысяч уголовных дела. Огромные ресурсы как экономические, так и людские расходуются впустую, но на фоне этого не прекращаются разговоры о том, что органы следствия и суды не справляются с объемом работы.

Подобное состояние дел можно объяснить как большим количеством уголовных дел, так и несовершенством законодательной базы. Огромная нагрузка на следственные органы, приводит к тому, что резко снижается эффективность их деятельности на этапе досудебного производства, отсюда увеличивается вероятность ошибок и недоработок. Отсутствие четкой системы процессуальных гарантий при прекращении уголовного дела не позволяет использовать данный институт во всех ситуациях, когда это целесообразно. Также, органы предварительного расследования связаны пресловутой отчетностью, постоянной гонкой за показателями. Сегодня прекращение уголовного дела на этапе досудебного производства воспринимается в негативном виде и отражается на статистической отчетности не в лучшую сторону. Кроме того, нельзя упускать из виду и экономическую составляющую. Ведь на расследование уголовных дел, которые впоследствии будут прекращены, затрачивается немало бюджетных средств, что в совокупности с лишней нагрузкой на правоохранительную систему лишь усиливает негативный эффект.

В результате, возникают хорошо известные, даже, обывателю проблемы уклонения от возбуждения уголовного дела, сокрытия преступлений от учета, подмены предварительного расследования досудебной провер-

кой сообщений и заявлений о преступлении, подменой процессуальной деятельности оперативно-розыскной, которая в принципе не предоставляет тех гарантий прав личности, которые характерны для предварительного расследования, затягивание привлечения лиц в качестве обвиняемого и смещение данного этапа к окончанию предварительного расследования, наконец, отказ от прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям с переносом данного процессуального решения в суд, что увеличивает продолжительность уголовного судопроизводства, его затратность для государства и личности. [2]

К вопросу организации и оптимизации института прекращения следует подходить аккуратно. На наш взгляд, камнем преткновения стала правоприменительная практика, которая была спровоцирована методом оценки эффективности работы органов предварительного расследования. Выходит, что органы предварительного расследования очень заинтересованы довести большинство дел до судебного разбирательства, чтобы не ухудшить свои показатели. Если все упирается в пресловутую статистику, то почему бы не начать оптимизацию именно с неё? Как вариант можно объединить показатели направленных в суд дел и окончанных на этапе предварительного расследования. Общих показатель окончанных уголовных дел и будет одним из главных статистических показателей. Также следует предупредить злоупотребление прекращением уголовных дел. По нашему разумению, это возможно путем учета в статистической отчетности количества отмененных решений о прекращении уголовного дела.

Список литературы:

1. Судебный департамент при Верховном Суде РФ [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.cdep.ru>.
2. Козявин А.А. Гарантии прав личности в уголовном процессе: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп.; Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2013.

N.V. Iljutchenko, Postgraduate Student of the Criminal Procedure and Criminalistics Department of Southwest State University, Kursk (e-mail: ilyutchenko@gmail.com)

TO THE QUESTION OF THE IMPACT OF STATISTICAL REPORTING ON THE NUMBER OF TERMINATED CRIMINAL CASES

Abstract. This article focuses on termination of the criminal case. Analyzed statistical data of the Judicial Department under the Supreme court of the Russian Federation, proposes a variant of the optimization of the Institute of termination of the criminal case.

Keywords: *statistics, criminal case, criminal prosecution.*

УДК 343.152

А.М. Калущих, аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета, г. Курск (e-mail: miss.annuschka@yandex.ru)

СТАДИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА: ЭВОЛЮЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

В данной статье автором проведен сравнительный историко-правовой анализ стадии исполнения приговора в уголовном судопроизводстве, рассмотрены особенности действующих ранее правовых актов, а также их влияние на формирование современного уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: *стадия исполнения приговора, вступление приговора в законную силу, отсрочка исполнения приговора, условно-досрочное освобождение от наказания.*

«История – сокровищница наших деяний, свидетельница прошлого, пример и поучение для настоящего, предостережение для будущего», – говорил Сервантес. История учит. История наказывает. История заставляет мыслить. Многообразие путей развития государств, палитра важнейших событий и величайших решений создают предпосылки к обобщению опыта предыдущих поколений и поиску наиболее выгодной с точки зрения современности модели будущего. Для российской самобытности обращение к недрам прошлого особо актуально, так как не раз примеры прошлого доказывали цикличность исторического развития нашего государства.

Направление развития любого общества всегда строилось по модели «дозволение-запрет», реализуемых по средствам различного рода социальных норм: религиозных, затем правовых. Страх наказания (его неотвратимости или же способа исполнения) предостерегали общество от совершения каких-либо действий, внушая тем самым определенную линию поведения. Однако противодействие со стороны определенной категории лиц обусловили регламентацию процесса привлечения к ответственности.

Тенденция к гуманизму и тотальному обеспечению прав и законных интересов человека и гражданина – реалия современности. При этом методы и средства их обеспечения вызывают споры на протяжении долгого времени. Особую значимость данный аспект приобретает в вопросах «преступления и наказания»: уголовного преследования, судебного рассмотрения, назначения наказания и его исполнения. В свете последних изменений уголовно-процессуального законодательства России ряд вопросов возникает касательно процедуры исполнения приговора.

Обращаясь к ретроспективе законотворческих решений, видим спектр методов и способов регламентации института исполнения наказаний. Исторический отсчет начинаем традиционно с Русской Правды как одного из важнейших законодательных памятников.

Русская Правда не знала ни деления судопроизводства на стадии, ни

существенных различий между уголовным и гражданским процессом. Система наказаний включала в себя ряд довольно лояльных видов, причем смертная казнь в данном перечне не значилась, однако, периодически применялась «по велению Князя». Следует отметить, что на первоначальном этапе Русской Правдой было предусмотрено совершение кровной мести, однако впоследствии данный пережиток первобытнообщинного строя был заменен системой штрафов, градация которых соответствовало тяжести причиненного, как правило, имущественного вреда. При этом примитивные основы исполнения приговора уже были заложены. Так, решение судебного органа (как правило, должностные лица), выносимое в устной форме, подлежало немедленному исполнению.

Судебники 1497 г. и 1550 г. также не содержали в себе процедурный аспект, однако кардинально изменили систему наказаний в целом, заменив штрафы смертной казнью и телесными наказаниями. При этом стремительное развитие материального права и обширное применение стратегии, направленной на устрашение граждан, не позволило активно развивать процессуальную составляющую института исполнения наказаний.

В ходе военно-судебной реформы Петра Великого 1720 г. было положено начало основам исполнения приговора. В частности, в условиях длительного плавания (свыше трех месяцев) судебное рассмотрение уголовного дела, а также процедура исполнения приговора было возложено на капитана и производилось под его руководством. При этом оговаривалось, что при возникновении бунта на корабле приговор приводился в исполнение немедленно, а в случае отсрочки или медлительности выполнения данной процедуры ответственность возлагалась на капитана судна. Никаких иных указаний в документе не содержалось.

Иная ситуация сложилась с принятием Устава уголовного судопроизводства в 1864 году. Думается, данный акт можно считать первым, регулирующим процессуальные отношения в сфере исполнения приговора. Следует отметить, что Устав стал революционным и невероятно прогрессивным для своего времени. Примечательно, что законодатель обладал высокой законодательной техникой и при составлении данного акта применил ее в полной мере.

Так, Уставу были известны условия вступления приговора в законную силу: когда по делу не предъявлено в апелляционном порядке ни протеста прокурора, ни отзыва участвующих в деле лиц; когда не предъявлено ни жалоб, ни протестов в кассационном порядке; когда кассационные жалобы участников процесса и протесты прокурора оставлены без «последствий». Ст. 957 гласит: «Судебный приговор обращается к исполнению немедленно по вступлении его в законную силу». Данная норма дала начало процессуальной регламентации процесса обращения приговора к исполнению и, тем самым, в процедуре исполнения судебных решений появился ещё один этап. К числу наиболее прогрессивных положений Устава следует отнести статьи, содержащиеся в Главе «Об обязанностях разных властей

по исполнению приговора». Так, основными субъектами были суд и прокурор, отдающий распоряжения по вопросам, выходящим за круг судебных действий. Кроме того, Устав Уголовного судопроизводства выделял особую категорию участников стадии – «исполнители», обязанные «в точности следовать судебному приговору и исполнять согласные с оным требования прокурора». К таковым относились полиция, губернское правление, духовное ведомство, епархиальное начальство, а также судебные приставы. К слову, современное уголовно-процессуальное законодательство лишь вскользь упоминает о возможных участниках стадии исполнения приговора, однако четкой регламентации данного вопроса в настоящее время нет.

Отметим, что положения Устава уголовного судопроизводства, претерпевая изменения или оставаясь неизменными, дублировались в последующих правовых актах, в том числе и в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (например, положения об отсрочке исполнения приговора, о предоставлении осужденным свиданий с родственниками, о роли суда в стадии исполнения приговора).

Дальнейшее свержение царского режима и приход к власти большевиков, несомненно, отразилось на законодательстве того времени. 25 мая 1922 г. был принят Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (далее – УПК РСФСР). Основой нового акта послужил Устав уголовного судопроизводства 1864 г., что отразилось в общности содержания и структуры в целом. Однако спешность принятия большевистского УПК привела к появлению множества отсылок и смешению уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм. Отличительной особенностью УПК РСФСР является детальная регламентация института условно-досрочного освобождения от наказания. Так, условно-досрочное освобождение могло быть предоставлено лишь по отбытии осужденным к лишению свободы или принудительным работам не менее половины срока наказания. Ходатайство о досрочном освобождении могло быть подано заключенным, его родственниками, организациями, учреждениями и должностными лицами. Кроме того, в ходе рассмотрения вопроса об условно-досрочном освобождении в судебном заседании требовалось обязательное присутствие представителя губернской распределительной комиссии, представлявшего свое заключение по каждому конкретному случаю. В остальном в УПК РСФСР заимствованы и доработаны положения Устава уголовного судопроизводства 1864 г.

В 50-е годы XX века, в эпоху восстановления страны назрела острая необходимость в смене идеологического направления развития советского общества. Более того, завершение сталинской эпохи, а также «ветхость» действующих нормативных актов лишь способствовали процессу реализации очередной правовой реформы. Советский Союз нуждался в принципиально новом и прогрессивном законодательстве. Сперва в целях определения основных принципов построения нормативной базы и обозначения

ния идеологической направленности правового развития в 1958 году были разработаны и приняты Основы уголовно-процессуального законодательства Союза ССР и союзных республик. Принятый в последующем Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г. стал «прорывом» того времени. Качественный с точки зрения законодательной техники акт поражал не только высокой степенью разработанности норм, но и логичностью и целостностью структуры.

В части регламентации стадии исполнения приговора УПК РСФСР 1960 г. стал основным источником для УПК РФ. Но, несмотря на преемственность, многие нормы претерпели существенные изменения. Ряд положений и вовсе был исключен. Так, например, Закон 1960 г. в ч. 5 ст. 359 предписывает в целях повышения воспитательного воздействия приговора по вступлении в законную силу направлять его копию в необходимых случаях по месту работы, учебы или жительства осужденного. Кроме того, УПК РСФСР регламентирует подсудность при решении вопросов, связанных с приведением приговора в исполнение; процесс исполнения приговора при наличии других неисполненных приговоров. Также здесь содержится ряд норм, которые в настоящее время относятся к области уголовного и уголовно-исполнительного права и содержатся в соответствующих правовых актах. Речь идет в частности о ст. 361.1 «Порядок освобождения от наказания и смягчения наказания вследствие издания уголовного закона, имеющего обратную силу»; ст. 362 «Освобождение от наказания в связи с болезнью»; ст. 364 «Изменение условий содержания лиц, осужденных к лишению свободы, во время отбывания наказания» и т.д. В современных условиях, при наличии обширной системы отраслевого и межотраслевого законодательства, подобное смешение было бы неприемлемо. Однако подобное утверждение является весьма спорным также как и вопрос о необходимости уголовно-процессуальной регламентации стадии исполнения приговора.

В заключение отметим, что проведенный историко-правовой анализ института исполнения приговора показал, что с течением времени вне зависимости от исторических условий интерес к данному этапу уголовного судопроизводства возрастает, появляется все большая необходимость в максимально точном и детальном правовом регулировании стадии исполнения приговора.

A.M. Kalutskikh, Postgraduate Student of the Criminal Procedure and Criminalistics Department of Southwest State University, Kursk (e-mail: miss.annuschka@yandex.ru)

STAGE OF EXECUTION: THE EVOLUTION OF LEGAL THOUGHT

Abstract. In this article the author conducted a comparative historical-legal analysis of the stage of execution of sentence in criminal proceedings, describes the features of the previously existing legal acts and their impact on the formation of the modern criminal procedure law.

Keywords: stage of execution, the entry into force of the sentence, suspended sentence, conditional release from punishment.

УДК 343.1

О.А. Калякин, профессор Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко г. Тирасполь
(Приднестровская Молдавская Республика)
(e-mail: nikita_kolokolov@mail.ru)

ПРЕДЕЛЫ ВОЗМОЖНОСТЕЙ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, ТЕХНИКА

Автор анализирует социально-правовую сущность доказывания а суде апелляционной инстанции.

Ключевые слова: Уголовный процесс, УПК РФ, апелляция, уголовно-процессуальное доказывание.

В ходе судебной реформы, начавшейся в России в конце XX века, проверочное производство претерпело существенные изменения, его реформирование до настоящего времени не завершено. Пока на законодательном уровне частично решен вопрос учреждения апелляции как основной формы пересмотра всех решения судов первой инстанции. Начиная с 1 января 2013 г. новый апелляционный регламент вступил в силу в полном объеме, уже появилась эмпирически емкая база для научно значимых выводов. Как показало проведенное нами исследования, апелляционное производство в действующем «формате» одобрено далеко не всеми учеными и практиками. Думается, что теоретические о сути апелляции должны перейти в область объективного анализа оптимальности предложенных законодателем конструкций, в том числе в контексте их соответствия как социально-нормативному назначению уголовного судопроизводства России в целом, так и непосредственным задачам установленных контрольно-проверочных производств.

Очевидно, что многие проблемы, которые возникают сегодня при пересмотре уголовного дела в суде апелляционной инстанции, связаны не только с недостатками регламента, у участников процесса не хватает профессиональной подготовки в умении как читать и понимать закон, так и применять его на практике. Отсутствие четкого уяснения сути и природы апелляции, предмета доказывания, а также способов и средств доказывания в апелляции приводит к тому, что субъекты доказывания оказываются не в состоянии использовать надлежащим образом весь инструментарий, предложенный законодателем.

Обозначенная проблема обусловила постановку и последовательное решение целого ряда теоретических и прикладных задач, а также выработку и проверку рабочих гипотез, в том числе:

- 1) детальное исследование генезиса института апелляции в истории уголовного судопроизводства;
- 2) уяснение природы, место и роль системы обжалования приговоров и

иных судебных решений, не вступивших в законную силу, в действующей общей системе проверочных производств в уголовном процессе через призму доказывания;

3) определения круг лиц, наделенных правом и реальной возможностью действовать в качестве субъектов доказывания в суде апелляционной инстанции через анализ их легально установленных прав, реальных возможностей, процессуальных обязанностей и ответственности;

4) выявление специфики правовых средств, допустимых при формировании объема доказательственной базы в суде апелляционной инстанции;

5) раскрытие специфики пределов доказывания в суде апелляционной инстанции через раскрытие процессуальных особенностей и содержания обстоятельств, подлежащих обязательной проверке по уголовному делу, и необходимых для принятия законного решения судом апелляционной инстанции;

6) исследование особенностей поведения субъектов доказывания непосредственно в судебном заседании при производстве в суде апелляционной инстанции с помощью выявленного уровня активности участников процесса;

7) разработку научно-практических рекомендаций по совершенствованию судебной деятельности и уголовно-процессуального законодательства в части доказывания в суде апелляционной инстанции.

Современный законодатель при закреплении норм, регулирующих апелляционное производство, в основном обратился к уже сформированной и во много апробированной теории апелляции. Вместе с тем, многие положения доктрины скорректированы таким образом, что не отвечают природе, сущности и целям апелляции.

Суд, оставаясь арбитром в процессе, организует процесс доказывания, контролирует его. Его цель – произвести окончательную оценку доказательств в их совокупности. Таким образом, безусловным основанием отмены апелляционного определения является нарушение правил, в результате которых у суда может быть нарушена так называемая «свежесть» восприятия при доказывании.

Суд апелляционной инстанции может исследовать доказательства с использованием систем видеоконференц-связи. Суд-исполнитель не участвует в оценке доказательств, вместе с тем нельзя сказать, что он вовсе не участвует в доказывании. Он оказывает содействие в сборе доказательств и их надлежащем процессуальном закреплении. Таким образом, полагаем его также можно признать субъектом доказывания наряду с судом-поручителем.

Стороны в процессе как субъекты доказывания наделены равными правами и обязанностями. Участие государственного обвинителя (прокурора) в суде апелляционной инстанции является обязательным, а доказывание – обязанностью, поскольку призвано обеспечить публичный интереса, в отличие от адвоката-защитника, доказывание в суде апелляционной инстан-

ции для которого является правом, поскольку отстаивание интересов подзащитного, дня него – профессиональный долг. Вместе с тем сторона обвинения является менее активным субъектом доказывания, чем адвокат.

Средства доказывания в суде апелляционной инстанции – это взятые в совокупности доказательства, как исследованные так и не исследованные судом первой инстанции, полученные из указанных в ч. 2 ст. 74 УПК РФ источников, путем производства предусмотренных в ч. 1 ст. 86 УПК РФ процессуальных действий.

Норма закона, согласно которой суд апелляционной инстанции вправе рассмотреть апелляционную жалобу, представление без проверки доказательств на основании письменных материалов, исследованных ранее в суде первой инстанции, в полной мере обеспечивает состязательность процесса, поскольку реализация судом данных полномочий происходит только по ходатайству сторон. Следовательно, данное средство доказывания мы считаем в полной мере допустимым и направленным на экономию процессуального времени.

Лексические формулировки, использованные законодателем при конструировании рассматриваемой нормы – «С согласия сторон суд апелляционной инстанции вправе рассмотреть апелляционные жалобу, представление без проверки доказательств, которые были исследованы судом первой инстанции», – позволяет говорить о том, что речь не идет об императивных требованиях исследовать доказательства или отказаться от их исследования в полном объеме, т.е. рассмотрение доказательств в части не будет противоречить закону. В этой связи мы считаем необходимым дополнить разъяснения пленума Верховного Суда положением о том, что если суд апелляционной инстанции не сочтет необходимым исследовать все доказательства, исследованные судом первой инстанции, он с учетом мнения сторон или по ходатайству сторон может исследовать их в необходимой части.

Законодатель определяет жесткие условия, при которых субъекты апелляционного обжалования могут воспользоваться таким средством доказывания, как новое доказательство. Мы полагаем, что рассматриваемое положение закона в условиях состязательности нарушает право осужденного на защиту. У суда второй инстанции есть весь инструментарий, который позволил бы исследовать новое доказательство и оценить его в совокупности с другими доказательствами, создав новое качественное доказательство.

Мы считаем необходимым дополнить ст. 389.13 УПК РФ нормой следующего содержания: «Доказательства, которые не были исследованы судом первой инстанции (новые доказательства) принимаются судом во всех случаях и подлежат оценке на предмет относимости и допустимости по правилам производства в суде первой инстанции».

В предмет доказывания законности судебного акта входит установление следующих обстоятельств:

1) судебный акт постановлен с соблюдением процессуальных сроков;
2) судебный акт постановлен (и подписан) судьей, рассматривавшим дело по существу;

3) состав суда, постановившего приговор или вынесшего иное судебное решение, является законным;

4) вынесению приговора или иного судебного решения предшествовало проведенные всех предусмотренные законом процессуальные действия, с помощью которых установлены значимые для дела обстоятельства;

5) при квалификации деяния, назначении наказания, разрешении гражданского иска правильно выбран и применен материальный закон;

6) решение облечено в установленную законом процессуальную форму и содержит все необходимые реквизиты.

Обстоятельствами, подлежащими доказыванию, при установлении обоснованности приговора или иного судебного решения, являются:

1) выводы суда, строятся только на тех доказательства, которые содержатся в материалах уголовного дела, и рассмотрены в судебном заседании;

2) выводы суда строятся только на тех доказательствах, которые признаны допустимыми и достоверными;

3) доказательства рассмотрены в совокупности и в общем объеме являются достаточными для принятия решения, оценка дана всем имеющимся в деле доказательствам;

4) судебное решение является однозначным, единственно возможным, т.е. вывод логичен, закономерен и вытекает из предпосылок;

5) установлено тождество между признаками совершенного деяния и признаками конкретного состава преступления, предусмотренного УК РФ, т.е. проведена полная квалификация с учетом положений как особенной, так и общей части уголовного закона;

6) наказание назначено с учетом всех правил назначения наказания и изложено понятно для всех участников судопроизводства.

Применительно ко всем судебным актам два аспекта справедливости очевидны. Справедливость как требование правовой и нравственной оценки судебного акта, должно быть применимо ко всем судебным решениям – приговорам, определениям, постановлениям суда. Необходимо расширить толкование данного аспекта справедливости и распространить его на постановления об избрании меры пресечения в отношении обвиняемого или подсудимого, поскольку он заключается в определении соразмерности избираемой меры пресечения или назначенного наказания тяжести преступления и личности осужденного.

Организация максимальной состязательности сторон при производстве в суде второй инстанции очевидна. При этом данное требование закона отнюдь не декларативно, и активно реализуется на практике. Как показывает практика, любое нарушение, которое каким бы то ни было образом может помешать стороне в процессе донести до суда апелляционной ин-

станции свою позицию по рассматриваемому вопросу, влечет отмену решений суда апелляционной инстанции.

Доказывание в суде апелляционной инстанции начинается уже со стадии подготовки к судебному заседанию на стадии заявления ходатайств, поскольку в силу ч. 1 ст. 271 УПК РФ лицо, заявившее ходатайство, должно его обосновать.

Доклад материалов дела является крайне значимым действием суда в процедуре доказывания. Во время доклада дела, суд апелляционной инстанции выявляет обстоятельства, подтверждающие или опровергающие законность, обоснованность и справедливость приговора, а также законность и обоснованность иного судебного решения.

При производстве по делу в суде апелляционной инстанции, действия сторон направлены не на опровержение доводов противной стороны, а на то, чтобы доказать незаконность, необоснованность и несправедливость приговора или иного судебного решения. Указанная цель едина для сторон. В этой связи указание законодателя на то, что при начале судебного следствия и в прениях выступает должна выступать сторона, которая обратилась в суд вышестоящей инстанции с апелляционной жалобой или представлением, отвечает сути, а также целям и задачам апелляции.

Автор делает вывод, что при правильной организации процесса доказывания в суде апелляционной инстанции у сторон и суда появляется реальная возможность, как выявить все ошибки, допущенные на предыдущих этапах движения дела, так и устранить их.

Список литературы:

1. Калякин О.А. Особенности доказывания в суде апелляционной инстанции (постановка проблемы) // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 2.
2. Калякин О.А. Глава 18. Состязательность в апелляции и кассации по УПК Украины // Теория уголовного процесса: состязательность / Под ред. Н.А. Колоколова. В 2-х ч. М., 2013. Ч. 2. С. 83-90.
3. Калякин О.А. Глава 18. Апелляция: ход и содержание научной дискуссии // Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первые результаты применения / Под ред. Н.А. Колоколова. В 2-х ч. М., 2015. Ч. 2. С. 113-153.
4. Калякин О.А. Производство в суде апелляционной инстанции: к постановке проблемы о сущности доказывания // Докази і доказування за новим Кримінальним процесуальним кодексом України (Материалы Международной научно-практической конференции). Харьков, 2013. С. 45.
5. Калякин О.А. Производство в апелляционной инстанции: Пленум ВС РФ разъясняет // Мировой судья. 2013. № 2.
6. Калякин О.А. Доказывание в апелляционной инстанции: постановка проблемы // Современные проблемы судостроительства и организации судебной деятельности в Российской Федерации (Материалы Международной научно-практической конференции). Ч. 1. Екатеринбург, 2013.
7. Калякин О.А. Пробелы предварительного расследования: основания к возвращению уголовного дела из суда апелляционной инстанции прокурору для организации дополнительного расследования // Мировой судья. 2014. № 3.
8. Калякин О.А. Ошибка мирового судьи исправлена вышестоящим судом // Миро-

вой судья. 2014. № 4.

9. Калякин О.А. Анализ работы мировых судей по делам о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 116, ч. 1 ст. 119 УК РФ, а также анализ недостатков в работе мировых судей, выявленных в рамках обобщения судебной практики. Статья 1. Приговоры оспорены не были // Мировой судья. 2014. № 5.

10. Калякин О.А. Анализ работы мировых судей по делам о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 116, ч. 1 ст. 119 УК РФ, а также анализ недостатков в работе мировых судей, выявленных в рамках обобщения судебной практики. Статья 2. Примирение устраняет конфликт, незаконное осуждение его обостряет // Мировой судья. 2014. № 6.

11. Калякин О.А. Апелляция в системе проверочных производств // Уголовное судопроизводство. 2014. № 3.

О.А. Kalyakin, Professor of T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University, Tiraspol (Dnestr Moldavian Republic) (e-mail: nikita_kokolov@mail.ru)

THE LIMITS OF THE APPEAL PROCEEDINGS: THEORY, PRACTICE, TECHNIQUE

Abstract. The author analyzes the social and legal nature of evidence and the court of appeal.

Keywords: Criminal procedure, Code of Criminal Procedure, the appeal, criminal procedure proof.

УДК 343.8/343.9

А.Н. Ключко, канд. юрид. наук, доцент, доцент юридического факультета Сумского государственного университета (Украина)
(e-mail: october@list.ru)

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В БАНКОВСКОЙ СФЕРЕ

В статье рассматриваются некоторые наиболее распространенные преступления, совершающиеся в сфере банковской деятельности. Анализируются способы, которые практикуются преступниками при хищении денежных средств граждан. Приводятся предложения по предотвращению таких уголовных правонарушений.

Ключевые слова: банковская деятельность, преступления, угрозы, предупреждение.

Банковская система, функционирующая с целью поддержания экономики, подвергается преступным посягательствам чаще других сфер. Ее безопасность является необходимым условием нормального развития экономики каждой страны. Уголовные правонарушения в этой отрасли отличаются особой общественной опасностью, поскольку преступники находят все более изощренные способы их совершения, связанные со стремительным развитием электронных технологий. Выявление и нейтрализация таких противоправных посягательств требует комплексного подхода и является важным направлением деятельности как правоохранительных органов так и самих банковских структур.

Особенности совершения преступлений в кредитно-финансовой и банковской деятельности изучали А. Н. Джужа, Д. И. Голосниченко,

Д.А. Шраер, Н.Ю. Яськова, В.Д. Ларичев, а также другие ученые. Однако, данный вопрос не перестает оставаться актуальным, что подтверждает неутешительная статистика по различным видам преступлений, посягающих на интересы банковских учреждений.

Безопасность персонала банковского учреждения (руководители, производственный персонал, который имеет доступ к финансам, валюте, ценностям, хранилищам, лица, владеющие информацией, которая составляет банковскую и коммерческую тайну, работники внешнеэкономических служб и др.) предусматривает его охрану от посягательств на жизнь, здоровье и материальные ценности. Этому способствует организация личной безопасности определенной категории руководящего состава и ведущих специалистов из так называемой «группы повышенного риска», а также обеспечение взаимодействия всех структур, которые принимают участие в обеспечении физической защиты.

Безопасность клиентов и посетителей является одним из приоритетов деятельности банков, поскольку обеспечение ими прав человека на защиту собственности, жизни и здоровья влияет на имидж финансового учреждения, а следовательно, на результаты его функционирования [1, с. 134].

Значительное количество злоупотреблений в банковской сфере совершаются в особенности при проведении расчетно-кредитных операций. При этом наиболее распространенными являются мошенничества. Концентрация денежных средств как в наличной так и в безналичной форме, разнообразие финансовых услуг и инструментов с разным уровнем защищенности и ликвидности, клиентское поле, которое расширяется, - все это делает банковские структуры привлекательными объектами для вторжений и применения мошеннических схем [2].

Такое преступление как мошенничество может совершаться с использованием банковских карт, а также связано с хищением денежных средств с банкоматов. Значительное количество таких деяний производятся с помощью кредитных карт. Неприятный опыт общения с мошенниками периодически получают покупатели интернет магазинов. Информацию о покупке во всемирной сети мошенники «перехватывают» посредством вирусных программ. Кроме того, интернет-продавцы часто используют поддельные банковские платежные документы, чужие паспорта. Требуя предоплату за товар, они ждут до тех пор пока денежные средства не поступят на счет, после чего снимают их, не отправляя при этом товар заказчику. Найти таких недобросовестных продавцов крайне сложно, потому при проведении подобных сделок следует быть осмотрительными, внимательно проверять репутацию магазина.

Деяния, направленные на незаконное получение банковских кредитов, также существенно снижают эффективность функционирования финансово-кредитной системы. Интересно заметить, что действующее уголовное

законодательство Украины не содержит такого самостоятельного состава преступления как «Незаконное получение кредита». Подобные деяния квалифицируются как мошенничество по ст. 190 УК Украины. Ст. 176 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за два преступления, различные по предмету посягательства: ч. 1 - за получение кредита или льготных условий кредитования; ч. 2 - за незаконное получение государственного целевого кредита, а равно его использование не по прямому назначению. Вышеуказанные деяния признаются преступными, если ими нанесен крупный ущерб.

Необходимо отметить, что банки могут быть как объектами преступных посягательств, так и инструментами достижения преступных целей. В связи с этим, с учетом уже ранее проведенных исследований, обобщенно преступления в сфере банковской деятельности можно классифицировать по субъектам их совершения:

1. Преступления, которые совершаются лицами, не являющимися сотрудниками банковских учреждений.
2. Преступления, которые совершаются служебными лицами и иными сотрудниками банков.
3. Преступления, которые совершаются организованными группами в состав которых входят как сотрудники банков так и лица, не имеющие прямого отношения к такой деятельности.

Особое место в структуре банковских преступлений занимают хищения, которые совершаются непосредственно сотрудниками банковских учреждений (кассирами, охранниками). Например, В Саратове старший кассир одного из банков в течение почти трех месяцев выносил с места работы крупные суммы денег. На момент обнаружения недостачи он успел похитить несколько миллионов рублей. По данным регионального ГУ МВД, сообщение о преступлении поступило в полицию из службы безопасности банка. В ходе оперативно-розыскных мероприятий правоохранители установили личность злоумышленника. Сотрудник банка, имея беспрепятственный доступ к кассе организации, с 1 декабря 2014 года по 25 февраля 2015 года присвоил 4,5 млн рублей, которые успел потратить на личные нужды. Возбуждено уголовное дело по статье 160 УК РФ «Присвоение или растрата». Санкции данной статьи предусматривают наказание в виде лишения свободы на срок до десяти лет [3].

В зависимости от вида банковских услуг выделяют преступления, которые совершаются при проведении расчетных, кредитных, валютных операций, операций с ценными бумагами и т.д. [4].

Преступления при проведении расчётных операций достаточно разнообразны. Например, они обусловлены видами расчетов: наличные, безналичные, с использованием электронных документов и т.д. Подобные деяния совершаются через предприятия торговли, которые принимают банковские карты как способ оплаты.

Существует мнение, что с целью повышения безопасности платежных

систем целесообразно выпускать карты со специальным чипом. Он, по мнению экспертов, повышает защиту от незаконного вмешательства [5].

Для решения вопроса предупреждения преступлений в сфере банковской деятельности необходима действенная система правовых мер, которая бы обеспечила нейтрализацию причин и условий, способствующих совершению этих уголовных правонарушений. К основным механизмам, направленным на противодействие их совершению следует отнести предупредительные меры финансовым злоупотреблениям как на уровне банковских учреждений, так и на уровне правоохранительных структур.

Предупреждению преступлений в банковской сфере способствует эффективная работа банков в этом направлении, которая состоит в тщательной проверке потенциальных сотрудников перед приемом на работу (например, в возможности использования полиграфа); в соблюдении сотрудниками банков единых стандартов документации и процедур; в тщательной проверке информации о клиентах банка, в том числе и потенциальных; достаточном обеспечении информационной безопасности со стороны администрации и сотрудников банковских учреждений. По нашему мнению, необходимо должное нормативно-правовое регулирование финансово-кредитных отношений со стороны государственных контрольно-ревизионных органов.

Эффективная борьба с преступлениями в банковской сфере предполагает построение системы предупреждения злоупотреблениям, к которой необходимо отнести: внедрение надежного информационно-технологического оснащения службы безопасности банка; введение унифицированной базы данных клиентов соответствующих учреждений, обучение сотрудников кредитных (депозитных) подразделений банков по вопросам предотвращения случаев мошенничества, организацию тесного сотрудничества между представителями финансового сектора и представителями правоохранительных органов.

С целью предупреждения совершения преступлений в банковском секторе правоохранительным органам, по нашему мнению, необходимо предпринимать следующие меры: разработать организационную стратегию и определить средства контроля, направленные на анализ потенциальных угроз в результате внутренних и внешних злоупотреблений; периодически проводить тренинги для сотрудников банка, направленные на улучшение знаний по выявлению и противодействию преступлениям в банковском секторе; наладить действенную коммуникационную политику между подразделениями банка, службой безопасности банка и правоохранительными структурами; отчитываться по результатам мониторинга подозрительных операций и передавать соответствующую информацию в службу безопасности и вышестоящие инстанции; регулярно проводить оценку операционных процедур банка относительно их соответствия установленным законом нормам.

Очевидно, что банковская система находится в зоне повышенного рис-

ка. Разнообразное количество как внешних так и внутренних угроз могут нанести работе банка, его сотрудникам и клиентам значительный ущерб. Некоторые преступления, которые совершаются в этой сфере имеют транснациональный характер, например, «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем» (ст. 174 УК РФ). В связи с этим, также необходимо брать во внимание международный опыт борьбы с ними.

Список литературы:

1. Кулиш А.Н., Ключко А.Н. Некоторые аспекты криминологической безопасности финансовых учреждений // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 4. С. 129-137.
2. Фрумкин К. Мошенничество и преступления в банковской сфере [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://ufin.com.ua/analit_mat/gkr/150.htm.
3. Кассир украл в саратовском банке 4,5 млн рублей [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.sarnovosti.ru/news.php?ID=9858>.
4. Ларичев В.Д. Преступления в кредитно-денежной системе и противодействие им. М., 1996. С. 75–168.
5. Ваш электронный кошелек под угрозой. В любой момент с него могут украсть то, что нажито непосильным трудом [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://tsn.ua/groshi/kradizhok-groshey-z-kreditok-znachnopobilshaye.html>.

A.N. Klochko, Candidate of Law, Associated Professor, the Law Faculty of Sumy State University (Ukraine) (e-mail: october@list.ru)

SEPARATE QUESTIONS OF CRIME PREVENTION IN THE BANKING SPHERE

Abstract. The article discusses some of the most common crimes committed in the sphere of banking. Examines the ways practiced by criminals in the theft of funds of citizens. Provides suggestions for prevention of such criminal offences.

Keywords: banking, crimes, threats, warning

УДК 343.1

А.А. Козьявин, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета, г. Курск (e-mail: koziavin@mail.ru)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АДВОКАТА ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ: НЕКОТОРЫЕ ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

В статье охарактеризованы основные особенности особого порядка принятия судебного решения по уголовному делу при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Предложены практические рекомендации для адвокатов-защитников, касающиеся предмета досудебного соглашения, порядка его заключения, а также тактики участия в досудебном и судебном производствах по анализируемой категории дел.

Ключевые слова: уголовный процесс, досудебное соглашение о сотрудничестве, участие адвоката-защитника.

Введение в отечественный уголовный процесс особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве по замыслу законодателя должно создать систему уголовно-правовых и уголовно-процессуальных стимулов для лиц, привлекаемых к уголовной ответственности [7, 8], не только признать вину в совершении инкриминируемых им преступлений, но и согласиться оказать должное содействие органам расследования в изобличении соучастников преступления, в розыске имущества, полученного преступным путем, в раскрытии еще не известных преступлений, которые без сотрудничества с данными лицами раскрыть и расследовать невозможно или чрезвычайно затруднительно.

Специфика участия адвоката в особом порядке принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве предопределяется тем, что *досудебное соглашение о сотрудничестве не типично* по сравнению с традиционными для других отраслей права договорами и соглашениями, ибо *не предполагает возможности полноценного апеллирования к судебной защите в случае его нарушения стороной обвинения* (например, отказа прокурора внести представление о рассмотрении дела в особом порядке, отказе применить меры безопасности, выделить в отдельное производство уголовное дело). Поэтому согласие на его использование при защите интересов обвиняемого должно быть крайне аккуратным и взвешенным.

Другая конструктивная процессуальная особенность данного порядка состоит в том, что он представляет собой совокупность особых процессуальных черт как *предварительного расследования, так и судебного разбирательства*. На досудебных стадиях эти особенности включают не из-

вестные иным процессуальным порядкам полномочия следователя, руководителя следственного органа и прокурора, связанные с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, отдельные права подозреваемого и обвиняемого, а также процессуальные действия, осуществляемые указанными участниками, в их отношении или при их участии (ст. 317¹ – 317⁵ УПК). Именно контроль за соблюдением своевременности, правомерности и обоснованности применения процессуальных норм о заключении досудебного соглашения следователем и прокурором, а также проверка полноты, реальности и исполнимости обязательств сторон, включаемых в досудебное соглашение, является важнейшей задачей адвоката-защитника на данном этапе.

Судебное разбирательство согласно ст. 317⁷ УПК проводится в особом порядке, предусмотренном ст. 316 УПК, и содержит практически ту же систему процессуальных особенностей. Основания и условия применения особого порядка при заключении досудебного соглашения истолкованы Пленумом Верховного Суда России [2], среди которых выделяется готовность подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления в составе группы лиц оказывать реальное содействие раскрытию и расследованию преступления, изобличению его соучастников, раскрытию ранее не известных преступлений, розыску полученного преступным путем имущества и т.д.; ч. 4 ст. 371⁶ УПК отдельно указывает на недопустимость заключения досудебного соглашения и применение всего особого порядка, если подозреваемый или обвиняемый ограничивается сообщением сведений лишь о собственной преступной деятельности.

Адвокату-защитнику в целях реализации задач по обеспечению прав подзащитного следует помнить, что в особом порядке судебного разбирательства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве установлено следующее сочетание изъятия процессуальных гарантий прав подсудимого в обмен на процессуальные выгоды.

1) Судебное разбирательство сокращается и становится менее обременительным для обвиняемого в той же мере, как и при применении особого порядка постановления приговора при согласии с предъявленным обвинением, в том числе и в части освобождения от возмещения судебных издержек [2]. При этом закон устанавливает те же ограничения по обжалованию приговора.

2) В отношении наказания не действует правило об ограничении его размера 2/3 максимального размера, а применяются нормы, устанавливающие еще более льготный режим уголовно-правового воздействия (ч. 5 ст. 317⁵ УПК): об ограничении размера наказания 1/2 его максимального размера и другие льготы, в том числе предусмотренные ст. 64, ст. 66, 73, 80¹ УК, причем положения ст. 64 УК – даже при наличииотячающих обстоятельств. Положения ч. 2 или ч. 4 ст. 62 УК подлежат применению судом и в том случае, если суд, признав соблюдение обвиняемым обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве,

прекратил по каким-либо иным причинам производство в особом порядке и рассматривает дело в общем порядке [2].

3) На рассмотрение дела в особом порядке при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве никак не влияет позиция потерпевшего, гражданского истца и их представителей, их возражения против него сами по себе не могут стать основанием, препятствующим рассмотрению дела судом в данном процессуальном порядке.

Адвокату-защитнику следует учитывать, что досудебное соглашение о сотрудничестве имеет особенный предмет – условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения (п. 61 ст. 5 УПК). Однако необходимо обратить внимание на следующие обстоятельства.

Во-первых, обязательства подозреваемого, обвиняемого сильно предопределены нормами права, а не вырабатываются сторонами. Так, согласно п. 6, 7 ч. 2 ст. 317³ УПК, в досудебном соглашении о сотрудничестве указываются действия, которые подозреваемый или обвиняемый обязуется совершить при выполнении им обязательств по содействию следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления.

Данные положения, изложенные в законе, применительно к конкретным обстоятельствам уголовного дела конкретизируются, насколько это возможно, в досудебном соглашении. Прокурорская практика требует включать в досудебное соглашение следующие обязательства обвиняемого, подозреваемого: а) добровольно участвовать в следственных действиях, проводимых как по возбужденному в отношении лица уголовному делу, так и по другим уголовным делам; б) добровольно участвовать в проведении оперативно-розыскных мероприятий, способствующих выявлению готовящегося, совершаемого или совершенного преступления; в) сообщать о месте нахождения разыскиваемого лица, имуществе, добытом преступным путем, о структуре преступной организации, ее руководителях [1].

Адвокат-защитник должен следить, чтобы обязательства подзащитного были сформулированы как реально исполнимые, без неконкретных и оценочных категорий, чтобы в соглашение не включались положения, выходящие в силу своей неконкретности явно за рамки цели соглашения – содействия следствию в раскрытии преступлений и изобличении виновных. Например, следует оспаривать требование содействовать в выявлении и раскрытии всех преступлений, аналогичных тому, в совершении которого подозревается или обвиняется подзащитный, в течение неопределенного времени, оспаривать обязательство осуществлять действия, требующие применения специальных профессиональных навыков, которыми подзащитный не обладает. В частности, обязательства по признанию гражданского иска и возмещению вреда, причиненного преступлением, в него могут включаться только с учетом солидарного характера ответственности

соучастников преступления.

Так, в 2011 году приговором суда, постановленным в особом порядке в связи с заключением Соглашения, К. был осужден по ст. 162 ч.4 п.п. «а, б» УК РФ. Приговором был в полном объеме удовлетворен иск потерпевшей стороны о возмещении материального ущерба, причиненного преступлением. Суд кассационной инстанции приговор в указанной части отменил и направил исковые требования на новое рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства. В кассационном определении суд указал, что решение суда о взыскании всей суммы ущерба с К. при наличии вступившего в законную силу приговора в отношении других соучастников преступления, где взыскание той же суммы присуждено в солидарном порядке, не может быть признано законным и обоснованным [3].

Также излишними являются обязательства участвовать в оперативно-розыскных мероприятиях, которые связаны с риском для жизни или здоровья.

Примером формулирования обязательств обвиняемого в досудебном соглашении может служить уголовное дело по обвинению П. в совершении преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 4 ст. 158 ч. 4, ч. 2 ст. 272, ч. 3 ст. 183 УК РФ. В досудебном соглашении, заключенном по делу, обвиняемый обязался: 1) дать подробные и правдивые показания: по всем известным ему обстоятельствам совершенных преступлений; сообщить следствию сведения о количестве лиц, участвовавших в совершении вмененных ему преступлений, и активно содействовать персонификации этих лиц (сообщить следствию номера мобильных телефонов этих лиц, города, в которых проживают эти лица и (или) их родственники); 2) выдать следствию денежные средства, составляющие переданную ему долю похищенного имущества, сверх имущества, на которое в ходе следствия наложен арест; 3) совершить необходимые формальные действия, направленные на досудебное возмещение имущественного ущерба, включающее передачу банку «R...», признанному потерпевшим по делу, всего арестованного по делу имущества...; 4) дополнительно передать в счет возмещения причиненного имущественного ущерба банку «R...» 250 000 (двести пятьдесят тысяч) евро и 50 000 (пятьдесят тысяч) долларов США; 5) сообщить следствию известную ему информацию о лицах, занимающихся «обналичиванием» денежных средств с банковских счетов; 6) в случае необходимости осуществлять консультирование по вопросам компьютерно-информационной безопасности, в том числе в сфере оказания банковских услуг.

Во-вторых, адвокату нужно понимать и разъяснить подзащитному, что обязательства, которые берет на себя сторона обвинения, состоят не более, чем в представлении суду положительного заключения о полноте и добросовестности исполнения обвиняемым его обязательств согласно досудебному соглашению. Суд при этом, не являясь стороной соглашения, будет независимо исследовать характер и пределы содействия обвиняемого следствию (п. 1 ч. 4 ст. 317⁷ УПК) и определять по внутреннему убежде-

нию меру наказания в рамках, предписанных ч. 2 или 4 ст. 62 при отсутствии отягчающих обстоятельств и, *возможно*, ст. 64, 73 и 80¹ УК (ч. 5 ст. 317⁷ УПК).

Как показывает судебная практика, суды, установив соблюдение всех условий досудебного соглашения, очень часто применяют положения ст. 64 УК, хотя в большинстве случаев рассмотрения особо тяжких преступлений это не освобождает обвиняемого, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, от реального лишения свободы, на что впоследствии жалуются осужденные [4, 5, 6]. Защитнику следует разъяснять, что назначение существенно более мягкого наказания в силу тяжести преступления не предполагает назначение наказания, не связанного с лишением свободы.

По этой причине в досудебное соглашение не могут быть включены обязательства об исключении эпизодов преступной деятельности подозреваемого или обвиняемого, о более мягкой квалификации деяния, о конкретном размере наказания, об обязательном применении норм об освобождении от наказания, об изменении категории преступления на основании ч. 6 ст. 15 УК. Однако ничто не мешает адвокату-защитнику ставить вопросы, связанные с применением наказания, ссылаясь на добросовестное выполнение подзащитным обязательств, указанных в досудебном соглашении.

Особенности процессуального порядка заключения досудебного соглашения о сотрудничестве и производства предварительного следствия, на которые адвокату следует обратить внимание, состоят в следующем.

1) *Инициатива на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве* может исходить как от обвиняемого, так и от органов предварительного следствия, причем независимо от этапа расследования. Следует иметь в виду, что оценку необходимости заключения соглашения следователь вправе произвести, исходя из сугубо *тактических соображений*. Не исключается ситуация, при которой информация о якобы имеющих желание заключить досудебное соглашение о сотрудничестве соучастниках будет использована для склонения подозреваемого или обвиняемого к даче признательных показаний.

В любом случае *задача адвоката-защитника – правильно решить вопрос о необходимости и своевременности заявления ходатайства* о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, о соотношении выгод, которые получает подзащитный, с последствиями согласия с предъявленным обвинением, необходимо убедиться в исчерпанности средств защиты, определиться с реальностью и плодотворностью тех действий, которые в состоянии выполнить подзащитный в рамках содействия следствию.

2) Ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве подписывается обвиняемым или подозреваемым, а также защитником, подается через следователя на имя прокурора и уже должно содержать

сведения о действиях обвиняемого или подозреваемого, которые он, в случае его заключения, обязуется выполнить в рамках содействия следствию (ч. 2 ст. 317¹ УПК). Данное ходатайство рассматривается уполномоченными на то лицами в порядке, предусмотренном ч. 3, 4 ст. 317¹ УПК. При этом отказ следователя, руководителя следственного органа и прокурора заключить досудебное соглашение не может быть обжалован в суд в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК, т.к. нельзя принуждать одну из сторон к заключению соглашения [3]. Поэтому здесь допустимо лишь использование систем ведомственного контроля и прокурорского надзора (ст. 317² УПК).

3) Если прокурор признает возможным заключить с обвиняемым или подозреваемым досудебное соглашение о сотрудничестве, таковое составляется им с участием следователя, подозреваемого или обвиняемого и их защитника (ч. 1 ст. 317³ УПК). Адвокат может представить заранее подготовленные и уточненные письменные предложения по предмету сотрудничества, которые согласно п. 1.7 приказа Генерального прокурора России от 15 марта 2010 г. № 107, подлежат приобщению к соглашению [1]. Также следует удостовериться, что все требования, предъявляемые законом к соглашению (ч. 2 ст. 317³ УПК), соблюдены, и что оно подписано надлежащим прокурором (п. 1.4 приказа).

4) Предварительное следствие с момента заключения досудебного соглашения о сотрудничестве приобретает некоторые особенности (ст. 317⁴ УПК). Так, уголовное дело в отношении заключившего досудебное соглашение лица может быть выделено в отдельное производство, на чем адвокату, представляется, следует настаивать. К нему, его близким родственникам, родственникам и близким лицам могут быть применены меры безопасности. И здесь адвокату при наличии на то оснований следует проявить инициативу. При направлении дела с обвинительным заключением прокурору также направляются материалы, подтверждающие добросовестность выполнения обвиняемым условий заключенного досудебного соглашения о сотрудничестве. Особую ценность для признания прокурором, а затем и судом факта полного исполнения обвиняемым обязательств представляют материалы других уголовных дел, в том числе возбужденных по результатам содействия обвиняемого. Трудно рекомендовать адвокату проверить, направлены ли следователем такие материалы прокурору вместе с обвинительным заключением, ибо к ним он в общем-то не имеет доступа, однако, представляется, если копии таких материалов адвокат не обнаружит при ознакомлении с материалами уголовного дела своего подзащитного, то им на данном этапе должно быть заявлено соответствующее ходатайство о дополнении предварительного следствия.

5) В результате оценки соблюдения обвиняемым условий и выполнения обязательств, предусмотренных соглашением о досудебном сотрудничестве прокурор выносит представление об особом порядке судебного разбирательства по уголовному делу. В нем он излагает те обстоятельства, мо-

тивирование которых требуют положения ч. 1, 2 ст. 317⁵ УПК. Ориентируясь на копию представления, вручение которой защите является обязательным, адвокат, согласовав позицию с подзащитным, вправе представить свои замечания, которые постановлением прокурора либо учитываются, либо отклоняются. В любом случае замечания защиты подлежат приобщению к материалам дела, а отказ их учесть, как и отказ внести представление в целом могут быть обжалованы вышестоящему прокурору и в суд (ч. 3 ст. 317⁵ УПК).

Специфика судебного разбирательства по делу, поступившему в суд с представлением прокурора о применении особого порядка в отношении подсудимого, заключившего и исполнившего досудебное соглашение о сотрудничестве, определяется *особенностями предмета судебного заседания*, в который помимо характерных для особого порядка вопросов входит еще и *исследование вопроса о добровольности заключения подсудимым соглашения, осознании им последствий его заключения, соблюдении порядка его заключения, о степени активности и результативности содействия подсудимого следствию* (ч. 2 ст. 317⁶, ч. 1 – 4, 6 ст. 317⁷ УПК). При этом согласно правовой позиции Верховного Суда у суда не должно возникать сомнений в доказанности материалами дела вины подсудимого. Суд правомочен в любой момент перейти к общему порядку рассмотрения уголовного дела и постановить любое из отнесенных к его компетенции решений – как в пользу подсудимого, так и против него.

Адвокат-защитник, наконец, должен понимать и разъяснить подзащитному, что сообщение ложных сведений в рамках содействия следствию, сокрытие от следствия каких-либо существенных обстоятельств совершения преступления являются основанием и для прекращения сотрудничества прокурором на любом этапе производства по делу, и для прекращения судом особого порядка судебного разбирательства, и даже основанием пересмотра постановленного в особом порядке приговора суда в кассационном и надзорном порядках, а также ввиду вновь открывшихся обстоятельств (ст. 317⁸ УПК).

Список литературы:

1. Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам [Электр. ресурс]: приказ Генерального прокурора от 15 марта 2010 г. № 107 // URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1257288> (дата обращения: 01.03.2015).
2. О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве [Текст]: пост. пленума Верховного Суда России [принято 28.06.2012] // Рос. газ. 2012. 11 июля.
3. Обобщение по результатам изучения практики применения судами Московской области норм главы 401 УПК РФ об особом порядке принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве за 2010 год и первое полугодие 2011 года [Электр. ресурс] // URL: http://www.mosoblsud.ru/ss_detale.php?id=143377 (дата обращения: 01.03.2015).

4. Определение Верховного Суда РФ от 16.02.2010 № 66-О09-228 [Электр. ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «Гарант». Дата обновления: 01.03.2015.

5. Определение Верховного Суда России от 22.03.2011 № 11-О11-25 [Электр. ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «Гарант». Дата обновления: 01.03.2015.

6. Определение Верховного Суда РФ от 23.03.2011 № 11-О11-13 [Электр. ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «Гарант». Дата обновления: 01.03.2015.

7. Астафьев, Ю.В. Компромисс или сделка? (практические проблемы заключения досудебных соглашений о сотрудничестве) // Досудебное соглашение о сотрудничестве (правовые и криминалистические проблемы): материалы научно-практической конференции (Воронеж, 21-22 декабря 2009 года). Вып. 6. Воронеж, 2010. С.20-28.

8. Рябина, Т.К. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: проблемы нормативной регламентации / Т.К. Рябина, А.А. Козьявин // Материалы международной научно-практической конференции «Государство и право: вызовы 21 века (Кутафинские чтения)»: сборник тезисов. М., 2009. С. 562-567.

A.A. Kozyavin, Candidate of Law, Associated Professor, the Criminal Procedure and Criminalistics Department of Southwest State University, Kursk (e-mail: koziavin@mail.ru)

ADVOCATE'S ACTIVITY AT THE PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT CONCLUSION: SOME PRACTICAL RECOMMENDATIONS

Abstract. The article outlines the main features of the special order of a court decision in a criminal case when the conclusion on the pre-trial cooperation agreement was made. It also contains the author's practical recommendations for advocates – defenders concerning the subject of pre-trial agreement, the procedure of its conclusion, and tactics of advocates' participation in pre-trial and trial proceedings at the analyzed category of the cases.

Keywords: criminal procedure, pre-trial cooperation agreement, participation of the advocate-defender.

УДК 343.1

Н.А. Колоколов, д-р юрид. наук, профессор кафедры судебной власти Высшей школы экономики, г. Москва (e-mail: nikita_kolokolov@mail.ru)

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОТДЕЛЬНЫХ СУДЕБНЫХ ПРОЦЕДУР: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, ТЕХНИКА (КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ В ОБЛАСТИ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ, УСТАНОВЛИВАЮЩИХ УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ПОЛОВУЮ СВОБОДУ И НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ)

Анализ приведенных в статье примеров свидетельствует об отсутствии системной целостности в механизме противодействия преступным посягательствам на половую свободу и неприкосновенность личности.

Ключевые слова: уголовная политика, УК РФ, УПК РФ, судебная практика.

Общеизвестно, что эффективность правосудия – важнейшее свойство государственного управления. В СМИ суды весьма часто упрекают в пло-

хом качестве работы. При этом о результатах их работы судят в основном лишь по количеству логических ошибок, то есть несоответствию выводов суда требованиям материального и процессуального законодательства, реже нравственным нормам.

Корректно ли рассуждать о качестве работы судов, эффективности судебной власти в отдельно взятом государстве в конкретный период времени, если государство в данный момент его истории неэффективно само по себе, ибо и оно, и управляемое им общество поражены системным кризисом? Немаловажное значение в теории управления имеют и вопросы, а что именно следует понимать под эффективностью государства в целом, отдельных ветвей государственной власти в частности? С учетом избранной темы, первостепенное значение приобретает вопрос: в каких понятных для большинства членов общества категориях может быть выражена эффективность правосудия как самостоятельного вида государственной деятельности?

Чтобы правильно ответить на перечисленные выше вопросы, вспомним, что и государство, и элементы его механизма – явления сами по себе системные, следовательно, на них в полной мере распространяются правила теории социально-правовых систем. Общеизвестно и то, что система в процессе функционирования выступает как целостное образование, в котором между ее структурой и функциями существует взаимосвязь и взаимообусловленность. В этой связи нам следует согласиться с Ю.Г. Марковым, который утверждает, что «функция реализуется структурой и объясняется с помощью структуры».

В данном случае происходит то, что А.А. Богдановым называлось «сложением активностей». При этом давно установлено, что активности элементов социальной системы «складываются», но не арифметически, а системно, под воздействием системообразующих факторов. Особо следует обратить внимание на то, что работа системы представляет собой постоянное воспроизводство функционального эффекта, который сводится к способности системы делать то, что принципиально не может сделать каждый ее отдельный элемент. Функциональный эффект базируется на родственности и различии свойств элементов, на многообразии взаимодействий между ними, их интегрированности.

Иными словами, функциональный эффект системы государственного управления может быть обусловлен как эффективной работой сразу всех элементов системы, так и способностью одних элементов системы компенсировать сравнительно низкую эффективность других.

Дабы уяснить хотя бы часть проблемы проанализируем новейшую судебную практику.

1. Приготовление к изнасилованию и к совершению неустановленных действий насильственного характера

По приговору Краснодарского краевого суда от 8 июля 2014 года Ш. (1966 года рождения), осужден:

- по ч. 1 ст. 30, п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ, ч. 1 ст. 30, п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений, к 9 годам лишения свободы с ее ограничением на 1 год 6 мес.

Он был признан виновным в том, что 26 августа 2013 года, попросил оказывавшую ему сексуальные услуги Т., привести к нему девочку 8-11 лет для совершения полового акта и иных действий сексуального характера, предложил за это 5.000 руб. Обязательное условие - девочка по своему развитию не должна достичь половой зрелости.

Т. сообщила об этом в правоохранительные органы. На основании ее заявления орган, осуществляющий ОРД, провел ОРМ в целях изобличения Ш. в преступлении против половой неприкосновенности и половой свободы ребенка.

Для участия в оперативном эксперименте были приглашены представители общественности, из числа сотрудников полиции подобрали девушку небольшого роста и хрупкого телосложения.

Ш., узнав от Т., что «девочка» находится в автомобиле, вышел на улицу и, увидев лиц, представленное ему в качестве ребенка, передал Т. 2000 руб., после чего был задержан сотрудниками полиции и лишен возможности довести свой преступный умысел до конца.

Оправдательным апелляционным приговором Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21 октября 2014 года приговор отменен, Ш. оправдан на основании ч. 1 п. 2 ст. 24 УПК РФ за отсутствием состава преступления и за ним на основании ст. 134 УПК РФ признано право на реабилитацию.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменяя обвинительный приговор и вынося оправдательный апелляционный приговор, мотивировала свое решение тем, что действия Ш. не могли привести к изнасилованию, в виду отсутствия «надлежащей потерпевшей». По мнению суда второй инстанции в такой ситуации совершенно невозможно установить прямой умысел Ш. на совершение действий, которые подпадали под признаки п. «б» ч.4 ст. 131 и п. «б» ч.4 ст. 132 УК РФ. При проведении оперативно-розыскного мероприятия нарушены требования ст. 5 ФЗ «Об ОРД», согласно которым органы (должностные лица) при проведении оперативно-розыскных мероприятий запрещается подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокация).

На необоснованность приговора указывает также подробное изложение в его описательно-мотивировочной части не имеющих отношения к предъявленному осужденному обвинению обстоятельств, связанных с совершением половых актов с Т. и Д. с их согласия, и приведение многочисленных доказательств, подтверждающих как эти обстоятельства, так и факты содержания осужденным гостиничного номера в беспорядке.

В надзорном представлении заместителя Генерального прокурора РФ Кехлерова С.Г. был поставлен вопрос об отмене апелляционного пригово-

ра.

Отсутствие у Т. намерения предоставить конкретную девочку, использование при проведении ОРМ в роли ребенка сотрудника полиции, не указывает на невиновность Ш. Мнение суда апелляционной инстанции о том, что действия Ш. были обусловлены искусственно созданной преступной ситуацией в результате провокационных действий оперативных работников, являются ошибочными.

Президиум Верховного Суда РФ, оправдательный приговор отменил, уголовное дело передал на новое судебное рассмотрение. Принимая такое решение высший орган судебной власти, в частности, указал.

Каждое из доказательств в соответствии со ст. 88 УПК РФ подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные по делу доказательства - с точки зрения достаточности для разрешения уголовного дела, однако данные требования при вынесении оправдательного приговора соблюдены не были.

Из содержания оправдательного приговора усматривается, что Т. действовала по указанию сотрудника полиции, а поведение Ш. было обусловлено искусственно созданной ситуацией в ходе проведения оперативно-розыскного мероприятия.

Делая такой вывод, Судебная коллегия Верховного Суда РФ оставила без внимания показания Т., из которых усматривается, что после поступившей к ней просьбы Ш. о предоставлении ему малолетней девочки в возрасте 8-11 лет она решила обратиться в правоохранительные органы, где ей было предложено поучаствовать в следственном эксперименте, на что она дала свое добровольное согласие.

Об этом же заявляли др. свидетели, однако об их наличии в оправдательном апелляционном приговоре умалчивается. Нельзя согласиться с утверждением суда апелляционной инстанции о том, что использование сотрудника полиции в роли малолетней девочки осуществлено с нарушением ст. 5 ФЗ «Об ОРД». Увидев в салоне лицо, представленную ему в качестве ребенка, Ш. передал Т. деньги. Признав указанные действия незаконными, Суд апелляционной инстанции мотивы принятого решения не привела. Нельзя согласиться и с выводами суда о том, что при указанной выше ситуации отсутствие по делу надлежащей потерпевшей привело к невозможности установления прямого умысла.

Согласно ч. 1 ст. 30 УК РФ, приготовлением к преступлению признаются, в том числе, приискание лицом соучастников преступления, умышленное создание условий для совершения преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам.

Субъективная сторона приготовления к преступлению характеризуется прямым умыслом, то есть сознанием виновного охватывается, что им совершаются действия, составляющие содержание конкретного преступления.

Из обстоятельств дела, установленных судом, следует, что Ш. передал деньги только после того, как убедился, что его заказ выполнен. Тот факт, что в салоне автомашины находилось другое лицо не устраняет общественную опасность деяния, поскольку с субъективной стороны инкриминируемые Ш. действия характеризовались умыслом, направленным на половую неприкосновенность лица, не достигшего 14 летнего возраста.

При таких обстоятельствах выводы суда апелляционной инстанции о том, что суд первой инстанции не конкретизировал, какие именно действия и созданные Ш. условия относятся к приготовлению к преступлению, следует признать ошибочными (Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 18 февраля 2015 года № 1-П15пр).

Чтобы разобраться в проблеме, достаточно ответить на вопрос: может ли мужчина реально готовится к половому акту? Формально, безусловно, да, создавая для этого определенные условия. Однако, давно и хорошо известно, что никакие условия половой акт не гарантируют.

В данном случае Ш. по существу был наказан за мечты, что исключает современная идеология отечественного уголовного права. За приверженность к такой идеологии был наказан и состав коллегии рассмотревшей дело в апелляционном порядке – в адрес ее членов Президиум Верховного Суда РФ вынес частное постановление.

Объективное вменение

В соответствии с примечанием к ст. 131 УК РФ лицо, не достигшее двенадцатилетнего возраста, признается находящимся в беспомощном состоянии, поскольку в силу возраста не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий, в связи с чем для квалификации насильственных действий сексуального характера виновного в отношении такого лица по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ применение физического или психического насилия к потерпевшему обязательным не является

По приговору Северо-Кавказского окружного военного суда от 18 апреля 2014 г. М. признан виновным в совершении 22 декабря 2012 г. во время нахождения в гостях у своих знакомых насильственных действий сексуального характера в отношении семилетней Ж. и восьмилетней Ш. и осужден к лишению свободы по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ.

В апелляционных жалобах сторона защиты указала на недоказанность применения насилия к потерпевшим.

Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ установила, что решение суда о виновности основано на совокупности исследованных в судебном заседании доказательств.

М., находясь вечером 22 декабря 2012 года в гостях у своих знакомых и будучи осведомленным о том, что потерпевшие Ж. и Ш. заведомо для него не достигли двенадцатилетнего возраста, что объективно подтверждается их внешними данными и длительным знакомством с Ж., для которой он является крестным, совершил в отношении потерпевших насильственные действия сексуального характера.

По смыслу закона, в случае совершения насильственных действий сексуального характера в отношении лиц, находящихся в беспомощном состоянии, к которым в силу примечания к ст. 131 УК РФ отнесены лица, не достигшие двенадцатилетнего возраста, вне зависимости от физического или психического насилия, утверждение в жалобах об отсутствии доказательств применения осужденным насилия к потерпевшим правового значения для квалификации по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ не имеет (Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 7 августа 2014 г. N 205-АПУ14-6).

В возрасте 12-14 лет потерпевшие уже могут осознавать характер совершаемых в отношении них действий.

Для признания беспомощного состояния потерпевшей от преступлений, предусмотренных ст. 131, 132 УК РФ, достигшей 12-летнего, но не достигшей 14-летнего возраста, необходимо помимо возрастного признака установить, что она не могла понимать характера и значения совершаемых с ней действий, что должно осознаваться виновным лицом и использоваться им для совершения преступления.

По приговору Московского городского суда от 23 декабря 2013 года М. осужден по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ путем частичного сложения наказаний к 14 годам лишения свободы с ее ограничением на 1 год.

Он признан виновным в совершении действий сексуального характера и изнасиловании потерпевшей, не достигшей 14-летнего возраста с использованием ее беспомощного состояния.

В апелляционной жалобе осужденный в конечном итоге просил квалифицировать его действия по ч. 1 ст. 134 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор изменила по следующим основаниям.

Суд обоснованно признал подсудимого виновным в совершении инкриминируемых ему преступлений. Согласно показаниям потерпевшей она находилась в кафе с осужденным и неоднократно говорила о том, что ей 13 лет, в подтверждение показала свои учебники за 7 класс. На улице М. предложил потерпевшей вступить в половую связь, Та ответила отказом, напомнила о своем возрасте. М. стал угрожать ей и ее подруге избиением и изнасилованием его знакомыми. Потерпевшая испугалась и прекратила сопротивление. Суд она показала, что М. дважды против ее воли вступил с ней в половую связь. Когда он насильно снимал с нее одежду, она вновь напомнила ему о своем возрасте, пыталась сопротивляться и отталкивала его.

Квалификация действий осужденного по признакам применения насилия и угрозы его применения к потерпевшей, не достигшей 14-летнего возраста, является правильной. Вместе с тем, квалифицируя совершенные М. действия сексуального характера и изнасилование по признаку использования беспомощного состояния потерпевшей, суд не учел такое

важное обстоятельство. Согласно введенным 29 февраля 2012 года изменениям в УК РФ к преступлениям, предусмотренным п. «б» ч. 4 ст. 131, п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, относятся деяния, подпадающие под признаки преступлений, предусмотренных ч. 3-5 ст. 134, ч. 2-4 ст. 135 УК РФ, совершенные в отношении лица, не достигшего 12-летнего возраста. Такое лицо уже в силу возраста находится в беспомощном состоянии, т.е. не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий. По этой же причине уголовную ответственность по ч. 3 ст. 134 УК РФ влекут только такие действия сексуального характера, указанные в ч. 1 и 2 данной статьи, которые совершены с лицом, достигшим 12-летнего возраста, но не достигшим 14-летнего возраста.

По смыслу уголовного закона для признания беспомощного состояния потерпевшей от преступлений, предусмотренных ст. 131, 132 УК РФ, достигшей 12-летнего, но не достигшей 14-летнего возраста, недостаточно лишь возрастного признака, а необходимо еще установить, что в силу возраста, уровня развития и иных причин потерпевшая не могла понимать характера и значения совершаемых с ней действий, что должно осознаваться виновным лицом и использоваться им для совершения преступления.

Суд, мотивируя наличие в действиях М. признака использования беспомощного состояния потерпевшей, сослался на заключение экспертов, проводивших психолого-психиатрическую экспертизу о недоступности для потерпевшей С. понимания значения совершенных в отношении нее действий в связи с недостаточной осведомленностью в вопросах сексуальных отношений и ограниченностью жизненного опыта, и указал, что, «принимая во внимание то, что С. сообщила М. о своем возрасте, а также учитывая особенности поведения потерпевшей, которые были очевидны для общавшегося с ней М., суд считает доказанным то, что нахождение С. в беспомощном состоянии было очевидно для подсудимого».

Однако данный вывод суда не основан на заключении экспертов, изложенном в акте психолого-психиатрической экспертизы, в котором не содержится указания на то, что возрастные и индивидуально-психологические особенности потерпевшей, вследствие которых она не способна понимать значения совершенных в отношении нее действий, имели какое-либо явное проявление, т.е. отразились на внешности С. или на ее поведении.

Кроме того, сторона обвинения не представила суду, а суд не привел в приговоре и другие конкретные доказательства того, что имевшиеся возрастные и индивидуально-психологические особенности потерпевшей были очевидны для подсудимого и охватывались его умыслом, в связи с чем вывод суда о том, что нахождение С. в беспомощном состоянии было очевидно для подсудимого, является лишь предположением.

В соответствии с принципом презумпции невиновности и ч. 3 и 4 ст. 14 УПК РФ все сомнения относительно виновности обвиняемого, которые не

могут быть устранены в порядке, установленном Кодексом, толкуются в пользу обвиняемого; обвинительный приговор не может быть основан на предположениях.

При таких обстоятельствах не подтверждено совокупностью доказательств знание М. того, что потерпевшая была не способна понимать значение совершенных в отношении нее действий и находилась в беспомощном состоянии.

Учитывая изложенное, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ исключила из осуждения М. по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ и п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ указание на использование беспомощного состояния потерпевшей, назначенное наказание смягчила (Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 9 апреля 2014 г. N 5-АПУ14-15).

Обвиняемый в сексуальном насилии оправдан присяжными

По приговору Астраханского областного суда от 6 февраля 2014 года С. (1991 года рождения) оправдан судом с участием присяжных заседателей по ч. 3 ст. 30 п. «б» ч. 4 ст. 131 и п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ. Органами предварительного расследования он обвинялся в совершении покушения на изнасилование малолетней Нескреба, а также в совершении в отношении нее насильственных действий сексуального характера.

В апелляционном представлении (основном и дополнении к нему) государственный обвинитель просила приговор отменить, дело направить дело на новое судебное рассмотрение. Основание:

1. Отдельные присяжные скрыли некоторые факты из своей биографии. Скрытие ими информации лишило сторону обвинения возможности выразить свое отношение к данным кандидатам, в том числе заявить им мотивированные отводы.

2. Сторона защиты ссылаясь на доказательства, не исследованные в суде, а председательствующий не всегда реагировал на данные нарушения закона.

3. Государственному обвинителю было необоснованно отказано в ходатайстве об оглашении заключения судебно-медицинской экспертизы в отношении потерпевшей.

Суд апелляционной инстанции оснований для отмены приговора не нашел и указал следующее.

Формирование коллегии присяжных заседателей проведено в соответствии с требованиями ст. 328 УПК РФ, каких либо нарушений процессуального порядка при отборе присяжных и формировании коллегии присяжных заседателей допущено не было. Государственным обвинителем не представлено достоверных сведений, достаточных для вывода о том, что некоторые присяжные заседатели скрыли информацию о том, что ранее привлекались соответственно к уголовной и административной ответственности, что лишило сторону обвинения права заявить им мотивированные отводы.

Представленные сторонами доказательства, перед их исследованием в присутствии присяжных заседателей, проверялись на предмет их относимости и допустимости. В соответствии с требованиями ст. 291 УПК РФ у сторон обвинения и защиты имелись не только равные права представления доказательств, дополнения судебного следствия, но и оспаривание допустимости тех или иных доказательств.

Все ходатайства сторон, которые ими были заявлены в ходе судебного заседания, были разрешены судом в соответствии с установленным уголовно-процессуальным порядком, с вынесением соответствующих процессуальных решений, законность и обоснованность которых у кассационной коллегии сомнений не вызывает.

Доводы апелляционного представления об ограничении прав стороны обвинения, выразившихся в отказе в удовлетворении некоторых заявляемых ходатайств, нельзя признать обоснованными. Поскольку отказ в удовлетворении заявленных сторонами ходатайств, по мотивам их необоснованности, при соблюдении судом предусмотренной процедуры разрешения этих ходатайств, не может быть оценено как нарушение закона и ограничение прав стороны обвинения.

В ходе судебного следствия в присутствии присяжных заседателей исследовались только те фактические обстоятельства уголовного дела, доказанность которых устанавливается присяжными заседателями в соответствии с их полномочиями, предусмотренными ст. 334 УПК РФ. Данных о том, что в суде исследовались недопустимые доказательства или было отказано сторонам в исследовании доказательств, либо допущены иные нарушения закона, влекущие отмену приговора, из материалов дела не усматриваются.

Доводы о том, что подсудимый и его адвокат ссылались на доказательства, которые не исследовались в суде, материалами дела не подтверждаются.

Из протокола судебного заседания следует: при высказывании в судебном заседании как стороной защиты, так и обвинения сведений или ссылок на недопустимые доказательства, председательствующий своевременно пресекал их (Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 7 мая 2014 года № 25-АПУ14-1 ОСП).

Почему на детском рисунке «у дяди Вовы три ноги»

Процессуальные нарушения при проведении допроса малолетней потерпевшей явились одним из оснований, по которым суд постановил оправдательный приговор в отношении лица, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ.

По приговору Приморского краевого суда от 14 апреля 2014 года Ф. оправдан по предъявленному обвинению в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, на основании п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с отсутствием события преступления.

Органами предварительного расследования Ф. было предъявлено обвинение в том, что он в ночь на 24 апреля 2013 года с 20 час. до 1 час., воспользовавшись тем, что его сожительница О. отсутствует дома, совершил в отношении ее малолетней В. насильственные действия сексуального характера.

Государственный обвинитель в апелляционном представлении просил отменить оправдательный приговор в отношении Ф. и направить дело на новое судебное рассмотрение, так как суд в приговоре не привел убедительных мотивов, почему отверг доказательства обвинения.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ оставила оправдательный приговор без изменения, указав следующее.

Проанализировав показания законного представителя малолетней потерпевшей - О. и свидетеля Т., суд установил, что эти лица, расспрашивая малолетнюю В. о поведении Ф., задавали ей наводящие вопросы, предполагающие утвердительные ответы.

Свидетель К., проводивший первоначальный допрос малолетней В., также показал в судебном заседании, что он использовал в ходе допроса трехлетней потерпевшей наводящие вопросы.

В акте судебной психолого-психиатрической экспертизы указано, что повышенная внушаемость и склонность к фантазированию накладывают ограничения при проведении допроса малолетней В., вопросы не должны носить характер наводящих, так как ребенок склонен легко соглашаться со взрослыми.

Тщательный анализ и надлежащая оценка исследованных в судебном заседании показаний потерпевшей В., а также обстоятельств их получения следователем, установленных из показаний О. и педагога М., присутствовавших на допросе, позволили суду прийти к правильному выводу о том, что указанный протокол допроса потерпевшей является недопустимым доказательством, поскольку получен с нарушением уголовно-процессуального закона.

Как следовало из показаний О., согласующихся с показаниями свидетеля М., следователь с участием педагога в ночное время в течение продолжительного времени (около 3-х часов) пытался получить от малолетней В. показания относительно обстоятельств возникшего в отношении Ф. подозрения. При этом потерпевшей задавались только наводящие вопросы.

Приведенные обстоятельства противоречат общим правилам проведения допроса, установленным ст.ст. 187, 189 УПК РФ, и в силу ст. 75 УПК РФ влекут недопустимость указанных доказательств (Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 4 сентября 2014 г. № 56-АПУ14-34).

Лолита из Тверской губернии

По приговору Тверского областного суда от 14 ноября 2014 года Б. (1977 года рождения) осужден по п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ к 13 годам ли-

шения свободы с ее ограничением на 1 год. Борцов признан виновным в том, что в период с 1 апреля по 12 августа 2011 года совершил изнасилование не достигшей 14-летнего возраста Л. (4 марта 1998 года рождения), с применением к потерпевшей насилия, соединенного с угрозой убийством и с использованием ее беспомощного состояния.

В апелляционных жалобах сторона защиты обратила внимание суда второй инстанции на то, что уголовное дело возбуждено 24 апреля 2012 года, то есть спустя год после якобы имевших место событий. Позднее обращение в правоохранительные органы потерпевшая объясняла боязнью расправы, однако Б. в августе 2011 года выехал в Краснодарский край.

Обвинение в отношении него построено на противоречивых показаниях потерпевшей. Заключение психолого-психиатрической экспертизы, проведенной в отношении Л., содержит взаимоисключающие выводы. С одной стороны, эксперты утверждают, что потерпевшая могла правильно воспринимать события, давать им оценку. С другой стороны, эксперты делают вывод: Л. не могла понимать характер и значение совершаемых с ней действий и не могла оказать сопротивления. Стороне защиты в ходатайстве о назначении повторной судебно-психиатрической экспертизы судом отказано.

Сторона защиты считает, что Л. оговорила Б. из корыстных побуждений, предъявив к нему претензии на 1 миллион рублей.

В суде апелляционной инстанции сторона защиты жалобы поддержала, государственный обвинитель - оснований для изменения приговора не нашел.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ признала доказанным только факт совершения осужденным полового акта с не достигшей 14-летнего возраста Л.. Приговор в отношении Б. изменен.

Во-первых, из его описательно-мотивировочной части исключено указание суда на то, что Б. «вину не признал, как на обстоятельство, которое суд учитывает при назначении наказания».

Во-вторых, его действия перекалвалифицированы с п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ на ч. 2 ст. 134 УК РФ (в ред. от 27.12.2009), Б. назначено наказание 5 лет лишения свободы.

Свое решение суд апелляционной инстанции обосновал следующим образом.

Во-первых, суд второй инстанции обосновал свой вывод доказанности вины Б. по ст. 134 УК РФ. Помимо заключения судебно-медицинского эксперта, согласно выводам которого: Л. жила половой жизнью, показаний об этом потерпевшей в апелляционном определении были приведены следующие доказательства.

Многочисленные свидетели (в том числе родственники осужденного и потерпевшей) показали: Б. на протяжении длительного времени поддерживал близкие личные отношения с Л., она периодически проживала в его доме, ночевала там, проявляла к нему недетское внимание.

В частности свидетель Б.-нов, который уполномочен осужденным передать потерпевшей деньги, заявил: он догадывался о том, что Б. вступал в половую связь с Л.

Учителя школы, в которой обучалась потерпевшая, заявили: Л. всегда была рослой девочкой, все мальчишки ниже нее ростом. В 2010 году они наблюдали Л. на озере с Б., девочка по отношению к мужчине вела себя как взрослая, кормила осужденного кусочками арбуза.

Ниже суд второй инстанции проанализировал все показания потерпевшей, нашел их неполными и противоречивым. В виду отсутствия в них информации о насилии со стороны Б.

В ходе первого допроса 28 мая 2012 года с участием законного представителя и педагога Л. не дала показаний о применении к ней насилия ни перед совершением, ни в процессе совершения полового акта, не сказала она и о том, что Б. угрожал ей убийством. Дословно «Б. меня не бил, к вступлению в половую связь не принуждал».

На следующем допросе от 24 февраля 2014 года с участием педагога Л. хотя заявила, что сопротивлялась, однако о применении Б. в отношении нее насилия, не поясняла. Дословно «В один из дней апреля или мая 2011 года я приехала к Б. домой, он был один. Мы с ним сидели на кровати. Б. против моей воли совершил со мной половой акт. Я сопротивлялась, пыталась оттолкнуть Б., но он намного физически более сильный, чем я и мне с ним не справиться. Во время полового контакта Б. меня не бил».

На допросе 5 июня 2014 года с участием законного представителя и педагога Л. не давала показаний ни о применении к ней Б. насилия, ни об угрозах убийством, пояснив, что «не желала вступать в половую связь с Б.», Б. совершил с ней половой акт, «было половое сношение только один раз, потом» она «уснула, а утром уехала домой и больше к Б. не приезжала».

Причину, по которой не рассказала о совершенном Б. преступлении, потерпевшая объяснила не страхом перед осужденным, а тем, что не хотела, чтобы ее вызывали к следователю, ей неприятно рассказывать об этом чужим людям, и она старалась все забыть.

На допросе 14 августа 2014 года с участием законного представителя и педагога Л. был задан вопрос: «Когда Б. высказывал угрозы убийством в Ваш адрес, перед изнасилованием для подавления сопротивления или после для того, чтобы никому не рассказывала об изнасиловании?»

На этот вопрос Л. дала ответ, соответствующий вопросу: «Б. высказывал угрозы убийством в мой адрес для подавления сопротивления, то есть в процессе изнасилования, так как я оказывала сопротивление. Также после изнасилования Б. продолжал высказывать угрозы убийством в мой адрес, чтобы я никому не рассказывала об изнасиловании». Кроме этого, Б. удерживал своей рукой обе руки потерпевшей во время изнасилования.

На допросе 29 августа 2014 года с участием законного представителя и педагога Л. показала, на основании которых судом и были установлены обстоятельства совершения Б. преступления: «Б. повалил ее на кровать,

навалился своим телом, левой рукой удерживал ее руки, правой — снял с нее одежду, затем совершил с ней половой акт. Она пыталась вырваться, освободиться, но Б. сказал, чтобы она прекратила сопротивление, иначе он ее убьет».

В суде в начале допроса государственным обвинителем Л. пояснила, что не помнит, высказывал ли угрозы Б., что помнит только «как все начиналось», а чем закончилось, не помнит.

Помимо противоречивых показаний Л. о применении Б. насилия к потерпевшей с целью преодоления ее сопротивления иных доказательств в материалах дела не имеется и таковые в приговоре не приведены.

Не основан на исследованных в судебном заседании доказательствах и вывод суда об использовании осужденным беспомощного состояния потерпевшей.

В соответствии с Примечанием к ст. 131 УК РФ, введенным ФЗ от 29.02.2012 № 14, к преступлениям, предусмотренным п. «б» ч. 4 указанной статьи, а также п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, относятся также деяния, подпадающие под признаки преступлений, предусмотренных ч. 3-5 ст. 134 и ч. 2-4 ст. 135 УК РФ, совершенные в отношении лица, не достигшего 12-летнего возраста, поскольку такое лицо в силу возраста находится в беспомощном состоянии, то есть не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий.

В силу тех же причин, уголовная ответственность по ч. 3 ст. 134 УК РФ наступает за половое сношение с лицом, достигшим 12-летнего возраста, но не достигшим 14-летнего возраста.

По смыслу уголовного закона, для признания беспомощного состояния потерпевшего от преступлений, предусмотренных ст. 131, 132 УК РФ, достигшего 12-летнего, но не достигшего четырнадцатилетнего возраста, недостаточно лишь возрастного признака, а необходимо установить еще и то, что в силу возраста, уровня развития и иных причин потерпевший не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий, что должно осознаваться виновным лицом и использоваться им для совершения преступления.

Суд, признавая доказанным признак использования Б. беспомощного состояния потерпевшей, которой на момент совершения в отношении нее преступления исполнилось 13 лет, сослался на заключение психолого-психиатрической экспертизы, согласно которому Л. с учетом уровня ее психического развития, индивидуально-психологических особенностей и эмоционального состояния, а также конкретных условий правонарушения не могла понимать не понимала характер и значение совершаемых с ней действий и оказывать сопротивление.

Однако данный вывод не основан на заключении психолого-психиатрической экспертизы, в котором не содержится указания на то, что индивидуально-психологические особенности потерпевшей, вследствие которых она не способна понимать характер и значение совершенных в

отношении нее действий, имели какое-либо явное проявление, то есть отразились на внешности Л. или на ее поведении.

Сторона обвинения не представила суду, а суд не привел в приговоре конкретные доказательства того, что имевшиеся индивидуально психологические особенности потерпевшей были очевидны для осужденного и охватывались его умыслом.

Согласно заключению судебно-медицинского эксперта от 23 июля 2012 года на момент проведения экспертизы, то есть спустя год после преступления, Л. имела рост 180 см. и вес 54 кг.

В соответствии с конституционным принципом презумпции невиновности и ч. 3 и 4 ст. 14 УПК РФ, все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном Кодексом, толкуются в пользу обвиняемого.

Исследованными судом доказательствами подтверждается лишь вывод суда о совершении Б. полового сношения с тринадцатилетней Л., о возрасте которой ему было достоверно известно.

Отношение осужденного к содеянному, непризнание им вины не является обстоятельством, влияющим на размер наказания, и не может учитываться при назначении наказания, а потому указание суда на непризнание осужденным вины, как на обстоятельство, которое суд учитывает при назначении наказания, подлежит исключению из приговора (Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ 26 февраля 2015 года №35-АПУ 14-23).

Основные научно-практические выводы:

1. Прежде чем формировать правовую норму, законодатель должен глубоко задуматься, нужно ли ему тратить немалые бюджетные деньги на принудительное приведение ее в действие, может быть достаточно морали?

2. Главное назначение института уголовной ответственности за посягательства на половую неприкосновенность и свободу личности - разрешение социальных, наличие которых в значительной степени обусловлено культурой отношений между полами. Такая ответственность должна обладать рядом существенных характеристик: быть понятной большинству населения, она реальна, обладает всеми видовыми, родовыми признаками и чертами, свойственными любой иной уголовной ответственности; как любое иное социальное явление уголовная ответственность за совершение преступных деяний в сфере отношений между полами существует только в динамике.

3. Для успешного функционирования нормы уголовного закона, предусматривающей уголовную ответственность в сфере отношений между полами, необходимы следующие условия: в каждой отдельно взятой стране должно быть ясное, четкое и единообразное понимание природы уголовной ответственности, роли суда в приведении нормы в действие; за судом должны быть закреплены полномочия на творческое применение права, в

том числе и международного; у населения страны должно существовать доверие к судейскому корпусу; деятельность судов должна отличаться ясностью и прозрачностью; процессуальное законодательство должно содержать совершенный механизм исправления судебных ошибок.

4. Юридическая «текучка» постепенно выявляет все новые и новые последствия непродуманного отказа от таких некогда привычных правовых конструкций, регламентирующих наступление уголовной ответственности за преступления в сфере отношений между полами.

5. Вызывает озабоченность и тот факт, что органы предварительного расследования буквально подгоняют обычные реалии жизнь по конкретные составы преступлений, провоцируя лиц, имеющих нетрадиционные сексуальные предпочтения в необдуманном действиям. В качестве доказательств по делам необдуманно используются вольные трактовки случайных лиц, именующих себя специалистами в области сексологии, наблюдающих то «кошачьи хвосты», то «дядю Вову с тремя ногами». Для криминологов интересен также и такой специфический факт: многие из оправданных по делам анализируемой категории вскоре после задержания писали явки с повинной.

N.A. Kolokolov, Doctor of Law, Professor of the Judicial Power Department of Higher Economy School, Moscow (e-mail: nikita_kolokolov@mail.ru)

THE EFFECTIVENESS OF CERTAIN COURT PROCEEDINGS: THEORY, PRACTICE, TECHNIQUE (CRIMINOLOGICAL ASPECT OF THE PROBLEM IN THE APPLICATION OF THE RULES CRIMINALIZING ENCROACHMENT ON SEXUAL FREEDOM AND INVIOABILITY OF THE PERSON)

Abstract. Analysis of the examples in the article indicates a lack of system integrity in the mechanism of counteraction to criminal encroachments on sexual freedom and inviolability of the person.

Keywords: criminal policy, the Criminal Code, Code of Criminal Procedure, judicial practice.

УДК 343.1

Я.Н. Колоколов, канд. юрид. наук, адвокат, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Курской государственной сельскохозяйственной академии им. профессора И.И. Иванова (e-mail: nikita_kolokolov@mail.ru)

А.В. Терновцов, канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Юго-Западного государственного университета, г. Курск (e-mail: nikita_kolokolov@mail.ru)

ПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛАМ О НЕЗАКОННОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ОБРАЗЦОВ: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, ТЕХНИКА

Авторы анализируют практику применения ст. 146 УК РФ.

Ключевые слова: УК РФ, промышленный образец.

Согласно ст. 44 Конституции РФ, ст. 1345, 1349, 1351, 1353, 1354, 1356-1369 ГК РФ, определяющих сферу действия патентного права, полезные модели относятся к объектам патентного права. Перечисленные нормы охраняют интеллектуальные и иные права автора полезной модели, устанавливает положения о договоре об отчуждении права использования полезной модели.

Наличие в уголовном законе ст. 147 УК РФ «Нарушение изобретательских и патентных прав» направлено на реализацию конституционного положения об охране интеллектуальной собственности. Диспозиция статьи является бланкетной и также предполагает изучение норм ч. IV ГК РФ.

Для правильного применения норм уголовного закона следует учитывать разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, данные в Постановлении от 26 апреля 2007 г. N 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» (Далее Постановление № 14). Но вопрос об ответственности будет решаться в соответствии с законодательством, действовавшим на момент создания произведения. Непосредственный объект данного преступления - общественные отношения, обеспечивающие изобретательские и патентные права. Предметом преступления является изобретение, полезная модель или промышленный образец. Под изобретением имеется в виду решение технической задачи, отличающейся существенной новизной и дающее положительный эффект. Полезная модель представляет собой конструктивное выполнение средств производства и предметов потребления, а также их составных частей. Промышленный образец - это художественно-конструкторское решение изделия, определяющее его внешний вид. Право на изобретение и промышленный образец подтверждает патент, а на полезную модель - свидетельство.

Объективная сторона характеризуется деянием в различных формах, преступными последствиями и причинной связью между ними. Наказуемыми признаны такие деяния, как: а) незаконное использование изобретения, полезной модели или промышленного образца; б) разглашение без согласия автора или заявителя сущности изобретения, полезной модели или промышленного образца до официальной публикации сведений о них; в) присвоение авторства; г) принуждение к соавторству. Преступные последствия характеризуются причинением крупного ущерба, размер которого законодательно не определен, каждый раз его оценивают правоприменительные органы, а окончательное решение принимает суд. Разглашение без согласия автора или заявителя сущности изобретения, полезной модели, промышленного образца до официальной публикации сведений о них - это огласка содержания ключевых деталей перечисленных предметов, в частности, в средствах массовой информации или путем иного публичного рассмотрения.

Состав преступления - материальный. Преступление считается оконченным с момента причинения крупного ущерба изобретательским или патентным правам.

Субъективная сторона характеризуется умышленной виной. Мотив и цель не влияют на квалификацию. Виновный осознает общественную опасность совершенного действия, предвидит возможность или неизбежность причинения крупного ущерба и желает либо сознательно допускает его причинение или относится к этому безразлично.

Субъект преступления - вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Квалифицированный состав преступления характеризуется его совершением в соучастии (группой лиц по предварительному сговору или организованной группой).

Проанализируем практику применения данной нормы.

Приговор Хамовнического суда

Органами предварительного расследования руководитель предприятия Зайцев обвинялся в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 143, ч. 2 ст. 147, ч. 2 ст. 201 УК РФ. Ему вменялось в вину, что он незаконно использовал изобретение и полезную модель, что привлекло причинение крупного ущерба. В обоснование предъявленного обвинения органами предварительного расследования были представлены доказательства виновности подсудимого, допросы потерпевшего К., свидетелей, материалы контрольных закупок, заключение патентно-технической экспертизы.

Суд, исключая из обвинения Зайцева ч. 1 ст. 143 и ч. 2 ст. 147 УК РФ, сослался на основании Постановления Конституционного Суда РФ от 20 апреля 1999 года, квалифицировал действия подсудимого только по ч. 1 ст. ст. 201 УК РФ, так как он, являясь лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой организации, использовал свои полномочия вопреки законным интересам этой организации, в целях извлечения выгод

и преимуществ для себя и для нанесения вреда другим лицам, что повлекло причинение существенного вреда правам и законным интересам гражданина.

Оценив собранные по делу доказательства в их совокупности, суд считает, что предъявленное в ходе предварительного следствия подсудимому Зайцеву обвинение по ч. 2 ст. 201 УК РФ в части совершения подсудимым действий, повлекших «тяжкие последствия», не нашло своего подтверждения ни в ходе предварительного ни в ходе судебного следствия. С точки зрения обвинения в качестве тяжкого последствия расценивается причинение крупного ущерба потерпевшему. Суд считает, что исходя из конкретных обстоятельств уголовного дела, несмотря на размер этого ущерба, данное обстоятельство нельзя рассматривать в качестве тяжкого последствия, предусмотренного ч. 2 ст. 201 УК РФ, действия подсудимого надлежит квалифицировать по ч. 1 ст. 201 УК РФ, «как причинившие существенный вред правам и законным интересам гражданина». Суд посчитал доказанным обстоятельство наступления в результате содеянного Зайцевым общественно-опасных последствий, предусмотренных ч. 1 ст. 201 УК РФ в виде причинения потерпевшему Кардашеву крупного ущерба на сумму 10 691323 руб. 80 коп., исходя из размера этого ущерба, а так же мнения потерпевшего, о существовании для него вреда, причиненного преступными действиями Зайцева.

Суд исключил из предъявленного в ходе предварительного следствия подсудимому Зайцеву обвинения ч. 2 ст. 147 УК РФ, как излишне вмененную, поскольку его действия по нарушению патентных прав потерпевшего К., выразившиеся в незаконном использовании изобретения и полезной модели с причинением крупного ущерба, совершены из корыстной заинтересованности, лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой организации и соответственно охватываются составом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 201 УК РФ и в дополнительной квалификации не нуждаются.

Итог: Зайцева оправдан по ч. 2 ст. 147 УК РФ, но осужден по ч. 1 ст. 201 УК РФ

Удовлетворен гражданский иск К. в части взыскания материального ущерба в сумме 10.536.810 руб.

Приговор вступил в законную силу 15 октября 2004 года.

«Быстрый учитель»

В 1991 году в г. Санкт-Петербурге работниками Малого государственного предприятия «Квант» было создано служебное произведение - Методика ускоренного изучения иностранных языков «Быстрый Учитель».

По своим характеристикам Методика полностью соответствовала требованиям, предъявляемым Патентным законом РФ к изобретениям. Однако заявка в Патентное ведомство на регистрацию служебного изобретения предприятием не подавалась, так как по смыслу п. 1 ст. 6 Закона РФ «Об авторском праве и смежных правах» все произведения, в которых раскры-

ваются содержание патентоспособных творческих технических решений, до их регистрации в качестве изобретений, полезных моделей или промышленных образцов охраняются данным Законом как произведения науки. Кроме того, в соответствии со ст. 7 Патентного закона автором изобретения, полезной модели, промышленного образца может быть только физическое лицо, непосредственным творческим трудом которого они созданы, а присвоение авторства на чужое изобретение, повлекшее крупный ущерб, преследуется уголовным законом. Таким образом, несмотря на то, что заявка на регистрацию Методики «Быстрый Учитель» в качестве изобретения не подавалась, а сущность изобретения была открыто изложена в Инструкциях к реализуемым обучающим программам, то есть была доступна для всеобщего сведения, в силу прямого указания Закона никто не имел юридического права заимствовать из Инструкции сущность изобретения и подавать в отношении его заявку в Патентное ведомство РФ.

Трофимов совместно с Алексеевым 30 июня 1997 года учредил фирму ЗАО «Ксилолит», после чего они незаконно изготовил в неустановленном месте партию копий программ «Быстрый Учитель», права на которые принадлежали МГП «Квант».

Выставленные Трофимовым на продажу программы «Интел» как по ассортименту (21 наименование), так и по содержанию были точно копией программ «Быстрый Учитель», за исключением наименования, реквизитов правообладателя, а также упаковки, что подтверждалось экспертным заключением.

Действиями Трофимова - реализацией контрафактных обучающих программ МГП «Квант» причинен крупный ущерб в виде упущенной выгоды, уменьшения рынка сбыта легальной продукции.

Таким образом, Трофимов совершил преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 146 УК РФ - присвоение авторства и незаконное использование объекта авторского права, причинившие крупный ущерб. В дальнейшем Трофимов, с целью незаконного завладения патентными правами и последующего использования Методики ускоренного изучения иностранных языков «Быстрый Учитель», правообладателем которой было МГП «Квант», получил патента № 2124233 на изобретение «Способ ускоренного изучения иностранного языка».

Действиями Трофимова «Квант» причинен крупный ущерб в виде утраты исключительных прав на интеллектуальную собственность, причинен моральный вред в виде утраты личных неимущественных авторских прав на служебную разработку.

Таким образом, Трофимов совершил преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 147 УК РФ - присвоение авторства на изобретение и незаконное использование изобретения, причинившие крупный ущерб.

Допрошенный в качестве свидетеля Трофимов показал, что приобрел у МГП «Квант» 25 программ «Быстрый Учитель» девятнадцати наименований, вложил их в упаковку собственного изготовления и для выяснения

покупательского спроса выставил их на продажу на предприятии ЗАО «Ксилолит» под торговой маркой «Интел». Эти программы и были изъяты сотрудниками УЭП ГУВД г. Москвы.

В действиях как Трофимова имеется состав преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 146 и ч. 1 ст. 147 УК РФ, однако, в силу п. «а» ч. 1 ст. 78 УК РФ он должен быть освобожден от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности (Постановление следователя прокуратуры Северо-Западного административного округа г. Москвы от 13 апреля 2001 года (№ 9963654).

Уголовное дело возвращено прокурору

Шутова – директор предприятия. Согласно версии стороны обвинения она согласия патентообладателя при неустановленных следствием обстоятельствах организовала в промышленных масштабах производство полезной модели – детали для автомобиля ВАЗ - «обтекатель порога пола». Данные детали сбывались предприятием через розничную сеть.

В частности, в ходе ОРМ в рамках «проверочных закупок» установлено, что 27 мая 2010 года сбыты три накладки на порог автомобиля ВАЗ на сумму 550 руб., 10 августа 2010 года 300 таких накладок на сумму 165.000 руб.

Согласно заключению эксперта-товароведа в период с 28 октября 2009 года по 10 августа 2010 года реализованы накладки на пороги к автомобилям ВАЗ на общую сумму 190.877 руб.

Органы предварительного расследования сделали вывод, что этими действиями Шутова причинила патентообладателю имущественный ущерб в крупном размере на сумму 356.977 руб. в виде недополученного дохода, который законный производитель получил бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено.

Действия Шутовой квалифицированы по ч. 1 ст. 147 УК РФ - незаконное использование полезной модели без согласия автора, причинившее крупный ущерб.

В ходе предварительного слушания представитель потерпевшего заявил ходатайство о возвращении дела прокурору для производства дополнительного расследования, поскольку органами предварительного следствия грубо нарушены права потерпевшего:

- он не в полном объеме ознакомлен с материалами уголовного дела, следователь предоставил для ознакомления всего три тома, остальные тома в копиях направлены ему почтой;

- по делу не установлен конкретный размер причиненного преступлением материального вреда, нет данных о заявленном по делу гражданском иске.

Обвиняемая Шутова также заявила аналогичное ходатайство, поскольку по заключению коллегии палаты по патентным спорам свидетельство на спорную полезную модель, выданное W. Полностью признано недействительным. Соответственно, W. не является патентообладателем, не может

являться потерпевшим.

Ею заявлялось ходатайство о включении в список свидетелей защиты патентного поверенного К., хотя указанный свидетель допрошен в ходе предварительного расследования, в список свидетелей защиты он не включен.

Защитник Шутовой – адвокат Дьяченко Т.В. заявила ходатайство о прекращении уголовного дела в предварительном слушании за отсутствием состава преступления, а также об исключении из числа доказательств, полученных с нарушением уголовно-процессуального закона. В обоснование своих доводов она ссылалась на заключение коллегии палаты по патентным спорам о признании свидетельства на полезную модель, выданное W., недействительным.

Согласно ч. 3 ст. 8 Закона «Об ОРД» предусмотрено наличие обязательной санкции суда на запись телефонных переговоров Шутовой и других лиц, участвующих в деле в качестве свидетелей. В материалах уголовного дела отсутствуют сведения о наличии санкции суда на круглосуточное прослушивание телефонных переговоров, чем нарушены требования ст. 186 УПК РФ.

По делу с нарушением требований ст. 78 УПК РФ изъяты два процессора и флеш-карта, соответственно, не имеет юридической силы бухгалтерское исследование и бухгалтерская экспертиза, которые проведены на основании содержащихся в них данных.

В ходе предварительного следствия нарушено право Шутовой на защиту. В материалах уголовного дела имеются сведения о заключении ею соглашения с адвокатом Коган Л.Г., однако, последний не извещался о производстве следственных действий с участием Шутовой.

Суд, рассмотрев заявленные ходатайства, счел необходимым возвратить уголовное дело Сызранскому транспортному прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом, по следующим основаниям:

В соответствии с п. 8 ч. 1 ст. 220, п. 9 ч. 1 ст. 220 УПК РФ, в обвинительном заключении указываются данные о потерпевшем, характере и размере вреда, причиненного ему преступлением. Однако в обвинительном заключении отсутствуют данные о потерпевшем – W., а также не указан гражданский истец и размер гражданского иска, который заявлен по делу.

Потерпевшему – W. не было в полном объеме предоставлено право на ознакомление с материалами уголовного дела, чем нарушены требования ст. 216 УПК РФ.

В обвинительном заключении не указан перечень доказательств, на которые ссылается сторона защиты (п. 6 ч. 1 ст. 220 УПК РФ).

В соответствии с п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 года № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса РФ», под перечнем доказательств, на которые ссылается сторона защиты, понимается не только ссылка в обвинительном

заключении на источники доказательств, но и приведение в обвинительном заключении краткого содержания доказательств.

Вопреки указанным требованиям, в обвинительном заключении отсутствуют данные как о свидетеле защиты – патентном поверенном К., которая была допрошена в ходе предварительного следствия, не приведены ее показания.

Отсутствует ссылка на имеющееся в материалах дела заключение коллегии палаты по патентным спорам, по результатам рассмотрения заявления G., которым свидетельство на полезную модель, выданное W., признано недействительным полностью.

В материалах дела имеются данные о заключении соглашения Шутовой с защитником — адвокатом Коган Л.Г., в материалах дела отсутствует заявление Шутовой об отказе от данного защитника. Несмотря на данные обстоятельства, защитник Коган Л.Г. не извещался о проведении следственных действий с участием Шутовой, не принимал в них участие, ему не были предъявлены материалы уголовного дела для ознакомления, что влечет нарушение права на защиту Шутовой.

Факт получения следователем флеш-карты и двух процессоров, изъятых в ходе обысков надлежащего процессуального оформления в соответствии с требованиями УПК РФ, не получил.

В материалах уголовного дела имеется заключение коллегии палаты по патентным спорам по результатам рассмотрения заявления, свидетельство на полезную модель, выданное W., признано недействительным полностью.

Согласно ч. 1 ст. 147 УК РФ предусматривает ответственность за использование полезной модели, авторские права на которую оформлены в установленном законом порядке, когда это осуществляется без согласия автора и причиняет ему крупный ущерб.

Согласно п. 7 Постановления № 14, объектом уголовно-правовой охраны являются отношения, связанные с созданием и использованием.. полезных моделей, если они отвечают условиям патентоспособности, которые определяются соответствующими положениями гражданского законодательства.

Право на полезную модель охраняется патентом, который удостоверяет приоритет, авторство.... полезной модели и исключительное право на данный объект. Срок действия патента определяется гражданским законодательством РФ.

Как следует из п. 54 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 5, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 29 от 26 марта 2009 года «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие ч. IV ГК РФ», решение Роспатента о признании недействительным патента вступает в силу со дня его принятия. Такое решение влечет аннулирование патента.... и соответствующего исключительного права с момента подачи в Роспатент заявки на выдачу патента.

Учитывая, что на момент выдачи патента W. действовал Патентный закон РФ от 23 сентября 1992 г. № 3517-1, ст. 29 данного Закона предусматривала аналогичный порядок признания недействительным патента на полезную модель, т.е. патент на полезную модель в течение всего срока его действия мог быть признан недействительным полностью на основании решения, принятого по возражению, поданному в Палату по патентным спорам. Принятый недействительным полностью патент на полезную модель аннулируется.

Таким образом, в настоящий момент W., не обладает патентом на полезную модель «обтекатель порога пола автомобиля», поскольку с момента выдачи патента W., он был признан недействительным полностью.

Данный факт подтвердил в предварительном слушании и представитель W., пояснивший, что в настоящее время W. обратилось в Арбитражный суд с заявлением о признании недействительным решения Роспатента, которым признано полностью недействительным выданное им Свидетельство РФ на полезную модель «обтекатель порога пола автомобиля», представив в суд соответствующие документы.

Государственный обвинитель возражал против возвращения дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом, а также против ходатайства адвоката Дьяченко Т.В. о прекращении дела в отношении Шутовой за отсутствием в ее деянии состава преступления (Постановление Сызранского городского суда Самарской области от 2 марта 2012 года о возвращении уголовного дела прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению судом).

Органы предварительного расследования уголовное дело прекратили.

Ya.N. Kolokolov, Candidate of Law, Advocate, Associated Professor of the Civil Law Courses Department of Professor I.I. Ivanov Kursk State Agricultural Academy (e-mail: nikita_kolokolov@mail.ru)

A.V. Ternovtsov, Candidate of Law, Associated Professor of the Theory and History of State and Law Department of Southwest State University, Kursk (e-mail: nikita_kolokolov@mail.ru)

PROCEEDINGS OF THE ILLEGAL USE OF INDUSTRIAL SAMPLES: THEORY, PRACTICE, TECHNIQUE

Abstract. The authors analyze the practice of art. 146 of the Criminal Code.

Keywords: the Criminal Code, an industrial design Building a system of judicial stages of criminal proceedings: theory, practice, technique.

УДК 343.157

Н.В. Лантух, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России

ЭКСТРАОРДИНАРНЫЕ СПОСОБЫ ОБЖАЛОВАНИЯ И ПЕРЕСМОТРА СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье анализируется юридическое значение способов обжалования судебных решений, вступивших в законную силу, а также рассматривается вопрос о необходимости и эффективности исключительных стадий в современном российском уголовном процессе.

Ключевые слова: пересмотр судебных решений, обжалование, кассационное производство, производство в надзорной инстанции, возобновление дел

В последние годы процесс реформирования проверочных судебных стадий уголовного судопроизводства России вышел на новый виток развития.

Конфигурация способов пересмотра судебных решений была изменена, организационно-правовые формы вступивших в законную силу дополнены производством в кассационной инстанции. Таким образом, в правовой системе России в настоящее время предусмотрены три исключительных стадии уголовного процесса, в которых вышестоящими судами проверяется правосудность вступивших в законную силу судебных актов.

Несмотря на это, вопрос об эффективности современной системы пересмотра судебных решений и ее соответствие принципиальным положениям судостроительства и судопроизводства, остается открытым.

Презумпция истинности вступившего в законную силу приговора имеет правовые основания, вытекает из принципов непоколебимости и окончательности приговора – «res judicata pro veritate habetur» (решение суда считается истиной). Одним из основополагающих аспектов верховенства права выступает принцип правовой определенности, который требует, чтобы окончательное решение суда не ставилось под сомнение (постановление Европейского суда по правам человека от 23 июля 2003 г. по делу «Рябых против России»).

В настоящее время понимание принципа правовой определенности трактуется российскими учеными и практиками неоднозначно, что затрудняет и постановку вопроса о необходимости наличия в уголовном процессе России экстраординарных способов обжалования и исключительных стадий, связанных с пересмотром решений судов, вступивших в законную силу. Традиционно данный принцип являлся категорией римского права, означавшей недопустимость повторного рассмотрения однажды решенного дела или дела по тождественному вопросу со вступившим в законную силу решением. Содержание данного принципа, со времени применения и толкования его Европейским Судом значительно расшири-

лось. Указанный принцип имеет целью обеспечить участников правоотношений возможностью точно прогнозировать результат своих действий, защищать свои права и интересы, гарантировать стабильность при разрешении спора правоприменителем. Европейский суд вынес значительное количество решений, в том числе в отношении России, в которых были установлены нарушения пункта 1 ст. 6 Европейской конвенции и принципа «правовой определенности и указал на то, что отмена окончательных судебных решений противоречит принципам «верховенства права», «правовой определенности». («Чеботарев против России», «Засурцев против России», «Смарьгин против России», «Андросов против России» и иные).

В связи с этим процессуальные институты кассации «в интересах закона» и судебного надзора не отвечают положениям данного международно-правового принципа и не могут быть им обусловлены. Противоречит данному принципу, например, и возможность кассационного обжалования лицами, которые не были участниками производства по делу (иными лицами) в той части, в которой обжалуемое судебное решение затрагивает их права и законные интересы.

По своей юридической природе исключительные способы обжалования и пересмотра судебных решений должны возникать лишь в силу чрезвычайных обстоятельств и со значительными ограничениями, касающимися субъектов обжалования и пересмотра, круга уголовных дел, по которым допускается производство, видов судебных решений. Однако законодатель стремится перенести «центр тяжести» по проверке судебных решений в исключительные стадии производства по уголовным делам, рассматривая это в качестве существенной гарантии для участников судопроизводства. При этом возможность обжалования может возникать неоднократно, что, скорее всего, делает производство по делу длительным, громоздким и нестабильным.

Как известно, в российском Уставе уголовного судопроизводства 1864 года предусматривалась проверка законности и обоснованности не вступивших в законную силу решений суда в кассационном и апелляционном порядке. Вступившие в законную силу эти судебные акты могли быть проверены на предмет их правосудности лишь в стадии возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам. Институт пересмотра вступивших в законную силу приговоров в порядке судебного надзора возник в советском уголовном процессе первоначально в производстве по уголовным делам в революционных трибуналах в период гражданской войны. В отличие от классического института пересмотра вступивших в законную силу судебных решений по вновь открывшимся обстоятельствам, надзорное производство по своей природе является упрощенной формой пересмотра, которая была оправдана в исторических условиях существования советского государства, где уголовный процесс использовался как политический инструмент.

Концепция судебной реформы 1991 года предусматривала отказ от про-

изводства в надзорной инстанции, однако затем законодатель, существенно его видоизменив, все же закрепил данное исключительное производство в качестве самостоятельной стадии уголовного процесса. Оно является упрощенной, базирующейся преимущественно на письменных материалах уголовного дела, формой пересмотра вступивших в законную силу судебных решений. В надзорном производстве участие сторон в заседании суда надзорной инстанции, ограничено, имеет место достаточно широкая свобода усмотрения судей при принятии процессуальных решений. Что же касается процедуры возобновления уголовного дела по вновь открывшимся обстоятельствам, то пересмотру вступившего в законную силу приговора здесь предшествуют проверка и (или) расследование вновь открывшихся обстоятельств, которое проводится органами прокуратуры с соблюдением установленного уголовно-процессуальным законом порядка производства следственных и иных процессуальных действий, соблюдением прав сторон. По окончании проверки или расследования вновь открывшихся обстоятельств прокурор при наличии оснований для возобновления уголовного дела направляет дело со своим заключением в суд. В свое время в решении «Никитин против России» Европейский суд признал, что российское надзорное производство может считаться специальным типом пересмотра дел. Европейский суд исходил из европейской практики уголовного судопроизводства, в которой отсутствует надзорное производство и существует лишь пересмотр вступивших в законную силу судебных решений в порядке возобновления уголовного дела по новым и вновь открывшимся обстоятельствам.

Идея о необходимости исправления судебных ошибок посредством дополнительного способа пересмотра, отличного от возобновления дел, стала плодотворной, когда законодатель предусмотрел его возможность лишь высшим судом государства по основаниям, связанным с нарушением уголовного или уголовно-процессуального закона.

Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» ознаменовал собой реализацию в сфере уголовного судопроизводства нормы ст. 126 Конституции РФ, согласно которой Верховный Суд РФ, будучи высшим судебным органом по гражданским, уголовным, административным и иным делам, подсудным судам общей юрисдикции, осуществляет в предусмотренных федеральным законом процессуальных формах судебный надзор за их деятельностью и дает разъяснения по вопросам судебной практики.

Однако в качестве исключительной стадии судопроизводства в УПК РФ было введено кассационное производство, исторически сложившееся как обычный способ обжалования судебных актов. Уголовно-процессуальный закон предусмотрел соблюдение правила инстанционности при рассмотрении дел в кассационном порядке, что, по мнению некоторых ученых,

является достоинством судебно-проверочного производства как системы, обеспечивающей последовательность проверки приговора или иного судебного решения.

Данная позиция, на наш взгляд, спорна. В прошлом инстанционность суда родилась с выделением судебной власти в отдельную ветвь и появилась с гуманизацией представлений о наказании. Правосудие обеспечивало снятие социального противоречия между сторонами, соответственно, и не было необходимости в подтверждении решения суда. При наличии инстанционности участники судопроизводства вовлекаются судебной системой в длительный процесс по делу. Выгодным становится наличие «посредников» от правосудия – защитников, представителей.

При производстве в судах апелляционной инстанции, еще до вступления решения в законную силу, вполне могут быть реализованы процессуальные гарантии для участников процесса, если только грамотно пользоваться предоставляемыми правами. Если говорить о возможности пересмотра уголовного дела *после вступления решения суда в законную силу*, то следовало бы предусмотреть ее, в широком смысле, лишь один раз в Верховном Суде РФ по представлению Генерального прокурора РФ (т.е. в существующем надзорном порядке). В противном случае, фактор в виде наличия множества инстанций (кассационных и надзорной), тем более, в чрезвычайных производствах, можно рассматривать как индикатор неэффективности работы системы уголовной юстиции.

Феномен эффективности в уголовном судопроизводстве заключается в наличии нескольких взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов: быстроты производства по делу, процессуальной формы, выступающей гарантом достижения социально значимых результатов, беспрепятственном развитии правоотношений, в превентивном действии правовых запретов [4, с. 195-196]. Эффективность уголовного судопроизводства можно было бы продемонстрировать снижением количества обращений граждан в суд в порядке ст. 125 УПК; сокращением фактов возобновления прекращенных производством дел, а также редкостью, действительно исключительным характером пересмотра приговоров, вступивших в законную силу.

По мнению И.С. Дикарева, обособление судебного надзора в соответствии с новой правовой регламентацией пока является чисто формальными, изменения носят лишь терминологический характер [3, с. 28]. Действительно, между кассацией и надзором много сходных черт: общий предмет, единый перечень субъектов кассационного и надзорного обжалования, общие требования к кассационным и надзорным жалобам и представлениям, общий порядок их рассмотрения в рамках предварительного производства, основания отмены или изменения судебных решений и другие. Думается, что следовало бы предусмотреть в законе наличие самостоятельного по форме и содержанию судебного надзора (наряду с возобновлением дел) и исключение кассационного производства из экстраординарных

способов проверки решений судебных актов. При таком подходе, если смотреть на всю систему пересмотра в целом, будет обеспечиваться эффективность защиты прав и законных интересов участников судопроизводства посредством одного обычного и двух чрезвычайных способов пересмотра. Кассационное производство было бы возможно в качестве обычного способа пересмотра уголовных дел по юридическим основаниям.

Надо сказать, что современная система пересмотра в российском уголовном процессе имеет большое сходство с институтами французского уголовно-процессуального права. Во Франции существуют две формы проверки вступивших в законную силу решений судов: кассация в интересах закона и ревизия (аналог российскому возобновлению дел). Кассация в интересах закона отличается заметным своеобразием, так как она часто влияет только на правоприменительную практику, не затрагивая интересы сторон. Так, если решение не подлежало обжалованию и вступает в законную силу, то Генеральный прокурор при Кассационном суде, обнаружив неправильное применение какого-либо закона, вправе в любой срок обжаловать данное решение. Жалоба рассматривается Кассационным судом, но даже если он отменяет решение, то стороны не могут использовать в своих интересах данное обстоятельство и возражать против исполнения отмененного решения, поскольку они не ставили вопрос о его обжаловании [1, с.183-184]. Постановление Кассационного суда будет иметь значение лишь для правильного применения закона по всем последующим аналогичным уголовным делам, играя роль своего рода «руководящего разъяснения».

Кроме того, Министр юстиции вправе обязать Генерального прокурора при Кассационном суде обжаловать в кассационном по рядке любое решение (вступившее или не вступившее в законную силу), если он обнаружит в нем неправильное применение закона. В таком случае, если обжалуется оправдательный приговор, то интересы сторон в деле не могут быть затронуты, но если обжалуется обвинительный приговор, то при удовлетворении кассационной жалобы дело осужденного подлежит пересмотру (с учетом принципа запрета поворота к худшему) [2, с. 398].

Пересмотр приговора в порядке ревизии возможен только в пользу осужденного (*in favorem*). Пересмотр в данном порядке (в силу ошибок в факте) оправдательных приговоров или обвинительных приговоров по мотивам необходимости усиления ответственности (*in defavorem*) исключен. Кроме того, ревизия приговора допускается лишь по делам о преступлениях и проступках.

УПК Франции содержит следующие основания для пересмотра дела: 1) если после осуждения за убийство появляются доказательства, что предполагаемая жертва убийства жива; 2) если обнаруживаются противоречащие друг другу обвинительные приговоры, в соответствии с которыми два или более лица осуждены за совершение одного и того же

деяния, т. е. по крайней мере одно из этих лиц осуждено необоснованно; 3) если один из свидетелей по делу признан впоследствии виновным в даче ложных показаний; 4) если появляются новые обстоятельства, неизвестные суду во время судебного разбирательства, которые способны вызвать сомнения в виновности осужденного, 5) пересмотр дела в связи с постановлением Европейского Суда по правам человека.

Инициатива возбуждения ревизионного производства может исходить от Министра юстиции, осужденного или его законного представителя (при неспособности осужденного самостоятельно действовать), родственников или иных представителей осужденного в случае его смерти. Процедура пересмотра дела в порядке ревизии состоит из трех этапов [2, с. 399].

Таким образом, возможности обжалования и пересмотра уголовных могут быть реализованы посредством апелляции и кассации в интересах дела (по юридическим основаниям), что обеспечивает права и законные интересы участников процесса, пока решение суда не вступило в законную силу, а также кассации в интересах закона и ревизии, предусматривающей разбирательство дела после вступления судебных актов в законную силу.

Список литературы:

1. Боботов С.В. Правосудие во Франции. М., 1994. 198 с.
2. Гуценко К.Ф., Головки Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств. М., Изд-во «Зерцало-М», 2002. 528 с.
3. Дикарев И.С. Судебный надзор в уголовном процессе: проблемы правовой регламентации // Российская юстиция. 2011. № 3. С. 27-30.
4. Петрухин И.Л., Батулин Г.П., Морщакова Т.Г. Теоретические основы эффективности правосудия. М.: Наука, 1979. 392 с.

N.V. Lantukh, Candidate of Law, Associated Professor, the Criminal Procedure Department of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (e-mail: lana-lant@yandex.ru)

EXTRAORDINARY WAYS OF THE APPEAL AND REVISION OF JUDGMENTS ON CRIMINAL CASES: PROBLEMS AND PROSPECTS

Abstract. *The article reveals the legal significance of means of appeal court decisions, entered into force, and discusses the need for and effectiveness of exclusive stages in the modern Russian criminal trial.*

Keywords: *review of judgment, appeal proceedings, the production of the supervisory instance, the resumption of cases.*

УДК 343.1

А.С. Лукомская, канд. юрид. наук, Институт права, социального управления и безопасности Удмуртского государственного университета, г. Ижевск (e-mail: nastasia5555@mail.ru)

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТОДА КЛАССИФИКАЦИИ В ИССЛЕДОВАНИИ ПОНЯТИЯ ПОТЕРПЕВШЕГО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Основной целью статьи стало использование метода классификации в рамках исследования понятия потерпевшего в уголовном судопроизводстве, разработке оснований и критериев классификации потерпевшего, имеющей значение для решения проблем правоприменения и реализации прав потерпевшего.

Ключевые слова: *понятие, потерпевший, уголовный процесс, метод научного познания, классификация, основания.*

Потерпевший является одной из центральных фигур в уголовном процессе. В теории и практики с учетом действующего законодательства возникает вопрос и с самим понятием потерпевшего и с его составными частями. Возникает необходимость исследовать метод классификации в использовании понятия потерпевшего в уголовном процессе.

Метод - способ достижения цели, совокупность приемов и операций человеческой деятельности, организованной определенным образом [1].

Классификация. от лат. «classis» - разряд и лат. «facere» - делать; много-ступенчатое, разветвленное деление логического объема понятия, где результатом классификации является система соподчиненных понятий: делимое понятие является - родом, новое понятие - видом, видами видов (подвидов). Наиболее сложные и совершенные классификации дает наука, систематизирующая в них результаты предшествующего развития какой-либо отрасли знания и намечающая одновременно перспективу дальнейших исследований [2].

Кривоченко Л.Н. под классификацией понимает определенную систематизацию знаний о классифицируемых объектах либо систематизацию самих объектов (предметов, явлений, свойств). В этом проявляется внешняя сторона. Внутренняя сторона классификации представляет собой этап познания классифицируемых объектов. Главное свойство любой классификации - это распределение объектов на отдельные классы в соответствии с их отличительными признаками [3].

В общем виде классификации можно разделить на естественные² и ис-

² Система распределение предметов или явлений по группам (классам) на основе их существенных признаков.

кусственные³, многоуровневые⁴ (сложные) и линейные⁵ (простые). В уголовно-процессуальной науке чаще используется естественно - научная классификация, цель которой выделение существенных признаков классифицируемых явлений и объектов.

Целью формирования классификации потерпевшего, как объекта исследования в уголовно-процессуальной науке, может стать решение таких познавательных задач как: обработка и обобщение; выделение из многообразия фактов объединения, как например, классы, типы, формы, виды, группы потерпевших т.д.; выявление новых связей, закономерностей, регулярностей; выделение новой системы понятия потерпевшего и связанных с ним явлений; возможно обнаружение при этом новых неизвестных для уголовно-процессуальной науки объектов исследования и определение их свойств и др.

Классификация понятий с точки зрения взаимоотношений между ними начинается с разделения их на сравнимые и несравнимые. Сравнимые понятия подразделяются на два вида - совместимые и несовместимые, а каждый из этих в свою очередь распадается еще на три разновидности. К совместимым относятся: равнозначные (тождественные), перекрещивающиеся (пересекающиеся) и подчиненные (субординированные) понятия.

Например, понятие потерпевшего может состоять из понятий: пострадавший от преступления, жертва преступления, заявитель, гражданский истец и др.

При формировании классификации, отправным является вопрос о выборе основания или принципа классификации потерпевших в уголовном процессе. Именно принципы и основания классификации позволяют различить новые связи и закономерности, регулярности, системы и т.д.

Классификации потерпевшего в общем виде могут содержать в своей основе: критерии уголовно-процессуального, уголовно-правового, криминалистического, криминологического, виктимологического исследования и др.

К критериям классификации потерпевшего можно отнести: правовую природу лица; объем прав; фактическое участие и представительство в процессе; вид, категорию, состав преступления, совершенного в отношении лица; стадию уголовного процесса; дееспособность; деликтоспособность; личность; вид (физический, моральный, имущественный) и характер вреда, причиненный лицу; по признакам (общим, специальным, демографическим, особым состояниям и др.), предусмотренным в уголовном законе; эмпирические данные различного рода и свойства и др.

Важно, чтобы представленные для классификации потерпевшего крите-

³ Описательно-распознавательная система, представляющая классифицируемую область в удобном для обозрения, запоминания и распознавания виде.

⁴ Система, структура в которой выделяется через взаимосвязанные иерархически расположенные подсистемы.

⁵ Система, состоящая из упорядоченной линейной совокупности однородных данных.

рии, это были не произвольно выбранные свойства изучаемого объекта, а свойства, которые вытекают из проблем правоприменения и реализации его прав.

В настоящее время учет потерпевших от преступлений ведется по формам N 1, 5 и 6, утвержденным упоминавшимся ранее Приказом о едином учете преступлений от 29 декабря 2005 г. N 39/1070/1021/253/780/353/399. [4]

Информация о потерпевших подразделяется относительно их правовой природы (физическое или юридическое лицо); количества; пола; характера причиненного вреда; установления личности, которой причинен ущерб; характеристики (новорожденный, малолетний до 14 лет, несовершеннолетний, пожилой, женщины, БОМЖ, лицо, находящееся в розыске, без вести пропавший, пассажир, лицо, находящееся на объекте транспорта, в состоянии алкогольного опьянения); отношения к потерпевшему лицу (знакомый, сожитель, член семьи, в том числе супруг, мать, отец, сын, дочь, родственник); социального положения; должностного положения; гражданства; страны проживания; цели приезда и др.

Значение метода классификации для правоприменения и реализации права на практике можно проследить в совершенно уникальном видении прав потерпевших от преступлений в Англии и Уэльсе. Их права зависят именно от их классификации. Так, кодекс потерпевших предусматривает, что представитель прокуратуры должен встретиться с потерпевшим, чтобы определить, какой уровень прав должен быть ему предоставлен... При этом выделяются две специальные категории потерпевших: «уязвимые» и «запуганные». Все потерпевшие имеют права, но «уязвимые» и «запуганные» наделяются правом на получение расширенной помощи прокурора. «Уязвимым» потерпевшим признается лицо в возрасте до 17 лет в момент совершения преступления или лицо, находящееся в состоянии психического расстройства, физической инвалидности или лицо с низким интеллектуальным развитием и социальной ориентацией. «Запуганным» потерпевшим признается лицо, чья способность представлять доказательства и давать показания ограничена его «собственным страхом или сомнением». Причинами могут быть проблемы возраста, социальной, культурной, религиозной, политической и этнической принадлежности потерпевшего, а также взаимоотношения с обвиняемым или его окружением. Так, жертвы сексуального и домашнего насилия и родственники погибших в результате преступления автоматически включаются в категорию «запуганных» потерпевших. [5]

Безусловно, все классификации относительны и условны, но это не умаляет их ценность как средства познания. Со временем, классификации без сомнения будут изменяться, уточняться, поскольку исследуемый объект динамичен, на различных этапах развития научного знания классификация решает различные задачи, происходит смена ее видов.

Список литературы:

1. Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. Минск: В.М. Скакун, 1998. С. 420.
2. Ивин А.А., Переверзев В.Н., Петров В.В. Логический словарь. М., 1994. С. 56.
3. Кривоченко Л.Н. Классификация преступлений. Харьков, 1983. С. 12.
4. Приказ Генпрокуратуры России N 39, МВД России N 1070, МЧС России N 1021, Минюста России N 253, ФСБ России N 780, Минэкономразвития России N 353, ФСКН России N 399 от 29 декабря 2005 (ред. от 20 февраля 2014) «О едином учете преступлений» (вместе с «Типовым положением о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях», «Положением о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений», «Инструкцией о порядке заполнения и представления учетных документов») (Зарегистрировано в Минюсте России 30 декабря 2005 N 7339) // СПС «Гарант». Дата обновления: 01.03.2015.
5. Пинто А. Адвокаты, потерпевшие, общество // Адвокат. 2012. № 6. С. 5 - 9.

A.S. Lukomskaya, Candidate of Law, Senior Lecturer of Law, the Social Management and Security Institute of Udmurt State University, Izhevsk (e-mail: nastasia5555@mail.ru)

GENERAL PROVISIONS ON THE USE OF THE METHOD OF CLASSIFICATION IN THE STUDY OF THE CONCEPT OF VICTIM IN THE CRIMINAL PROCESS

Abstract: the Main purpose of the article was the use of classification methods in the study of the notion of victims in criminal proceedings, design bases and criteria for the classification of the victim relevant to solving the problems of enforcement and implementation of the rights of the victim.

Keywords: concept, the victim, the criminal process, the method of scientific cognition, classification, grounds.

УДК 343.1

Е.В. Марковичева, д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса Орловского государственного университета (e-mail: markovicheva@yandex.ru)

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У ПРОЦЕДУР МЕДИАЦИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ?

Статья анализирует потенциальные возможности внедрения процедур медиации в российский уголовное судопроизводство для несовершеннолетних. В статье раскрываются преимущества восстановительного подхода в уголовном процессе.

Ключевые слова: медиация, несовершеннолетние, ювенальная юстиция, восстановительное правосудие.

В последние годы в России постоянно растет теоретический и практический интерес к институту медиации и возможностям его использования в различных видах судопроизводства. Подтверждением тому служит подготовка медиаторов, законодательная деятельность, обсуждение зарубежного опыта. Однако на сегодняшний день российский законодатель допус-

тил введение института медиации исключительно в сферу гражданского и арбитражного судопроизводства. Таким образом, медиация как альтернативного способа разрешения уголовно-правового конфликта является лишь предметом научных дискуссий и теоретических исследований. Следует согласиться с авторами, полагающими, что «разрешение уголовно-правового конфликта, который возникает в результате совершения лицом противоправного деяния, включает в себя и такие аспекты, как возмещение вреда лицу, в отношении которого было совершено деяние, восстановление нарушенного в результате преступления порядка, восстановление нормальной жизнедеятельности потерпевшего после совершения преступления, ресоциализация осужденного лица с целью предотвращения повторного совершения преступления и пр.» [1, с. 3].

В связи с этим представляется актуальным исследование возможности вживления в российскую правоприменительную практику, и в частности, в производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, процедуры медиации, то есть процедуры примирения потерпевшего и правонарушителя с помощью и участием профессионального посредника.

Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 199-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» не предусматривает введение медиационных процедур урегулирования уголовно-правового конфликта. Вместе с тем, считаем необходимым отметить, что институт примирения известен российскому уголовному процессу достаточно давно. На практике в связи с его реализацией возникает ряд проблем, связанных с присущими данному институту плюсами и минусами. Нередко потерпевший понимает примирение исключительно через некую материальную компенсацию, с помощью которой возмещается причиненный вред. В такой ситуации примирение нередко зависит от финансовых возможностей обвиняемого. К тому же, нередко не только потерпевший, но и обвиняемый изначально не настроен на конструктивный диалог, ставя под сомнение самостоятельность потерпевшего, опасаясь влияния на потерпевшего и его позицию должностных лиц органов уголовного преследования. Введение процессуальной фигуры профессионального медиатора могло бы помочь решению данной проблемы, поскольку возможно варьирование условий примирения с помощью посредника-медиатора и переход на более высокий уровень разрешения конфликта. Известно, что в настоящее время, не смотря на то, что судами рассматривается значительное число дел о преступлениях небольшой и средней тяжести, весьма незначительное их количество заканчивается примирением. Случаи прекращения уголовного преследования на основании ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ на стадии предварительного расследования вообще единичны и являются скорее исключением из общей практики. Как правило, должностные лица органов предварительного расследования не инициируют процесс примирения, считая, что это выходит за рамки их компетенции (и это вполне справедливо) и ухудшает показатели борьбы с

преступностью. В итоге в последнее время в условиях социально-экономического кризиса, сопровождающегося взлетом, так называемой маргинальной преступности, увеличилось количество дел, поступающих для рассмотрения мировыми судьями. Институт медиации мог бы снизить нагрузку не только на судебную систему, но и на следственные органы, с тем, чтобы они направили свои усилия на расследование других преступлений.

Однако не только современный российский законодатель демонстрирует неготовность к введению элементов восстановительного правосудия в уголовный процесс, но и отечественный правоприменитель. Автором данных строк в 2010 году был проведен опрос 297 практических работников. Результаты опроса показали, что почти 80% опрошенных не представляют себе процедуру медиации и не понимают ее назначения. При этом 86% опрошенных не допускают возможности проведения процедуры медиации с участием несовершеннолетнего.

К сожалению, российские юристы часто недооценивают потенциальные возможности института медиации при производстве по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего. В зарубежной практике медиативные процедуры используются весьма активно, как раз в рамках ювенального производства, и призваны обеспечить решение задач по вторичной превенции несовершеннолетнего правонарушителя. Описывая возможности медиации в системе правосудия в отношении несовершеннолетних, Л.М. Карнозова подчеркивает, что «это уже не только комплекс мер, направленных на решение проблем ребенка-правонарушителя, это создание воспитательных условий нового типа - направленных на формирование механизмов ответственного поведения. В отличие от наказания, которое является для наказуемого претерпеванием страдания, заглаживание вреда актуализирует активную, деятельностную позицию подростка. А встреча с потерпевшим способствует осознанию последствий собственных действий» [3, с. 4].

Введение института медиации требует пересмотра отношения юридического сообщества к назначению уголовного судопроизводства и критического осмысления модели восстановительного правосудия. На данное обстоятельство было указано и в Федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2007-2011 годы, в которой ставился знак равенства между понятиями «примирительные процедуры» и «восстановительная юстиция» [4]. На наш взгляд, в ряде случаев обращение к идеям восстановительного правосудия будет перспективным как для совершенствования уголовного судопроизводства в целом, так и его отдельных, в частности, примирительных процедур.

Введение примирительных процедур в производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних ни в коей мере не умаляет роли суда или органов, осуществляющих уголовное преследование, поскольку, окончательное решение принимается не медиатором или потерпевшим и

правонарушителем, а соответствующим должностным лицом. Следует согласиться с Л.М. Карнозовой, справедливо полагающей, что «цели примирения по уголовным делам не исчерпываются прагматическим результатом – заключением соглашения и возмещением материального ущерба, что характерно для решения гражданских споров. Программы восстановительного правосудия отличает их преобразующее влияние на личность как жертвы, так и нарушителя, их гуманитарный эффект» [2, с. 41].

Полагаем, что необходимо создать условия для того, чтобы восстановительные процедуры, в основе которых будет лежать медиация, могли реализовываться на досудебных стадиях, а также на судебных стадиях вплоть до удаления суда в совещательную комнату. Первоначально апробацию таких восстановительных процедур целесообразно было бы начать с уголовных дел, подсудных мировым судьям, поскольку в силу особенностей отечественного уголовного процесса осуществить процедуру примирения в суде будет проще, нежели чем на досудебных стадиях.

Реализация восстановительной функции в рамках ювенального уголовного судопроизводства предполагает разработку специальной восстановительной программы. Участие несовершеннолетнего в восстановительной программе может быть только условным. Условиями такого участия должны быть:

- добровольное согласие несовершеннолетнего на участие в восстановительной программе;
- согласие несовершеннолетнего своими активными действиями заглаживать вред и принести потерпевшему извинения;
- совершение несовершеннолетним впервые преступления небольшой и средней тяжести.

Восстановительная программа должна «запускаться» после подачи потерпевшим соответствующего заявления мировому судье о проведении процедуры медиации с участием профессионального медиатора. Судья в судебном заседании прекращает уголовное дело, убедившись, что примирение достигнуто, несовершеннолетний принес извинения и предпринял активные действия к заглаживанию причиненного вреда и стороны согласны на прекращение уголовного дела по основаниям, предусмотренным ст. 25 УПК РФ.

Очевидно, что речь не идет и не может идти о тотальной замене традиционного правосудия восстановительной моделью. Однако нельзя игнорировать те конструктивные возможности, которые несет в себе эта модель.

Формирование полноценного института медиации могло бы существенно оптимизировать работу мировых судей и ускорить производство по уголовным делам. Это тем более значимо, что количество уголовных дел, рассматриваемых мировыми судьями, возрастает из года в год. При общей перегруженности мирового судьи вряд ли он сможет самостоятельно выполнять функции посредника между сторонами уголовно-правового конфликта. Профессиональный медиатор, как правило, проводит несколько

встреч как с каждой из сторон конфликта, так и с обеими сторонами. Сложно представить, как такую работу сможет организовать мировой судья. Без наличия профессионального посредника примирение будет осуществляться фактически по современному сценарию, когда потерпевший и подсудимый нередко сводят данную процедуру к некой сделке с получением потерпевшим, в первую очередь, определенной материальной компенсации. При этом выхолащивается сама идея примирения, базирующаяся на отказе сторон от принципа силового разрешения сложившейся ситуации и на стимулировании обвиняемого к позитивному постриминальному поведению.

Введение института медиации в уголовное судопроизводство требует проведения соответствующих законодательных и организационных мероприятий. Причем работа по законодательному закреплению правил проведения процедуры медиации, прав и обязанностей медиатора должна вестись параллельно с подготовкой профессиональных медиаторов. В частности, необходимо решить вопрос о конфиденциальности информации, получаемой медиатором в процессе ведения посреднической процедуры, установить сроки для примирительной процедуры и порядок дальнейшего движения дела, в случае, если стороны в данный срок не достигнут соглашения о примирении и т.д. Необходимо установить законодательные ограничения и относительно содержания соглашения, с тем, чтобы не ущемлялись конституционные права и свободы граждан, а само соглашение не напоминало по характеру кабальную сделку.

Среди организационных мероприятий, в первую очередь, необходимо создать систему подготовки профессиональных медиаторов, а также соответствующий их реестр, ведение которого, очевидно, будет прерогативой Министерства юстиции РФ.

Список литературы:

1. Арутюнян А.А. Медиация в уголовном процессе: Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 32 с.
2. Карнозова Л.М. Включение программ восстановительной ювенальной юстиции в работу суда: Методическое пособие. М., 2009. 108 с.
3. Карнозова Л.М. Ювенальная юстиция: содержание понятия и перспективы в России // Вопросы ювенальной юстиции. 2007. № 3. С.3-7.
4. Постановление Правительства РФ от 21.09.2006 г. № 583 «О Федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» НА 2007 - 2011 годы» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 41. Ст. 4248.

E.V. Markovicheva, Doctor of Law, Professor of the Criminal Law and Procedure Department of Oryol State University (e-mail: markovicheva@yandex.ru)

IS THERE A FUTURE MEDIATION PROCEDURE IN CRIMINAL PROCEEDINGS AGAINST MINORS?

Abstract. The article analyzes the potential for the implementation of mediation procedures in the Russian criminal justice for minors. The article describes the advantages of the restorative approach in criminal proceedings.

Keywords: mediation, minors, juvenile justice, restorative justice.

УДК 343.13

К.В. Муравьев, канд. юрид. наук, доцент, докторант адъюнктуры (докторантуры) Омской академии МВД России (e-mail: murki@list.ru)

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВИЛЬНОГО ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА КАК ЦЕЛЬ ОПТИМИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Чрезмерная зависимость уголовного процесса от предварительной оценки деяния и нерациональные процедуры её корректировки требуют оптимизации уголовно-процессуальной формы применения уголовного закона.

Ключевые слова: оптимизация, уголовно-процессуальная форма, дифференциация, правильное применение уголовного закона, юридическая оценка содеянного.

Применение уголовного закона является основной и движущей силой уголовного процесса, причем с самого его начала и до завершения [1, с. 13]. На каждом этапе производства по делу в процессуальных актах предусматривается отражение уголовно-правовых норм, которым соответствуют установленные фактические обстоятельства происшедшего. Правильное применение положений УК РФ является важнейшей составляющей законности, выступает гарантией прав участников, вовлеченных в уголовный процесс.

Вместе с тем, судебная практика свидетельствует, что значительное число приговоров и иных судебных решений ежегодно отменяется и изменяется в порядке апелляционного, кассационного и надзорного производств по основанию неправильного применения уголовного закона (п. 3 ст. 389¹⁵, ч. 1 ст. 389¹⁸ УПК РФ) или существенного нарушения уголовного закона, повлиявшего на исход дела (ч. 1 ст. 401¹⁵, ч. 1 ст. 412⁹ УПК РФ) [2]. Неправильное применение положений Общей и Особенной частей УК РФ, ошибочная квалификация судом фактически совершенного обвиняемым деяния, а потому неверное установление основания уголовной ответственности и назначения наказания влекут вынесение неправосудного приговора, что недопустимо в государстве, императивом которого является верховенство права [3]. Ошибочная юридическая оценка деяния судебным органом может повлечь несправедливое назначение мер уголовно-правового воздействия, необоснованное применение или неприменение иных уголовно-правовых институтов (амнистии, условно-досрочного освобождения, сроков давности и т.д.).

Не может осуществляться в противоречии с положениями уголовного закона и предшествующая приговору процессуальная деятельность. Определяя соответствие признаков совершенного деяния признакам конкретного состава преступления, органы предварительного следствия и дознания устанавливают наличие, вид и характер возникшего уголовного правоотношения [4, с. 41]. При этом УПК РФ требует от должностного лица, ведущего производство по делу, указывать в процессуальных актах (в том

числе уже в постановлении о возбуждении уголовного дела) точные пункт, часть и статью УК РФ. Это требование обусловлено тем, что «предварительное» применение уголовного закона при производстве по делу, связанное с конкретизацией уголовного правоотношения, одновременно влечет значимые уголовно-процессуальные последствия. Многие бланкетные нормы УПК РФ предписывающего или дозволяющего характера содержат отсылку к статьям Особенной части УК РФ либо указывают на определенную категорию преступлений. Посредством этого устанавливаются пределы полномочий должностных лиц по ведению дела, по применению отдельных мер процессуального принуждения. Правовая оценка деяния в процессуальных актах влияет на реализацию диспозитивных начал в уголовном судопроизводстве, механизм обеспечения права преследуемых лиц на квалифицированную юридическую помощь, на рассмотрение уголовного дела в суде и в составе, который определен законом и др. При этом проявлением современной уголовно-процессуальной политики государства является дальнейшая дифференциация формы применения уголовного закона по предметному признаку. Установлены особенности производства по уголовным делам о преступлениях, связанных с терроризмом, в сфере экономической деятельности и др. Согласие заинтересованных в исходе дела участников с юридической оценкой содеянного, данной правоприменительными органами, выступает условием для использования в уголовном процессе сокращенных процедур.

Зависимость порядка производства от тяжести предполагаемого преступления, чрезмерная дифференциация процесса по предметному признаку приводят к ситуациям, когда деятельность по установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию, почти полностью переносится на этап, предшествующий первоначальной правовой оценке события происшедшего по определенной статье УК РФ. Расширяются средства предварительной проверки и её сроки. При их недостатке нередко происходят необоснованные направления сообщений о преступлениях по подведомственности, принимаются незаконные решения об отказе в возбуждении дела с последующей их отменой и возбуждением производства. Все это в итоге приводит к ограничению прав и законных интересов лиц и организаций, пострадавших от преступления, не предоставлению должных гарантий лицам, в отношении которых осуществляется обвинительная деятельность. Уголовный процесс теряет качество сбалансированности, он перестает соответствовать критериям своевременности и наступательности; затрудняется доступ граждан к правосудию.

Несмотря на нормативное и практическое перемещение установления обстоятельств происшедшего на этап, предшествующий первоначальной юридической оценке содеянного, изменение квалификации преступления при производстве по делу остается частым явлением. Это может быть связано как с объективным изменением установленных обстоятельств происшедшего, так и с различным подходом к применению уголовного закона

со стороны органов предварительного расследования и лиц, осуществляющих контрольно-надзорные полномочия. Ситуация усугубляется коллизиями и частыми изменениями уголовного законодательства, а также неоправданной, чрезмерной дифференциацией уголовной ответственности на законодательном уровне.

Отводя важную роль юридической оценке деяния уже в досудебном производстве, законодатель не учитывает подчиненность этого этапа деятельности судебному разбирательству и то, что на первоначальных стадиях процесса квалификация деяния всегда является гипотетической. Познание обстоятельств происшедшего продолжается в судебном производстве, где возможна трансформация системы доказательств, иная их интерпретация. Установление неправильного применения уголовного закона может привести к выводу, что предварительное расследование осуществлялось не в должной форме, ненадлежащим субъектом, могут быть поставлены под сомнение правомерность сроков производства, законность индивидуальных актов изболительной деятельности, допустимость собранных доказательств и т.д. Последствием изменения квалификации преступления в сторону менее тяжкого преступления может явиться необходимость возмещения вреда лицу, незаконно подвергнутому мерам процессуального принуждения [5]. Однако применение «заниженной» квалификации неизбежно ведет к ограничению детерминируемых правовой оценкой деяния прав участников процесса, и, в отдельных случаях, создает условия для незаконного освобождения от уголовной ответственности лиц, виновных в совершении более тяжкого преступления.

Процессуальная форма предусматривает процедуры (изменение и дополнение обвинения, возвращение уголовного дела прокурору и т.п.), предназначенные для корректировки квалификации содеянного в соответствии с вновь установленными фактическими обстоятельствами. Реализация данных институтов требует существенных процессуальных затрат, а потому их нельзя признать рациональными. Обратим внимание, что Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 269-ФЗ часть 1 ст. 237 УПК дополнена пунктом 6, согласно которому в случаях, когда фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении (акте, постановлении), свидетельствуют о наличии оснований для квалификации действий обвиняемого как более тяжкого преступления либо когда в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства установлены фактические обстоятельства, указывающие на наличие оснований для квалификации действий лица как более тяжкого преступления, требуется возвращение уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом. Предложенное законодателем правило формально соответствует позиции, изложенной в Постановлении Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. 16-П. Вместе с тем, парламент ориентировался только на итоговые выводы Органа конституционного контроля, почти дословно воспроизвел резолютивную часть постановления, но не в долж-

ной степени обратил внимание на его мотивировочную часть, где были даны общие ориентиры для правового регулирования соответствующих общественных отношений (не учел то обстоятельство, что в основе решения Конституционного Суда РФ лежала идея целесообразности изменения понятия обвинения таким образом, чтобы изначально вопрос о квалификации деяния решался бы представителем судебной власти) [6]. Кроме того, при совершенствовании процессуальной формы законодателем не учитывалось правовое наследие отечественных судебных реформ и положительный опыт уголовно-процессуальных систем зарубежных стран [7, с. 101-107; 8, с. 196-202].

Таким образом, в ситуации, когда гипотетическая квалификация деяния определяет возможность и пределы использования различных процессуальных институтов, особую актуальность на всем протяжении производства по делу приобретает разрешение задачи обеспечения правильного применения уголовного закона. Дифференциация порядка уголовного судопроизводства по признакам преступления, а также избыточные и нерациональные процедуры, связанные с неоднократной юридической оценкой содеянного при осуществлении изблительной деятельности, не должны вести к ограничению самостоятельности и независимости суда при выборе подлежащих применению норм уголовного закона, а также создавать условия для ограничения прав и свобод граждан, вовлекаемых в уголовный процесс.

Исходя из этого, современная отечественная уголовная политика должна быть направлена на оптимизацию процессуальной формы применения уголовного закона. Потребность в этом приобретает особое значение в настоящее время, когда раздельное изучение отраслей уголовного и уголовно-процессуального права сменяется комплексным анализом отраслей уголовно-правового блока, и эффективная уголовная политика государства, предполагает системное проведение реформ как в уголовно-правовом, так и в уголовно-процессуальном её направлениях. В настоящий момент уже не вызывает сомнения насущная необходимость синхронного принятия новых УК РФ и УПК РФ, которые должны соответствовать экономическому и правовому этапу развития нашей страны [9]. При определении концептуальных основ нового уголовно-процессуального законодательства, модернизации его институтов и отдельных норм необходимо исходить из того, что целью оптимизации уголовного процесса является обеспечение правильного применения уголовного закона на всех этапах производства.

Список литературы:

1. Гуляев А. П. Современные проблемы законности и справедливости в уголовном процессе // Современные проблемы законности и справедливости в уголовном процессе. Материалы международной научно-практической конференции посвященной 80-летию заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Анатолия Петровича Гуляева. М., 2014.

2. В 2013 г. судами общей юрисдикции в порядке апелляционного производства отменено или изменено по основанию неправильного применения уголовного закона 15 454 решения, а за первые 6 месяцев 2014 г. – 6 600 решений (т.е. соответственно 53,8 % и 52 % от всех итоговых решений первой инстанции, признанных неправосудными) // URL: www.cdep.ru/index.php (дата обращения 12.03.2015).

3. По делу о проверке конституционности положений части 1 ст. 237 УПК РФ в связи жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда: Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П // Российская газета. 2013, 12 июля.

4. Фильченко А. П. Уголовно-правовая квалификация на досудебной стадии производства и ее значение для прекращения правоотношения уголовной ответственности // Юрист-правовед. 2012. № 2.

5. О практике применения судами норм главы 18 УПК РФ, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2011 г. № 17 // Российская газета. 2011, 5 декабря.

6. Зорькин В. Д. Конституция живет в законах // Российская газета. 2014, 18 декабря.

7. Муравьев К. В. Устав уголовного судопроизводства по вопросу квалификации деяния в процессуальных актах // 150 лет Уставу уголовного судопроизводства России: современное состояние и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства: Сб. матер. междунар. науч.-практ. конф.: В 2-х ч. М., 2014. Ч. 2.

8. Рябинина Т. К., Козьявин А. А. Правовое наследие судебных реформ в России в решении современных процессуальных проблем // 150 лет Уставу уголовного судопроизводства России: современное состояние и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства: Сб. матер. междунар. науч.-практ. конф.: В 2-х ч. М., 2014. Ч. 2.

9. Матвиенко В. К реформированию уголовно-правовой политики надо подходить крайне аккуратно, системно и последовательно // URL: <http://www.council.gov.ru/press-center/news/36909> (дата обращения: 12.03.2015).

K.V. Muravjev, Candidate of Law, Associated Professor, Doctoral Student of the Postgraduate (Doctoral) of Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (e-mail: murki@list.ru)

TO ENSURE THE CORRECT APPLICATION OF THE CRIMINAL LAW AS A AIMS TO OPTIMIZE THE CRIMINAL PROCESS

Abstract. *The over-dependence of the penal process from preliminary legal assessment of the acts, the adjustment procedures require rational optimization of criminal procedure forms the application of criminal law.*

Keywords: *optimization, criminal procedure form, differentiation, the correct application of the criminal law, legal assessment of the act.*

УДК 343.1

А.Л. Осипов, канд. юрид. наук, ст. преподаватель кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (e-mail: osipov1280@mail.ru)

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ИНСТИТУТА ОГЛАШЕНИЯ ПОКАЗАНИЙ СВИДЕТЕЛЕЙ ПРИ ОТПРАВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Научная статья посвящена рассмотрению комплекса проблем, связанных с реализацией права подсудимого на справедливое судебное разбирательство при оглашении судом показаний свидетелей, не явившихся в судебное заседание. С позиций современной прецедентной практики Европейского суда по правам человека описываются международно-правовые стандарты соблюдения принципа непосредственности исследования доказательством судом, а также критерии допустимости использования оглашенных свидетельских показаний в доказывании. Анализируются текущее состояние и тенденции реформирования данного института во внутреннем праве, а также соответствие этих тенденций международным правовым стандартам справедливости правосудия по уголовным делам.

Ключевые слова: показания, свидетель, оглашение, правосудие, Европейский суд по правам человека, гарантии, уголовное дело, допрос.

Справедливость уголовного судопроизводства на современном этапе определяется не только его результатом (установлением истины по уголовному делу), но и степенью защищенности законных интересов сторон при отправлении правосудия. Качественные характеристики данной защищенности детерминируются конституционно-правовыми целями уголовно-процессуального регулирования, а также содержанием международно-правовых стандартов, центральное место среди которых занимает прецедентное право Европейского суда по правам человека (далее ЕСПЧ). Анализ практики данной наднациональной судебной инстанции позволяет выявить серьезную проблему отечественного правоприменения, связанную с нарушением права подсудимого допрашивать показывающих против него свидетелей при рассмотрении судом уголовных дел. Указанное право предусмотрено п.п. «d» п. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее Конвенция) и является, согласно определению ЕСПЧ, одним из частных аспектов общей концепции справедливого судебного разбирательства. Российский законодатель и ЕСПЧ в целом разделяют единый подход, согласно которому справедливое отправление правосудия возможно лишь в рамках открытого и состязательного судебного процесса при непосредственном исследовании доказательств судом и сторонами судебного разбирательства. На уровне национального и международно-правового регулирования отступления от принципа непосредственности исследования доказательств допускаются по отношению к

процедурам оглашения свидетельских показаний лишь в порядке исключения, при наличии серьезных уважительных причин, исключающих присутствие свидетеля в судебном заседании (например, его смерть или тяжелое заболевание). Остроту проблемы снимает достижение согласия между сторонами процесса относительно допустимости оглашения показаний не явившегося свидетеля, однако и в этом случае использование оглашенных показаний в доказывании возможно лишь после того, как суд выяснит причины неявки свидетеля. Несмотря на отмеченное единство концептуальных подходов, российский институт оглашения свидетельских показаний в его современном виде не соответствует стандартам ЕСПЧ по целому ряду критериев. Так, ЕСПЧ неоднократно признавал российские власти ответственными за нарушение прав подсудимого допрашивать показывающих против него свидетелей в тех случаях, когда их показания оглашались судом по инициативе стороны обвинения без принятия судом исчерпывающих мер по обеспечению явки данных свидетелей, без учета степени значимости оглашаемых показаний для разрешения дела, а также без предоставления подсудимому возможности участвовать в допросе данных свидетелей на более ранних этапах производства по делу [1]. Указанные решения ЕСПЧ повлекли за собой пересмотр обвинительных приговоров по целой серии уголовных дел путем возобновления по ним производства в виду наличия новых обстоятельств, предусмотренных п. 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ. Достаточно широкий резонанс, вызванный решениями ЕСПЧ в практике российского правоприменения, обусловил появление различных проектов реформирования института оглашения свидетельских показаний, путем внесения изменений в ст. 281 УПК РФ, направленных на приведение ее положений в соответствие с европейскими стандартами справедливого правосудия. В частности, в мае 2013 г. в Государственную Думу РФ был внесен законопроект Верховного Суда РФ, предполагающий изменение порядка вызова свидетелей в судебное заседание, а также уточняющий условия правомерности оглашения их показаний [2]. Так, в качестве дополнительного основания для оглашения показаний свидетелей и потерпевших, не явившихся в судебное заседание, законопроект предусматривает исчерпание сторонами обвинения и защиты возможностей установить их местонахождение. С другой стороны, в качестве универсального обязательного условия для оглашения свидетельских показаний при отсутствии консенсуса сторон по данному вопросу законопроект предусматривает обеспечение обвиняемому (подсудимому) возможности допросить показывающего против него потерпевшего или свидетеля на очной ставке, задать ему вопросы и высказать свои возражения.

Для того чтобы оценить соответствие данного законопроекта международно-правовым стандартам, мы приведем краткий обзор правовых позиций ЕСПЧ, затрагивающих правила толкования и применения п.п. «d» п. 3 ст. 6 Конвенции в свете его современной практики. Сразу оговоримся, что понятие «свидетель» в практике ЕСПЧ получило автономное значение,

включающее в себя любых лиц, которые являются источником показаний или иных видов сообщений, используемых в доказывании. Для целей п.п. «d» п. 3 ст. 6 Конвенции к показаниям свидетелей относятся показания или заявления обвиняемых и подсудимых, экспертов и специалистов, а также свидетелей в узком смысле, для обозначения которых ЕСПЧ применяет особый термин – «material witness». С учетом изложенного, понятие «свидетель» применительно к практике ЕСПЧ нами будет использоваться в указанном автономном значении. Во многих своих решениях в отношении России ЕСПЧ отмечал, что при разрешении вопроса правомерности оглашения в судебном заседании показаний отсутствующего «свидетеля» должны приниматься во внимание три группы факторов: во-первых, приняли ли власти разумные меры для обеспечения явки «свидетелей» в суд; во-вторых, имели ли их непроверенные показания исключительное или решающее значение для осуждения заявителя; и, в-третьих, имелись ли достаточные уравновешивающие факторы, включая прочные процессуальные гарантии, чтобы суд в целом мог считаться справедливым [3]. Первая группа факторов, раскрывается через систему правовых позиций ЕСПЧ, определяющих степень уважительности причин неявки «свидетелей», а также требований в отношении разумности и тщательности действий суда по установлению места их нахождения и обеспечению явки в судебное заседание. В качестве примера таких причин можно привести тяжелую болезнь, неизвестность местонахождения «свидетеля», наличие обоснованных опасений «свидетеля» за свою жизнь и здоровье, вызванных угрозами со стороны подсудимых [4]. Степень разумности и тщательности усилий, предпринятых судом для обеспечения явки «свидетеля», определяется ЕСПЧ по следующим признакам: количество предпринятых судом попыток установить местонахождение «свидетеля», известить его о необходимости явки и при необходимости обеспечить возможность привода; период времени, в течение которого судом предпринимались данные попытки; наличие в распоряжении суда документов, подтверждающих отсутствие объективной возможности достижения результата от указанных выше действий [5].

Применяя критерий «решающего значения показаний», ЕСПЧ оценивает степень относимости оглашаемых показаний к вопросу о причастности и о виновности подсудимого. Так, оглашение показаний «свидетеля» очевидца инкриминируемых подсудимому событий создает определенную презумпцию в пользу нарушения справедливости разбирательства, тем более, если остальные доказательства в деле были косвенными. В такой ситуации компенсировать ограничение права подсудимого допрашивать показывающих против него «свидетелей» может лишь наличие «уравновешивающих факторов», важное место в системе которых занимает предоставление подсудимому возможности допросить «свидетеля» на предшествующих этапах судопроизводства. Очная ставка между обвиняемым и «свидетелем» в ходе досудебного производства рассматривается ЕСПЧ в

качестве адекватного «уравновешивающего фактора» только в том случае, если право обвиняемого на защиту в рамках данного следственного действия было надежно обеспечено. В частности, это предполагает присутствие при очной ставке защитника обвиняемого, предоставление им возможности задавать вопросы «свидетелю» по поводу изобличающих обвиняемого показаний, а также точное протоколирование данных участниками очной ставки показаний [6].

Сопоставление приведенных правовых позиций ЕСПЧ с текстом упомянутого законопроекта позволяет прийти к следующим выводам. Прежде всего, отметим, что ни действующая редакция ст. 281 УПК РФ, ни текст законопроекта не предусматривают распространения гарантий права подсудимого допрашивать показывающих против него свидетелей на оглашение показаний не явившихся в судебное заседание специалистов, экспертов, других подсудимых по тому же уголовному делу. Более того, текст законопроекта не учитывает не только автономного значения понятия «свидетель», но и автономного значения понятия «показание», в объем которого ЕСПЧ включает любые сведения, изобличающие подсудимого, содержащиеся в протоколах не только допросов, но и других процессуальных действий. Так, в деле «Шаркунов и Мезенцев против России» ЕСПЧ установил нарушение п.п. «d» п. 3 ст. 6 Конвенции в связи с оглашением судом протокола предъявления для опознания, содержащего заявления свидетеля, изобличающие обвиняемого.

В тексте анализируемого законопроекта критерий тщательности усилий суда по обеспечению явки свидетелей в судебное заседание подменен условием исчерпания соответствующих усилий сторонами судебного разбирательства. В этой связи встает другая, не менее широко дискутируемая проблема, относительно равенства не только процессуальных прав, но и фактических возможностей сторон по отстаиванию своих законных интересов в судебном производстве. Очевидно, что сторона защита адекватными механизмами обеспечения явки свидетелей не наделена, в отличие от представителей государственного обвинения, которые помимо статуса участника уголовного процесса сохраняют за собой статус прокурорского работника и, действуя *ex officio*, вправе использовать для защиты своих процессуальных интересов полномочия, закрепленные за ними Законом «О прокуратуре РФ» от 17.01.1992 г. № 2202-1. При такой ситуации в действующей системе правового регулирования перераспределение бремени обеспечения явки свидетелей на стороны представляется преждевременной и непропорциональной мерой, не способствующей соблюдению баланса интересов сторон в судебном разбирательстве, а значит потенциально создающей угрозу нарушения ст. 6 Конвенции.

В качестве положительного момента надо отметить наличие в тексте законопроекта ссылки на правомерность оглашения показаний свидетелей в отсутствие согласия сторон лишь при условии обеспечения подсудимому возможности участвовать в очной ставке с такими свидетелями. В каком-

то смысле предлагаемые новеллы предусматривают более высокий уровень защиты прав обвиняемого, чем стандарты ЕСПЧ, так как закрепляют проведение очной ставки в качестве обязательного условия для оглашения показаний не только «ключевых свидетелей», но и любых иных, чью явку невозможно обеспечить в суд.

Таким образом, предлагаемый законопроект, соответствует основному содержанию правовых стандартов ЕСПЧ в рассматриваемой сфере. Вместе с тем, одной из системных проблем остается распространение указанных в законопроекте гарантий на случаи оглашения и последующего использования для вынесения обвинительного приговора лишь показаний свидетелей и потерпевших. Действие уравнивающих факторов не распространено на использование в доказывании заявлений, замечаний свидетелей и потерпевших, содержащихся в иных протоколах следственных действий, а также на оглашение показаний экспертов, специалистов, других подсудимых по тому же уголовному делу.

Список литературы:

1. Волеводз А. Обеспечение явки свидетеля в суд: отечественное правовое регулирование в свете практики Европейского суда по правам человека // Уголовное право. 2013. N 3. С. 67-75.
2. Васяев А.А., Князькин С.А. Стандарты Европейского суда по правам человека в части условий оглашения показаний свидетеля (потерпевшего) в ходе судебного следствия и российская судебная практика // Адвокат. 2013. № 7. С. 15-25.
3. Гриненко А.В. Решения Европейского суда по правам человека и российское уголовно-процессуальное законодательство // Международное уголовное право и международная юстиция. 2008. N 2. С. 17-24.
4. Официальный сайт Государственной Думы РФ [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=272128-6&02> (последнее посещение 15.03.2015 г.).
5. Постановление ЕСПЧ по делу «Ефендиев (Efendiyev) против России» от 28.12.2014. Официальный сайт ЕСПЧ [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.echr.coe.int>. (последнее посещение 15.03.2015 г.).
6. Постановление ЕСПЧ по делу «Кононенко (Kononenko) против России» от 17.02.2011 г. Официальный сайт ЕСПЧ [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.echr.coe.int>. (последнее посещение 15.03.2015 г.).

A.L. Osipov, Candidate of Law, Senior Lecturer of the Criminal Procedural Law of O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (e-mail: osipov1280@mail.ru)

PROBLEM ASPECTS OF THE INSTITUTE OF READING OUT OF DEPOSITIONS OF WITNESSES IN THE COURSE OF THE ADMINISTRATION OF JUSTICE IN CRIMINAL CASES

Abstract. The article deals with the complex of problems connected with the realization of the right of an accused to a fair trial as regards the reading out of written deposition, given by witnesses, who did not appear before a court. Having regard to the findings of the European Court of Human Rights we reveal international law standards ensuring the principle of immediacy during examining of evidence by a court, and also the criteria for legal using of read out depositions of witnesses as a proof. We analyze current state and trends of reform of this institute in the domestic law and its compatibility with the international law standards of

criminal justice.

Key words: *depositions, witness, reading out, justice, European Court of Human Rights, safeguards, criminal case, questioning.*

УДК 343.1

Л.М. Разяпова, аспирантка кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности Удмуртского государственного университета, г. Ижевск (e-mail: rok25-12@mail.ru)

ОЗНАКОМЛЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ОБВИНЯЕМОГО С ПРОТОКОЛОМ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ

В данной статье рассматриваются особенности процедуры ознакомления несовершеннолетнего обвиняемого с протоколом судебного заседания, предлагается ряд нововведений, которые позволят эффективнее защищать права несовершеннолетних.

Ключевые слова: *протокол судебного заседания, законный представитель, несовершеннолетний, защитник.*

Право обвиняемого на ознакомление с протоколом судебного заседания и подачи на него замечаний установлено п. 17 ч. 4 ст. 47 УПК РФ. Данное право является безусловным, и после окончания судебного заседания стороны в течение 3 суток в письменном виде имеют право подать ходатайство об ознакомлении с протоколом судебного заседания. Несовершеннолетний обвиняемый также обладает указанным правом, однако возникает ряд вопросов при его реализации.

Несовершеннолетний возраст компенсируется путем предоставления несовершеннолетнему обвиняемому участия законного представителя и защитника. Законодатель достаточно четко прописывает особенности их участия в ходе досудебного производства и при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции. Однако дальнейшее их участие оставлено практически без особого внимания. Одним из дискуссионных вопросов является обеспечение защиты прав несовершеннолетнего обвиняемого после окончания судебного разбирательства в суде первой инстанции. Ознакомление с протоколом судебного заседания обвиняемого является одной из гарантий защиты его прав.

В суде первой инстанции по уголовным делам в отношении несовершеннолетних может участвовать законный представитель одновременно в качестве защитника и законного представителя; могут участвовать и защитник и законный представитель; может участвовать защитник при неявке в судебное заседание законного представителя. Право на ознакомление с протоколом судебного заседания возникает и у несовершеннолетнего обвиняемого и у его защитника. В отношении законного представителя несовершеннолетнего обвиняемого возникает вопрос о наличии у него указанного права. Согласно ст. 48 УПК РФ законный представитель

несовершеннолетнего обвиняемого обладает правами, указанными в ст. 426 и ст. 428 УПК РФ. Именно статья 428 УПК РФ регламентирует участие законного представителя в судебном заседании. В ч. 1 указанной статьи определены права законного представителя, в числе которых право на ознакомление с протоколом судебного заседания отсутствует. Право на участие в заседании судов апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, установленное в п. 6 ч. 1 ст. 428 УПК РФ не предполагает право на ознакомление с протоколом судебного заседания. В ч. 4 ст. 428 УПК РФ законодатель предоставил законному представителю несовершеннолетнего права защитника и гражданского ответчика, установленного в ст. 53 и ст. 54 УПК РФ, в том числе право на ознакомление с протоколом судебного заседания. Указанные права предоставляются только в случае, если законный представитель несовершеннолетнего подсудимого допущен в качестве защитника или гражданского ответчика в суде первой инстанции. Таким образом, законный представитель, не являющийся защитником или гражданским ответчиком, не имеет права знакомиться с протоколом судебного заседания. Полагаем, что необходимо устранить данное противоречие, дополнив в ч. 1 ст. 428 УПК РФ пунктом 6 следующего содержания: «б) знакомиться с протоколом судебного заседания и подавать на него замечания», соответственно п. 6 считать пунктом 7.

Реализация права на ознакомление с протоколом судебного заседания отдается на усмотрение несовершеннолетнего обвиняемого и его защитника. Может возникнуть ситуация, что защитник, участвовавший по назначению, после оглашения приговора не выразил желания его оспаривать, в связи с чем пояснил несовершеннолетнему нецелесообразность подачи апелляционной жалобы. Отсутствие законного представителя либо его формальное присутствие не улучшило ситуацию, поскольку законный представитель может согласиться с мнением защитника, таким образом, несовершеннолетний останется без надлежащей помощи. В случае участия в качестве защитника законного представителя ситуация усугубляется, поскольку некомпетентный законный представитель не готов к оказанию квалифицированной помощи. Несовершеннолетний обвиняемый в указанной ситуации может оказаться предоставленным самому себе.

Полагаем, что следует четко регламентировать порядок ознакомления с протоколом судебного заседания несовершеннолетних обвиняемых. Следует ввести положение, согласно которого защитник и законный представитель несовершеннолетнего обвиняемого будут обязаны ознакомиться с протоколом судебного заседания. У несовершеннолетнего обвиняемого остается право на ознакомление, но не обязанность. Если несовершеннолетний обвиняемый пожелает ознакомиться с протоколом судебного заседания, то следует учитывать его возраст. При не достижении несовершеннолетним возраста 16 лет, ознакомление с протоколом

судебного заседания целесообразно проводить с участием защитника, либо законного представителя. По достижении возраста 16 лет обвиняемый может знакомиться с протоколом судебного заседания самостоятельно и в отсутствие защитника и законного представителя. В случае высказывания пожелания присутствия защитника или законного представителя их участие должно быть обязательным. Полагаем, что несовершеннолетний обвиняемый должен быть обеспечен защитником до постановления судебного решения судом апелляционной инстанции, то есть до вступления решения в законную силу.

При ознакомлении с протоколом судебного заседания следует учитывать интеллектуальные особенности несовершеннолетнего обвиняемого, которые могут повлиять на необходимость предоставления дополнительного времени для изучения документа.

Если по уголовному делу привлечено к ответственности несколько обвиняемых, то ознакомление с протоколом несовершеннолетнего должно иметь индивидуальный характер в отсутствие других обвиняемых. Замечания на протокол судебного заседания несовершеннолетний может представить как индивидуальные, так и совместные с защитником или законным представителем. При рассмотрении замечаний на протокол участие указанных лиц обязательно. Указанный порядок ознакомления с протоколом судебного заседания несовершеннолетнего обвиняемого позволит обеспечить защиту его прав.

L.M. Razyapova, Postgraduate Student of the Criminal Procedure and Law enforcement Department of Udmurt State University, Izhevsk (e-mail: rok25-12@mail.ru)

THE JUVENILE IS ACCUSED WITH THE RECORD OF THE HEARING

Abstract. This article discusses the features of the process for reviewing a juvenile accused with the record of the hearing, we offer a number of innovations that allow us to more effectively protect the rights of minors.

Keywords: transcript of proceedings, the legal representative of the juvenile defender.

УДК 343.3

А.А. Резяпов, аспирант кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности Удмуртского государственного университета, г. Ижевск (e-mail: rok25-12@mail.ru)

НАЗНАЧЕНИЕ И ПРОВЕДЕНИЕ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ В ОТНОШЕНИИ СВИДЕТЕЛЕЙ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

В данной статье рассматриваются аспекты назначения и проведения судебных экспертиз в отношении свидетелей по уголовным делам.

Ключевые слова: судебная экспертиза, свидетель, судебно-психиатрическая экспертиза.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство РФ предусматривает возможность обязательного проведения судебных экспертиз согласно ст. 196 УПК РФ только в отношении потерпевших, подозреваемых и обвиняемых. В отношении свидетелей экспертизы проводятся в соответствии с ч. 4 ст. 195 УПК РФ только с их согласия или согласия их законных представителей.

Данное положение вызывает немало вопросов на практике, поскольку необходимость проведения экспертизы лицам, имеющим статус свидетеля, бывает вызвана обеспечением процесса доказывания по уголовному делу. В частности, по уголовным делам, связанным с расследованием преступлений, предусмотренных ст. 230 и ст. 232 УК РФ, проведение судебных экспертиз в отношении лиц, употребляющих наркотики, задержанных в притонах, созданных для употребления наркотиков, являющихся свидетелями, является необходимым. Однако, условия проведения экспертиз, когда необходимо в соответствии с ч. 4 ст. 195 УПК РФ получить письменное согласие указанных лиц, создает практически непреодолимые трудности в случае их отказа от прохождения экспертизы.

Сложная ситуация возникает и в случаях проведения судебно-психиатрической или комплексной психолого-психиатрической экспертизы в отношении свидетелей при наличии оснований поставить под сомнение его способность правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела и воспринимать обстоятельства, а также адекватность психологической реакции на произошедшее событие. Следует учитывать, что в качестве свидетеля может выступать лицо, которое имеет психическое расстройство, что предполагает целесообразным назначение и проведение экспертизы, поскольку следователь или судья, не являясь специалистами в области психиатрии, должны оценивать показания конкретного свидетеля. Для правильной оценки полученных показаний свидетеля им необходима информация о его состоянии психического здоровья, отсутствие которой может привести к следственной или судебной ошибке при принятии решения по уголовному делу.

Вызывает сомнение и необходимость получения согласия законного представителя на проведение судебной экспертизы в отношении несовершеннолетнего свидетеля. Учитывая, что психологическое и психическое состояние несовершеннолетнего неустойчивое, находится в постоянном движении, восприятие определенной информации зависит от уровня его развития, представляется нецелесообразным отдавать решение вопроса о назначении и производстве экспертизы в зависимости от усмотрения законного представителя.

Свидетель является иным участником уголовного судопроизводства, который, предполагается, не имеет интереса у разрешения уголовного дела, но участие которого непосредственно связано с процессом доказывания по уголовному делу, поскольку его показания являются одним из видов доказательств. Дознаватель, следователь и судья должны иметь возможность оценить доказательство, если для этого необходимо получение информации от специалистов, то они должны, безусловно, либо иметь возможность проведения экспертизы, либо приглашения специалистов. Свидетель является носителем различной информации, во-первых это идеальные следы, которые остались в его сознании, которые впоследствии изучаются через оценку показаний свидетеля, во-вторых, это материальные следы, которые могут остаться на теле человека, его одежде. Недопустимо ставить от волеизъявления свидетеля или его законного представителя возможность получения доказательств по уголовному делу, поскольку данный подход может повлиять на принятие правильного решения в целом.

В этой связи неубедительна позиция О.Г. Дьяконовой, предлагающей предоставить свидетелю все права, касающиеся назначения экспертизы, которые предоставлены потерпевшему [1]. Позиция Пленума Верховного Суда РФ, предусматривающей возможность свидетеля пользоваться правами потерпевшего только при условии назначения и производства экспертизы в отношении негa самого, представляется правильной [2]. Данная позиция направлена на защиту прав свидетеля поскольку в зависимости от результатов экспертизы, во-первых, может возникнуть необходимость проверки причастности свидетеля к совершению преступления; во-вторых, может возникнуть вопрос о необходимости проверки факта совершения преступления в отношении свидетеля; в-третьих, могут быть выявлены различные отклонения в психике, о которых лицо не предполагало, что обеспечит защищенность здоровья человека.

Рассматривая право свидетеля на ознакомление с постановлением о назначении экспертизы и заключением эксперта, проведенной в отношении негa самого, мы не считаем возможным, что само назначение и проведение экспертизы должно зависеть от волеизъявления свидетеля.

В обоснование высказанной позиции позволим сослаться на уголовно-процессуальное законодательство Республики Армения и Республики Азербайджан. Согласно ст. 243 УПК Республики Армения, экспертиза

проводиться, когда для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, необходимы специальные познания в областях науки, техники, искусства или ремесла, в том числе в методиках соответствующих исследований [3]. При этом в УПК Республики Армения не указано на то, что следователь, сотрудник органа дознания или прокурор должны испрашивать согласие какого-либо участника уголовного процесса, в том числе свидетеля или потерпевшего, на согласие о проведении в отношении него судебной экспертизы. В ст. 247 УПК Республики Армения предоставлено право знакомиться с постановлением и заключением судебной экспертизы только подозреваемому, обвиняемому и потерпевшему, аналогичные права свидетелям не предоставлены [4].

Наиболее обоснованным в части назначения экспертиз представляется УПК Азербайджанской Республики. Согласно ст. 264.3 УПК Азербайджанской Республики, экспертиза проводится по постановлению следователя или, если уголовное преследование осуществляется в порядке частного обвинения, по письменному обращению стороны защиты. Постановление о назначении экспертизы обязательно для лиц, к которым оно относится [4]. УПК Азербайджанской Республики согласно ст. 268 предоставляет права на ознакомление с постановлением о назначении экспертизы и заключением эксперта подозреваемому, обвиняемому и лицу, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, если его психическое состояние позволяет это сделать, в отношении свидетелей не предусмотрено указанных прав.

Представляется, что обязанность быть подвергнутым экспертному исследованию, установленная для лиц по УПК Азербайджанской Республики и УПК Республики Армения более соответствует назначению уголовного судопроизводства, поскольку позволяет качественно и своевременно осуществить процесс собирания доказательств и принять решение по уголовному делу. Содержащееся в обязанности быть подвергнутым экспертному исследованию государственное принуждение не нарушает прав личности, поскольку оно направлено на выявление фактических обстоятельств совершенного преступления, исключения допущения следственной и судебной ошибки и защиты прав личности в уголовном процессе в целом. Отказ от проведения экспертного исследования представителем стороны, а тем более свидетелем, свидетельствует о нежелании лица помочь установлению истины по уголовному делу.

Полагаем целесообразным изменить положения ст. 195 УПК РФ. Исключить в ч. 4 указанной статьи первое положение, изложив ее в следующей редакции: «Постановление о назначении экспертизы обязательно для лиц, к которым оно относится. Судебная экспертиза может быть назначена и произведена до возбуждения уголовного дела».

Список литературы:

1. Дьяконова О.Г. О правах участников уголовного судопроизводства при назначении судебной экспертизы // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики России и стран СНГ: Международная науч.-практ. конф. Челябинск. Ч. 2. 2014. С. 24.
2. О судебной экспертизе по уголовным делам: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 2. Пункт 8.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения. Ереван. 2001. С. 150.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения. Ереван. 2001. С. 151.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики. Баку. Изд-во: Юридическая литература. 2011. С. 271.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики. Баку. Изд-во: Юридическая литература. 2011. С. 274.

A.A. Rezyapov, Postgraduate Student of the Criminal Procedure and Law enforcement Department of Udmurt State University, Izhevsk (e-mail: rok25-12@mail.ru)

THE APPOINTMENT AND CONDUCT FORENSIC EXAMINATIONS IN RELATION TO WITNESSES IN CRIMINAL CASES

Abstract. This article discusses aspects of the appointment and conduct forensic examinations in relation to witnesses in criminal cases.

Keywords: forensics, witness, forensic psychiatric examination.

УДК 343.1

Т.К. Рябинина, канд. юрид. наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета, г. Курск (e-mail: tatyanakimovna-r@yandex.ru)

ФУНКЦИИ СУДА В СТАДИИ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ

В данной статье анализируется сущность стадии назначения судебного заседания, а также уделяется внимание функциям суда на стадии назначения судебного заседания.

Ключевые слова: стадии уголовного процесса, назначение судебного заседания, функции суда, суд первой инстанции.

Анализируя сущность стадии назначения судебного заседания, нельзя не затронуть вопрос, насколько деятельность суда на этом этапе уголовного процесса отвечает его роли как носителя судебной власти – соответствует ли объем полномочий суда при решении вопроса о дальнейшей судьбе поступившего в суд уголовного дела властной характеристике суда. Уже несколько десятилетий процессуалисты ведут споры вокруг вопросов, выражающих сущность судебной деятельности в стадии назначения судебного заседания: что является предметом проверки судьей при изучении материалов поступившего в суд уголовного дела; какие вопросы судья вправе разрешать на этом этапе; ограничен ли судья в процессе доказы-

ния в этой стадии; что является основанием принятия судьей решения о назначении судебного заседания. При этом совершенно очевидно, что все эти вопросы взаимосвязаны и, в конечном счете, сводятся к одной главной проблеме, касающейся данной стадии уголовного процесса – функциям и полномочиям суда в этой стадии и «...насколько они обеспечивают саму возможность суда действовать в уголовном судопроизводстве как власть самостоятельная, независимая, государственная» [1].

Вопрос этот представляется весьма актуальным в связи с тем, что некоторые авторы высказывают идеи об ограниченных полномочиях суда в настоящей стадии уголовного процесса, объясняя свою позицию тем, что на этом этапе судья не вправе давать оценку собранным в ходе предварительного расследования доказательствам и поэтому решения, принятые им по уголовному делу, носят скорее организационно-подготовительный, чем властный, характер, и, соответственно, судебная деятельность в этой стадии, поскольку она не связана с разрешением дела по существу, не является формой отправления правосудия [2, 3].

В уголовно-процессуальной науке неоднозначно отношение к тому, какую роль играет суд на разных стадиях уголовного процесса, какую функцию (задачу) выполняет и в какую форму облачается его деятельность. При этом многообразии различных суждений по настоящей проблеме исходит из одного, фактически, главного вопроса – на каких стадиях уголовного судопроизводства осуществляется правосудие.

Долгие годы традиционной была точка зрения о том, что правосудие как деятельность, состоящая в разрешении уголовного дела по существу, осуществляется только в суде первой инстанции [4, 5, 6]. Примыкает к этой позиции мнение о том, что правосудие осуществляет только суд первой инстанции, разрешающий дело по существу, а деятельность вышестоящего суда является судебным контролем [5, 7, 8]. Вторая точка зрения состоит в том, что правосудие осуществляет только суд первой инстанции, разрешающий дело по существу, а деятельность суда в досудебном производстве следует рассматривать как судебный контроль, являющийся самостоятельной уголовно-процессуальной функцией [9, 10]. Третья точка зрения заключается в том, что правосудие осуществляется только в судебных стадиях, в том числе и вышестоящими судами, а в досудебном производстве осуществляется судебный контроль [11, 12].

Поскольку в настоящей работе невозможно осветить все точки зрения по этому вопросу, ограничимся вышеприведенными, поддержав мнение, основывающееся на широком понимании правосудия как правоприменительной деятельности (во всех сферах судопроизводства) [13, 14, 15, 16, 17], то есть любой процессуальной деятельности суда (судьи), связанной с производством по уголовным делам, которая осуществляется в установленном законом порядке [18], причем на любой стадии [19], и объясняется тем, что поскольку суд является государственным органом, олицетворяющим самостоятельную ветвь государственной власти – судебную, то,

реализуя свои дискреционные полномочия на всех этапах судопроизводства путем рассмотрения уголовного дела по существу или вынесения любого решения, предусмотренного УПК, что следует из п. 48 ст. 5 УПК, он в любом случае осуществляет функцию правосудия, но по различным, предусмотренным законом, процедурам, обусловленным соответствующим назначением конкретной стадии уголовного процесса [20, 21, 22].

Рассматривая правосудие как основную форму реализации судебной власти, попытаемся определить функции суда именно в контексте реализации общего предназначения суда как органа правосудия, наделенного совершенно разноплановыми властными полномочиями, в зависимости от функции, выполняемой судом на определенном этапе уголовного судопроизводства. То есть эти полномочия, закрепленные в ст. 29 УПК РФ, обусловлены соответствующими функциями суда в уголовном судопроизводстве.

Так, в досудебном производстве суд выполняет функцию судебного контроля в целях обеспечения соблюдения органами обвинения прав и законных интересов лиц, задержанных в судопроизводстве, путем проверки законности проведения отдельных процессуальных действий или принятия решений по уголовному делу, дачи разрешения на проведение следственных действий или применения мер процессуального принуждения, ограничивающих конституционные права и свободы участников процесса. При производстве в суде первой инстанции функцией суда является разрешение уголовного дела по существу; в вышестоящих судебных инстанциях – судебный надзор за законностью и обоснованностью принятых нижестоящим судом решений.

Функция разрешения дела по существу заключается в разрешении основного правового спора между обвинением и защитой, а также основного правового вопроса — о виновности (невиновности) лица, привлеченного к уголовной ответственности, и соответственно о его наказании или реабилитации. Традиционно считается, что проявляется эта функция в деятельности суда по рассмотрению и разрешению в судебном заседании уголовных дел по правилам, установленным законом (главы 35-39 УПК).

В теории уголовного процесса иногда настоящую функцию называют еще функцией правосудия [20, 23, 24], чем подчеркивается всеобъемлющий охват этим понятием всей судебной деятельности в уголовном процессе и важность этой функции, направленной на разрешение правового конфликта и принятие итогового решения по делу. Более того, такое отождествление происходит, на наш взгляд, еще из-за того, что концепция существования в состязательном уголовном судопроизводстве трех функций, в том числе функции разрешения уголовного дела, предполагает, что эти функции (как и сам принцип состязательности) должны реализовываться на протяжении всего производства по уголовному делу. Однако, что касается правосудия, то оно, действительно, осуществляется на всех стадиях процесса. А вот разрешение уголовного дела по существу воз-

можно только в отдельных судебных стадиях, где сначала создаются предпосылки для его рассмотрения и разрешения, затем непосредственно исследуются доказательства и дается им окончательная оценка с принятием главного итогового решения – приговора или иного судебного решения, завершающего производство по уголовному делу, после чего венчает судопроизводство исполнение приговора. Поэтому с этих позиций функция разрешения уголовного дела не находит своей полной реализации в уголовном судопроизводстве и в связи с этим, действительно, напрашивается вывод о необходимости выделить функцию правосудия, которая, таким образом, в сфере государственной власти является основной функцией (основной формой реализации) судебной власти, а в сфере уголовного судопроизводства, имеющего состязательный характер, - и как одним из направлений уголовно-процессуальной деятельности (сводящимся не только к разрешению основного вопроса – о виновности или невиновности обвиняемого, но и к разрешению любого правового вопроса или конфликта, нуждающегося в судебном рассмотрении), так и функцией одного из важнейших участников уголовного судопроизводства - суда.

К такому выводу приводят некоторые положения закона, который не только не раскрывает содержание этой функции, как впрочем, и функции судебного контроля, а напротив размывает его. Так, согласно п. 48 ст. 5 УПК суд - это любой суд общей юрисдикции, рассматривающий уголовное дело по существу и выносящий решения, предусмотренные УПК, а п. 52 той же статьи предусматривает, что суд первой инстанции — это суд, рассматривающий уголовное дело по существу и правомочный выносить приговор, а также принимать решения в ходе досудебного производства по уголовному делу. То есть законодатель не делает разницы между осуществлением правосудия, чему соответствует норма, предусмотренная п. 48 ст. 5 УПК, и разрешением дела по существу (п. 52 ст. 5 УПК). Кроме того, анализируя полномочия суда, перечисленные в ч. 1 ст. 29 УПК, на первый взгляд, их следовало бы отнести к полномочиям по разрешению дела по существу. Однако полномочие, предусмотренное пунктом 4 ч. 1 ст. 29 УПК, по отмене или изменению решения, принятого нижестоящим судом, на самом деле принадлежит суду апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, которые не осуществляют функцию разрешения дела по существу, но осуществляют правосудие. Законодательно следовало бы разделить эти полномочия, закрепив их в разных нормах.

Неоднократно и Конституционный Суд РФ в своих решениях отождествляет функцию правосудия и функцию разрешения дела. Так, в одном постановлении указано, что «функция правосудия (разрешения дела), осуществляемая только судом, отделена от функций спорящих перед судом сторон» [25]; в другом определении - «Осуществление судом в... уголовном процессе функции правосудия предполагает наличие у него... права проверять и оценивать с точки зрения относимости, допустимости и достоверности представленные сторонами обвинения и защиты доказательства...

в судебном заседании» [26].

Тем не менее, на наш взгляд, нельзя отождествлять функцию разрешения уголовного дела по существу и функцию осуществления правосудия, поскольку, как уже неоднократно отмечалось, правосудие мы рассматриваем и как основное средство реализации судебной власти, и как главное предназначение суда вообще в любой сфере судопроизводства, заключающееся в разрешении правовых споров, конфликтов, вопросов, а разрешение уголовного дела по существу означает решение главного вопроса – о виновности (невиновности) обвиняемого по конкретному уголовному делу.

Вновь необходимо обратить внимание на тот факт, что законодатель нечетко и неполно определил полномочия суда по разрешению дела по существу. Так, в ст. 29 УПК даже не упомянуто о полномочиях суда в стадии назначения судебного заседания, а те полномочия, которые напрямую связаны с разрешением дела по существу, сведены по большому счету к принятию решений, имеющих обвинительный, карательный характер (п. 1-3 ч. 1 ст. 29 УПК). Вместе с тем суд может признать лицо невиновным и вынести оправдательный приговор, а также прекратить уголовное дело. Кроме того, как верно замечают отдельные авторы, для того, чтобы разрешить дело по существу, суд наделяется также широкими полномочиями для рассмотрения дела, исследования доказательств по делу, установления фактических обстоятельств дела и устранения возникающих у него сомнений, без чего невозможно законное, обоснованное и справедливое разрешение дела. Эти полномочия регламентируются в соответствующих главах УПК, например в главе 37, посвященной судебному следствию. Более того, для успешной реализации функций разрешения дела по существу и судебного контроля суд наделяется также процессуальными организационно-распорядительными полномочиями [22].

Анализируя функции суда на разных стадиях уголовного процесса, нельзя не отметить, что вышеописанный подход к их классификации применительно к стадии назначения судебного заседания применим с некоторой долей условности. Сложность определения, какую функцию осуществляет суд в настоящей стадии, обусловлена особым, специфическим положением этой стадии в уголовном судопроизводстве. На первый взгляд, как уже отмечалось, исходя из задач, стоящих перед судом на этом этапе судопроизводства, характер судебной деятельности в этой стадии является контрольным по отношению к досудебному производству и по логике суд в данной стадии должен осуществлять функцию судебного контроля как контроля в отношении органов исполнительной власти по поводу соблюдения ими закона в ходе доказывания виновности обвиняемого в совершении преступления, обеспечения прав и законных интересов участников процесса в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. Однако общепризнанным можно уже считать положение о том, что суд реализует эту функцию непосредственно в досудебных ста-

диях.

В стадии назначения судебного заседания, являющейся первой судебной стадией уголовного процесса, закон ставит перед судом еще и задачу подготовить надлежащие условия для успешного рассмотрения и разрешения уголовного дела в стадии судебного разбирательства. То есть особенное в характеристике данной стадии заключается в двойственном ее характере – контрольно-подготовительном. Означает ли это, что и функции у суда здесь тоже две, но какие – судебного контроля и разрешения дела по существу, или судебного контроля и подготовки уголовного дела к судебному разбирательству? Ответ на этот вопрос нужно искать в основных правовых положениях, раскрывающих суть принципа состязательности – основная функциональная направленность судебной деятельности в настоящей стадии процесса сводится к разрешению уголовного дела по существу. А вот средствами реализации данной функции суда в этой стадии процесса являются контрольно-проверочные и подготовительные действия суда, поэтому и характер судебной деятельности на этом этапе также называют контрольно-подготовительным. Тем самым суд как орган правосудия, принимая какое бы то ни было решение в стадии назначения судебного заседания, осуществляет не просто проверку материалов поступившего уголовного дела и организационно-подготовительные мероприятия к судебному разбирательству дела, а создает необходимые условия для разбирательства уголовного дела, что неотрывно от непосредственного рассмотрения уголовного дела и принятия по нему окончательного решения, поэтому говорить об усеченных полномочиях суда в данной стадии процесса некорректно и неправильно, тем самым суд в настоящей стадии процесса осуществляет функцию разрешения уголовного дела по существу.

Список литературы:

1. Воскобитова Л.А. Разрешение дела судом как функция судебной власти // Материалы Междунар. науч.-практич. конф., посвященной принятию нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. М., 2002. С. 25-26.
2. Ишимов П.Л. Процессуальный порядок подготовки уголовного дела к судебному разбирательству: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2005. С.14
3. Мельников В.Ю. Судебный контроль в условиях состязательности уголовного процесса // Рос. судья. 2010. № 8. С. 10.
4. Зинатуллин З.З. Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальные функции. Ижевск, 1994. С. 61-62.
5. Манова Н.С. Теоретические проблемы уголовно-процессуальных производств и дифференциация их форм: Автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 43
6. Аширбекова М.Т., Стус Н.В. О природе судебного производства по пересмотру приговора в суде вышестоящей инстанции // Российский судья. 2007. № 10. С. 25-26.
7. Масленникова Л.Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России: Дис. ...д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 407.
8. Муратова Н.Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве. Казань, 2004. С. 72, 191-259.

9. Васильева А.С. Соотношение судебного контроля и правосудия. // Российский судья. 2006. № 7. С. 17-19.
10. Винницкий Л.В., Русман Г.С. Судебный контроль за избранием мер пресечения под стражу, домашнего ареста. – М., 2008. С. 13, 15.
11. Уголовный процесс: Учебник для студентов юридических вузов и факультетов / Под общ. ред. В.М. Лебедева. М., 2003. С. 118-120.
12. Мартыняхин Л.Ф. О функциях и полномочиях суда в досудебном производстве // Рос. судья. 2004. № 8. С. 12.
13. Лазарева В.А. Судебная защита в уголовном процессе Российской Федерации: проблемы теории и практики. Дис. ...д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 33-34, 42-47.
14. Смирнов А.В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. СПб, 2004. С. 7
15. Тулянский Д.В. Осуществляет ли суд правосудие в стадии исполнения приговора? // Журнал российского права. 2001. № 7 // Гарант-СПС.
16. Гуськова А.П. Процессуально-правовые и организационные вопросы подготовки к судебному заседанию по УПК РФ / Избранные труды. Оренбург, 2007. С. 248.
17. Загайнова С.К. Судебные акты в механизме реализации судебной власти в гражданском и арбитражном процессе. М., 2007. С. 47.
18. Судебная власть / под ред. И. Л. Петрухина. М., 2003. С. 23.
19. Бозров В.М. Современные проблемы российского правосудия по уголовным делам в деятельности военных судов (вопросы теории и практики). Екатеринбург, 1999. С. 18.
20. Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс России. М.: ООО «ТК Велби», 2003. С. 50-51.
21. Уголовный процесс России: Учебное пособие / Под ред. З.Ф. Ковриги, Н.П. Кузнецова. Воронеж, 2003. С. 63-64
22. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2013. С. 213.
23. Уголовный процесс: Учебник для студентов юридических вузов и факультетов / Под общ. ред. В.М. Лебедева. М., 2003. С. 118.
24. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс России: Учебник. М., 2014. С. 102.
25. Постановление Конституционного Суда РФ от 28 ноября 1996 г. № 19-П// СПС КонсультантПлюс.
26. Определение Конституционного Суда РФ от 18 июня 2004 г. № 204-0 об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр-на Нацагдоржевича на нарушение его конституционных прав ч. 2 ст. 283 УПК РФ // СПС КонсультантПлюс.

T.K. Ryabinina, Candidate of Law, Professor, Head of the Criminal Procedure and Criminalistics Department of Southwest State University, Kursk (e-mail: tatanakimovnar@yandex.ru)

THE FUNCTIONS OF THE COURT UNDER APPOINTMENT OF THE COURT SESSION

Abstract. This article analyzes the nature stage the purpose of the hearing, and also focuses on the functions of the court under appointment of the court session.

Keywords: stage of the criminal process, the appointment of the hearing, the functions of the court, the court of first instance.

УДК 34.343

Е.В. Рябцева, канд. юрид. наук, доцент кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного университета правосудия, г. Москва (e-mail: rev020680@mail.ru)

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ОБРАЩЕНИЕ В СУД КАК ГАРАНТИЯ ПРАВА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ

В статье проводится анализ права на обращение в суд как гарантия судебной защиты. На основании практики международных судебных органов рассматриваются возможные варианты ограничения возможности злоупотребления правом на обращение в суд со стороны участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: судебная защита, право на обращение в суд, злоупотребление правом, пределы реализации прав.

Право на судебную защиту является основным конституционным правом человека и гражданина. Частью 1 ст. 46 Конституции РФ каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Данная норма находится во взаимном согласовании с требованиями, сформулированными ст. 8 Всеобщей декларации прав человека, принятой резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г.: "Каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случаях нарушения его прав, предоставленных ему конституцией или законом" [1].

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, принятая в Риме, 4 ноября 1950 г. определяет право на защиту как право на справедливое судебное разбирательство (ст.6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод). (Рим, 4 ноября 1950 г.) [2].

Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г. рассматривает право на судебную защиту в контексте равного доступа к правосудию и равенства перед судом. Право на судебную защиту определяется через систему гарантий обеспечения справедливого рассмотрения и разрешения уголовного и гражданского дел (ст. 14 Пакта) [3].

Декларация основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью (утв. резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/34 от 29 ноября 1985 г.) закрепляет право на доступ к правосудию и справедливое обращение путем создания и укрепления судебных механизмов и совершенствования судебной процедуры (А Жертвы преступлений п. 4-7) [4].

Анализ международно-правовых актов позволяет сделать вывод о том, что право на судебную защиту носит комплексный характер. Оно включает совокупность прав, которые обеспечивают реализацию данного права.

Одним из неотъемлемых элементов права на защиту является право на обращение в суд.

В науке нет единого мнения относительно соотношения права на судебную защиту и права на обращение в суд.

Одни авторы рассматривают право на судебную защиту как субъективное материальное право, то есть как право на получение защиты, средством реализации которого является право на обращение за судебной защитой [5].

Другие авторы право на судебную защиту полностью отождествляют с правом на обращение за судебной защитой [6].

Некоторые учёные рассматривают право на судебную защиту в двух аспектах: как право на обращение за защитой и право на получение защиты [7].

Приведенные точки зрения односторонне характеризуют сущность права на судебную защиту, потому что не рассматривают либо процессуальную составляющую (когда право на судебную защиту отождествляется с правом на получение защиты), либо материально-правовую составляющую (когда право на судебную защиту отождествляется с правом на обращение за защитой).

Для того, чтобы иметь право на судебную защиту в смысле права на её получение, нужно иметь право на обращение к суду за защитой. Наличие же у заинтересованного лица права на обращение за судебной защитой само по себе не в состоянии гарантировать её получение. Однако право на судебную защиту включает не только право на обращение в суд, но и право на квалифицированную юридическую помощь, право на участие в судебном разбирательстве, право на обжалование приговора и т. д.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что право на обращение в суд является неотъемлемой составляющей права на судебную защиту.

В рассматриваемом аспекте необходимо рассмотреть вопрос о возможности и целесообразности ограничения права на обращение в суд. Прежде всего, следует указать на то, что право на судебную защиту является абсолютным и с позиции Европейского суда по правам человека (далее ЕСПЧ) не может быть ограничено ни при каких обстоятельствах.

В настоящее время участники уголовного судопроизводства и их защитники нередко злоупотребляют правом и заваливают суды обращениями: в 2014 году было рассмотрено 2,6 млн таких жалоб. По справедливому утверждению Председателя Верховного Суда РФ: "Абстрактные формулировки закона позволяют полагать, что любое действие или бездействие причиняет ущерб конституционным правам [граждан]" [8].

Возможно несколько вариантов разрешения рассматриваемой проблемы.

Прежде всего, предусмотреть закрытый перечень действий, бездействий и решений, которые могут быть обжалованы в судебном порядке. Например, разрешив обжаловать только часть действий, бездействий и решений

должностных лиц – участников досудебного судопроизводства, например, отказ в возбуждении уголовного дела, его прекращение, изменение процессуального статуса участников и т.д. Для остальных решений следователей, дознавателей и других должностных лиц досудебного производства можно будет обжаловать только в порядке статьи 124 УПК РФ. В любом случае рассматриваемый вариант предусматривает создание закрытого перечня.

Другой вариант – разрешить судьям отсеивать неприемлемые аргументы жалобы по своему усмотрению без учета мнения сторон. Похожий механизм существует сейчас в Международном суде ООН. Более близкий российской системе аналог – фильтр обращений в кассационной и надзорных инстанциях общей юрисдикции.

Промежуточный вариант – оставление перечня открытым с установлением дополнительных критериев для принятия жалобы к рассмотрению. Классическим примером является практика ЕСПЧ по установлению критериев приемлемости жалобы.

Так, право на обращение в суд в практике ЕСПЧ имеет абсолютный характер и не подлежит никаким ограничениям. Этот принцип подразумевает, в частности, свободную переписку с Европейским судом лиц, лишённых свободы. Национальные органы власти не должны оказывать никакого давления на заявителя, которое было бы направлено на отказ от жалобы или на изменение её содержания. ЕСПЧ считает, что давление может принимать форму как прямого принуждения и откровенных актов запугивания состоявшихся или потенциальных заявителей, членов их семей или юридических представителей, так и косвенного воздействия в виде неправомерных контактов (Mamatkoulov и Askarov против Турции, § 102).

Рассматривая абсолютный характер данного права, следует обратить внимание на то, что беспрепятственная подача жалобы не означает обязанность суда принять её к рассмотрению. Для исключения возможности злоупотребления лицом таким правом ЕСПЧ устанавливает определенные ограничения на их подачу.

Понятие «злоупотребление» из статьи 35 § 3 а Конвенции необходимо определить следующим образом. Речь идёт о ситуации, когда управомоченное лицо при реализации своего права грубо выходит за рамки дозволенного. Отсюда, злоупотребление есть любое поведение заявителя, явно не соответствующее назначению гарантированного Конвенцией права на обращение, нарушающее установленный порядок работы ЕСПЧ или затрудняющее надлежащее протекание разбирательств в ЕСПЧ (Miroļubovs и другие против Латвии, §§ 62 и 65).

Согласно тексту статьи 35 § 3 а), в случае констатации злоупотребления жалоба объявляется неприемлемой, а не исключается из списка подлежащих рассмотрению дел. ЕСПЧ подчёркивал, что отклонение жалобы по причине злоупотребления правом на её подачу является мерой исключи-

тельной (Miroļubovs и другие против Латвии, § 62). Случаи, когда ЕСПЧ устанавливал наличие злоупотребления правом подачи жалобы строго регламентированы законом. Рассматриваемые случаи можно разделить на пять типичных категорий: дезинформация ЕСПЧ; использование оскорбительной лексики; нарушение обязанности хранить конфиденциальность по вопросу мирового соглашения; подача жалобы без каких-либо серьёзных оснований или с сутяжническими намерениями; а также все иные случаи, исчерпывающего списка которых не существует[9].

Таким образом, право на обращение в суд, как неотъемлемая составляющая права на судебную защиту, включает право на подачу жалобы, заявления или любого другого обращения в установленной форме и корреспондирующую обязанность суда принять эту жалобу. Однако принятие жалобы не означает обязанность суда во всех случаях её рассмотреть по существу. Суд определяет есть ли основания и препятствия для её рассмотрения.

Обращение к данной практике Европейского суда в современных условиях является достаточно актуальным. Действительно, предусмотреть исчерпывающим перечень вариантов таких обращений в суд невозможно. Примерный перечень действий, бездействий и решений должен быть, но носить открытый характер, предоставляющий возможность суду по своему усмотрению решить вопрос о судьбе обращения, исходя из определенных обстоятельств в каждой конкретной ситуации.

Список литературы:

1. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948г. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml
2. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950г. Официальный перевод на русский язык <http://www.espch.ru/content/view/52/37/>
3. Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г. рассматривает право на судебную защиту в контексте равного доступа к правосудию и равенства перед судом. Право на судебную защиту определяется через систему гарантий обеспечения справедливого рассмотрения и разрешения уголовного и гражданского дел (ст. 14 Пакта). United Nations Treaty Series, vol. 999, p. 225–240. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml
4. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью (утв. резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/34 от 29 ноября 1985 г.) <http://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/1305333/>
5. Иванов О.В. Право на судебную защиту // Советское государство и право. М., 1970.
6. Вилкут М.А. Иск как элемент права на судебную защиту, его юридическая природа и обоснование // Вопросы теории и практики гражданского процесса. Саратов, 1976.
7. Курьев С.В. Формы защиты и принудительного осуществления субъективных прав и право на иск // Труды Иркутского госуниверситета. Иркутск, 1957.
8. Официальный сайт РИА. Новости. <http://ria.ru/search/?query>
9. Официальный сайт ЕСПЧ <http://echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=home>

E.V. Ryabtseva, Candidate of Law, Associated Professor of the Organization of Judicial and Law Enforcement Activity of Russian State University of Justice, Moscow (e-mail: rev020680@mail.ru)

REALIZATION OF THE RIGHT OF ACCESS TO COURT AS A GUARANTEE OF THE RIGHT TO JUDICIAL PROTECTION

Abstract. *The article analyzes the right to appeal to the court as a guarantee of the right to judicial protection. On the basis of the practice of international judicial control options considered possible abuse of the right to appeal to the Court by the parties to criminal proceedings.*

Keywords: *courting the right to appeal to the court, abuse of rights, the limits of the rights.*

УДК 343.1

Я.П. Ряполова, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета, г. Курск (e-mail: yaroslava@mail.ru)

ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОБЪЯСНЕНИЙ, ПОЛУЧЕННЫХ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Статья посвящена содержанию и порядку производства нового для УПК РФ проверочного действия – получения объяснений в ходе проверки сообщения о преступлении. Исследуется вопрос о доказательственном значении объяснений, соотношении опроса, проводимого в порядке ст. 144 УПК РФ, и допроса, проводимого в стадии предварительного расследования. Предлагается закрепление процессуального статуса опрашиваемого лица.

Ключевые слова: *проверка сообщения о преступлении, объяснение, возбуждения уголовного дела, доказательство.*

С момента принятия УПК РФ и каждой новой последующей попыткой преобразовать институт доследственной проверки вновь и вновь поднимался вопрос о необходимости закрепления в уголовно-процессуальном законе возможности получения объяснений до возбуждения уголовного дела. Ведь в ряде случаев без получения объяснений не представляется возможным решить вопрос о наличии или отсутствии в проверяемом событии признаков преступления, объяснения получают сразу же после совершения преступления или же в течение непродолжительного срока с момента его совершения. Объяснения обладают высокой вероятностью достоверности, поскольку лицо, их дающее, пока не подтверждено влиянию заинтересованных в исходе проверки лиц, а детали происшедшего еще свежи в его памяти.

До принятия Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ практический опыт использования объяснений в стадии возбуждения уголовного дела, сводился их к трем возможным подходам [1, с. 157]:

1) отбирание объяснений в качестве непроцессуального средства про-

верки сообщения;

2) отбирание объяснений в рамках производства об административных правонарушениях, руководствуясь положениями ст. 26.2, 26.3 КоАП РФ;

3) восполнение недостающей информации путем подробного и детального изложения обстоятельств произошедшего в тексте заявления или сообщения о преступлении. Очевидно, только последний подход не входил в прямое противоречие с законодательными предписаниями, при этом по существу, конечно, также не претендовал на полноценную замену объяснениям.

Единственная общепризнанная судами возможность использования объяснений на стадии возбуждения уголовного дела в качестве доказательств сводилась к использованию объяснений лица, в отношении которого велась проверка, как иного документа и одновременно обстоятельства, смягчающего наказание (явка с повинной в ее уголовно-правовом значении), в случае если в таких объяснениях опрашиваемое лицо сообщает об обстоятельствах совершенного им преступления. Отсутствие в уголовных делах протоколов явки с повинной не освобождало суды от обязанности дать оценку добровольности (или вынужденности) действий подсудимых до возбуждения уголовного дела, когда правоохранительные органы не располагали процессуальными доказательствами их причастности к преступлению, и тем не менее опрашиваемые лица в своих объяснениях, заявлениях добровольно поясняли о своем участии и участии других лиц в совершении преступления, описывали детали деяния, указывали, где находятся орудия преступления или похищенное имущество. Объяснения в исключительных случаях на практике являлись и незаменимым источником данных об обстоятельствах происшедшего в случае последующей смерти лица, давшего их.

Весьма важную роль объяснения играют в тех случаях, когда в результате проверки выносится постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Еще до принятия нововведений 2013 г. согласно п. 1.3. Приказа Генпрокуратуры РФ от 2 июня 2011 г. №162 прокурорам предписывалось при проверке законности и обоснованности постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, обращать внимание на объективность и полноту их проведения, в том числе путем опроса заинтересованных лиц и специалистов.

Вместе с тем, отмеченные возможности использования объяснений в уголовно-процессуальном доказывании были весьма ограниченными, и длительное время практически работники, можно сказать, «вхолостую» отбирали объяснения, зная, что в последующем весь добытый материал необходимо будет вводить в уголовный процесс заново уже процессуальными средствами — путем проведения дублирующих в содержательном плане допросов, повторных вызовов свидетелей, что, конечно, не удовлетворяло потребностей современной правоприменительной практики.

Таким образом, получение объяснений в ходе доследственной проверки

совершенно обоснованно закреплено в УПК РФ. Не секрет, что практически в материалах проверки каждого поступившего сообщения содержатся письменные объяснения граждан и должностных лиц. В период действия прежнего УПК РСФСР, когда объяснения прямо назывались в качестве процессуального средства проверки сообщения о преступлении, считалось, что полученные объяснения сохраняют свое доказательственное значение после возбуждения уголовного дела и рассматривались как документы [2, с. 57]. В соответствии с ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ «полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений ст. 75 и 89 настоящего Кодекса».

Определением Конституционного Суда РФ от 28 мая 2013 г. № 723-О [3] вопрос о доказательственном значении объяснений, добытых в ходе доследственной проверки был окончательно разрешен, и объяснения, полученные до возбуждения уголовного дела, отнесены к иным документам (ст. 84 УПК РФ), что согласуется с высказываниями ученых, которые имели место ранее [4, с. 124].

Сегодня УПК РФ предъявляет ряд требований к процедуре получения объяснений (ст. 49 и ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ). Так, лицу, от которого истребуется объяснение, должно быть разъяснено право не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (супруги) и других близких родственников, круг которых определен п. 4 ст. 5 УПК РФ, пользоваться услугами адвоката, а также принести жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа в порядке, установленном гл. 16 УПК. В случае если объяснение истребуется у лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, ему должно быть разъяснено право иметь защитника (п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ), а при необходимости - обеспечено участие защитника. Адвокат, явившийся вместе с лицом, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, в любом случае должен быть допущен к участию в получении объяснения у данного лица. Представляется, объяснение, полученное с соблюдением этих правил, может быть признано допустимым доказательством и оглашено в суде [5, с. 96; 6, с. 28].

Вместе с тем регламентацию нового проверочного действия нельзя считать достаточной: отсутствует четкий порядок получения объяснений: порядок вызова, процессуального закрепления результатов, субъектный состав лиц, которые могут быть привлечены для дачи объяснений и последствия нарушений данных законодательных установлений. Строго регламентированных требований, предъявляемых к структуре и содержанию объяснения, законодателем не определено. В практической деятельности помимо сведений о лице, получающем объяснение, и лице, дающем объяснение, сейчас необходимо разъяснить права и обязанности, указать в тексте объяснения, что конкретно было разъяснено, исходя из требований

ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ.

Введение нового проверочного действия позволяет говорить о возможном закреплении процессуального статуса опрашиваемого лица (очевидца), под которым понимается лицо, обладающее информацией об обстоятельствах, подлежащих установлению по проверяемому сообщению о преступлении и от которого отбираются в связи с этим объяснения. Возникновение этого самостоятельного участника имеет под собой необходимые фактические и процессуальные основания. Фактически такое лицо сегодня не обеспечено правом возмещения понесенных в связи с участием в уголовно-процессуальной деятельности расходов, правом заявлять отводы и ходатайства должностным лицам.

Еще одним аспектом рассматриваемого вопроса является соотношение процедуры получения объяснений до возбуждения уголовного дела с процедурой получения показаний, данных в ходе допроса после такого возбуждения. Порядок допроса четко регламентирован нормами УПК РФ, в отличие от порядка получения объяснений, что создает широкие возможности для процессуальных нарушений участниками уголовного судопроизводства со стороны обвинения.

Полагаем, объяснения должны оформляться по правилам, предъявляемым к протоколу допроса, вместе с тем отличие объяснений от показаний состоит в том, что очевидец (лицо, у которого берется объяснение) [7, 72]: не обязан отвечать на поставленные вопросы; опрашивается по месту его нахождения, не подлежит вызову в орган расследования по повестке; не может быть подвергнут приводу; не несет ответственности за дачу заведомо ложных показаний.

Дискуссионным представляется предложение о необходимости введения обеспечительной меры по принудительному доставлению (приводу) лиц, располагающих сведениями о преступлении, для истребования объяснений в рамках проводимой проверки поступившей информации о преступлении. На этапе возбуждения уголовного дела - и это является существенным признаком первоначальной стадии процесса, - уголовно-процессуальное принуждение сведено к минимуму, деятельность на данном этапе может сопровождаться принудительными средствами в той части, в которой это необходимо для установления искомых достаточных данных, указывающих на признаки преступления: на это указывают возможность безотлагательного проведения лишь ограниченного круга следственных действий, недопустимость производства допроса, добровольный характер истребования предметов и документов, добровольный характер исполнения запросов следователя, руководителя следственного органа, дознавателя и органа дознания в ходе проведение такого процессуального действия как истребование предметов и документов (взамен выемки) и вместе с тем исключительные возможности их принудительного изъятия (например, в ходе производства следственных осмотров).

По замыслу законодателя, предусмотренные им меры уголовно-

процессуального принуждения могут быть применены в отношении участников уголовного судопроизводства лишь после возбуждения уголовного дела либо одновременно с ним (например, уголовно-процессуальное задержание лица по подозрению в совершении преступления). Простой вызов в правоохранительные органы в любой форме (просьба, приглашение и т.п.), тем более с вручением официальной повестки, уже представляет собой специфическую меру принуждения и сопряжен с переживаниями, тревогами и волнениями лица, от которого необходимо истребовать объяснения. Очевидно, привод опрашиваемого лица предполагает еще более существенное ограничение конституционных прав опрашиваемого лица и противоречит особенностям и целям познавательной деятельности на данном этапе.

Полагаем, лицо, осуществляющее проверку, должно ограничиться разъяснением необходимости получения объяснений, значения их для разрешения вопроса о возбуждении уголовного дела, обращением к гражданскому долгу рассказать все ему известное [8, с. 78]. Так, в рамках проверки СУ СК России по Удмуртской республике сообщения об уклонении от уплаты налогов руководством предприятия заместителем руководителя следственного отдела вручена главному бухгалтеру организации М. повестке о явке 6 апреля 2011 г. для опроса по материалу проверки. Неявка М. для опроса послужила основанием для возбуждения в отношении него дела об административном правонарушении по ст. 17.7. КоАП РФ (умышленное невыполнение законных требований следователя). Постановлением Мирового судьи судебного участка № 6 Октябрьского района г. Ижевска от 11 июля 2011 г. М. признан виновным в совершении данного административного правонарушения, решением судьи Октябрьского районного суда г. Ижевска от 11 августа 2011 г. постановление по делу об административном правонарушении оставлено без изменения. Однако Верховный суд Удмуртской республики Постановлением от 13 декабря 2011 г. отменил вышеуказанные акты, мотивировав свое решение тем, что уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает право следователя на стадии проверки сообщения о преступлении требовать явки лица для опроса, и соответственно, не возлагает на лицо обязанность явиться по вызову следователя на данной стадии уголовного судопроизводства, когда уголовно-процессуальное принуждение минимизировано [9].

По этой причине весьма спорным видится и предложение ввести уголовную ответственность за отказ от дачи объяснений и дачу заведомо ложных объяснений, отсутствие в действующем законодательстве ожидаемой нормы об уголовной ответственности опрашиваемого лица за дачу заведомо ложных результатов проведенных исследований, не лишает их доказательственного значения и не может служить серьезным препятствием для использования их на практике. Как верно заметила Т.Ю.Маркова, ни обвиняемый, ни подозреваемый также не предупрежда-

ются об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний, однако никто не высказывает предложений о том, чтобы исключить их показания из числа доказательств по уголовному делу [10, с. 16].

В этой связи нельзя разделить позицию Кудрявцевой Т.Г., Кожухарика Т.Н., утверждающих, что «объяснение ни в коей мере не может приниматься как прямое доказательство по делу», поскольку «нельзя гарантировать правдивость пояснений лица» [11, с. 29]. Достоверность доказательства действительно не может быть выявлена в момент его получения, так как окончательно она определяется на завершающем этапе доказывания, когда оценивается вся совокупность собранных доказательств. Но это вовсе не означает, что полученные до возбуждения уголовного дела следователем и облеченные в процессуальную форму сведения – это еще не доказательства. Такая позиция, как полагает С.А. Шейфер, не только необоснованно отдалает момент появления в деле доказательств, но и игнорирует реальный процесс формирования доказательств, состоящий в выявлении и отображении информации. Логика познавательного процесса такова, что любое полученное уполномоченным органом доказательство всегда поначалу проблематично, так как содержащаяся в нем информация может быть как истинной, так и ложной. Именно поэтому каждое полученное доказательство подлежит последующей проверке и оценке, в процессе которых и определяется его достоверность. Но вероятностный характер информации вовсе не ставит под сомнение ее доказательственное значение и возможность оперирования ею [12, с.122]. Неслучайно закон (ст. 87 УПК РФ) предусматривает проверку именно доказательств, а не сведений. Иной подход, продиктованный заботой об обоснованности и достоверности решений, принимаемых субъектами доказывания, фактически разоружает их, так как вынуждает осуществлять доказывание и принимать промежуточные решения при отсутствии доказательств [14, с. 116], что идет вразрез с основным положением теории доказательств: доказывание как специфическая познавательная деятельность есть в конечном счете оперирование доказательствами [14, с. 36].

Список литературы:

1. Березина Л.В. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела по УПК РФ: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. С. 157-159.
2. Карнеева Л.М. Основания отказа в возбуждении уголовного дела // Социалистическая законность. 1977. № 3. С.57.
3. Определением Конституционного Суда РФ от 28 мая 2013 г. № 723-О // СПС КонсультантПлюс.
4. Балакшин В.С. Объяснение как доказательство в уголовном и административном судопроизводстве // Российский юридический журнал. 2012. № 5. С. 124 - 126.
5. Абдул-Кадыров Ш. Доказательства, полученные при производстве доследственной проверки // Уголовное право. 2014. № 2. С. 96 - 99.
6. Терехин В.В. Допустимость материалов проверки как доказательств // Российский следователь. 2013. № 11. С. 28.
7. Сазонова Т.П. Получение объяснений как способ собирания доказательств //

Вестник ЮУрГУ. 2008. № 2. С. 72.

8. Кузнецов Н.П. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела. Воронеж, 1983. С. 78.

9. Постановление Верховного суда Удмуртской Республики от 13 декабря 2011 г. по делу № 4-а-519// СПС КонсультантПлюс

10. Маркова Т.Ю. Заключение специалиста доказательство в уголовном судопроизводстве? // Уголовное судопроизводство. 2010. № 2. С. 16.

11. Кудрявцева Т.Г., Кожухарик Д.Н. О допустимости в уголовном процессе объяснений в качестве доказательств // Российский следователь. 2014. № 5. С. 28 - 30.

12. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: Проблемы теории и правового регулирования. Тольятти, 1997. С. 122.

13. Михайловская И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М., 2008. С. 116-117.

14. Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика. Общетеоретические проблемы. М., 1973. С. 36.

Ya.P. Ryapolova, Candidate of Law, Associated Professor of the Criminal Procedure and Criminalistics Department of Southwest State University, Kursk (e-mail: yarosslava@mail.ru)

PROBATIVE VALUE OF THE EXPLANATIONS OBTAINED IN THE STAGE OF EXCITATION OF CRIMINAL CASE

Abstract. The article is devoted to the content and procedure for production of the new action for the verification of Code of Criminal Procedure - to obtain an explanation in the reports of the crime. the author explores the question of the evidentiary value of explanations, the ratio of the survey, conducted in the manner of Art. 144 Code of Criminal Procedure, and the questioning conducted in the stage of preliminary investigation. It proposed strengthening the procedural status of the interviewee.

Keywords: checking reports of crime, an explaining, a criminal case, the proof.

УДК 343.140.02

В.Ф. Сайманова, адъюнкт Нижегородской Академии МВД РФ, специалист-ревизор Управления по борьбе с экономическими преступлениями и противодействию коррупции ГУ МВД по Самарской области (e-mail: krasnovavik@rambler.ru)

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В XXI ВЕКЕ В РАМКАХ СУЩЕСТВУЮЩЕЙ СИСТЕМЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИИ

В статье определены основные проблемы существующей теории доказательств. Кратко указан исторический путь развития теории доказательств. Определены пути возможного развития определения доказательства, и типа уголовного процесса.

Ключевые слова: теория доказательств, доказательство, свойства доказательства, состязательность процесса.

Теория доказательств в уголовном судопроизводстве имела сложный исторический путь развития, и сложность заключалась, прежде всего, в

том, что резко изменялся исторический контекст ее существование. Наиболее бурное ее развитие произошло в середине XX века, а логическим ее завершение явилось принятие на основании ФЗ №174 от 18.01.2001 года Уголовно- процессуального кодекса РФ. Принятие такого вида Уголовно- процессуального кодекса явилось заключительным этапом развития теории доказательства, в части раскрытия содержания и формы (вида) доказательства.

Существующая теория доказательств уголовного процесса, в части определения доказательства, принципов оценки доказательств, стала испытывать определенные трудности, связанные с тем, что она была разработана на принципах марксистско- ленинской диалектики, и не учитывала глобальную автоматизацию и компьютеризацию общества, усложнение доказывания по ряду статей Уголовного кодекса РФ, а также возможности расширения познавательного арсенала следователя.

В последний период следующие ученые - Александров А.С., Кухта А.А., Никонов М.А., поднимали вопрос об исчерпании ресурсов развития существующей теории доказательств и о необходимости внедрения института судебных следователей [1, 26-36]. Также, Лазаревой В.А. поднимался вопрос о том, что доказательства, становятся юридически таковыми только в судебном заседании [2, 19].

Самый насыщенный период в развитии теории доказательств был в середине XX века, в этот период активно разрабатывалось понятие доказательства, именно в этот период в Основях уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик было дано определение доказательства, ранее приводился лишь список источников.

Например, УПК РСФСР, принятый в 1923 году, признавал доказательствами только показания свидетелей, заключения экспертов, вещественные доказательства, протоколы осмотров, иные письменные документы и личные объяснения обвиняемого, т.е. определял форму доказательства, при этом, не раскрывая ее содержания.

Вышинский А.Я., обосновал, что доказательства - это факты действительности, "доказательства - это обычные факты, те же совершающиеся в жизни явления, те же вещи, те же люди, те же действия людей" [3, 223]. Определяя доказательства, через обыденность знаний, не рассматривался источник их получения. Данный источник был определен М.С. Строговичем. Он признавал доказательства сведениями об отдельных фактах, при этом доказательствами являются показания обвиняемого, свидетеля, заключения эксперта, документы [4, 83]. При такой конструкции доказательства-источники служили средством установления доказательств-фактов, а последние - средством установления обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Принятые в декабре 1958 г. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик (ст. 16), а последующее принятие УПК РСФС, закрепили вышеуказанное определение, признавая доказательств-

вами любые фактические данные об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, устанавливаемые показаниями подозреваемого, обвиняемого, свидетеля.

В середине 70 годов XX века при определении доказательства стали учитываться сведения, т.е. был применен информационный подход, разработанный В.Я. Дорохова [5, 197]. При котором образование доказательств представляет собой сложный отражательно-информационный процесс. Исследуемое событие, отражаясь в окружающей обстановке, оставляет в ней следы разного рода, которые несут в себе информацию об этом событии. Это "первичное отражение" события. Будучи выявленной, преобразованной субъектом доказывания и облеченной им в требуемую законом процессуальную форму, информация о событии, оставившем следы, становится доказательством в процессуальном смысле. Шейфер С.А. считал, что это "вторичное отражение" события, на этот раз в сознании познающего субъекта и затем в материалах уголовного дела [6, 21]. Содержанием любого доказательства является не сам факт, а сведения о нем. Но при этом, происходит игнорирование логической стороны доказательства, происходит отрицание доказательственного факта, учитывается только лишь ее информационная часть.

Краткое историческое исследование показало, что доказательство раскрывается либо через факт, либо через сведение. Но факт и сведение, лежат в основе вещественных доказательств, в непосредственной фиксации последствий события преступления (протокол осмотра места происшествия). А в основе показаний подозреваемого (обвиняемого), потерпевшего, свидетеля, лежат средства коммуникации –речь и память. Исследования в области нейробиологии и психиатрии, проведенное Эриков Канделем, показали, что память это отдельная психическая функция, отчасти обособленная от других сенсорных, моторных и когнитивных способностей. Долговременная и кратковременная память могут храниться отдельно. Утрата определенных структур височной доли коры головного мозга, особенно гиппокампа, лишает человека способности переводить новые кратковременные воспоминания в долговременную память [7, 220]. Извлечение фрагментов памяти лица, который зафиксировал предмет доказывания, происходит путем его вербального контакта со следователем (дознавателем), судьей.

Существование и роль лингвистической составляющей при доказывании начал разрабатывать в своем диссертационном исследовании Александров А.С. [8], но дальнейшего развития в теории доказательств не произошло. Хотя, в XXI веке оно может получить дальнейшее развитие в связи с возрастанием роли синергетического подхода в гуманитарных науках.

Доказательство в соответствии с существующей научной парадигмой и действующим законодательством должно соответствовать критериям допустимости, относимости и достоверности. Относимость, допустимость и

достоверность являются взаимосвязанными и взаимообусловленными признаками элементов системы доказательств, гарантирующими защиту конституционных прав гражданина, и обеспечивающими достижение объективной истины.

Законодательно понятие допустимости не определено, существует указание на недопустимость доказательств. Доказательства признаются допустимыми в случае соответствия требованиям процессуальной формы, источника закрепления, условий, способов получения данных, имеющих существенное значение по делу.

Возникает вопрос о необходимости включения в систему принципов понятие достоверности, которое раскрывается через понятие верности, истинности, а также через отсутствие способности вызывать сомнения. Исходя из логики, достоверность определяется как правильное, точное, не вызывающее сомнений отображение мыслью предметов и явлений окружающего мира; проверенное практикой знание. Р.В. Костенко полагал, что только через понятие достоверности сведения могут становиться доказательствами [9, 20]. Но, как можно с большей долей уверенности считать сведения потерпевшего, свидетеля достоверными, если это результат отражения события в сознании человека, в его памяти. Степень достоверности можно определить только при оценке всей совокупности доказательств. Следственный процесс есть такой вид познания, который поначалу крайне затруднен отсутствием ряда необходимой информации, и степень ее достоверности на первоначальном этапе определить нельзя. Вероятностный характер информации не ставит под сомнение ее доказательственное значение и возможность оперирования ею. Например, показания свидетеля, оставаясь доказательством, могут проверяться путем очной ставки, назначения экспертизы, они могут стать основой для выдвижения версий и т.д. Не случайно закон (ст. 87 УПК РФ) предусматривает проверку именно доказательств, а не сведений. Иной подход, продиктованный на первый взгляд заботой об обоснованности и достоверности решений, принимаемых субъектами доказывания, фактически разоружает их, так как вынуждает осуществлять доказывание и принимать промежуточные решения при отсутствии доказательств.

В ходе исторического исследования развития теории доказательств было отмечено, что при разработке понятия доказательства не учитывалась форма процесса в целом, т.е. доказательство (факт) возникает на стадии их процессуального закрепления в ходе предварительного следствия, и эти же доказательства в ходе судебного следствия дополнительно исследуются и оцениваются на относимость, допустимость, достоверность и достаточность.

Существующая модель уголовного судопроизводства и теория доказательств определяет, что доказательства- факты необходимы для предъявления обвинения, составления обвинительного заключения и направления дела прокурору для следующего направления в суд и т. д.), но для вы-

несения приговора эти факты не могут быть достаточными, нужна дополнительная их формализация (происходит заслушивание, осматривание вещественных доказательств, оглашаются протоколы следственных действий). Результатом такой процессуальной активности становится трансформация досудебных доказательств, в судебные, которые могут быть положены в основу приговора. При этом обстоятельства и события прошлого периода, относящиеся к предмету доказывания, отраженные в создании людей, не изменились, но происходит их новая дополнительная формализация. В науке Михайловской Н.Б. были предприняты попытки разграничение доказательств на «следственные» и «судебные». Она считает, что сведения, полученные в ходе предварительного расследования с соблюдением закона, даже и не исследованные в судебном разбирательстве, остаются доказательствами, так или иначе влияющими на принятие процессуальных решений [9, 39]. Оглашение в суде протоколов следственных действий фактически, как считает автор, приравнивается к их исследованию судом [8. 47]. Из этого следует, что доказательства, собранные органами расследования, хоть и не могут быть положены в основу приговора без их исследования в суде, все же создают доказательственную основу судебного разбирательства и во многом (не во всем) предопределяют принимаемые судом решения.

Существующая практика поставила вопрос перед учеными о наличии или отсутствии различия при получении доказательствах на этапах уголовного судопроизводства, в связи с принятием Федерального закона от 04 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Который снял различие между доследственными и следственными способами получения «доказательств» (ст. 144 УПК РФ). Поэтому актуальным и злободневным становится вопрос о роли суда при доказывании в системе уголовного судопроизводства России.

Возможно, перспектива развития теории доказательств заключается в разработке понятия доказательств при иной системе судопроизводства, которая бы исключала предварительное следствие.

Список литературы:

1. Александров А.С., Никонов М.А. К основаниям теории доказательств в состязательном уголовном процессе // Вестник Волгоградской Академии МВД РФ. 2013. № 2.
2. Лазарева В.А. Влияние состязательности уголовного судопроизводства на понятия теории доказательств // Юридический аналитический журнал. Самара, 2006. № 1(15).
3. Вышинский А.А. Теория судебных доказательств в судебном праве. М., 1950.
4. Строгович М.С. Избранные труды. М., 1991. Т. 3.
5. Дорохов В.Я. Понятие доказательства // Теория доказательств в советском уголовном процессе. 2-е изд. / Отв. ред. Н.В. Жогин. М., 1973.
6. Шейфер С.А. Собираание доказательств в советском уголовном процессе. Саратов, 1986.
7. Кандель, Э.В. поисках памяти: Возникновении новой науке о человеческой психи-

ке / Кандель Эрик; пер. с англ. П.Петров.- М., 2012.

8. Александров А.С. Язык уголовного судопроизводства: автореферат дис. ... доктора юридических наук: 12.00.09 / Нижегород. акад. МВД России, Нижний Новгород, 2003.

9. Костенко Р.В. Доказательства в уголовном процессе: концептуальные подходы и перспективы правового регулирования: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2006.

10. Михайловская И.Б. Соотношение судебных и следственных доказательств // Государство и право. 2006. № 9.

V.F. Saimanova, Postgraduate of Nizhniy Novgorod Academy of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, specialist-reviser of the Department for Combating Economic Crimes and Corruption of Russian MIA Administration for the Samara Region (e-mail: krasnovavik@rambler.ru)

THE PROSPECTS OF THE EVIDENCE THEORY DEVELOPMENT IN THE XXI-ST CENTURY IN THE EXISTING CRIMINAL JUSTICE SYSTEM IN RUSSIA

Abstract. The article identifies the main problems of the existing evidence theory. There is briefly specified the historical way of the evidence theory development. Defined the development ways of the evidence definition, and the type of the criminal process.

Keywords: an evidence theory, an evidence, feature of evidence, adversarial process.

УДК 343.28 (476)

И.М. Синица, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины (Республика Беларусь) (e-mail: irasinitsa@yandex.ru)

КАРАТЕЛЬНОЕ И ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ РЕЖИМА ОСУЖДЕНИЯ (СУДИМОСТИ)

В статье исследуются вопросы правовой природы судимости (осуждения) как меры уголовно-правового воздействия на преступника. Акцентируется внимание на уголовно-правовых ограничениях и последствиях судимости. Подвергнут анализ комплекс правовых норм, закрепляющих осуждение как основание уголовной ответственности и форму ее реализации. Цель исследования – решение теоретических и практических проблем, возникающих в процессе правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: уголовная ответственность, судимость (осуждение), меры уголовной ответственности, цели судимости, уголовно-правовые ограничения.

Осуждение лица по приговору суда как преступника представляет собой не только акт государственной негативной оценки преступления и лица, его совершившего. Такой акт порождает определенное правовое состояние для осужденного, которое длится в течение строго установленного уголовным законом времени. Признавая лицо виновным в совершении преступления и вынося ему обвинительный приговор, суд тем самым вводит его в правовой режим государственного осуждения, и именно это обуславливает необходимость и, самое важное, правовую возможность принудительного воздействия на осужденного в целях его исправления.

Мы употребляем понятие «режим осуждения», характеризуя состояние

подверженности лица уголовной ответственности, однако более привычным является термин «судимость», что, тем не менее, не меняет сути рассматриваемого явления. Состояние судимости (осуждения) как правовое явление выражает состояние подверженности лица, признанного виновным в совершении преступления, мерам воздействия уголовной ответственности, нахождение его под бременем уголовной ответственности: «Наличие судимости означает, что провозглашенное обвинительным приговором суда осуждение виновного в качестве преступника сохраняет (имеет) юридическую силу» [1, с. 29].

В течение срока судимости осужденный находится в особом правовом состоянии по отношению к государству – в состоянии режима испытания – искупления вины. С.И. Зельдов подчеркивает, что «порицание заключается в установлении судимости и до тех пор, пока она сохраняется, сохраняет силу отрицательная морально-политическая и правовая оценка преступления и лица, его совершившего» [2, с. 62].

Состояние судимости выражает возможность государства применять и осуществлять меры испытания в отношении осужденного, а осужденный, в свою очередь, не может уклоняться от этого, поскольку в течение срока осуждения (судимости) находится в режиме подответственности органу, исполняющему (применяющему) меры воздействия уголовной ответственности.

Конкретные меры уголовно-правового воздействия, в т.ч. связанные с применением наказания, необходимы как естественное, дополнительное проявление уголовной ответственности только потому, что карающее воздействие осуждения крайне ограничено. Они выступают средством, при помощи которого продолжается процесс, начатый самим фактом осуждения, и выражают степень общественной опасности совершенного преступления и лица, его совершившего, их совокупную уголовно-правовую оценку. Конкретные меры уголовно-правового воздействия применяются на основе осуждения и по своей сути являются определенного рода дополнительным проявлением уголовной ответственности (формами ее реализации), поскольку карательное и профилактическое воздействие осуждения в его чистом виде ограничено. Система дифференциации уголовной ответственности согласно статьи 46 УК Беларуси представлена такими формами ее реализации, как осуждение с исполнением назначенного наказания, осуждение с отсрочкой исполнения назначенного наказания, осуждение с условным неприменением назначенного наказания, осуждение без назначения наказания и осуждение с применением в отношении несовершеннолетних принудительных мер воспитательного характера.

Однако состояние осужденности и само по себе представляет определенную меру уголовно-правового воздействия на преступника. Последнее достигается через правовую регламентацию и установление определенной системы ограничительных мер, обусловленных исключительно фактом осуждения, и, следовательно, выражающих фактическую реальность тако-

вой меры ответственности. Такое понимание института судимости (осуждения) отвечает нормативной концепции и содержанию уголовной ответственности, закрепленной в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК Беларуси).

Трактовка института судимости (осуждения) как системообразующей основы уголовной ответственности, а не правового последствия уголовной ответственности или наказания позволила смоделировать осуждение без назначения наказания в качестве самостоятельной меры (формы) уголовной ответственности.

В течение сроков судимости (осуждения) осужденный своим поведением должен подтвердить достижение целей уголовной ответственности, по крайней мере, принятие как должного законопослушного образа жизни, что должно подтверждаться отсутствием рецидива и соблюдением осужденным требований правопорядка. Поскольку течение судимости прерывается только при совершении осужденным нового преступления, можно утверждать, что данное обстоятельство является единственным показателем эффективности назначенной преступнику меры уголовной ответственности.

Судимость решает и проблему целей уголовной ответственности в их временной и функциональной реализации. Особое место при их осуществлении отводится профилактике и предупреждению преступлений, причем судимость является основанием для установления контроля и надзора за осужденными. Следовательно, к целевым установкам судимости необходимо отнести профилактическую (общая и частная превенция) и ограничительную, которые должны содержательно и функционально «продвигать» цели уголовной ответственности.

При анализе института судимости некоторые ученые находят основания и для выделения карательной цели судимости, подчеркивая, что она (карательная цель) носит только «потенциальный характер, то есть реализуется только в том случае, если не «сработала» предупредительная целевая установка» [3, с. 56]. В этом случае идет речь о ситуациях, когда лицо, имеющее судимость, совершает новое преступление и к нему применяется весь комплекс ограничений уголовно-правового характера, ужесточающий привлечение его к уголовной ответственности за новое преступление. Карательную целевую установку судимости как уголовно-правовой категории наряду с предупреждением совершения новых преступлений лицами, находящимися в режиме судимости (специальная превенция) и иными лицами (общая превенция) выделяет М.В. Грамматчиков [3, с. 55].

На наш взгляд, судимость как таковая не сопряжена с покаранием, ее цель – частная и общая профилактика преступлений. Именно в таком виде данный вопрос разрешается в статье 44 УК Беларуси, в которой установлено, что уголовная ответственность имеет целью исправление лица, совершившего преступление, и предупреждение совершения новых преступлений как осужденным, так и другими лицами. Следовательно, суди-

мость как институт уголовной ответственности имеет те же цели.

Конечно, уголовная ответственность в любой форме ее проявления несет в себе карательное начало, в том числе судимостью она причиняет определенные страдания подвергнутому ей лицу. Однако кара не может быть целевым назначением института судимости, она является неустранимым последствием введения для преступника режима осужденности. По сути судимость выступает средством учетно-профилактического и персонализированного контроля за осужденными, а в отношении осужденных без назначения наказания, кроме того, – и основанием осуществления за ними профилактического наблюдения, предусмотренного ст. 81 УК Беларуси.

Таким образом, лицо, осужденное за совершение преступления, в течение определенного периода времени находится в особом правовом положении, не позволяющем ему в полной мере чувствовать себя бесконтрольным. Это и есть проявление воздействующего фактора самого осуждения (осужденности): «Бремя уголовной ответственности лежит на осужденном в течение всего срока судимости, что говорит о признании его со стороны общества лицом, совершившим преступление, и необходимости осуществления профилактического воздействия в целях его дальнейшей ресоциализации мерами, исходящими от уголовной ответственности, возложенной на него приговором суда» [4, с. 54]. Следовательно, режим осужденности допускает на законных основаниях возможность осуществления контроля за осужденными. Масштабы и уровень такого контроля в первую очередь определяются тяжестью совершенного преступления и степенью вины преступника. Не случайно судимость за неосторожные преступления погашается с фактическим отбытием наказания.

Рассматривая судимость как правовое основание ограничения прав граждан, А.С. Михлин указывает на сложную правовую природу этого института [5, с. 42]. Следует согласиться с мнением, что правовые ограничения, связанные с судимостью, являясь формой контроля со стороны государства и общества, в органическом сочетании с иными средствами воздействия на осужденных преследуют задачу закрепления положительных результатов, которые должны быть достигнуты в соответствии с приговором (осуждением) [4, с. 20].

Отказывая в полном доверии лицу в период его осуждения, государство в течение срока судимости не может выпустить осужденного из сферы своего контроля, связанного с наложением на него определенных обязанностей, общая направленность которых обращена на проверку (наблюдение) соответствия поведения осужденного нормам законопослушного поведения.

На основании изложенного можно сделать вывод, что существование института судимости (осуждения) обусловлено следующими факторами:

1) режим осуждения составляет и формирует основу уголовной ответственности, предопределяет возможность применения к осужденному иных предусмотренных уголовным законом мер воздействия;

2) осуждение (судимость) четко и однозначно определяет пределы уголовной ответственности, тот конкретный срок, по истечении которого лицо более не считается подверженным уголовной ответственности и мерам ее воздействия;

3) осуждение лица как преступника само по себе выступает в качестве меры уголовной ответственности, обеспечивая целенаправленное воздействие на осужденного;

4) осуждение, будучи мерой уголовной ответственности, наряду с профилактическим наблюдением и мерами, его выражающими, образует самостоятельную форму (меру) уголовной ответственности – осуждение без назначения наказания;

5) судимость является основанием для установления контроля и надзора за осужденными, в том числе за осужденными без назначения наказания в период срока судимости посредством осуществления профилактического наблюдения (ст. 81 УК Беларуси);

6) осуждение является основанием осуществления профилактического наблюдения в период испытания при осуждении с отсрочкой исполнения наказания и условном неприменении наказания, а также за осужденными после отбытия наказания за тяжкое или особо тяжкое преступление;

7) осуждение является правовой предпосылкой установления за осужденным при наличии соответствующих условий превентивного надзора (статья 80 УК Беларуси), так называемого квалифицированного вида профилактического наблюдения [4, с. 28];

8) наличие у лица судимости при наступлении предусмотренных законом условий (если лицо в течение срока судимости совершит преступление) влечет определенные негативные последствия уголовно-правового характера – осуждение и реализацию уголовной ответственности за новое преступление.

В последнем случае проявляется уголовно-правовое значение судимости как феномена, связывающего предыдущее преступление, за которое виновный был осужден без назначения наказания, с совершенным им новым преступлением.

Кроме того, осуждение лица от имени государства, выраженное в обвинительном приговоре, само по себе является негативным последствием для лица, поскольку в данном случае понижается его социальный статус, самооценка и оценка его окружающими.

Следует отметить, что лица, осужденные за совершение преступления, помимо перечисленных уголовно-правовых ограничений в течение срока судимости обязаны претерпевать определенные последствия общеправового характера, не входящие в систему уголовно-правовых ограничений и не выражающих содержание уголовной ответственности. Нельзя согласиться с С.Жовниром, называющим запрет работать в правоохранительных органах, органах государственной власти и иные подобные ограничения в качестве элемента уголовной ответственности [6, с. 21, 22]. Указан-

ные виды правоограничений установлены не уголовным законом и на этом основании не могут рассматриваться как уголовно-правовые меры, выражающие содержание уголовной ответственности.

Ограничения, устанавливаемые иными нормативными правовыми актами для лиц, имеющих судимость, в различных областях жизнедеятельности, заставляют формулировать понятие судимости более широко, чем оно дано в УК Беларуси, как «правовое состояние лица, осужденного по приговору суда за совершенное преступление, связанное с ограничениями как уголовно-правового, так и общеправового характера, и продолжающееся в течение определенного времени, установленного уголовным законом» [7, с. 47].

Судимость (осуждение) как феномен выражения уголовной ответственности представляет собой особый институт уголовного права, аккумулирующий в силу своего содержания определенные последствия воздействующего характера. Уголовным законодательством предусмотрены те последствия, которые являются средством выражения уголовной ответственности. Через установленные уголовным законом правовые ограничения реализуется уголовная ответственность, выражая воплощение уголовной санкции, а не негативные последствия общего характера.

Список литературы:

1. Хомич, В.М. Формы реализации уголовной ответственности. Минск, 1998. 132 с.
2. Зельдов, С.И. О понятии судимости // Правоведение. 1972. № 1. С. 61 – 69.
3. Грамматчиков, М.В. Судимость: Исторический, уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2003. 195 с.
4. Афонченко, Т.П. Превентивный надзор. Гомель, 2003. 113 с.
5. Михлин, А.С. Судимость: уголовно-правовая и уголовно-исполнительная характеристики // Криминолог. журн. 2001. № 1. С. 42 – 45.
6. Жовнир, С.О. О понятии уголовной ответственности // Уголовное право. 2006. № 3. С. 20 – 23.
7. Саркисова, Э.А. Судимость: понятие и правовое значение // Юстыцыя Беларусі. 2005. № 9. С. 44 – 48.

I.M. Sinita, Candidate of Law, Associated Professor of the Criminal Law and Procedure of Francisk Skorina Gomel State University (Republic of Belarus) (e-mail: irasinita@yandex.ru)

PUNITIVE AND PREVENTIVE EFFECT OF REGIME OF CONDEMNATION (CONVICTION)

Abstract. The article examines the issues of the legal nature of condemnation (conviction) as a measure of criminal impact. The study focuses on the criminal legal restrictions and consequences of the condemnation. The complex of legal norms confirming condemnation as a basis and an independent measure of criminal responsibility have been analyzed. The problems of legal regulation have been identified. The purpose of the study is to find the solution of theoretical and practical problems arising in the process of law enforcement.

Keywords: criminal responsibility, condemnation (conviction), measures of criminal responsibility, goals of condemnation, criminal legal restrictions

УДК 343.1

М.В. Скляренко, Верховный Суд России, советник
(e-mail: nikita_kolokolov@mail.ru)

МЕСТО И РОЛЬ СИСТЕМЫ ОБЖАЛОВАНИЯ, ПРОВЕРКИ И ПЕРЕСМОТРА СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, ТЕХНИКА

Сложившаяся в современной России система обжалования, проверки и пересмотра судебных решений является важным гарантом как соблюдения прав личности, вовлеченной в уголовное судопроизводство, так и интересов общества в целом.

Ключевые слова: Судебная система России, уголовно-процессуальный закон, апелляция, кассация, надзор, пересмотр судебных решений в виду новых и вновь открывшихся обстоятельств.

Система обжалования, проверки и пересмотра судебных решений в уголовном процессе – это разновидность судебных, особых государственно-властных отношений, возникновение и существование которых обусловлено способностью социума генерировать механизмы разрешения конфликтов, возникновение которых обусловлено деятельностью низших судебных инстанций, на основе норм права, обеспечиваемая мощью государства.

Такая система в уголовном процессе обладает рядом сущностных характеристик: она реальна, для нее характерны все видовые, родовые признаки и черты, свойственными любой иной системе разрешения конфликтов; как любое иное социальное явление анализируемая система существует только в динамике; в пределах своей компетенции сильнее любой организации или индивида, обладающих той же компетенцией на территории конкретного государства; одновременно она носит частноправовой и публично-правовой характер; проявляется в правоприменительной, право-толковательной и правотворческой сфере; не существует вне нормативно-регулирующего; опосредуется в правосудии (процессах), его результатах (судебных актах); является источником права. Для нее, в частности, характерны особые способы формирования процедурных норм (судебный прецедент) и их трансформации (судебная практика).

Неизбежная в условиях судебно-правовой реформы правотворческая деятельность системы обжалования, проверки и пересмотра судебных решений в уголовном процессе противоречива: ей под силу как оживлять «спящие нормы», так и умерщвлять реально действующие предписания.

Основой функционирования данной системы является взаимодействие ее компонентов, которое проявляется в уникальных судебно-властных отношениях. В этом случае речь идет об общественных отношениях, возникающих в процессе реализации судами высших инстанций в установленных законом случаях и в установленной законом форме государственной

власти при разрешении конфликтов, возникающих в процессе взаимодействия между субъектами права. Особенность данной разновидности судебно-властных правоотношений заключается в следующем. Если суд первой инстанции принимает решение по делу, поступившему в суд, то суды вышестоящих инстанций наряду с этим осуществляют проверку деятельности нижестоящих инстанций.

Вышеозначенные судебно-властные отношения обладают следующими признаками: 1) возникают в процессе реализации высшими судами (судьями) своих функций; 2) имеют в качестве обязательного субъекта суд (судью) апелляционной, кассационной или надзорной инстанции; 3) всегда публичны, поскольку осуществляются только от имени государства; 4) их назначение – защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; 5) их цель – разрешение конфликтов путем применения судами (судьями) норм права; 6) отличаются особой процессуальной формой; 7) характеризуются специфическим правовым режимом обеспечения законности и правовой защиты.

Генезис системы обжалования, проверки и пересмотра судебных решений в уголовном процессе в каждом отдельно взятом государстве, как правило, проходит эволюцию от ее выделения из совокупности прав и обязанностей главы государства (монарха) его особого права и его особой обязанности (особой публичной функции) – проверки и пересмотра первичных судебных решений до создания наднациональных судебных структур, которые являются гарантом следования национальных правовых систем общепризнанным мировым стандартам в сфере правосудия.

Общая тенденция в развитии системы обжалования, проверки и пересмотра судебно-властных отношений такова: от простого – единоличного разрешения главой государства рядовых споров – к сложному – относительно самостоятельной и независимой от других властных структур государства судебной системе, непосредственному участию народа в отпращивании правосудия.

Обязательный этап развития анализируемой системы организационное отделение судебной власти от законодательной и исполнительной, с этого момента их национальное единство обеспечивается исключительно посредством права.

Коммуникативное свойство характерное для системы обжалования, проверки и пересмотра судебных решений в уголовном процессе приобретает правовой характер. Инкорпорация интернациональных норм и правил в национальные правовые системы в значительной степени – результат информационной революции и глобализации.

Для успешной работы механизма обжалования, проверки и пересмотра судебных решений в уголовном процессе, выполнения им своих задач необходимы следующие условия: в каждой отдельно взятой стране должно быть ясное, четкое и единообразное понимание природы суда, его роли в механизме государства; за судом должны быть закреплены полномочия на

творческое применение права, в том числе и международного; у населения страны должно существовать доверие к судебному корпусу; для организации эффективного судопроизводства одних только профессиональных судей недостаточно, навыки участия в судоговорении должны иметь представители сторон; органы судебной власти должны иметь соответствующее не только кадровое, но и материальное обеспечение; судебная система должна быть доступной для тех, кто в ней нуждается; деятельность судов должна отличаться ясностью и прозрачностью; процессуальное законодательство должно содержать совершенный механизм исправления судебных ошибок.

В настоящее время существует ряд моделей механизмов обжалования, проверки и пересмотра судебных решений в уголовном процессе в федеративных государствах: 1) федеральная структура носит номинальный характер, федерация обладает исключительной компетенцией в реализации судебно-властных отношений; 2) субъекты федерации обладают значительной компетенцией в сфере организации правосудия, федерация не вправе вмешиваться в решение ряда вопросов; 3) компетенция в сфере правосудия определена априори и для федерации, и для ее субъектов; 4) компетенция судебных систем центра и регионов совпадает, что вызывает их конкуренцию; 5) в конституции государства определяется только федеральная и совместная компетенция в сфере правосудия.

За время своего существования современная система обжалования, проверки и пересмотра судебных решений в уголовном процессе приобрела ряд новых положительных качеств: 1) создание механизма обжалования в суд теоретически всех решений и действий (бездействия) органов государственной власти гражданами; 2) современная российская судебная система гораздо более независима и самостоятельна, чем таковая времен СССР; 3) постепенно начинает работать механизм ее саморегуляции, несмотря на то, что большинство российских судей по своему правовому мировоззрению – позитивисты, нормативисты, в недрах судебного корпуса постепенно вызревает признание за судьями права на собственное усмотрение при наличии пробелов в законе, его неправовом характере.

Для того, чтобы определить эффективность судебной системы в целом, ее составной части системы обжалования, проверки и пересмотра судебных решений, частности, следует обнаружить и разработать «условия, критерии, индикаторы и показатели ее эффективности», «методы оценки эффективности судебной системы».

Эффективность системы зависит от определенных объективных и субъективных условий, определяемых характером взаимосвязей, а именно таких как:

- рациональное судоустройство;
- оптимальная судебная процедура;
- высокий профессиональный уровень судей и служащих аппарата суда;
- совершенство механизма судебного управления;

- соответствие функционирования суда ожиданиям общества;

Измерение эффективности системы обжалования, пересмотра судебных решений в уголовном процессе возможно при условиях, если определены:

- стандарты качества судебной системы, в содержании которых выделены критерии эффективности и система их показателей;

- методика сбора, анализа и оценки информации;

- состав экспертной группы, которая будет осуществлять оценку качества судебной системы;

- степень влияния каждого показателя на общую эффективность судебной системы;

- методология соотношения качественных и количественных показателей, количественного выяснения оценочных понятий качественных показателей.

Кроме того, автор впервые:

- исследует мировую практику оценки качества работы судов высших инстанций;

Принципы функционирования системы обжалования и пересмотра судебных решений в уголовном процессе определены как общие правовые положения, отражающие функциональное назначение суда в обществе, способствуют достижению задач стоящих перед ним, определяют структурное построение судебной системы и процедуры отправления правосудия; они прямо закреплены в конституционных и иных нормативных актах или вытекают из их содержания и правовой природы самой судебной власти.

Правовая природа принципов функционирования системы обжалования, проверки и пересмотра судебных решений раскрывается через их основные характеристики: они отражены в общих правовых нормах, закрепляющих или регулирующих все правоотношения, складывающиеся в процессе организации и деятельности судебной власти, обслуживают содержание других норм законодательства, обеспечивающих действие юридических механизмов реализации принципов судебной власти, выступают разновидностью принципов, в частности, таких, как регламентирующие организацию и деятельность органов государственной власти и аккумулируют в себе все их сущностные черты.

Принципы системы обжалования и пересмотра судебных решений в уголовном процессе, которые заключается в том, что они (а) служат фундаментом для построения судебной системы и процедуры рассмотрения дел судом, (б) выступают критериями легитимности судебной власти для общества, (в) является стандартом законности и справедливости судебного решения по конкретному делу, поскольку их нарушение является основанием для его отмены в вышестоящих судебных инстанциях.

Эти же принципы тесно взаимосвязаны, взаимозависимы и в совокупности составляют органическую систему, в которой их содержательные элементы складываются в структурные связи, фундаментом последней

выступает цель судебной деятельности - защита прав и законных интересов человека и гражданина.

Принципы системы обжалования и пересмотра судебных решений в уголовном процессе в зависимости от своего содержательного назначения и сферы внедрения подразделяются на (а) основополагающие, что отделяет важнейшие сущностные черты института судебной власти (верховенство права, законность, справедливость, гуманизм, равенство граждан перед законом и судом, а также независимость, самостоятельность, полнота, транспарентность судебной власти), (б) принципы построения органов судебной власти, которые отражают системно-структурные ее характеристики (доступность правосудия, компетентность суда, право человека на пересмотр судебного решения, постановленного по делу), (в) процедурные, в которых содержатся основные требования к судебному производству (согласительность, гласность, разумность сроков судебного разбирательства, государственный язык судопроизводства, коллегиальное и единоличное судебное разбирательство, участие народа в отправлении правосудия, обеспечение права лица на правовую помощь, обязательность и мотивированность судебных решений).

Следует учитывать структурная связь между принципами системы обжалования и пересмотра судебных решений в уголовном процессе, что подтверждается их совокупным действием, наличием содержательных элементов, общих для нескольких принципов, а также угрозы для целостности всей системы принципов в случае нарушения одного из них.

Автор считает, что без создания специальных апелляционных и кассационных судов дальнейшее развитие уголовного процесса в области обжалования, проверки и пересмотра судебных постановлений будет тормозиться.

Список литературы:

1. Складенко М.В. Система обжалования, проверки и пересмотра судебных решений в уголовном процессе России: постановка проблемы, определение методов исследования // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 10. С. 116-120.

2. Складенко М.В. Базовые характеристики системы обжалования, проверки и пересмотра судебных решений в уголовном процессе России: научная новизна заявленной проблематики, вопросы, выносимые на обсуждение научной общественности // Вестник Московского университета МВД РФ. 2013. №11. С. 131-136.

3. Складенко М.В. Региональные системы обжалования, проверки и пересмотра судебных решений, принятых по результатам рассмотрения ходатайств об условно-досрочном освобождении (на примере работы Нижегородского областного суда) // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 3. С. 102-105.

4. Складенко М.В. К вопросу о базовых критериях эффективности системы проверочных инстанций // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 10. С. 258-263.

5. Складенко М.В. Генезис и эволюция системы обжалования, проверки и пересмотра судебных решений по уголовным делам в России (от зарождения государственности до империи) // История государства и права. 2015. № 5. С. 26-31.

6. Складенко М.В. Эволюция системы обжалования, проверки и пересмотра судеб-

ных решений по уголовным делам в Императорской России // История государства и права. 2015. № 6. С. 36-42.

7. Складенко М.В. Обжалование, проверка и пересмотр приговоров, постановленных судами в период Великой Отечественной войны (1941-1945 годов) // Военно-юридический журнал. 2015. № 2. С. 26-30.

M.V. Sklyarenko, the Supreme Court of the Russian Federation, the Advisor (e-mail: nikita_kolokolov@mail.ru)

PLACE AND ROLE OF THE APPEAL SYSTEM, CHECKING AND REVIEW OF JUDICIAL DECISIONS: THEORY, PRACTICE, TECHNIQUE

Abstract. The current situation in modern Russia the appeals system, checking and review of judicial decisions is an important safeguard both the rights of the individual involved in criminal proceedings, and the interests of society as a whole.

Keywords: the Russian judicial system, criminal procedure law, appeal, cassation, supervision, review of judicial decisions referring to new and newly discovered circumstances.

УДК 343.1

М.В. Складенко, Верховный Суд России, советник
(e-mail: nikita_kolokolov@mail.ru)

МЕСТО И РОЛЬ РОССИЙСКОЙ АПЕЛЛЯЦИИ В СИСТЕМЕ ОБЖАЛОВАНИЯ ПРОВЕРКИ И ПЕРЕСМОТРА СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ

2014 год, апелляция впервые стала общепризнанной практикой первого этапа проверки и пересмотра судебных решений. Автор, опираясь на анализ результатов судебной практики за истекший год, предпринял попытку оценить характер апелляционных производств.

Ключевые слова: УПК РФ, обжалование, проверка и пересмотр судебных решений в апелляционном порядке.

В рамках проводимого нами комплексного исследования системы обжалования, проверки и пересмотра судебных решений в уголовном процессе (далее – Системы) [5, с. 116-120; 6, с. 131-136; 7, с. 258-263], важное значение имеет исследование процедур обжалования решений судов первой инстанции, их проверка и пересмотр в суде апелляционной инстанции.

Названные институты уже многократно и тщательно исследовались многими, как зарубежными, так и российскими учеными. Достижения первых, отчасти, приведены в первом томе коллективной монографии «Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первые результаты применения», а результаты исследований вторых, не только приведены во втором томе этой монографии, но и проанализированы О.А. Калякиным, который сам последние годы работает над проблемами организации доказывания в суде апелляционной инстанции [1].

Для того чтобы выявить перечень спорных моментов, свойственных ор-

ганизации обжалования, проверки и пересмотра судебных решений в суде апелляционной инстанции, сначала обратимся к позициям некоторых российских ученых по данному вопросу.

Так, считается, что «к настоящему времени удалось в целом достичь необходимой теоретической ясности в вопросе о генезисе апелляционного, кассационного и надзорного производства в российском уголовном процессе» [4].

В своих рассуждениях мы исходим из того, что в рамках догмы российского уголовного процесса некоторые достижения, может быть, и есть, однако с учетом того, что Система относится к категории открытых систем, то этичнее было бы признать, что для осознания состояния анализируемых институтов нужно большее знание, чем мы успели приобрести.

В частности, авторы концепции современной российской апелляции, вместе с ним и современный отечественный законодатель позволяют себе роскошь считать, что анализируемые нами процессуальные механизмы помещены в некую идеальную среду, что, например, за понятиями «прокурор» и «адвокат» следует видеть идеальные образцы служения делу. На самом деле это далеко не так. Проведенное нами исследование показывают, что в суд апелляционной инстанции зачастую попадают уголовные дела, по которым:

- надлежащим образом не было проведено предварительное расследование;
- государственное обвинение, по меткому выражению судьи Верховного суда Республики Карелия, А. Зайцева, «было лишь обозначено»;
- адвокаты, выступающие в деле по назначению органов предварительного расследования и суда, вместо организации защиты «отбывали повинность».

Результат: состязательного процесса, о котором говорится в Конституции РФ и ст. 15 УПК РФ, не было, формально инициированное сторонами апелляционное производство свелось к выборочной ревизии материалов уголовного дела, организованной по личному усмотрению судьи-докладчика.

В тоже время мы согласны с тем, что применительно к работе Системы «речь, прежде всего, идет о сути, содержании и истинном назначении тех норм-предписаний, которые формируют начало широкой свободы обжалования в уголовном судопроизводстве России, ревизионное начало проверки в судах вышестоящей инстанции, недопустимость поворота к худшему в положении осужденного или требуют проверки и юридической, и фактической стороны приговора» [4].

В.Д. Потапов прав также в том, что «нет необходимой теоретической ясности в сути начала инстанционности судебного пересмотра, обязательности указаний суда вышестоящей инстанции суду нижестоящему, о роли и значении дополнительных материалов для отправления правосудия в суде вышестоящей инстанции» [4]. Нам понятна озабоченность данного ав-

тора о том, что начала контрольно-проверочных производств, практически не изучены в системе своих диалектических связей и взаимообусловленностей [4].

Вроде бы ясно, что «цель контрольно-проверочных производств: судебная защита (обеспечение) интересов и прав заинтересованных лиц или обеспечение назначения уголовного судопроизводства в целом» [4], а вот раскрыть последнюю категорию – «назначение уголовного судопроизводства в целом» российской юридической науке еще только предстоит.

Многие авторы (цитируемый нами В.Д. Потапов исключением не являясь) ратуют за:

- «максимально широкий круг участников процесса» апелляции, не объясняя насколько это реально нужно как им сам, так и обществу в целом;

- «возможность проверки всех или большинства постановленных актов суда», забывая при этом, что в массе проверочных производств неизбежно теряется производство основное.

В тоже время трудно не согласиться с тем, что «явной ошибкой законодателя является включение в предмет апелляции актов суда, которые постановлены с участием коллегии присяжных заседателей, в особом порядке (гл. 40 УПК), с учетом досудебного соглашения обвиняемого о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК) [4].

Нет единства по вопросу о наделении апелляционного суда полномочиями по постановлению обвинительного приговора сразу после отмены оправдательного решения, без направления дела в суд первой инстанции, считается, что названный вариант соответствует ст. 2 Протокола № 7 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Действительно, все еще не доказано, что «нет таких нарушений, которые не могут быть устранены апелляционным судом, но могут нижестоящим» [4].

Отмена оправдательного приговора с направлением дела на новое судебное разбирательство

Приговором Верховного суда Республики Дагестан от 30 июня 2014 года М. оправдан по ч. 2 ст. 208, ч. 2 ст. 209, ч. 2 ст. 167, ч. 2 ст. 167, ч. 2 ст. 167, ч. 3 ст. 223 и ч. 3 ст. 222 УК РФ за непричастностью к совершению преступлений. Апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18 сентября 2014 года приговор отменен, дело направлено на новое судебное рассмотрение в тот же суд, поскольку в первой инстанции в нарушение ст. 88 УПК РФ не дана оценка ряду доказательств, имеющих в материалах уголовного дела и исследованных судом, о чем правильно указывалось в апелляционном представлении прокурора (20-АПУ14-29).

По приговору Свердловского областного суда от 5 декабря 2013 года Ф. оправдан по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ за отсутствием в его действиях состава преступления. Апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20 февраля 2014 года приговор отменен, уголовное дело направлено на новое судебное разбирательство, в

связи с несоответствием приговора требованиям п. 2, 4 ст. 389.16 УПК РФ. В частности, судом первой инстанции не учтены обстоятельства, которые могли существенно повлиять на выводы суда, сами выводы суда первой инстанции содержат существенные противоречия, которые повлияли на решение вопроса о виновности или невиновности оправданного и на правильность применения уголовного закона (45-АПУ14-3).

Как видим, закон прямо предписывает возвращать дела данной категории в суд первой инстанции, который, как опять-таки, указано в законе, не свободен в своих выводах от позиции вышестоящего суда.

Отмена обвинительного приговора, постановленного в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 247 УПК РФ

По приговору Верховного Суда Республики Башкортостан от 16 мая 2014 года, постановленным в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 247 УПК РФ, Я. осужден по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ к 13 годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима, с ограничением свободы на 1 год.

Апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 9 декабря 2014 года приговор отменен с направлением дела в тот же суд в ином составе суда поскольку данное уголовное дело с постановлением обвинительного приговора рассмотрено в отсутствие подсудимого Я., который уклонялся от явки в суд. 23 августа 2014 года, после постановления приговора и до вступления его в законную силу, Я. был задержан. Осужденный и его адвокат Чанышев А.Ш. в числе своих доводов выразили несогласие и с постановлением приговора в отсутствие подсудимого.

Суд апелляционной инстанции учел также выводы, содержащиеся в апелляционном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 5 августа 2014 года по этому делу о восстановлении адвокату Чанышеву А.Ш. срока апелляционного обжалования приговора. Постановленный приговор отменен (49-АПУ14-46).

Отмена обвинительного приговора с прекращением дела

По приговору Верховного Суда Карачаево-Черкесской Республики от 2 декабря 2013 года К. осужден за совершение ряда преступлений, предусмотренных ст. 131, 132 УК РФ, к 14 годам лишения свободы, с ограничением свободы на 1 год 6 месяцев. Апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 3 марта 2014 года приговор отменен, уголовное дело прекращено в связи со смертью последнего, который совершил акт суицида, через повешение в камере ФКУ СИЗО – 1 г. Черкесске после постановления приговора (30-АПУ14-3).

Самоубийство осужденного за тяжкое преступление сразу после приговора – явление не частое, однако нужно ли в таких случаях отменять приговоры и прекращать дела - проблема скорее традиции, чем здравого смысла.

Отмена обвинительных приговоров в части

По приговору Вологодского областного суда от 15 сентября 2014 года В. осужден, в том числе, по ч. 3 ст. 135 УК РФ с применением ст. 64 УК РФ к 3 годам лишения свободы. Апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27 ноября 2014 года приговор в этой части отменен, дело прекращено на основании п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием события преступления, за В. признано право на реабилитацию. Основание: показания потерпевшей не последовательны, противоречивы, не подтверждаются другими доказательствами, а сам В. всегда отрицал инкриминированные ему обстоятельства. Одновременно апелляционная инстанция принимая во внимание давность рассматриваемого факта, не нашла необходимости продолжения исследования обстоятельств преступления (2-АПУ14-11).

Исключена излишне вмененная статья

По приговору Верховного Суда Республики Дагестан от 2 октября 2014 года Б., И. осуждены за ряд преступлений, в том числе и за покушение на кражу, с незаконным проникновением в жилище. Апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда от 3 декабря 2014 года из приговора исключено осуждение Б. и И. по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ, назначенное наказание по совокупности преступлений смягчено, каждому. Апелляционной инстанцией установлено, что ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 158 УК РФ была вменена излишне, поскольку между первым и вторым проникновением в дом потерпевшей осужденных, действовавших с одной целью - завладения ее имуществом, прошло незначительное время, и следовательно, их действия охватывались единым умыслом и содеянное следует квалифицировать лишь по ч. 3 ст. 162 УК РФ (20-АПУ14-37).

Очевидно, что ошибка, выявленная судом апелляционной инстанции, носит технический характер, вменение одних и тех же обстоятельств по несколько раз традиция, от которой практики никак не избавятся.

Не только угрожал убийством, но и убийство совершил

По приговору Саратовского областного суда от 30 июня 2014 года Б. осужден по п. «а», «д», «к» ч. 2 ст. 105, ч. 1 ст. 119 УК РФ к пожизненному лишению свободы. Апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17 сентября 2014 года исключено осуждение Б. по ч. 1 ст. 119 УК РФ и указание на назначение наказания с применением ч. 3 ст. 69 УК РФ, так как виновный не только высказывал потерпевшей угрозу убийством, но и сразу после этого совершил ее убийство (32-АПУ14-20).

Нет заявления потерпевшей

По приговору Свердловского областного суда от 9 июня 2014 года Р. осужден за преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 116, ч. 1 ст. 119, п. «б» ч. 4 ст. 132, ч. 3, 5 ст. 69 УК РФ к 12 годам 6 месяцам лишения свободы. Апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам

Верховного Суда РФ от 20 августа 2014 года приговор по ч. 1 ст. 116 УК РФ отменен, дело в этой части производством прекращено на основании п. 5 ч. 1 ст. 24 УПК РФ ввиду отсутствия заявления потерпевшей (45-АПУ14-41)

Неудачная преюдиция

По приговору Свердловского областного суда от 7 апреля 2014 года Ю. осужден по ч. 3 ст. 33, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ к 17 годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима; оправдан по ч. 2 ст. 222 УК РФ на основании п. 3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ за отсутствием в его деянии состава преступления. Апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19 июня 2014 года приговор по ч. 2 ст. 222 УК РФ отменен, дело в этой части направлено на новое судебное рассмотрение, поскольку в приговоре Свердловского областного суда от 6 июля 2007 года, на который суд сослался как на доказательство вины Ю., были сделаны взаимоисключающие выводы о том, из какого автомата было совершено убийство потерпевшего (45-АПУ14-33).

Общепасный способ убийства не установлен

По приговору Свердловского областного суда от 29 сентября 2014 года М. осужден по п. «д», «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25 декабря 2014 года приговор изменен: исключено осуждение М. по п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ, его явка с повинной признана обстоятельством, смягчающим наказание.

По смыслу закона, под убийством, совершенным общепасным способом, следует понимать такой способ причинения смерти, который заведомо для виновного представляет опасность для жизни не только потерпевшего, но и других лиц. Из обстоятельств, установленных судом, следует, что М. плеснул горячей жидкостью именно на Т. в тот момент, когда рядом с потерпевшим никого не было. Также установлено, что М. добровольно явился в правоохранительные органы и написал явку с повинной, которая была оформлена в установленном законом порядке, но суд ошибочно не признал это обстоятельство в качестве смягчающего наказание (45-АПУ14-68).

Суд первой инстанции не учел результатов первого судебного разбирательства

По приговору Свердловского областного суда от 23 декабря 2013 года Т. осужден по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ (два преступления) с применением ст. 64 УК РФ к 7 годам лишения свободы, на основании ч. 6 ст. 15 УК РФ с изменением категории преступлений с особо тяжких на тяжкие с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима. Апелляционным определением Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 14 мая 2014 года приговор изменен: переклассифицированы действия Т. по обоим эпизодам с п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ (эпизод с Г.) на ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, за которые с применением ст. 64 УК РФ назначено 4 года 6

мес. соответственно и 5 лет лишения свободы; на основании ч. 3 ст. 69 УК 6 лет лишения свободы в исправительной колонии общего режима.

Первоначальный приговор, которым Т. был осужден за совершение двух эпизодов покушения на изнасилование лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста, судом апелляционной инстанции приговор был отменен в связи с существенными нарушениями уголовно-процессуального закона по жалобе осужденного. Поэтому в соответствии с требованиями ст. 389.24 УПК РФ, суд, повторно рассматривающий уголовное дело был не вправе осудить Т. за оконченное преступление, что сделано по последнему приговору.

Наказание смягчено, с учетом переквалификации действий Т., а также в качестве смягчающих наказание обстоятельств признаны его положительные характеристики в быту, предпензионный возраст и престарелый возраст его супруги. (45-АПУ14-20)

Изменения в приговоры по ст. ст. 131, 132 УК РФ

По приговору Архангельского областного суда от 11 июля 2014 года Л. и Ф. осуждены по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ. Апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22 октября 2014 года приговор изменен: с применением ст. 64 УК РФ смягчено им по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ основное наказание в виде лишения свободы до 7 лет каждому.

Учено, что ходе судебного разбирательства потерпевшая Д. заявила, что она не помнит обстоятельства совершенного в отношении нее преступления, она не ставила вопрос о привлечении Л. и Ф. к уголовной ответственности, не заявляла к ним иски о требованиях и не настаивала на их строгом наказании. (1-АПУ14-26)

Аналогичные решения были приняты судом апелляционной инстанции и по многим другим делам.

Смягчено назначенное Б. за два преступления, предусмотренные п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, основное наказание с применением ст. 64 УК РФ до 6 лет лишения свободы за каждое, на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ окончательно назначено, так как судебной коллегией установлены обстоятельства, в совокупности являющиеся исключительными, также указано, что судом не принято во внимание и состояние здоровья Б., имеющего ряд заболеваний (1-АПУ14-29).

Смягчено назначенное основное наказание с применением ст. 64 УК РФ до 7 лет лишения свободы, при этом учтены конкретные обстоятельства дела, данные о личности осужденного К., наличие у него психического расстройства (1-АПУ14-31).

Смягчено наказание так как не в полной мере учтены смягчающие наказание обстоятельства, при этом со дня совершенных преступлений прошло более 8 лет, осужденный С. к какой-либо ответственности не привлекался, имеет проблемы со здоровьем (30-АПУ14-16).

Причина: ничем не оправданная суровость судов первой инстанции.

Наказание ужесточено

По приговору Верховного Суда Республики Дагестан от 12 ноября 2013 года В. осужден по ст. 279 УК РФ к 14 годам лишения свободы, по ч. 5 ст. 33, ст. 317 УК РФ к 15 годам лишения свободы, по ч. 3 ст. 222 УК РФ к 6 годам лишения свободы, на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ к 18 годам лишения свободы.

Определением суда апелляционной инстанции от 12 февраля 2014 года приговор изменен: по ч. 5 ст. 33, ст. 317 УК РФ назначено: В. - 19 лет лишения свободы, на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ 22 года лишения свободы.

Назначая В. более строгое наказание, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, указала, что характер и степень общественной опасности содеянного - пособничество в посягательстве на жизнь шестерых военнослужащих, которым причинялась смерть поочередно на глазах друг у друга и носила демонстративный характер, в том числе, и с целью запугивания гражданского населения, которое присутствовало на месте казни⁶ военнослужащих, а также способ, которым были совершены их убийства, подлежат повышенной степени уголовной ответственности.

Указанные обстоятельства по мнению суда свидетельствуют об исключительной опасности личности осужденного для общества и, следовательно, мера наказания по указанной статье должна отвечать принципу социальной справедливости, изложенному в ст. 6 УК РФ, и должна быть назначена с учетом правовой и нравственной оценки самого деяния и лица его совершившего (20-АПУ14-1).

Насколько разумно увеличение срока на наказания на 10-15% судить читателю. Впрочем, апелляционной практике известны примеры и удвоения наказания [3, с. 2-5], и назначения пожизненного лишения свободы (20-АПУ14-14).

Правка, предопределенная формальными ошибками в применении норм уголовного права

По приговору Пензенского областного суда с участием присяжных заседателей от 19 мая 2014 года Б. осужден к пожизненному лишению свободы с ограничением свободы сроком на 1 год, на основании ч. 5 ст. 74, ст. 70 УК РФ к назначенному наказанию присоединено неотбытое наказание по приговору от 19 октября 2011 года – окончательно к пожизненному лишению свободы с ограничением свободы сроком на 1 год.

Приговор в отношении Б. изменен: исключено назначение ему по совокупности преступлений на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ и по совокупности приговоров на основании ст. 70 УК РФ, дополнительное наказание в виде ограничения свободы сроком на 1 год, так как в соответствии с ч. 2 ст. 53 УК РФ наказание в виде ограничения свободы в качестве дополнительного может быть назначено только к принудительным работам или лишению

⁶ Так в судебном решении. В то же время, очевидно, что казнь может быть осуществлена только по приговору суда, виновный совершил убийство, за что и осужден.

свободы в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК РФ, то есть к лишению свободы, назначенному на определенный срок (29-АПУ14-7СП).

Апелляционным определением от 30 декабря 2014 года Р. освобожден от наказания, назначенного по ч. 1 ст. 30, п. «а», «г» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ, так как в нарушение п. 2, 3 ч. 1 ст. 308 УПК РФ суд, не признав его виновным в совершении указанного преступления, назначил ему наказание в виде 8 лет лишения свободы. Восполнить данное нарушение в апелляции не представилось возможным, поскольку дело рассматривалось по жалобе осужденного (36-АПУ14-10).

Очевидно, что для исправления перечисленных и им подобных ошибок потенциал апелляции совершенно не нужен.

Приговор отменен в части удовлетворения гражданского иска

Апелляционным определением от 6 ноября 2014 года приговор в части разрешения гражданского иска отменен, дело в этой части передано на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства. Разрешая гражданский иск суд в описательно мотивировочной части приговора пришел к выводу о взыскании с П. - 5000 руб. и 500 рублей, а И.А. - 6800 руб. и 1000 руб. В тоже время, в резолютивной части приговора суд взыскал всю сумму материального ущерба только с осужденного П - 5500 руб. и 7800 руб. (1-АПУ14-27СП).

Апелляционным определением от 10 апреля 2014 года приговор отменен в части гражданского иска, дело в этой части направлено на новое судебное разбирательство в порядке гражданского судопроизводства, поскольку в нарушение требований ст. 54 УПК РФ подсудимые не признавались гражданскими ответчиками (30-АПУ14-5, 45-АПУ14-17).

Результаты апелляционного контроля приговоров суда с участием суда присяжных заседателей

По приговору Верховного Суда Республики Коми с участием присяжных заседателей от 28 октября 2013 года М., М.Ф., Г. оправданы по обвинению за совершение различных преступлений, в том числе и за совершение убийств, за неустановлением события преступления.

Апелляционным определением от 3 апреля 2014 года приговор отменен, уголовное дело направлено на новое судебное рассмотрение в тот же суд в ином составе со стадии предварительного слушания. Установлены существенные нарушения стороной защиты требований уголовно-процессуального закона, выразившиеся в том, что в присутствии присяжных заседателей допускались высказывания, касающиеся вопросов, находящихся за пределами компетенции присяжных заседателей, которые оказали незаконное воздействие на присяжных в силу их систематичности и целенаправленности, и эти нарушения, также как и ограничение стороны обвинения в представлении доказательства, существенно повлияли на формирование мнения и содержание ответов присяжных заседателей при вынесении ими вердикта, что по вышеуказанному основанию влечет от-

мену приговора, процессуальную недействительность проведенного судебного разбирательства и направление уголовного дела на новое судебное рассмотрение (3-АПУ14-3СП).

По приговору Верховного Суда Республики Дагестан с участием присяжных заседателей от 3 июня 2014 года Б. оправдан по ч. 1 ст. 195, ч. 3 ст. 30, п. «а», «к» ч.2 ст. 105 УК РФ за непричастностью к совершению преступлений; за ним признано право на реабилитацию.

Апелляционным определением от 28 августа 2014 года приговор с участием присяжных заседателей отменен, дело направлено на новое судебное рассмотрение в тот же суд, в ином составе судей со стадии судебного разбирательства. Основание вердикт вынесен незаконным составом коллегии присяжных заседателей, (присяжный заседатель А. в 2001 года по п. «в», «г» ч.2 ст. 158 УК РФ, но скрыла этот факт); были нарушены и требования ч. 6, 7 ст. 335 УПК РФ, согласно которым, если в ходе судебного разбирательства возникает вопрос о недопустимости доказательств, то он рассматривается в отсутствие присяжных заседателей (20-АПУ14-24СП).

По приговору Верховного Суда Республики Дагестан с участием присяжных заседателей от 6 июня 2014 года А. осужден по ч. 4 ст. 33, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, М. - по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, О. - по ч. 1 ст. 115 УК РФ к 1 году исправительных работ с освобождением от отбывания наказания.

Апелляционным определением от 21 августа 2014 года приговор с участием присяжных заседателей отменен, дело направлено на новое судебное рассмотрение в тот же суд. Установлено, что в вердикте присяжных заседателей имеются существенные противоречия, которые не позволяют сделать вывод о том, имела ли место договоренность между М. и О. об убийстве А., какое насилие применили они к потерпевшей, принимал ли участие О. в нанесении ударов руками и ногами по телу потерпевшей, упавшей на пол после нанесенного О. удара. В результате избранного способа ответов вердикт о характере действий М. и О. является неясным. Установлено и нарушение судом требований ст. 351 УПК РФ при постановлении приговора (20-АПУ14-26СП).

По приговору Ленинградского областного суда с участием суда присяжных заседателей от 29 мая 2014 года К. оправдан по предъявленному ему обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 33, п. «з» ч. 2 ст. 105, ч. 3 ст. 33, ч. 1 ст. 30, п. «з» ч. 2 ст. 105, ч. 1 ст. 222 УК РФ оправдан на основании пп. 1, 4 ч. 2 ст. 302 УПК РФ в связи с неустановлением события преступления.

Апелляционной инстанцией 13 ноября 2014 года приговор отменен, дело направлено на новое судебное рассмотрение, так как имеющиеся обстоятельства по делу свидетельствуют, что стороной защиты в судебном заседании на присяжных заседателей было оказано незаконное воздействие, которое, как правильно утверждается в апелляционном представлении и жалобе, повлияло на формирование мнения присяжных заседателей

и отразилось на содержании ответов на поставленные перед присяжными заседателями вопросы при вынесении вердикта. Допущенные в ходе судебного разбирательства нарушения уголовно-процессуального закона, как повлиявшие на ответы присяжных заседателей на поставленные перед ними вопросы, являются в силу ч. 1 ст. 389.25 УПК РФ основанием отмены оправдательного приговора, постановленного на основании оправдательного вердикта присяжных заседателей (33-АПУ14-2СП).

По приговору Мурманского областного суда с участием присяжных заседателей от 17 декабря 2013 года С. осужден за иные насильственные, а также развратные действия к 17 годам лишения свободы с лишением права заниматься педагогической деятельностью, с ограничением свободы сроком на 2 года.

Апелляционной инстанцией 3 марта 2014 года приговор отменен, уголовное дело направлено на новое судебное рассмотрение со стадии назначения судебного заседания, поскольку судом были нарушены требования ч. 7, 8 ст. 355 УПК РФ. ФЗ от 28 декабря 2013 года № 432-ФЗ в п. 2 ч. 2 ст. 30 УПК РФ внесены изменения, в соответствии с которыми уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ч. 4 ст. 132 УК РФ не могут рассматриваться с участием присяжных заседателей, дело в отношении С. подлежит направлению со стадии назначения судебного заседания для решения вопроса о составе суда (34-АПУ14-2СП).

По приговору Калининградского областного суда с участием присяжных заседателей от 9 октября 2014 года Л. по предъявленному ему обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 33, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, оправдан на основании п.2 ч.2 ст. 302 УПК РФ за непричастностью к совершению преступления. Апелляционной инстанцией 16 декабря 2014 года приговор отменен, е дело направлено на новое судебное рассмотрение в тот же суд в ином составе суда со стадии судебного разбирательства, в связи с нарушением ч. 7, 8 УПК РФ, ст. 335 УПК РФ, а также ч. 3 ст. 328 УПК РФ, предусматривающей порядок формирования коллегии присяжных заседателей, при формировании коллегии присяжных заседателей некоторые кандидаты не сообщили сведения о судимости (71-АПУ14-14СП).

По делам с участием присяжных апелляция формальна, ибо ее главный инструмент – новое исследование доказательств не задействован.

Отмена постановлений

Постановлением Архангельского областного суда от 24 сентября 2014 года оставлена без удовлетворения жалоба Б., отбывающего наказание по приговору Пинежского районного суда Архангельской области от 17 февраля 2012 года по ч. 1 ст. 222, ч. 1 ст. 318, ч. 1, ст. 226 УК РФ в виде 2 лет 6 месяцев лишения свободы, на постановление заместителя Генерального прокурора Российской Федерации от 20 августа 2014 года о выдаче его сроком на 3 месяца по запросу Генеральной прокуратуры Республики Беларусь.

Апелляционным определением от 3 декабря 2014 года постановление Архангельского областного суда от 24 сентября 2014 года отменено, материал направлен на новое судебное разбирательство в тот же суд в ином составе суда со стадии судебного разбирательства.

Судебной коллегией установлено, что предметом судебного разбирательства в суде первой инстанции были жалобы Б. и его защитника - адвоката Евменьева Ю.В., принятые судом к производству.

В судебном процессе адвокат довел до суда аргументированную правовую позицию относительно обжалуемого решения.

Вместе с тем, суд, принимая решение по жалобе Б. об отказе в ее удовлетворении, жалобу адвоката оставил без внимания и юридической оценки, процессуального решения по ней не принял, тем самым не рассмотрел ее по существу.

Несоблюдение судом процедуры судопроизводства является существенным нарушением уголовно-процессуального закона, которое повлияло или могло повлиять на вынесение законного и обоснованного судебного решения, в силу ст. 389.15 УПК РФ является основанием для отмены обжалуемого судебного постановления и направления материала на новое судебное рассмотрение в тот же суд, в ином составе суда, со стадии судебного разбирательства, поскольку отсутствие решения суда первой инстанции по жалобе адвоката препятствует в стадии апелляционного производства проверке судебного решения (1-АПУ14-32).

Вопросы, связанные с взысканием процессуальных издержек

По приговору Пензенского областного суда от 10 декабря 2013 года Ш. и др. осуждены за действия, связанные с незаконным оборотом наркотических средств.

Апелляционным определением от 14 мая 2014 года приговор отменен в части взыскания с осужденных процессуальных издержек и дело в этой части направлено на новое судебное рассмотрение, поскольку в части предъявленного обвинения в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 210 УК РФ и ряда преступлений, связанных также с незаконным оборотом наркотических средств, уголовное преследование было прекращено за отсутствием в их действиях составов преступлений и отказом государственного обвинителя от обвинения, с признанием за ними права на реабилитацию.

Однако при рассмотрении вопроса о взыскании процессуальных издержек, связанных с оплатой труда адвокатов за оказание юридической помощи, суд данное обстоятельство не учел, не привел мотивы, в силу которых признал необходимым в полном объеме возложить возмещение процессуальных издержек на осужденных (29-АПУ14-1).

Обжалование промежуточных решений

Постановлением Тверского областного суда от 13 января 2014 года отказано в удовлетворении ходатайства адвоката Вяхирева И.В., действующего в интересах О. о предоставлении рассрочки приговора, по которому

тот осужден по ч. 3 ст. 30, п. «а», «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ к 7 годам лишения свободы и штрафу в размере 900 000 рублей.

Постановлением судьи Верховного Суда РФ от 25 февраля 2014 года судебный материал по заявлению адвоката Вяхирева И.В. в защиту интересов О. вместе с апелляционной жалобой адвоката передан по подсудности в судебную коллегия по уголовным делам Тверского областного суда для рассмотрения в порядке главы 45.1 УПК РФ, поскольку с учетом положений, предусмотренных п. 53.2, 53.3 ст. 5, п. 3 ч. 2 ст. 389.3 УПК РФ промежуточное решение областного суда, каковым является названное постановление, подлежит обжалованию в судебную коллегия по уголовным делам соответствующего, в данном случае Тверского областного, суда. (35-АПУ14-3)

Постановлением Псковского областного суда от 27 января 2014 года осужденному П., оправданного приговором Псковского областного суда от 17 сентября 2001 года по ч.2 ст. 209 УК РФ, (этим же приговором был осужден по пп. «а», «б» ч.3 ст. 162 УК РФ к 10 годам лишения свободы) отказано в удовлетворении ходатайства о признании за ним права на реабилитацию. Разъяснено, что постановление может быть обжаловано в апелляционном порядке в Судебную коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ.

В постановлении судьи Верховного Суда РФ от 16 апреля 2014 года указано, что в соответствии с п. 53.3 ст. 5 УПК РФ и разъяснениями, содержащимися в п. 4 и 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 26 от 27 ноября 2012 года, все определения и постановления суда, за исключением итоговых судебных решений, являются промежуточными судебными решениями. К ним, в частности, относятся определения и постановления суда, которыми уголовное дело не разрешается по существу или не завершается производство в отношении конкретного лица, а также судебные решения, вынесенные в процессе исполнения итоговых судебных решений.

Согласно п. 3 ч. 2 ст. 389.3 УПК РФ апелляционная жалоба на промежуточное решение верховного суда республики подается в судебную коллегия по уголовным делам соответствующего суда.

Постановлением суда об отказе в признании права на реабилитацию уголовное дело не разрешается по существу, поэтому оно относится к промежуточным судебным решениям и подлежит обжалованию в вышеуказанном порядке.

Таким образом, апелляционная жалоба осужденного П. на промежуточное решение Псковского областного суда от 27 января 2014 года подлежит рассмотрению в апелляционном порядке судебной коллегией по уголовным делам Псковского областного суда (91-АПУ14-2).

Перечисленные производства также не позволили задействовать арсенал возможностей апелляции. Искусственными, на наш взгляд, являются и споры о подведомственности такого судебного решения как роспуск пред-

седательствующим коллегии присяжных заседателей, в случае его несогласия с вердиктом последних [2, с. 370-384].

Основные научно-практические выводы

1. С одной стороны, апелляция стала повседневной судебной практикой, с другой – классические, полноценные процессы в суде второй инстанции редкость.

2. Суды перегружены исправлением технических ошибок.

3. Не сформирована лестница наказаний по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 131-132 УК РФ.

Список литературы:

1. Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первые результаты применения. Монография / Под общ. ред. Н.А. Колоколова. В 2 ч. М., 2015. Ч. 1. 552 с., Ч. 2. 528 с.

2. Колоколов Н.А. Апелляция: пересмотр промежуточных решений // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. №2(7). С. 370-384.

3. Колоколов Н.А. Апелляция: «Осужденный, наказание вам удвоено!» // Уголовное судопроизводство. 2013. № 4. С. 2-5.

4. Потапов В.Д. Основные начала проверки судебных решений в контрольно-проверочных стадиях и производства уголовного судопроизводства России: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013.

5. Скляренко М.В. Система обжалования, проверки и пересмотра судебных решений в уголовном процессе России: постановка проблемы, определение методов исследования // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 10. С. 116-120.

6. Скляренко М.В. Базовые характеристики системы обжалования, проверки и пересмотра судебных решений в уголовном процессе России: научная новизна заявленной проблематики, вопросы, выносимые на обсуждение научной общественности // Вестник Московского университета МВД РФ. 2013. №11. С. 131-136.

7. Скляренко М.В. К вопросу о базовых критериях эффективности системы проверочных инстанций // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 10. С. 258-263.

M.V. Sklyarenko, the Supreme Court of the Russian Federation, the Advisor (e-mail: nikita_kolokolov@mail.ru)

THE PLACE AND ROLE OF THE RUSSIAN APPEAL IN THE APPEAL INSPECTION AND REVIEW OF JUDICIAL DECISIONS

Abstract. 2014, an appeal for the first time became standard practice in the first phase of testing and review of judicial decisions. The author, based on the analysis of judicial practice in the past year, attempted to assess the nature of appeals.

Keywords: Code of Criminal Procedure; the appeal; review and revision of judgments on appeal.

УДК 343.1

В.В. Струкова, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета, г. Курск (e-mail: wstrukova@yandex.ru)

НАРУШЕНИЕ ПРАВ ОБВИНЯЕМОГО ПРИ ПАССИВНОЙ ПОЗИЦИИ ЗАЩИТНИКА

В настоящей статье автор исследует вопросы оказания квалифицированной юридической помощи в рамках уголовного судопроизводства лицам, подозреваемым или обвиняемым в совершении преступления, их защитниками, а также проблему пассивной позиции защитника при осуществлении уголовно-процессуального доказывания, что можно отнести к частным случаям неквалифицированной и непрофессиональной защиты со стороны последних.

Ключевые слова: защитник, пассивная позиция защитника, оказание юридической помощи защитником, неквалифицированное оказание юридической помощи со стороны защитника.

Особым видом квалифицированной юридической помощи является помощь, которая оказывается в рамках уголовного судопроизводства лицам, подозреваемым или обвиняемым в совершении преступления, их защитниками. Причем Конституция РФ (ст. 48), гарантируя обвиняемому право на помощь адвоката (защитника), недвусмысленно связывает помощь защитника (как процессуальной фигуры) с деятельностью адвокатов-профессиональных юристов [1].

Защитник является тем участником процесса, который представляет в уголовном судопроизводстве не интересы правосудия, не собственные интересы, а интересы подозреваемого и обвиняемого. Защитник реализует процессуальные права, участвуя в дознании, предварительном следствии, судебном разбирательстве дела, разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора и т.д.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что коренное обновление уголовно-процессуального законодательства и законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре означает подведение определенного итога многолетней дискуссии ученых-правоведов и практикующих юристов о путях совершенствования правового института защиты, по уголовным делам, но не положили конца проблемам, существующим в данной области.

Сказанное относится, прежде всего, к проблеме пассивной позиции защитника при осуществлении уголовно-процессуального доказывания, что можно отнести к частным случаям неквалифицированной и непрофессиональной защиты со стороны последних [2].

Необходимо отметить, что в практике Верховного Суда РФ еще не было прецедента отмены приговора по причине пассивной защиты при производстве по уголовному делу как на предварительном расследовании, так и

в суде. Также в судебной практике не было случаев удовлетворения ходатайств заявленных стороной обвинения об исключении недопустимых доказательств по причине пассивной защиты. Однако в некоторых случаях, суды возвращали уголовные дела прокурору для устранения нарушений уголовно-процессуального законодательства в целях обеспечения права на защиту обвиняемым, если судом в ходе судебного разбирательства был установлен факт нечестного, недобросовестного и неквалифицированного оказания адвокатом своих обязанностей [3].

Что же необходимо считать пассивной защитой в доказывании по уголовному делу?

В обзоре дисциплинарной практики Совета адвокатской палаты Курской области за 2009-2010 гг. содержатся примеры рассмотрения дисциплинарных производств, возбужденных в отношении адвокатов Курской области квалифицированной комиссией, по поводу ненадлежащего исполнения адвокатами своих обязанностей.

Так, в Адвокатскую палату Курской области поступило сообщение судьи, в котором указывалось, что адвокат К. по двум уголовным делам осуществлял защиту интересов Р. и Т. на стадии предварительного следствия. В материалах уголовных дел имеются протоколы следственных действий с участием указанных обвиняемых и адвоката (защитника) К. Протоколы следственных действий подписаны адвокатом К. Однако, в ходе судебных разбирательств по указанным уголовным делам суд установил, что адвокат К. не отрицал, что протоколы следственных действий подписал при ознакомлении с материалами уголовных дел. Суд возвратил уголовные дела в отношении Р. и Т. прокурору для устранения нарушений уголовно-процессуального законодательства – обеспечения защиты обвиняемым.

Квалификационная комиссия и Совет адвокатской палаты пришли к выводу, что адвокат К. нарушил п.п. 1 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» п. 1 ст. 8 и п.п. 1,2 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которым адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством РФ средствами, руководствуясь Конституцией РФ, Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре РФ» и Кодексом профессиональной этики адвоката. При этом адвокат не вправе действовать вопреки законным интересам доверителя оказывать ему юридическую помощь, руководствуясь соображением собственной выгоды, безнравственными интересами или находясь под воздействием давления извне, а также действовать вопреки воле доверителя. Решением Совета Адвокатской палаты Курской области за нарушение указанных норм профессиональной этики адвоката статус адвоката К. прекращен [4, 5, 6].

Проанализировав данное сообщение можно сказать, что вся деятель-

ность этого адвоката свелась к молчаливому подписыванию следственных протоколов. Фактически уголовную защиту адвокат в ходе досудебного производства не осуществлял, что является выгодным фактором для органов уголовного преследования. Многочисленная судебно-прокурорская практика исходит из той аксиомы, что раз защитник имелся, то нарушения права на защиту быть не может, а поведение этого защитника никого не интересует. Поэтому можно сказать, что непрофессиональная защита на сегодняшний день является проблемой исключительно обвиняемого, на свой страх и риск выбирающего себе защитника.

Случаи пассивной защиты достаточно часто встречаются в судах. Защитник, участвуя в судебном разбирательстве, не задает ни одного вопроса допрашиваемым лицам, за исключением вопроса подсудимому о составе семьи и состоянии здоровья, не заявляет ни одного ходатайства, когда необходимость в этом возникает, соглашается со всеми ходатайствами государственного обвинителя, в том числе и с оглашением показаний свидетелей, не явившихся в суд, уличающих его подзащитного, а, выступая в прениях, говорит речь из пяти предложений, в конце которой просит суд строго не наказывать своего доверителя, а после провозглашения приговора, с которым не согласен его подзащитный, отказывается его обжаловать в кассационном порядке. Совершенно очевидно, что коэффициент полезного действия такого защитника равен нулю, своим бездействием он оказывает доверителю медвежью услугу. Фактически при такой «защите» подсудимый остается без защитника [7].

По нашему мнению, пассивную защиту необходимо рассматривать как один из видов нарушения конституционного права на защиту с вытекающими из этого последствиями. В качестве доказательства оказания непрофессиональной защиты необходимо использовать заключение квалифицированной комиссии адвокатской палаты и решение Совета о наличии в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, а также Кодекса профессиональной этики адвоката.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит гарантий защиты гражданина от непрофессиональной защиты. Так, подозреваемому и обвиняемому при разъяснении их процессуальных прав, предусмотренных ст.ст. 46, 47 УПК РФ, не разъясняется право отказаться от услуг избранного или назначенного им адвоката, предусмотренное ст. 52 УПК РФ, не разъясняется такое право и подсудимому. Обвиняемому не разъясняется порядок реализации права на замену защитника, в чьей компетенции у него возникли сомнения. Кроме того, лицам, привлекающимся к уголовной ответственности, не разъясняется право, предусмотренное ч. 1 ст. 50 УПК РФ, о приглашении нескольких защитников, осуществление которого могло бы активизировать действия стороны защиты [8].

На наш взгляд, данную ситуацию можно изменить не только на зако-

нодательном уровне, но при проведении целого комплекса мер, направленных на повышение уровня профессиональной подготовки адвокатов.

Было бы целесообразно проводить квалификационными комиссиями проверочные экзамены. Кроме того, возникает необходимость в проведении внеочередных экзаменов для адвокатов, в отношении которых возникли сомнения в их профессиональной пригодности. Поводом для проведения экзамена являлось бы обоснованное представление руководителя адвокатского образования, а для адвокатов, осуществляющих адвокатскую деятельность в адвокатских кабинетах, соответствующее представление вице-президента Адвокатской палаты. При этом результаты экзамена могли бы стать основанием для лишения статуса адвоката.

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что пассивная защита представляет собой такое процессуальное бездействие защитника, при котором им не используются процессуальные полномочия, предусмотренные ст. 53 Уголовно-процессуального кодекса РФ, а также ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре Российской Федерации», что влечет нарушение права гражданина на защиту. Изменение ситуации видится в необходимости дополнения в УПК РФ, Закон об адвокатской деятельности и адвокатуре, Кодекс профессиональной этики адвоката. Очередные и внеочередные экзамены для адвокатов явились бы действенным способом самоочищения адвокатского сообщества, поскольку иным путем выявить лиц, не отвечающих требованиям адвокатской профессии, крайне сложно, так как адвокатские нарушения носят латентный характер, далеко не все доверители обращаются с жалобой на действия адвоката в квалификационную комиссию.

Список литературы:

1. Конституция РФ от 12.12.1993 г. (в ред. от 21.07.2014 г.) // Собрание законодательства РФ. 1993. № 31. ст. 4398.
2. Пассивная защита нарушает права граждан // Гаспарян Нвер Саркисович URL: <http://www.pravorub.ru> (дата обращения: 02.04.2015 г.)
3. Адвокат в уголовном процессе: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. Н.А. Колоколова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2012.
4. Федеральный закон от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» (в ред. от 02.07.2013 г.) // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обновления: от 01.01.2015 г.).
5. Кодекс профессиональной этики адвоката от 31.01.2003 г. (принят Всероссийским съездом адвокатов) (ред. от 22.04.2013 г.) // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обновления: 01.01.2015 г.).
6. Обзор дисциплинарной практики Совета адвокатской палаты Курской области за 2009-2010 гг. URL: <http://www.kursk-advokat.ru> (дата обращения: 02.04.2015 г.).
7. Ревина И.В. Институт профессиональной ответственности адвоката: основные этапы становления и развития // Известия Юго-Западного государственного университета. 2013. № 6. Ч. 1. С. 166-169.
8. Уголовно-процессуальный кодекс РФ № 174-ФЗ от 22.11.2001 г. (с изм. от 08.03.2015 г.) // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обнов-

ления: от 08.03.2015 г.).

V.V. Strukova, Candidate of Law, Associated Professor of the Criminal Procedure and Criminalistics Department of Southwest State University, Kursk (e-mail: wstrukova@yandex.ru)

THE VIOLATION OF THE RIGHTS OF THE ACCUSED DURING PASSIVE DEFENDER

Abstract. *In this article the author examines issues of the qualified legal aid in criminal proceedings to persons suspected or accused of committing a crime, their advocates, and the problem of passive defender in the exercise of criminal procedure evidence of that can be attributed to special cases of unqualified and unprofessional protection from the latter.*

Keywords: *protector, passive position of the defender, the legal aid counsel, unqualified to provide legal assistance for the stink bug.*

УДК 343.2

Д.В. Татьяна, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности Удмуртского государственного университета, г. Ижевск (e-mail: rok25-12@mail.ru)

ПРОИЗВОДСТВО ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ В СУДЕБНОМ ЗАСЕДАНИИ: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ

В данной статье анализируется процедура производства освидетельствования в судебном заседании.

Ключевые слова: *освидетельствование, судебное заседание, досудебное производство, процессуальные действия, следственные действия.*

Вопросы доказывания по уголовным делам находятся в центре внимания, поскольку от качества его производства будет зависеть принятие решения по уголовному делу, возможность допущения следственной и судебной ошибки. Ничто не может возместить человеку ущерб, причиненный необоснованным привлечением к уголовной ответственности, поэтому необходимо тщательно выяснять все обстоятельства произошедшего. Согласно ч. 1 ст. 86 УПК РФ дознаватель, следователь, прокурор и суд собирают доказательства путем производства следственных и иных процессуальных действий, установленных УПК РФ. Одновременно в УПК РФ отсутствует понятие и перечень следственных и процессуальных действий.

В течение длительного времени вопросы, связанные с понятием и содержанием следственных действий находятся в центре внимания [1, 2, 3, 4]. В то же время авторы, анализируя вопросы проведения следственных действий, рассматривают их с позиций производства предварительного расследования, изучение судебных действий следственного характера проводится крайне редко, несмотря на то, что порядок их производства отличается, имеет свои особенности.

Освидетельствование является одним из следственных действий, которые проводятся как в процессе предварительного расследования, так и в ходе судебного заседания. Однако порядок их проведения является несколько различным.

В ч. 1 ст. 179 УПК РФ законодатель определил основания проведения освидетельствования при производстве предварительного расследования, в ч. 1 ст. 290 УПК РФ указано, что эти же основания используются и для производства освидетельствования в судебном заседании.

В зависимости от объекта и цели предлагается выделять три вида освидетельствования: 1) освидетельствование, проводимое следователем и направленное на обнаружение на теле человека следов преступления, особых примет; 2) освидетельствование, проводимое с участием врача и направленное на установление и фиксацию телесных повреждений, иных следов преступления; 3) освидетельствование свойств и признаков, состояний лица, проводимое с участием врача соответствующей специализации (психиатр, психотерапевт, патопсихолог, клинический психолог) и направленное на установление состояния опьянения человека, проявлений и признаков психических расстройств, а равно иных аномальных состояний или его свойств [5].

Согласно ч. 3 ст. 179 УПК РФ освидетельствование производится следователем. При необходимости следователь привлекает к производству освидетельствования врача или другого специалиста. В ч. 4 указанной статьи предусмотрено, что в случае, если освидетельствование связано с обнажением лица другого пола, то следователь при этом не присутствует, освидетельствование производится врачом.

Учитывая особенности субъекта, проводящего освидетельствование, предложено разграничивать освидетельствование как следственное действие и медицинское освидетельствование, которое производится в отсутствие следователя специалистом на основании ведомственного нормативно-правового акта, в частности приказа Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 2 октября 2009 года № 808-н «Об утверждении порядка оказания акушерско-гинекологической помощи» [6].

Данное предложение представляется обоснованным, поскольку врач, который проводит освидетельствование, несет ответственность за дачу заключения по его результатам. Если следователь не присутствует при его производстве, то он не может отвечать за его результат, поскольку в указанном случае он описывает наличие следов со слов другого человека, который дает информацию по результатам проведенного им осмотра тела или состояния человека.

Освидетельствование как следственное действие может проводиться без участия понятых. На практике данные вопрос является дискуссионным, с одной стороны, их участие нецелесообразно, поскольку оно может негативно повлиять на освидетельствуемое лицо; но с другой стороны,

их присутствие необходимо в случае, когда освидетельствование проводится с применением мер физического принуждения [7]. Возможность применения физического принуждения заложена в положениях ст. 179 УПК РФ, где указано, что постановление о производстве освидетельствования является обязательным для освидетельствуемого лица.

Рассматривая особенности проведения освидетельствования в судебном заседании, следует отметить, что законодатель в ст. 290 УПК РФ несколько изменил порядок его проведения по сравнению с порядком, установленным для предварительного расследования.

Законодатель в ч. 1 ст. 290 УПК РФ указал основания освидетельствования аналогичные указанным в ч. 1 ст. 179 УПК РФ. При этом он не указал порядок производства освидетельствования лица, если оно не связано с обнажением. В ч. 2 ст. 290 УПК РФ предусмотрено проведение освидетельствования лица, связанное с его обнажением. Законодатель четко указал на недопустимость его проведения судом, предусмотрев в указанной ситуации приглашение врача или иного специалиста и указав, что освидетельствование должно быть проведено в отдельном помещении, при этом врач или иной специалист составляют акт освидетельствования, который должен им быть подписан. После чего в присутствии сторон и освидетельствуемого лица врач или иной специалист, проводящий освидетельствование, сообщает суду о полученных результатах и отвечает на вопросы сторон и суда. Акт освидетельствования приобщается к материалам уголовного дела.

Возникает три вопроса: каков порядок проведения освидетельствования лица, не связанного с обнажением? Следует ли рассматривать освидетельствование, проводимое врачом или иным специалистом как судебное действие следственного характера, либо в указанном случае необходимо говорить о производстве специального исследования, проведенного специалистом и акт освидетельствования рассматривать как заключение специалиста? Оглашение акта освидетельствования проводится в открытом заседании, либо только в присутствии сторон, как указано в ч. 2 ст. 290 УПК РФ?

Отвечая на первый вопрос, полагаю, что производство освидетельствования, не связанного с обнажением тела человека, может быть проведено в зале судебного заседания только с согласия освидетельствуемого лица, в противном случае следует проводить освидетельствование по правилам, установленным в ч. 2 ст. 290 УПК РФ. Полагаем, что публичный осмотр тела человека, даже если он не связан с обнажением, негативно может воздействовать на психологическое состояние человека, вызывая у него чувство протеста, обусловленное проведением унижительной для него процедуры. В случае проведения освидетельствования с согласия лица в судебном заседании его результаты должны быть отражены в протоколе судебного заседания. При этом не требуется составления дополнительного акта или иного документа.

Освидетельствование, которое проводится на основании определения или постановления суда в отсутствие суда и сторон врачом или иным специалистом, на наш взгляд, не должно рассматриваться как судебное действие следственного характера. Это обусловлено тем, что при его производстве составляется акт освидетельствования, который не относится к числу процессуальных актов, составляемых судом. Суд не принимает участие в процедуре освидетельствования, а только оценивает заключение специалиста, представленного в виде акта освидетельствования. В данном случае следует говорить о даче заключения специалиста по поставленным перед ним вопросам. Врач или иной специалист, осматривая тело человека, описывают следы, которые они непосредственно наблюдают, при этом никакого исследования им не проводится. Указанные лица в исследуемой ситуации приглашаются в качестве специалистов, выполняя при этом права и обязанности, предоставленные им ст. 58 УПК РФ. В целях исключения подмены понятий следует разграничить проведение освидетельствования, которое может быть проведено на основании определения или постановления судом с согласия освидетельствуемого лица от исследования, проводимого врачом или иным специалистом, связанное с обнажением тела человека, которое должно быть зафиксировано в заключении специалиста. Следует обратить внимание также на то, что в ч. 2 ст. 290 УПК РФ законодатель предусмотрел, что акт освидетельствования подписывается только врачом или другим специалистом, который его проводит. Заключение специалиста также подписывается только специалистом, а протокол освидетельствования должен быть подписан лицом, его производящим, а также освидетельствуемым лицом, что позволяет сделать вывод, что в ч. 2 ст. 290 УПК речь идет о получении заключения специалиста, связанного с освидетельствованием тела человека, в ходе судебного заседания, но не с освидетельствованием в смысле следственного действия или судебного действия следственного характера.

Говоря о возможности оглашения результатов проведенного освидетельствования в открытом судебном заседании, следует учитывать, что информация связана с теми частями тела человека, которые не предполагают обнажения, что предполагает необходимость обеспечения защиты прав освидетельствованного лица. В указанном случае следует оглашать акт освидетельствования только в закрытом судебном заседании в присутствии сторон и суда. С учетом высказанных предложений следует внести изменения и дополнения в ст. 290 УПК РФ.

Список литературы:

1. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М., 2004.
2. Кальницкий В.В. Следственные действия. Омск, 2001.
3. Кругликов А.П. Следственные действия (процессуальная характеристика, тактические и психологические особенности) / Под ред. проф. Б.П. Смагоринского. М., 1994.

4. Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М., 1985.

5. Ермакова Е.В. Особенности доказывания на досудебных стадиях производства по уголовным делам в отношении подозреваемого, обвиняемого, симулирующего психические расстройства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск. 2008 – С. 9.

6. Лукомская А.С. Процессуальный порядок досудебного производства по уголовным делам об убийстве матерью новорожденного ребенка: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск. 2011. С. 13-14.

7. Писарев А.А. Производство следственных действий, ограничивающих право на личную неприкосновенность: Омск, 2006. С. 66-67.

D.V. Tatjyanin, Candidate of Law, Associated Professor, the Criminal Procedure and Law enforcement Department of Udmurt State University, Izhevsk (e-mail: rok25-12@mail.ru)

PRODUCTION OF EXAMINATION IN A COURT SESSION: DISCUSSION QUESTIONS

Abstract. This article analyzes the production procedure of examination in court.

Keywords: examination, trial, pretrial proceedings, proceedings, investigations.

УДК 343.3

Л.Г. Татьяна, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности Удмуртского государственного университета, г. Ижевск (e-mail: larisa-lisa@mail.ru)

СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ КАК ГАРАНТ ПРИНЯТИЯ ЗАКОННОГО, ОБОСНОВАННОГО И СПРАВЕДЛИВОГО СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

В данной статье идет речь о состязательности в уголовном судопроизводстве, особое внимание уделяется реализации принципа состязательности на различных стадиях уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: состязательность, стадии уголовного судопроизводства, разрешение уголовно-правового конфликта, равенство.

Создание концепции состязательного уголовного судопроизводства при принятии Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации было направлено на защиту интересов личности при расширении прав сторон и усилении их влияния на принятие процессуальных решений в целях достижения цели – разрешения уголовно-правового конфликта. Законодатель ввел в УПК РФ принцип состязательности (ст. 15), основу (формулу) которого составили три положения:

- разделение функций обвинения, защиты и разрешения уголовного дела друг от друга;

- суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения и защиты; но создает сторонам условия для исполне-

ния их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав;

- стороны обвинения и защиты равноправны перед судом.

Указанная формула состязательности по мнению законодателя должна была обеспечить качество и эффективность производства по уголовному делу. Однако, несмотря на то, что УПК РФ действует уже более 12 лет, но до сих пор не найдена та оптимальная форма, которая бы позволила обеспечить качественно достижение назначения уголовного судопроизводства.

Абсолютно прав А.А. Давлетов и Н.В. Азаренок, что в УПК РФ де-юре провозглашена состязательность всего уголовного процесса, в то время как де-факто, досудебная его часть по-прежнему остается розыскной, а в суде равноправие сторон во многом еще не обеспечено [1].

Состязательность на практике не оказалась панацеей от всех бед в уголовном процессе. Применение принципа состязательности в фактически смешанном процессе привело к огромному количеству проблем, которые пытаются решить путем подведения определенных положений под формулу состязательности.

Первоначально хотелось бы обратиться к понятию состязательности. Состязательность – 1. Спортивное соревнование на первенство. 2. Вообще соревнование в чем-нибудь. Состязательный: О судебном процессе: такой, в котором обе стороны могут активно защищать свои права [2]. Соревнование: Та или иная деятельность (работа, игра и т.п.), в которой участвующие стремятся превзойти друг друга в мастерстве, в искусстве [2, с. 735].

В понятиях состязательности и соревнования отсутствует положение, в соответствии с которым обязательным их признаком является соблюдение правил и равенства сторон. В понятии «состязательный» также отсутствует формула равенства прав сторон при их участии в судебном процессе.

Состязательность предполагает два вида соревнования: по правилам и без правил. При этом в соревнованиях (боях) без правил не учитываются характеристики соревнующихся, их реальная возможность противостоять друг другу, обеспечить собственную защиту. В определенной ситуации в данных состязаниях одна из сторон рассчитывает либо на «авось», либо на «божий суд». Во времена, когда спор между сторонами о виновности переносился на турнир, считалось, что именно божий суд его разрешит и накажет виновную сторону. В современный период надежда на божий суд в светском уголовном судопроизводстве вряд ли приемлема, поскольку государство взяло на себя обязанность осуществлять правосудие, оно должно ее выполнять.

Соревнование по правилам предполагает соблюдение установленных требований, которые предъявляются к его участникам, а также установленного порядка его проведения. При соревновании по правилам его уча-

стники должны обладать примерно равными физическими параметрами, либо интеллектуальными, либо профессиональными. В соревнованиях по правилам невозможно допустить до участия лиц, которые не отвечают предъявляемым формальным требованиям, исключающим возможность состязаться на равных.

Понятие состязательного процесса, где заложена возможность сторон активно защищать свои права отсутствует формальное равенство сторон, поскольку равенство процессуальных прав и равенство сторон не равнозначные понятия. Иметь право и быть способным его реализовать – не одно и то же. Законодатель в формуле состязательности ничего не указал об обеспечении фактического равенства сторон, что привело к искажению самой идеи состязательности в уголовном процессе, поскольку при подобном подходе сохранилась формула, что выигрывает неправый, а сильный. При подобном подходе рассматривать состязательность в качестве принципа обеспечивающего защиту прав и законных интересов личности достаточно сомнительно. Любой человек, обращающийся в правоохранительные органы и суд, идет туда не за получением формального документа о разрешении какого-либо конфликта, принятого по принципу «барин нас рассудит» а за справедливым (беспристрастным) решением, которое, по его мнению, обязан принять соответствующий орган на основе исследования всех обстоятельств дела. Соответственно, если правоохранительный орган или суд возлагает обязанность доказывания на спорящие стороны, то он должен не только предоставить, но, и обязан обеспечить равенство сторон при реализации предоставленных прав. Именно данная обязанность отсутствует в законе, что приводит к искажению самой идеи состязательности в уголовном судопроизводстве.

Остановлюсь на некоторых принципиальных аспектах реализации принципа состязательности в уголовном судопроизводстве.

В стадии возбуждения уголовного дела стороны отсутствуют, что говорит о невозможности ими реализации состязательности. Если исходить из положения, что дознаватель, органы дознания, следователь и прокурор – это представители стороны обвинения, то сторона защиты отсутствует в силу того, что отсутствует подозрение и обвинение. Одновременно в рассматриваемой стадии допустимо производство следственных действий, в том числе сопряженных с применением физического принуждения. Таким образом, в стадии возбуждения уголовного дела представители стороны обвинения при выяснении факта совершения преступления обладают полномочиями по применению государственного принуждения к лицам, участвующим в стадии возбуждения уголовного дела, но последние не обладают правом процессуальной защиты.

В стадии предварительного расследования с учетом композиционного построения сторон фактически принимает участие не две, а три стороны. Одной из сторон выступает сторона защиты, в отношении же стороны обвинения следует отметить, что позиция органов предварительного

расследования и потерпевшего может быть диаметрально противоположной, в связи с чем, представители стороны обвинения, защищающие свой интерес, противостоят и стороне защиты и позиции органов предварительного расследования. Кроме того, никогда не будут обладать в досудебном производстве равными правами представители, реализующие от имени государства государственную власть (следователь, дознаватель, прокурор) и лица, защищающие свой интерес (потерпевший, обвиняемый). Полагаю, что позиция авторов, предлагающих дознавателя, следователя, органы дознания, начальника подразделения дознания, руководителя следственного органа и прокурора вывести из состава участников стороны обвинения, выделить группу участников предварительного расследования или уголовного преследования, представляется обоснованной [1, 3, 4, 5]. В указанном случае сторонами будут выступать лица, защищающие свой интерес, они должны обладать равными процессуальными правами, а органы предварительного расследования будут обязаны обеспечить их фактическое равенство.

В стадии подготовки дела к судебному заседанию при проведении предварительного слушания состязательность как принцип только обозначена, положения ст. 234 УПК РФ ставят ее реализацию под сомнение. В частности, если предварительное слушание согласно ч. 4 указанной статьи может быть проведено при неявке сторон, надлежащим образом уведомленных, в их отсутствие, то возникает вопрос о том, кто же будет состязаться, если представители одной стороны отсутствуют, либо не явились представители обеих сторон. Интересный подход законодателя к реализации состязательности в процессе доказывания. В частности, в ч. 7 рассматриваемой статьи указано, что ходатайство стороны защиты об истребовании дополнительных доказательств или предметов подлежит удовлетворению, если данные доказательства и предметы имеют значение для уголовного дела. Не совсем ясно, почему речь идет только о ходатайстве стороны защиты, не учитываются ходатайства стороны обвинения, ведь ее участников выступает и потерпевший, а его ходатайства, связанные с получением доказательств, в ходе предварительного расследования тоже могли быть отвергнуты органами предварительного расследования.

Следует обратить внимание и на следующий момент. Законодатель ввел новый вид доказательств – заключение специалиста. Логично, что в соответствии с принципом состязательности стороны, которые не могут назначать самостоятельно экспертизы, обращаются к специалистам за соответствующими разъяснениями, именно заключением специалиста они могут оспорить заключение эксперта. Однако, суд лишил стороны права самостоятельно представлять заключения специалиста, в связи с тем, что они получены вне рамок уголовного процессуального закона [6, 7]. Указанный подход Верховного Суда РФ идет в разрез с принципом состязательности и с положением ч. 3 ст. 80 УПК, где указано, что заключение

специалиста - представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами. Соответственно, к специалисту может обратиться любая из сторон. Сторона не всегда может обеспечить участие специалиста в уголовном процессе, поскольку она может обратиться к любому специалисту, который на основе копии заключения судебной экспертизы, представленной стороной, может дать соответствующее заключение. Суд должен его принять, а в случае необходимости вызвать в суд, что будет полностью отвечать формуле состязательности.

Вызывает определенные вопросы и реализация состязательности при рассмотрении уголовного дела в судах первой и второй инстанций. Применительно к реализации состязательности в суде первой инстанции возникают вопросы при отказе государственного обвинителя от поддержания обвинения с позиций обеспечения прав потерпевшего.

Проблемы реализации состязательности возникают при проведении заочного порядка судебного разбирательства по уголовным делам о преступлениях тяжких и особо тяжких, когда сторона защиты против этого возражает.

Спорные вопросы реализации принципа состязательности возникают в суде первой инстанции и суде апелляционной инстанции при рассмотрении уголовных дел в порядке гл. 40 и гл. 40.1 УПК РФ. Решения, которые принимаются при рассмотрении уголовного дела в указанном порядке судом первой инстанции, не могут быть обжалованы в суде апелляционной инстанции в связи с несоответствием выводов суда фактическим обстоятельствам дела. Возникает вопрос об обеспечении принятия законного, обоснованного и справедливого решения в указанном случае.

Состязательность как гарант принятия законного, обоснованного и справедливого решения по уголовному делу может быть только в том случае, когда стороны обладают фактическим равенством, обеспечиваемым не только наличием процессуальных прав, реализация которых зависит от усмотрения правоприменителя, а наличием фактического равенства при реализации предоставленных прав. Фактическое равенство сторон позволяет им принимать участие в процессе и состязаться с противоположной стороной в равных условиях. Фактическое равенство сторон может быть обеспечено предоставлением квалифицированной юридической помощи обеим сторонам, равными правами сторон при участии в процессе доказывания, исключением четкой регламентации излишних формальных требований (например, обязанность знакомить с постановлением о назначении экспертизы до направления материалов для ее проведения), четким определением функции предварительного расследования и особенностям состязательности сторон в процессе ее реализации.

Список литературы:

1. Давлетов А.А., Азаренок Н.В. Программа уголовного судопроизводства: монография. М., 2009. С. 137.

2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: «Мир и образование». 2004. С. 737.
3. Азаров В.А., Ревенко Н.И. Кузембаева М.М. Функция предварительного расследования в истории, теории и практике уголовного процесса: монография. Омск, 2006.
4. Татьянина Л.Г. Предварительное расследование в системе функций уголовного процесса // Ученые записки: Сб. науч. трудов ЮФ ОГУ. Оренбург, 2006. С. 49-53.
5. Жумаханова Н.А. Отказ прокурора от обвинения: вопросы теории и практики: Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015.
6. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25 июля 2005 г. № 32-005-26СП // Правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации по вопросам уголовно-процессуального доказывания // Автор-сост. Д.В. Татьянин. Ижевск. 2012. С. 66-72.
7. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 8 февраля 2007 г. Дело № 33-007-1 // Правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации по вопросам уголовно-процессуального доказывания // Автор-сост. Д.В. Татьянин. Ижевск. 2012. С. 72-75.

L.G. Tatjanina, Doctor of Law, Professor, the Criminal Procedure and Law Enforcement Department of Udmurt State University, Izhevsk (e-mail: larisalisa@mail.ru)

ADVERSARIAL AS A GUARANTOR MAKING A LAWFUL, REASONABLE AND FAIR JUDICIAL DECISIONS

Abstract. *This article focuses on the adversarial system in criminal proceedings, special attention is paid to the implementation of the principle of competition at various stages of criminal proceedings.*

Keywords: *competitiveness, stage of criminal proceedings, the resolution of the criminal law conflict, equity.*

УДК 343.1

Е.Ф. Тензина, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности Удмуртского государственного университета, г. Ижевск (e-mail: elenatensina@yandex.ru)

О РОЛИ СУДА В ВОЗМЕЩЕНИИ ИМУЩЕСТВЕННОГО ВРЕДА В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассматриваются вопросы участия суда в досудебном производстве в возмещении имущественного вреда потерпевшему и реабилитированному. Сделан вывод о несовершенстве формулировки п.3.1 ч.2 ст.29 УПК РФ. Правомочие по возмещению имущественного вреда в досудебном производстве у суда возникает только в отношении реабилитированного. Роль суда в возмещении имущественного вреда, причиненного потерпевшему в результате преступления, сводится к обеспечению законности в применении наложения ареста на имущество. Сделаны предложения по повышению эффективности судебного контроля при принятии решения о наложении ареста на имущество.

Ключевые слова: *суд; возмещение имущественного вреда, потерпевшему и реабилитированному; судебный контроль; наложение ареста на имущество.*

Конституция РФ гарантирует свободу экономической деятельности, признает и защищает равным образом все формы собственности (ст.8, 34,

35). Любое ограничение фундаментальных прав допускается только по решению суда. Приведенные положения все шире развиваются в уголовно-процессуальных правоотношениях. Федеральным законом №144 «О внесении изменений в УПК РФ» от 01.07.2010 года было внесено дополнение в ч.2 ст. 29 УПК РФ, согласно которому только суд, в том числе в ходе досудебного производства, правомочен принимать решение о возмещении имущественного вреда.

Согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству право требовать возмещения имущественного вреда предоставлено потерпевшему от преступления (ч.3 и 4 ст. 42 УПК РФ), в том числе гражданскому истцу (44 УПК РФ) и реабилитированному (ст.133, 135 УПК РФ). Данный подход в полной мере отвечает назначению уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ).

Бесспорно, в судебном разбирательстве установление данного обстоятельства находится в компетенции суда, поскольку возмещение вреда неразрывно связано с разрешением ключевого вопроса о невиновности или виновности подсудимого в преступлении (ст. 299 УПК РФ). Тогда как о роли суда в механизме возмещения имущественного вреда в досудебном производстве возникает множество вопросов.

Следует отметить, что понятие имущественного вреда в уголовно-процессуальном законе не раскрывается. В гражданском праве имущественный вред рассматривается в качестве материальных последствий правонарушения (ст. 15 ГК РФ) и к нему относятся расходы, которые необходимо произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение имущества (реальный ущерб); неполученные доходы, которые лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

Согласно ч.3 и 4 ст. 42 УПК РФ потерпевшему обеспечивается возмещение имущественного вреда, а также морального вреда в денежном выражении, причиненных преступлением.

Общепризнанными формами возмещения имущественного вреда потерпевшему в уголовном процессе являются: а) гражданский иск по уголовному делу; б) заглаживание причиненного вреда действиями самого обвиняемого (подозреваемого); в) уголовно-процессуальная реституция[8, 9, 10, 11, 12].

В досудебном производстве по уголовному делу допускаются только две формы возмещения имущественного вреда потерпевшему. Это - реституция и заглаживание причиненного вреда самим обвиняемым (подозреваемым). Реституция, состоящая в возврате имущества потерпевшему, ранее утраченного в результате преступления, согласно ч.3 - 4 ст. 81 УПК РФ применяется по решению должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело. Заглаживание причиненного вреда обвиняемым (подозреваемым), выступая формой деятельного раскаяния лица, не требует разрешения суда. В свою очередь гражданский иск разрешается

только в судебном производстве при рассмотрении уголовного дела или в порядке гражданского судопроизводства (ст.42, 44 УПК РФ).

Приведенные положения позволяют сделать вывод о том, что в досудебном производстве суд не является субъектом разрешения вопроса о возмещении имущественного вреда потерпевшему. Иное толкование уголовно-процессуального закона вынуждало бы каждое расследованное уголовное дело направлять в суд. На наш взгляд в досудебных стадиях процесса суд должен гарантировать законность принимаемых обеспечительных мер по возмещению вреда и возможной конфискации имущества, в первую очередь при наложении ареста на имущество. Конституционный Суд РФ неоднократно указывал в своих решениях на неопределенность уголовно-процессуального закона в части регулирования целей, оснований, сроков наложения ареста на имущество[3, 4, 5, 6, 7]. К сожалению законодательные поправки в ст.115 УПК РФ в полном объеме до сих пор не внесены.

Проблемы с проведением данного процессуального действия возникают уже только потому, что законодателем окончательно не определена правовая природа наложения ареста на имущество: мера принуждения (ст. 115 УПК РФ) или следственное действие (ст. 164 - 165 УПК РФ). Конституционный Суд РФ в своих решениях оценивает его как меру принуждения[3, 4, 5, 6, 7]. Руководствуясь данным подходом, считаем возможным распространить аналогию уголовно-процессуального закона. Суд, исследуя доказательства, должен определить цель наложения ареста на имущество, основания, которые должны указывать на «...предполагаемую причастность конкретного лица к преступной деятельности или предполагаемым преступным характером происхождения конкретного имущества либо должно основываться на законе, устанавливающим материальную ответственность лица за действия подозреваемого или обвиняемого»[4]. Особое внимание суд должен уделять срокам наложения ареста на имущество, при определении которых целесообразно ориентироваться на сроки содержания под стражей, устанавливая ограничительную меру сроком на два месяца (ст. 109 УПК РФ). Поскольку чрезмерно длительные сроки необоснованно ограничивают конституционное право гражданина на неприкосновенность собственности. Судья в досудебном производстве, осуществляя контроль за законностью и обоснованностью ограничительных мер в отношении участников уголовного судопроизводства, должен принимать все предусмотренные УПК РФ меры по обеспечению равноправия. Поэтому в каждом случае применения данной меры, в первую очередь в случае наложения ареста на имущество без судебного решения (ч.5 ст. 165 УПК РФ), суд должен уведомлять заинтересованных лиц с разъяснением права обжалования. Уголовно-процессуальную аналогию необходимо распространять и в последующем продлении срока ареста: в условиях состязательности сторон судья должен исследовать доказательства в обоснование решения о продлении срока ареста имущества в том числе с воз-

возможностью изменения формы ограничения правомочий владения, пользования и распоряжения. При этом судебное заседание должно проходить с участием заинтересованных лиц.

Требовать возмещения имущественного вреда правомочен и реабилитированный. Право на возмещение вреда возникает одновременно с принятием решения об оправдании либо о прекращении уголовного преследования, в том числе в досудебном производстве (ч.2 ст.133 и ст.134 УПК РФ). Единственным субъектом разрешения требования о возмещении имущественного вреда реабилитированному с учетом внесенных поправок ФЗ №144 от 01.07.2010 года стал суд. Руководствуясь ст. 399 УПК РФ, судья обязан не позднее одного месяца со дня поступления требования о возмещении имущественного вреда определить его размер с учетом уровня инфляции и вынести постановление о производстве выплат в возмещение этого вреда. Внесенные поправки в полной мере согласуются с Бюджетным кодексом РФ, который устанавливает, что взыскание на бюджетные средства обращаются только на основании судебного акта.

Таким образом, правомочие суда по возмещению имущественного вреда в досудебном производстве реализуется лишь в случаях заявленного требования реабилитированным лицом. В целях законодательной определенности и единообразного применения полагаем целесообразным внести дополнение в п.3.1 ч.1 ст.29 УПК РФ, изложив его в следующей редакции: «о возмещении имущественного вреда реабилитированному».

Список литературы:

1. Конституция РФ (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ). [Электронный ресурс]. (Дата обращения к документу: 11.03.2015).
2. УПК РФ от 18.12.2001 №174-ФЗ (ред. от 08.03.2015). [Электронный ресурс]. (Дата обращения к документу: 11.03.2015).
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 10 декабря 2014 №31-П. [Электронный ресурс]. (Дата обращения к документу: 11.03.2015).
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 октября 2014 №25-П. [Электронный ресурс]. (Дата обращения к документу: 11.03.2015).
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 31 января 2011 №1-П. [Электронный ресурс]. (Дата обращения к документу: 11.03.2015).
6. Определение Конституционного Суда РФ от 20 марта 2008 №246-О-О. [Электронный ресурс]. (Дата обращения к документу: 11.03.2015).
7. Определение Конституционного Суда РФ от 17 июля 2007 №614-О-О. [Электронный ресурс]. (Дата обращения к документу: 11.03.2015).
8. Азаров В.А. Добровольное возмещение в уголовном процессе материального ущерба, причиненного преступлением // Укрепление законности предварительного расследования в условиях перестройки. Волгоград, 1990.
9. Александров С.А. Правовые гарантии возмещения ущерба в уголовном процессе: Учебное пособие. Горький, 1976.
10. Багаутдинов Ф.Н. Обеспечение имущественных прав личности при расследовании преступлений. М., 2002.

11. Зинатуллин З.З. Возмещение материального ущерба в уголовном процессе. Казань, 1974.

12. Туров С.Ю. Возмещение причиненного преступлением вреда как уголовно-процессуальная функция (Теоретико-методологический анализ): автореф. дис...канд. юрид. наук. Челябинск, 2013.

E.F. Tensina, Candidate of Law, Associated Professor, the Criminal Procedure and Law Enforcement Department of Udmurt State University, Izhevsk (e-mail: elenatensina@yandex.ru)

ON THE ROLE OF LAW COURT IN THE COMPENSATION OF PROPERTY HARM IN PRE-TRIAL LEGAL PROCEEDINGS

Abstract. *The article considers the issues of judicial involvement in pre-trial proceedings in the compensation of property harm to the victim and rehabilitated. The conclusion about the inadequacy of the formulation of claim 3.1 of article 29(2) of the Russian Federation Code of Criminal Procedure. The entitlement to compensation of damage to property in pre-trial proceedings, the court only arises in a rehabilitated. The role of the court in compensation for material damage caused to the victim by the offence, to be reduced to the rule of law in the application of seizure of the property. Suggestions for improving the effectiveness of judicial control when deciding on the imposition of arrest on property are made.*

Keywords: *court; compensation of property damage to the victim and rehabilitated; judicial control; the seizure of the property.*

УДК 343.3

О.Н. Тисен, канд. юрид. наук, старший прокурор отдела прокуратуры Оренбургской области (e-mail: olga-tisen@yandex.ru)

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ УСКОРЕННЫХ ПРОЦЕДУР

В данной статье идет речь о появлении и развитии процедур ускоренного судопроизводства в отечественном уголовном процессе.

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство, досудебное соглашение о сотрудничестве, сделка с правосудием.*

Введением в УПК РФ главы 40 впервые в истории российского уголовного процесса был предпринят решительный шаг в сторону усиления диспозитивных начал рассматриваемых правоотношений. После того, как институт особого порядка судебного разбирательства доказал свою эффективность, отечественный законодатель продолжил внедрение упрощенных процедур в судебную систему. Федеральным законом от 29 июня 2009 года № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации была введена глава 40.1, регламентирующая особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Как и все новое, заложенные в Концепции судебной реформы идеи о необходимости упрощения ряда уголовно-процессуальных процедур подвергались критике виднейших ученых и практикующих юристов [2, 3, 6].

Так, в преддверии принятия УПК РФ П.М. Михайлов утверждал, что идея внедрения сделок в российский уголовный процесс противоречит закрепленным в Конституции РФ основным правам и свободам человека [7]. Аналогичную точку зрения высказывали Махов В., Пешков М. [6] и другие ученые.

Одной из причин резкой критики стремления законодателя и многих правоприменителей к упрощению уголовно-процессуальных процедур стала приверженность идее установления объективной истины. При ускорении уголовного процесса, который приводит к умышленному пропуску ранее являвшихся обязательными этапов судопроизводства, повышается вероятность искажения реальных событий совершенного преступления. Без непосредственного исследования доказательств установление судом достоверной истины становится проблематичным.

В.А. Лазарева поддерживала идею о необходимости введения в российский уголовный процесс ускоренных форм задолго до принятия УПК РФ. При этом В.А. Лазарева подчеркивала, что «...отсутствие спора о вине в значительной степени лишает смысла исследование доказательств... При отсутствии сомнений в допустимости собранных в ходе следствия доказательств, в доказанности обвинения, в правдивости признания своей вины обвиняемым, которому было обеспечено право на защиту, т.е. при отсутствии правового спора, повторное исследование доказательств в сложном, долгом и дорогостоящем судебном разбирательстве предлагается излишним» [5]. Впоследствии в 2000 г. В.А. Лазаревой был разработан и направлен в Государственную Думу Российской Федерации законопроект, предусматривающий возможность заключения соглашения между стороной обвинения и защиты о рассмотрении уголовного дела без исследования доказательств при условии полного признания обвиняемым своей вины.

Идею о необходимости ускорения и упрощения процедур уголовного судопроизводства в преддверии принятия УПК РФ 2001 г. поддерживали и многие другие ученые [1, 4].

В преддверии принятия УПК РФ 2001 г. И.Л. Петрухин, остерегая законодателя от заимствования американской модели *plea bargaining*, отмечал, что «в российском уголовном правосудии сделка – явление аморальное, порочное, бесчестное; это торг, компрометирующий власть, свидетельствующий о ее бессилии, неспособности раскрывать преступления» [9, 10].

Внедрение упрощенных судебных процедур активно поддерживается практическими работниками, поскольку их применение позволяет значительно уменьшить прилагаемые к достижению целей уголовного судопроизводства энергетические и материальные ресурсы. Однако сокращение сроков уголовного процесса, как правило, пагубно сказывается на качестве расследования и рассмотрения уголовных дел, и, в конечном счете,

оказывает негативное влияние на возможность достижения назначения уголовного судопроизводства, закрепленного в ст. 6 УПК РФ. Так, на практике широкое применение особого порядка судебного разбирательства привело к фактически повсеместному *умышленному* непринятию во внимание судьями существенных нарушений уголовно-процессуального закона, допущенных органами предварительного расследования при производстве по уголовному делу, поступившему в суд с ходатайством о его рассмотрении в порядке главы 40 УПК РФ. Не желая увеличивать и без того значительную нагрузку с точки зрения количества рассматриваемых в год уголовных дел, судьи «закрывают глаза» на факты наличия у обвиняемых, заявивших ходатайства об особом порядке, психических заболеваний, препятствующих полноценному осознанию последствий применения в отношении них главы 40 УПК. Нередки случаи вынесения в особом порядке судебного разбирательства приговоров по уголовным делам при явном несоответствии фактуры предъявленного обвинения, изложенного в обвинительном заключении, требованиям уголовно-процессуального законодательства, препятствующим принятию по делу законного решения. В свою очередь представители стороны обвинения стремятся склонить к особому порядку обвиняемых по уголовным делам со слабой доказательственной базой либо при наличии допущенных в ходе предварительного расследования нарушений уголовно-процессуального закона.

Как правило, причиной заявления ходатайства о рассмотрении уголовного дела в особом порядке обвиняемыми, не в полном объеме признававшими свою вину на этапе предварительного расследования, является отсутствие веры в справедливость правосудия. В такой ситуации обвиняемые исходят из целесообразности получить менее строгое наказание за содеянное, пусть даже в обмен на не в полной мере законный приговор с точки зрения истинности установленных в нем обстоятельств.

Полагаем, что ускорение уголовно-процессуальных процедур оправдано лишь в случае всестороннего соблюдения при их производстве принципов уголовного судопроизводства, исключения случаев нарушения гарантированных Конституцией Российской Федерации прав его участников, а также недопущения снижения эффективности уголовного правосудия. Обосновано в этой связи утверждение А.В. Смирнова о том, что «ускоренная процедура не должна превращаться в скоропалительную, а процессуальная экономия не может заслонять задачу вынесения правосудного решения» [14].

Еще в 80-х годах XX века М.Л. Якуб указывал на недопустимость ослабления предусмотренных законом гарантий по делам о тех или иных преступлениях, указывая на то, что порядок уголовного судопроизводства по всем категориям дел должен предусматривать достаточные гарантии эффективного расследования и правильного разрешения дела, а также неуклонного соблюдения прав и законных интересов личности [15].

Общепризнанные принципы и нормы международного права, которые согласно ст. 25 Конституции Российской Федерации являются непосредственно действующими в нашей стране, едины для всех форм уголовного правосудия независимо от того, в общем или упрощенном порядке оно осуществляется. Действие закрепленного в ст. 49 Конституции принципа презумпции невиновности не подлежит ограничению в силу предписаний ратифицированных Российской Федерацией международных документов. Так, согласно положениям Всеобщей декларации прав человека, Международного пакта о гражданских и политических правах, Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, неукоснительное соблюдение принципов справедливости и презумпции невиновности являются основными началами уголовного правосудия независимо от форм его осуществления. Согласно ст. 66 Римского статута Международного уголовного суда от 17.07.1998 г., для осуждения обвиняемого суд должен убедиться в том, что обвиняемый виновен и это не подлежит сомнению на разумных основаниях [13]. В Резолюции Комиссии ООН по правам человека о целостности судебной системы указывается на необходимость всестороннего соблюдения судами принципов справедливости и презумпции невиновности при любых обстоятельствах [12]. Однако как пишет Г.А. Печников, при особом порядке судебного разбирательства «...вопреки презумпции невиновности обвиняемый сразу переводится в разряд преступников... В итоге получаем реализацию принципа: «цель оправдывает средства», где «признание» – цель, а «сделка» – средство» [14]. Полагаем недопустимым слепое следование цели процессуальной экономии вопреки назначению уголовного судопроизводства.

Следует отметить, что использование ускоренных процедур в уголовном судопроизводстве существенно уменьшает время, протекающее с момента его начала до вступления итогового судебного решения в законную силу. Кроме того, наличие гарантированного законом смягчения наказания за содеянное в случае применения ускоренных процедур является наилучшим стимулом к сотрудничеству подозреваемых и обвиняемых с правоохранительными органами.

Еще в конце 70-х гг. XX века И.Л. Петрухин, Г.П. Батуров, Т.Г. Морщак разработали модель оптимального правосудия, которое, по мнению ученых, должно отвечать следующим критериям:

1. Обусловленность социальными потребностями (социальная ценность правосудия);
2. Целеполагание (задание правосудию полезных целей);
3. Целедостижение (эффективность правосудия в узком смысле);
4. Организация достижения целей правосудия средствами системы судопроизводства (рациональное использование ресурсов, денежных фондов, техники, информации и т.д.);
5. Организация достижения целей правосудия средствами «внешней среды» (предоставление ресурсов и оказание управляющих воздействий)»

[8].

Предложенным критериям эффективности правосудия в большей мере отвечает институт досудебного соглашения о сотрудничестве, который, прежде всего, служит целям раскрытия наиболее опасных деяний в условиях постановления приговора в особом порядке с возможностью проверки установленных судом фактов при рассмотрении в общем порядке уголовного дела в отношении остальных соучастников преступления.

Безусловно, использование ускоренных процедур при соблюдении всех предусмотренных законом гарантий прав участников уголовного процесса способствует реализации идеи разумного компромисса [1, 4] в уголовном судопроизводстве, поскольку это дает возможность достижения назначения уголовного судопроизводства в условиях рационального использования энергетических и материальных ресурсов при одновременном принятии во внимание интересов сторон.

При рассмотрении уголовного дела в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, негативные стороны особого порядка судебного разбирательства более сглажены. Так, в след за вынесением приговора в отношении субъекта досудебного соглашения о сотрудничестве, как правило, грядет всестороннее рассмотрение уголовного дела в отношении его соучастников. При исследовании обстоятельств дела в общем порядке создаются условия для выявления возможных упущений предварительного следствия либо допущенных следователем злоупотреблений, поскольку в большинстве своем доказательственная база по таким уголовным делам аналогична. Именно поэтому нередко после вступления в законную силу приговора по основному уголовному делу, пересматривается в порядке надзора приговор в отношении субъекта досудебного соглашения о сотрудничестве в целях переквалификации совершенных им деяний на менее тяжкие составы.

Список литературы:

1. Аликиперов Х.Д. Проект нового УПК РФ и проблемы сокращенной процедуры судебного следствия. // Актуальные проблемы прокурорского надзора. Сборник статей. М., 2001. С. 69-73.
2. Бойков А.Д. Концептуальные проблемы проекта нового Уголовно-процессуального кодекса России // Прокурорская и следственная практика. 1997. № 2. С. 14.
3. Бойков А.Д. Новый УПК России и проблемы борьбы с преступностью // Уголовное право. 2002. № 3. С. 9.
4. Козак А. Судебной реформе быть? // Российская газета. 2001. 1 ноября.
5. Лазарева В. Легализация сделок о признании вины // Российская юстиция. 1999. № 5. С. 40-41.
6. Махов В., Пешков М. Сделка о признании вины // Российская юстиция. 1998. № 7. С. 17-19.
7. Михайлов П. Сделки о признании вины – не в интересах потерпевших // Российская юстиция. 2001. № 5. С. 37.

8. Петрухин И.Л., Батуров Г.П., Морщакова Т.Г. Теоретические основы эффективности правосудия. М., 1979. С. 176.
9. Петрухин И. Сделки о признании вины чужды российскому менталитету // Российская юстиция. № 5. 2001. С. 35-36.
10. Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. Ч. 1. М., 2004. С. 83-85.
11. Печников Г.А. Диалектические проблемы истины в уголовном процессе: монография. Волгоград, 2007. С. 256-257.
12. Резолюция Комиссии ООН по правам человека о целостности судебной системы от 19.04.2004 // Московский журнал международного права. 2005. № 2. С. 285-287.
13. Римский статут Международного уголовного суда от 17.07.1998 // Сборник международных документов. М., 2006. С. 506.
14. Смирнов А.В. Дискурсивно-состязательная модель уголовного процесса // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УРГЮА (СЮА): Материалы международной научно-практической конференции. Ч. 2. Екатеринбург, 2005. С. 276.
15. Якуб М.Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. М., 1981.

O.N. Tisen, Candidate of Law, Senior Assistant of the Prosecutor of the Department of the Prosecutor's Office of Orenburg Region (e-mail: olga-tisen@yandex.ru)

THE ACADEMIC DEBATE ABOUT WHETHER THE USE IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCESS EXPEDITED PROCEDURES

Abstract. This article deals with the emergence and development of procedures for the expedited proceedings in domestic criminal proceedings.

Keywords: criminal justice, pre-trial agreement on cooperation, the concept of plea bargaining.

УДК 34; 343.1

М.В. Чепик, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России, г. Хабаровск (e-mail: marina_chepik@mail.ru)

ИДЕЯ КОМПРОМИССА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Автор рассматривает современную тенденцию активного внедрения в уголовный процесс различных форм компромисса. В статье раскрывается понятие, сущность и назначение компромисса. По мнению автора, с учетом двойственной природы компромисса, его следует применять в исключительных случаях.

Ключевые слова: компромисс; конфликт; процессуальная экономия; всесторонность; полнота; объективность; уголовный процесс.

Качественные изменения в социальной, политической и экономической сферах жизни государства и общества всегда находят свое отражение в законодательстве. Ориентир современного российского государства на международные стандарты и принципы, демократизацию и гуманизацию, в том числе и в уголовной политике, закономерно привел к формированию соответствующих тенденций в развитии отечественного уголовно-процессуального права.

Концепция компромисса в российском правовом поле нашла свое отражение сравнительно недавно. Ее появление и развитие было связано с коренными изменениями во всех сферах жизнедеятельности общества, которые пришлось на конец 1980-х – начало 1990-х годов. В периоды, в существования СССР, подобная форма противодействия преступности противоречила существовавшей государственной идеологии. После 1991 г. появились альтернативные взгляды на взаимоотношения государства и преступности.

Резкий рост количества преступлений в начале 90-х годов прошлого столетия, вкуче с невозможностью ликвидации преступности, нереальностью всемерного предвосхищения правовых аномалий, на волне кардинального реформирования экономических отношений – все это потребовало наряду с применением государственного принуждения задействования альтернативных инструментов, в том числе и компромисса [5, с. 25].

Вместе с тем, необходимость развития компромиссов в уголовном судопроизводстве обусловлена тенденциями развития уголовного судопроизводства, а именно усилением идеи «параллельного расследования», начал состязательности на предварительном следствии, укреплении механизма равновесия защиты и обвинения [7].

С момента принятия в 2001 г. до настоящего времени в УПК РФ происходит усиление начал экономичности и целесообразности, проявление которых выразилось в виде нормативного упрощения уголовно-процессуальных процедур. В частности, речь идет о появлении в уголовно-процессуальном праве России норм, допускающих компромисс между компетентными органами государства и лицом, совершившим преступление, а также потерпевшим.

Примерами такого компромисса в уголовном процессе являются институты: примирения сторон (ст. 25 УПК РФ), деятельного раскаяния (ст. 28 УПК РФ), особого порядка судебного разбирательства (глава 40 УПК РФ), досудебного соглашения о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ), сокращенного дознания (глава 32.1 УПК РФ). Данными примерами наличие различных форм компромисса в УПК РФ не исчерпывается. Несмотря на имеющиеся формы компромисса в УПК РФ и их длительное использование в теории уголовного процесса, само понятие «компромисс» законодательного закрепления не получило.

Обращение к различной справочной литературе выявило наличие множества определений понятия «компромисс» и его активное использование в разных науках, таких как конфликтология, философия, психология, социология, уголовное право. Плюрализм дефиниций позволяет охарактеризовать компромисс как явление многоуровневое и многогранное. Наиболее распространенное в гуманитарной научной литературе определение понятия «компромисс» как оформленного соглашения (в письменной или устной форме), достигнутое на реальной основе взаимных уступок. Термин «соглашение» трактуется в данном контексте как договор или сопос-

такая с ним процедура договоренностей с учетом фактора времени и правил (прав и обязанностей каждой стороны, участвующей в соглашении) [4, с. 19].

Говоря о компромиссе в рамках уголовного судопроизводства, следует отметить что, прежде всего речь идет о правовом компромиссе. В самом общем виде правовой компромисс можно определить как своеобразное соглашение между государством в лице уполномоченных органов и должностных лиц, с одной стороны, и, с другой – между субъектом, физическим лицом или коллективным образованием, в отношении которого могут быть применены средства государственно-властного (принудительного) воздействия, направленные на минимизацию негативных юридических последствий [5, с.27]. Возможность его применения в различных сферах деятельности и на разных уровнях свидетельствует о его универсальности, что позволяет применять правовой компромисс в области как материального, так и процессуального права. В исследованиях, посвященных правовому компромиссу, четко прослеживается его взаимосвязь с такой категорией, как правовой конфликт.

Ученые-процессуалисты трактуют понятие «компромисс» через призму правоотношений, возникающих между участниками конфликта в уголовном судопроизводстве. Так, Р.Г. Зорин считает, что «под компромиссом в уголовном судопроизводстве следует понимать предусмотренное уголовно-процессуальным законом (не противоречащее) решение компетентных должных лиц, ведущих уголовный процесс в интересах подозреваемого, обвиняемого в целях раскрытия преступлений, привлечения к уголовной ответственности иных виновных лиц, реализации задач уголовного процесса и установления объективной истины по уголовным делам» [2]. Я.Ю. Янина определяет компромисс как «способ разрешения конфликтов уголовного судопроизводства, который достигается посредством взаимодопустимых уступок сторон обвинения и защиты» [8, с. 83]. С точки зрения И.А. Поповой под компромиссом следует понимать «один из способов разрешения конфликтов уголовного судопроизводства, который реализуется посредством соответствующих формальных процедур и связанных с ними тактических приемов, а достигается в рамках действующего закона взаимодопустимыми уступками сторон – участниц конфликта» [6, с. 8].

Также компромисс рассматривается как трехстороннее взаимовыгодное соглашение, в котором каждый из его участников имеет конкретные цели и преследует вполне определенные цели [3, с. 120-130]. Результатом соглашения является защита прав и законных интересов потерпевших, а также интересы общества и государства в сфере предупреждения и раскрытия преступлений, при условии, что такое соглашение основано на добровольности и взаимной выгоде.

Обобщая, можно сказать, что сущность компромисса состоит в желании сторон завершить конфликт взаимоприемлемыми уступками. Компромисс характеризуется отказом сторон от части своих интересов или требований,

либо их ограничении, который исходит из специфического соглашения сторон, заключаемого в целях урегулирования возникшего конфликта.

Вместе с тем, среди ученых нет единого мнения о том, что следует считать компромиссом. С различных позиций компромисс рассматривается:

- как способ урегулирования конфликта сторон в уголовном судопроизводстве;
- как взаимовыгодное соглашение между участниками конфликта;
- как решение должностных лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность.

Несмотря на то, что компромисс - это явление многоуровневое и многогранное, сущность рассматриваемого понятия остается неизменной, а именно:

- компромисс возникает при наличии конфликта между сторонами, имеющими спорные или взаимоисключающие интересы;
- содержанием компромисса выступают взаимные уступки и выгоды, участвующих в нем сторон;
- применение компромисса связано чаще всего с вынужденными уступками, на которые должны идти участники конфликта, для достижения взаимовыгодного или взаимоприемлемого решения;
- стремление сторон урегулировать спорные отношения.

Таким образом, применение компромисса в сфере уголовно-процессуального права имеет свою специфику. Компромисс употребим в тех ситуациях, когда стороны обвинения и защиты договариваются на основе взаимных уступок о наиболее приемлемом для каждой из сторон способе урегулирования возникшего конфликта, который обеспечит быстрый доступ к правосудию, экономию сил и денежных средств, а так же сократит сроки расследования.

Компромисс отражает стремление к повышению эффективности уголовно-процессуальной деятельности. Его активное применение в следственной и судебной практике позволяет решать ряд важных задач, связанных с защитой прав и законных интересов граждан. Применяя компромисс в уголовном судопроизводстве, его цель достигается с наименьшим ущербом для различных социальных ценностей и в разумные сроки, с сохранением гарантий прав участников уголовного процесса и его принципов. С этой точки зрения существование в законодательстве и активное использование в практике уголовного судопроизводства норм, допускающих компромисс, представляется оправданным.

Но, несмотря на положительные начала идеи компромисса, необходимо учитывать его двойственную природу. Во-первых, законодатель с целью упрощения и оптимизации уголовного судопроизводства сделал упор на экономическую составляющую проблемы, пропустив тем самым правовые проблемы. Допуская различные формы компромисса, например особый порядок судебного разбирательства законодатель формально закрепляет возможность отказа участников уголовного судопроизводства от исследо-

вания фактических обстоятельств уголовного дела, что влечет за собой, несомненно, процессуальную экономию, но и ставит под сомнение истинность и достоверность выводов следствия и суда, а, в конечном итоге, справедливость назначенного виновному наказания. Достаточно часто процессуальная экономия связана с деятельностью по исследованию обстоятельств уголовного дела. Все чаще применяются процедуры позволяющие игнорировать такие постулаты, как «всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств уголовного дела», «установление истины по делу» и т.д.» [1, с.7]. Во-вторых, на сегодняшний день отсутствуют законодательно установленные критерии оценки качества исследования обстоятельств уголовного дела, что, несомненно, влияет качество уголовного судопроизводства в целом и создает условия для распространения компромисса в уголовном процессе.

В настоящее время отсутствует эффективный механизм процессуально-контроля законности и обоснованности решений, основанных на компромиссе, не определены пределы его распространения на исследование обстоятельств уголовного дела, в связи с чем возникает необходимость совершенствования уголовно-процессуальных норм и практики их применения.

Так как задачей уголовного судопроизводства является не экономия материальных и трудовых ресурсов органов, осуществляющих уголовное преследование, и суда, а назначение виновному справедливого наказания, мы считаем, что компромиссы в уголовном судопроизводстве должны применяться в исключительных случаях.

Список литературы:

1. Бахта А.С. Компромиссы в уголовном процессе // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2014. № 1 (26). С. 7.
2. Зорин Р.Г. Криминалистические и уголовно-процессуальные аспекты допустимости компромисса в уголовном судопроизводстве. [Электронный ресурс]. www.rusnauka.com. (дата обращения 05.03.2015 г.).
3. Калугин А.Г. Сущность и социально-правовая обусловленность норм права, предусматривающих возможность разрешения уголовного дела на началах компромисса с лицом совершившим преступление // Публичное и частное право. 2010. № 5. С. 120-130.
4. Кузнецов В.Н. Теория компромисса. М., 2010. С. 19.
5. Макарейко Н.В. Государственное принуждение как средство компромисса. Материалы пятых Бабаевских чтений «Компромисс в праве: теория, практика, техника». Т.2. 2014. С. 25.
6. Попова И.А. Тактико-криминалистическое обеспечение компромиссных процедур в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 8.
7. Янина Я.Ю. Теоретические и практические аспекты применения конфликтов предварительного следствия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2007.
8. Янина Ю.А. Законность как критерий допустимости компромисса в разрешении конфликтов уголовного судопроизводства // Право и политика. 2007. № 9. С. 83.

M.V. Chepik, Postgraduate Student of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Khabarovsk (e-mail: marina_chepik@mail.ru)

THE IDEA OF COMPROMISE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract. *The author considers a current trend of active introduction in criminal trial of various forms of a compromise. In article the concept, essence and purpose of a compromise is considered. According to the author, taking into account the dual nature of a compromise, it should be applied in exceptional cases.*

Keywords: *compromise; conflict; procedural economy; comprehensive; full; objective; criminal procedure.*

УДК 343.131

Д.О. Чистилина, преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета, г. Курск (e-mail: darya-chistilina@yandex.ru)

СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ГРАЖДАН НА ПОЛУЧЕНИЕ КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

В России в современных условиях остро встает вопрос об оказании квалифицированной юридической помощи гражданам. В данной статье автор пытается найти наиболее оптимальные пути не только повышения качества её оказания, но и возможностей гражданам самим решать правовые споры, лишь частично пользуясь услугами юристов. Также в статье рассматриваются различные способы повышения правовой культуры населения.

Ключевые слова: *граждане, квалифицированная юридическая помощь, правовые споры, правовая культура.*

В ст. 48 Конституции РФ закреплено право каждого на получение квалифицированной юридической помощи, а также в случаях, предусмотренных законом, на её бесплатное оказание.

Возможность граждан получать квалифицированную юридическую помощь тесно связано с появлением института адвокатуры. Судебные установления 1864 г. не только зародили этот правовой институт, но и предусматривали обязанность присяжных поверенных на безвозмездной основе вести дела лишь в общих судебных установлениях и только при рассмотрении дел по существу, а не в частном или кассационном порядке.

Основная работа по оказанию юридической помощи бесплатно в основном возлагалась на помощников адвокатов, к уровню профессиональной подготовки которых не предъявлялось никаких требований, а также отсутствовал механизм осуществления контроля за их деятельностью.

В советский период также практиковалось оказание бесплатной юридической помощи населению. В дальнейшем законодателем были предусмотрены три случая, когда лицо могло гарантированно рассчитывать на бесплатную юридическую помощь.

Важной вехой в развитии института оказания бесплатной юридической

помощи в постсоветский период было принятие Федерального закона от 21 ноября 2011 г. N 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации».

Вновь принятый Федеральный закон также предусмотрел вариативность механизма реализации права граждан на бесплатную юридическую помощь. Каждый регион вправе самостоятельно выбирать определенную модель поведения. Возможны следующие варианты: создание государственных юридических бюро; включение в государственную систему бесплатной юридической помощи адвокатов; создание государственных юридических бюро, которые к оказанию такой помощи привлекали бы адвокатов.

По нашему мнению, наиболее перспективным является механизм, предусматривающий включение в государственную систему бесплатной юридической помощи адвокатов. Это связано с тем, что адвокат независим от органов государственной власти, местного самоуправления, с которыми гражданам зачастую приходится решать правовые конфликты. Также отпадает необходимость предъявления дополнительных требований к лицам, оказывающим бесплатную юридическую помощь, так как правовые акты в сфере деятельности адвокатов исчерпывающим образом закрепили их [1, с.3].

В Курской области на основании закона КО от 27.11.2012 № 106-ЗКО «О бесплатной юридической помощи в Курской области в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи» закреплено, что в государственную систему бесплатной юридической помощи на территории Курской области входят: Администрация Курской области; отраслевые органы исполнительной власти Курской области (комитеты, департаменты, управления); контрольные органы исполнительной власти; учреждения, подведомственные органам исполнительной власти Курской области. Кроме того, право участвовать в государственной системе бесплатной юридической помощи имеют и адвокаты, организацией деятельности которых занимается Адвокатская палата Курской области. В законе установлен дополнительный перечень граждан, которые имеют право на подобную помощь. Финансирование расходов, связанных с оплатой труда адвокатов, оказывающих гражданам бесплатную юридическую помощь, и с компенсацией их расходов на оказание такой помощи, осуществляется из областного бюджета.

ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» предусмотрено существование государственных юридических бюро, оказывающих все предусмотренные законом виды бесплатной юридической помощи. Эти организации могут быть только юридическими лицами, созданными в форме казенных предприятий субъектов РФ [3, с.33].

Целью деятельности государственного юридического бюро является бесплатное оказание квалифицированной юридической помощи малоимущим гражданам, а также иным отдельным категориям граждан.

Для её получения гражданин представляет в государственное юридическое бюро минимальный набор документов, необходимых для идентификации его личности, а также подтверждающих право на получение бесплатной юридической помощи [8, с.48-49].

Негосударственная система бесплатной юридической помощи формируется на добровольных началах, ее участниками являются юридические клиники (студенческие консультативные бюро, студенческие юридические бюро и другие) и негосударственные центры бесплатной юридической помощи. В целях оказания гражданам бесплатной юридической помощи некоммерческие организации, адвокаты, адвокатские образования, адвокатские палаты субъектов Федерации, нотариусы, нотариальные палаты могут создавать негосударственные центры бесплатной юридической помощи [4, с.40]. Предполагается, что государство либо местные органы власти должны оказывать помощь в финансировании социально ориентированных некоммерческих организаций, оказывающих бесплатную юридическую помощь, что будет способствовать их деятельности и большему распространению [2, с.27].

Однако как и в дореволюционный период к лицам, оказывающим бесплатную юридическую помощь не предъявляется особых требований, необходимо лишь наличие высшего юридического образования. В тоже время в других странах, например в США, предъявляется ряд дополнительных требований: правительства должны обеспечивать надлежащую квалификацию и подготовку юристов и знание ими профессиональных идеалов и моральных обязанностей, а также прав человека и основных свобод, признанных национальным и международным правом.

В связи с этим предлагается внести ряд дополнительных требований, связанных с введением специальных экзаменов и стажировок, что повысит уровень доверия граждан к подобного рода организациям [5, с.799]. Это еще раз поможет опровергнуть существующее предубеждение среди населения нашей страны, что «бесплатно - значит плохо».

Также для популяризации бесплатной юридической помощи необходимо распространение информации о возможности её оказания в различных источниках: телевидение, печатные СМИ, радио, интернет, раздача листовок на улицах и т.д. Проведение правового просвещения граждан в подобных центрах повысит качественный уровень реализации прав гражданами [6, с.10].

Немаловажным является и учет нашим законодателем положительного опыта реализации программы оказания бесплатной юридической помощи в других странах. Например, немецкая система оказания бесплатной юридической помощи не имеет централизованной структуры по её управлению. Услуги бесплатной юридической помощи оказываются исключительно частнопрактикующими адвокатами при ограничении роли государства в финансировании системы, что делает её более независимой. Оказание бесплатной юридической помощи в Германии подвижно исключитель-

но спросом и не связано с определением каких-либо приоритетов или установлением очередности.

Японский центр правовой поддержки, напротив, является государственным учреждением, целью которого является управление системой бесплатной юридической помощи. Каждый региональный офис укомплектован штатными адвокатами. Направления деятельности данного центра четко определены. При этом существуют некоторые ограничения, связанные с доступом к получению такой помощи, заключающиеся в регламентировании верхней планки доходов потенциального клиента. Центр также оказывает поддержку таким социально незащищенным группам населения, как беженцы, дети, пожилые и лица, страдающие психическими заболеваниями.

В США существуют различные организационные формы оказания бесплатной юридической помощи неимущим и малоимущим гражданам как на федеральном уровне, так и в отдельных штатах. Крупные адвокатские фирмы могут добровольно взять на себя обязанность вести часть дел, по которым клиентом выступает неимущее лицо, на безвозмездной основе. Такая работа получила название *pro bono*. Стоит отметить, что подобная деятельность не считается в США повинностью, а выполняется добровольно и служит средством накопления опыта работы по специальности [7, с.44].

Заметим, что в России стоит распространить практику оказания юридической помощи *pro se*, представляющую собой вид ограниченной бесплатной юридической помощи, выраженный в получении информации от юриста и в последующем ее самостоятельном использовании для решения правового вопроса. Однако клиенту может неоднократно по ходу защиты своих прав и интересов обращаться к юристу как за контролем правильности сделанных шагов, так и за дополнительной информацией. Для успешной работы подобной системы необходимо сообщать населению о возможности самостоятельного представительства, проводить обучающие тренинги и индивидуальные консультации.

Помощь может выражаться и в распространении шаблонов различных документов. В России в ограниченном виде существует такая возможность. Например, на сайте судов в сети Интернет можно найти шаблоны исковых заявлений и иных документов, законы и порядок судопроизводства.

Интересен пример США, где созданы специальные компьютерные программы «правовой самопомощи», в которых закреплён механизм действия в той или иной правовой ситуации. Таким образом гражданин получает конкретные указания, что помогает разрешить некоторые правовые вопросы быстро и без применения дополнительных затрат [9, с.36-37].

С помощью подобной деятельности можно будет подготовить граждан к самостоятельному решению большинства правовых вопросов.

В целом, юридическая помощь способствует обеспечению реализации и

защиты прав и законных интересов человека, а также обеспечению возможности реализации права гражданина на доступ к правосудию.

Список литературы:

1. Анисимов В.Ф., Акиннина Н.Ю. Роль адвокатского сообщества в реализации прав граждан на бесплатную юридическую помощь // Адвокатская практика. 2013. № 3. С. 2 – 5.
2. Бардин Л.Н. Правовые основы поддержки негосударственной системы бесплатной юридической помощи // Юрист. 2014. № 9. С. 25 - 28.
3. Гончарова Н.М. Российская модель организации оказания бесплатной юридической помощи // Омбудсмен. 2013. № 2. С. 30 - 35.
4. Курова Н.Н., Вяткина Л.А. Оказание бесплатной юридической помощи в России: развитие института // Адвокат. 2014. № 8. С. 39 - 46.
5. Остапенко (Плетень) А.С. Принципы оказания бесплатной юридической помощи // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 7. С. 797 - 805.
6. Петикян С.Г. Доступность бесплатной квалифицированной юридической помощи // Юрист. 2014. № 4. С. 9 - 11.
7. Радаева, Г. О. Проблемы оказания бесплатной юридической помощи в Российской Федерации // Адвокатская практика. 2012. № 5. С. 42-45.
8. Чумакова О.В. Роль государственных юридических бюро в реализации прав граждан на бесплатную юридическую помощь // Современное право. 2014. № 4. С. 46 - 51.
9. Яшина О.Н. Ограниченная юридическая помощь "pro se" как способ предоставления бесплатной юридической помощи большому кругу нуждающихся. Предложения по заимствованию американского опыта // Адвокатская практика. 2013. № 1. С. 35 - 38.

D.O. Chistilina, Teacher of the Criminal Procedure and Criminalistics Department of Southwest State University, Kursk (e-mail: darya-chistilina@yandex.ru)

WAYS OF REALIZATION OF CITIZENS' RIGHT TO RECEIVE QUALIFIED LEGAL ASSISTANCE

Abstract. In Russia in modern conditions, the acute question of the provision of qualified legal aid to citizens. In this article the author tries to find the best ways to not only improve the quality of its provision, but also opportunities ostensibly Dunham to decide legal disputes, only partially using the services of lawyers. The article also discusses the various ways of improving the legal culture of the population.

Keywords: citizens, qualified legal aid, legal disputes, legal culture.

Раздел II. Криминалистика, судебная экспертиза и оперативно-розыскная деятельность на современном этапе развития науки и практики

УДК 343.98

Д.В. Алымов, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета, г. Курск, (e-mail: sledczy@list.ru)

К ВОПРОСУ О ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Статья посвящена вопросу определения понятия и уяснению сущности и содержания технико-криминалистического обеспечения расследования преступлений. Рассмотрены основные элементы содержания технико-криминалистического обеспечения расследования преступлений и формулируются предложения по его совершенствованию.

Ключевые слова: Техничко-криминалистическое обеспечение, расследование преступлений, научно-технические средства.

В процессе расследования преступлений широко используются различные технико-криминалистические средства и методы, основное назначение которых состоит в повышении результативности в сфере борьбы с преступностью.

Успех в деле по борьбе с преступностью во многом зависит от уровня технико-криминалистического обеспечения расследования преступлений.

На сегодняшний день в науке предлагаются различные варианты определения понятия «технико-криминалистическое обеспечение».

А.Ф. Волынский, например, дает обобщенное определение технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений. По его словам, это специфический вид деятельности, осуществляемый в целях раскрытия и предупреждения преступлений. [1, с. 21]

В.И. Шелудченко определяет технико-криминалистическое обеспечение как организационную систему, направленную на создание и функционирование постоянной готовности служб и подразделений органов внутренних дел к быстрому и эффективному решению технико-криминалистических задач в целях получения и обработки криминалистически значимой информации и ее использование в расследовании преступлений. [4, с. 12-13]

Наиболее полное определение дано П.Т. Скорченко, который под технико-криминалистическим обеспечением понимает систему правовых, научных, организационных мер по разработке внедрению и практическому использованию технико-криминалистических средств и научных методов

в целях выявления, расследования, пресечения и предотвращения преступлений. [3, с. 5]

Таким образом, по мнению данного автора, технико-криминалистическое обеспечение включает в себя:

- правовое обеспечение;
- научное обеспечение;
- организационное обеспечение. [3, с. 5]

Под правовым обеспечением понимается правовое урегулирование всех важнейших вопросов применения криминалистической техники, без чего немислима никакая работа по технико-криминалистическому обеспечению расследования. [3, с. 5-6]

В ряде статей УПК РФ предусмотрены случаи применения средств криминалистической техники:

- при производстве следственных действий могут применяться технические средства и способы обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств (ч. 6. ст. 164 УПК РФ);

- в протоколе должны быть указаны также технические средства, примененные при производстве следственного действия, условия и порядок их использования, объекты, к которым эти средства были применены, и полученные результаты (ч. 5. ст. 166 УПК РФ);

- в случае производства следственного действия без участия понятых применяются технические средства фиксации его хода и результатов (ч. 3. ст. 170 УПК РФ);

- неопознанные трупы подлежат обязательному фотографированию и дактилоскопированию (ч. 2. ст. 178 УПК РФ);

- в случае, если освидетельствование сопряжено с обнажением лица другого пола, то с согласия освидетельствуемого применяются фотографирование, видеозапись или киносъемка;

- по инициативе следователя или по ходатайству допрашиваемого лица в ходе допроса могут быть проведены фотографирование, аудио- и (или) видеозапись, киносъемка, материалы которых хранятся при уголовном деле и по окончании предварительного следствия печатаются (ч. 4. ст. 189 УПК РФ).

Также немало правовых норм, регламентирующих порядок использования технических средств содержится в Федеральном Законе «Об оперативно-розыскной деятельности».

Так, ст. 6 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» содержит ряд требований и условий использования технических средств:

- в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий используются информационные системы, видео- и аудиозапись, кино- и фотосъемка, а также другие технические и иные средства, не наносящие ущерба жизни и здоровью людей и не причиняющие вреда окружающей среде;

- запрещается проведение оперативно-розыскных мероприятий и использование специальных и иных технических средств, предназначенных

(разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения информации, не уполномоченными на то настоящим Федеральным законом физическими и юридическими лицами.

- перечень видов специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности, устанавливается Правительством Российской Федерации.

В соответствии со ст. 11 Федерального Закона «О полиции» предусмотрены следующие нормативные правила использования технических средств:

- полиция в своей деятельности обязана использовать достижения науки и техники, информационные системы, сети связи, а также современную информационно-телекоммуникационную инфраструктуру (ч. 1 ст. 11);

- полиция в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, применяет электронные формы приема и регистрации документов, уведомления о ходе предоставления государственных услуг, взаимодействия с другими правоохранительными органами, государственными и муниципальными органами, общественными объединениями и организациями (ч. 2 ст. 11.);

- полиция использует технические средства, включая средства аудио-, фото- и видеofиксации, при документировании обстоятельств совершения преступлений, административных правонарушений, обстоятельств происшествий, в том числе в общественных местах, а также для фиксирования действий сотрудников полиции, выполняющих возложенные на них обязанности (ч. 3 ст. 11);

- Федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел обеспечивает полиции возможность использования информационно-телекоммуникационной сети Интернет, автоматизированных информационных систем, интегрированных банков данных.

Следует отметить, что ученые в области криминалистики и судебной экспертизы принимают активное участие в разработке ведомственных нормативно-правовых актов, которые детально регламентируют деятельность по использованию средств криминалистической техники. Многие вопросы регулируются внутренними актами: приказами, положениями, инструкциями и иными документами, подавляющая часть которых находится под грифом «секретно». Однако, по словам ведущих экспертов-криминалистов, данные акты отличаются высоким качеством, строгим соответствием федеральному законодательству, а также удобством в их применении.

Научное обеспечение имеет тесную связь с правовым обеспечением и основано на нем.

Научное обеспечение как элемент технико-криминалистического обеспечения включает в себя:

- заимствование знаний из других наук и приспособление их к целям

борьбы с преступностью;

- приспособление технико-криминалистических средств и методов к требованиям, предъявляемым действующим законодательством;

- научная разработка рекомендаций по применению технико-криминалистических средств с учетом современных достижений науки и техники;

- использование технико-криминалистических средств, успешно апробированных на практике;

- разработка учебных программ и курсов в целях подготовки и переподготовки специалистов в области применения средств криминалистической техники;

- формулировка предложений по совершенствованию технико-криминалистического обеспечения расследования преступлений;

- использование зарубежного опыта использования технико-криминалистических средств.

По мнению Ю.С. Лаврухиной, научность технико-криминалистических средств и методов рассматривает в качестве критериев их допустимости, к числу которых отнесены:

- полное соответствие технико-криминалистических средств и методов объективным явлениям действительности и закономерностям их развития;

- положительная экспериментальная проверка (апробация);

- точность (достоверность) результатов, получаемых при их применении;

- возможность проверки вследствие воспроизводимости в суде результатов применения методов и средств криминалистической техники.[2]

Следует отметить, что в литературе проблема научного обеспечения применения технико-криминалистических средств рассматривается учеными-криминалистами весьма широко и перечень его основных элементов остается открытым. Существует множество точек зрения относительно содержания научного обеспечения деятельности по использованию технико-криминалистических средств в процессе расследования преступлений, но, тем не менее, ученые стремятся к выделению общепризнанных элементов, которые, в конечном счете, способствуют определению наиболее оптимальных форм научного обоснования применения технико-криминалистических средств.

В структуре технико-криминалистического обеспечения расследования преступлений важную роль играет организационное обеспечение. [3, с. 6]

Организационное обеспечение основывается на двух предыдущих элементах технико-криминалистического обеспечения расследования преступлений.

По мнению П.Т. Скорченко, содержание организационной деятельности зависит от уровня правоохранительных органов. Четко просматриваются три таких уровня:

- первый – на уровне федеральных аппаратов правоохранительных ор-

ганов (Министерство внутренних дел, Генеральная прокуратура; Министерство юстиции, ФСБ и т.д.);

- второй на уровне республиканских, краевых и областных правоохранительных органов (МВД республик, ГУВД и УВД краев и областей);

- третий – на уровне районных и городских правоохранительных органов. [3, с. 6]

Таким образом, определение понятия и содержания технико-криминалистического обеспечения имеет важное значение, поскольку позволяет оптимизировать деятельность правоохранительных органов в плане использования научно-технических средств для собирания доказательств и иной значимой для дела информации, а также повысить качество работы по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений в целом. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений представляет собой деятельность, связанную не просто с механическим использованием средств криминалистической техники в той или иной ситуации, но и с ее научным обоснованием, определением правовых и организационных начал. Однако на сегодняшний день не выработано четкого определения технико-криминалистического обеспечения расследования преступлений, что может отрицательно сказаться на качестве использования научно-технических в практической деятельности правоохранительных органов.

Список литературы:

1. Волинский А.Ф. Концептуальные основы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений. дис. . д-ра. юрид. наук. М., 1999. 312 с.
2. Лаврухина, Ю.С. Основы технико-криминалистического обеспечения следственного действия // Следователь. 2006. № 4. С. 22-28.
3. Скорченко П.Т. Понятие и элементы технико-криминалистического обеспечения выявления и расследования преступлений // Российский следователь. 2012. № 14. С. 5-8.
4. Шелудченко В.И. Проблемы технико-криминалистического обеспечения расследования убийств: Автореф. дисс... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. 25 с.

D.V. Alymov, Candidate of Law, Associated Professor of the Criminal Procedure and Criminalistics Department of Southwest State University, Kursk (e-mail: sledczy@list.ru)

TO THE QUESTION OF TECHNICAL AND FORENSIC ENSURING THE INVESTIGATION OF CRIMES

Abstract. The article is devoted to defining the concept and clarifying the essence and the content of technical and forensic security investigation of crimes. Describes the main elements of the content of technical and forensic security investigation of crimes and makes proposals for its improvement.

Keywords: forensic software, investigation of crimes, scientific and technological means.

УДК 343.977

А.М. Банников, канд. техн. наук, директор ООО «Барс-Интернешнл» (e-mail: ban-ban@mail.ru)

О.С. Бочарова, канд. юрид. наук, член-корреспондент МНО МАИТ, доцент кафедры уголовного и процессуального права Минского филиала РГСУ (Республика Беларусь) (e-mail: nihil13@mail.ru)

В.В. Ревинский, д-р техн. наук, доцент, главный научный сотрудник НПЦ Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь (e-mail: vvrevinski@mail.ru)

ОПРЕДЕЛЕНИЕ РАКУРСНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ГОЛОВЫ АВТОМАТИЗИРОВАННЫМИ МЕТОДАМИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ПОРТРЕТНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

В статье предлагается новый способ автоматического определения ракурсного положения головы автоматизированными методами при проведении портретной идентификации программными методами.

Ключевые слова: автоматизированные системы, распознавание лица, определение тождества человека.

Основной задачей криминалистических автоматизированных систем распознавания лица или портрета является установление тождества человека по фотоснимкам, видеокдрам и иным объективным отображениям его внешнего облика. С их помощью могут также решаться вопросы экспертного диагностического характера: определение антропологической, половой и возрастной принадлежности изображенного на портрете лица; а также установление типового сходства разных лиц. При сравнении размерных отношений, вычисленных по фотоснимкам устанавливаемого и проверяемого, практически всегда обнаруживаются некоторые различия, что обусловлено различием условий съемки и положением головы человека относительно аппарата фиксации (ракурсом изображения).

Методы оценки ракурса изображения лица можно разделить на автоматизированные и ручные. К т.н. ручным методам относится хорошо известный метод, основанный на анализе количественных признаков на изображении. К количественным признакам, именуемым также измерительными, относятся такие, значение которых можно передать с помощью числовых величин. Для проведения измерений используются антропометрические (константные) точки, которые проставляются на изображениях лиц.

При сравнительном исследовании профильного снимка и снимка анфас при наклоне головы вперед (назад) можно определить ракурсное положение головы путем сопоставления размерных отношений вертикальных проекций лица. Поворот головы фотографируемого от анфаса к профилю влечет уменьшение абсолютных размеров проекции лица по горизонтали, поэтому для определения ракурсного положения необходимо учитывать

горизонтальные проекции лица. На практике определение ракурсного положения лица ручным методом представляет определенные сложности.

Поэтому нами предлагается способ автоматического определения ракурсного положения головы с использованием ряда методов. Рассмотрим некоторые из них.

1. Метод проверки по набору маркированных экземпляров (внешних шаблонов). Метод основан на использовании внешних шаблонов, которые сравнивают новое изображение с набором экземпляров (каждый маркирован отдельной позицией) с целью найти наиболее схожее изображение. В качестве внешних шаблонов предъявляется набор фотоизображений различных лиц заснятых с различным ракурсом. Изображение, подаваемое на вход, сравнивается с набором шаблонов и наиболее похожий экземпляр из числа шаблонов. Поскольку шаблон маркирован по значению угла поворота, то считается, что поворот предъявленного изображения соответствует этому углу.

Внешние шаблоны имеют ряд преимуществ перед более сложными методами. Коллекция шаблонов может быть расширена до более широкого набора в любое время, что позволяет системе адаптироваться к изменяющимся условиям. Кроме того, для внешних шаблонов не требуются отрицательные тренировочные образцы или обнаруженные лицевые точки. Создание набора тренировочных данных требует только изображения головы и предоставления данных о различных позициях.

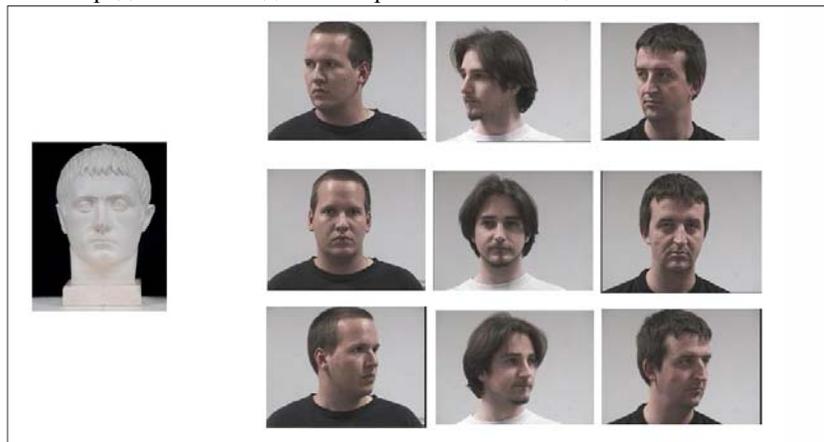

Иллюстрация набора маркированных экземпляров

Также метод хорошо подходит как для изображений высокого, так и низкого разрешения. При использовании некоторых методов интерполяции они в состоянии определять только конкретную позицию. К недостатку метода внешних шаблонов можно отнести тот факт, что его работа может происходить в рамках неверного предположения о том, что попарное сходство в пространстве изображений может быть приравнено к сходству

в позициях. Так индивидуальное влияние предъявленного лица может вызвать большее различие в изображении, чем изменение позы, и шаблонное сопоставление ошибочно ассоциирует изображение с некорректной позицией. Например, правый профиль лица может быть больше похож на левый профиль, чем фронтальный вид.

2. Метод проверки по маркированным массивам является логическим продолжением метода маркированных экземпляров. Суть его заключается в том, что маркируются группы, состоящие из набора лиц с одинаковым ракурсом. Каждой группе соответствует свой угол поворота головы. Угол поворота можно оценить по критерию – сколько лиц с одним и тем же углом поворота вошло в первую десятку сортированного списка.

Иллюстрация маркированных массивов

Для реализации данных методов было создано программное средство BarsPoisk. Программа позволяет сортировать загруженную базу изображений по степени «схожести» с предъявленным изображением.

Ниже приведем тестовые примеры практического использования рассмотренных методов с помощью программного средства BarsPoisk.

Метод маркированных экземпляров:

Тестовый набор эталонов (одно лицо)

Место в списке	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Наклон, град.	0	-5	-10	10	5	15	-5	0	0	5
Поворот, град.	0	0	0	0	0	0	-5	-5	5	5

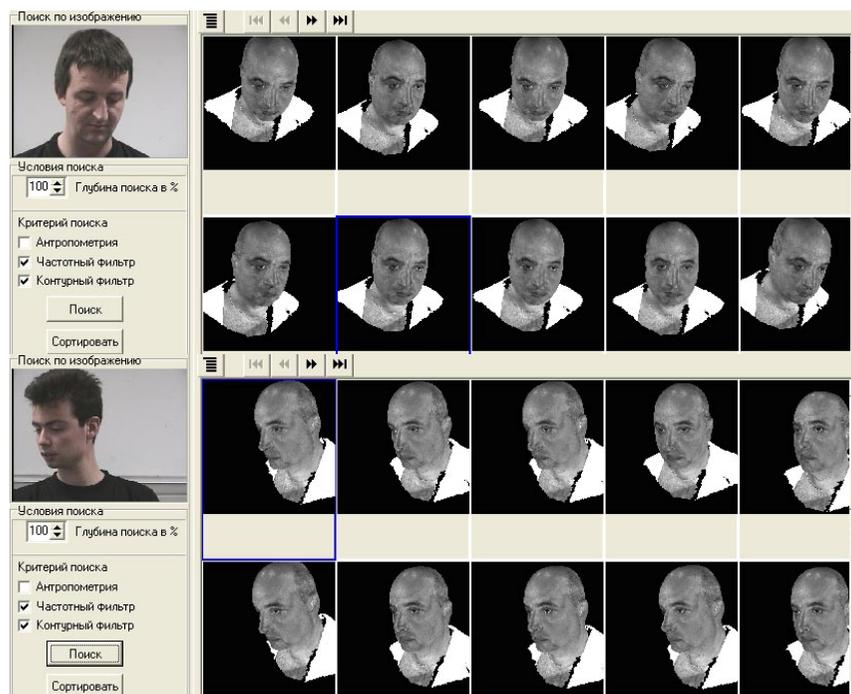

Иллюстрация результатов работы программы BarsPoisk.

Метод маркированных массивов:

Метод маркированных массивов использует уже не одно лицо для сравнения изображений, а набор лиц с различным ракурсом. Так для тестов с помощью программы BarsPoisk использовались массивы:

количество массивов (персон) – 7

Углы поворота:

- по вертикали $0, \pm 15, \pm 30$

- горизонтали $0, \pm 15, \pm 30, \pm 45$

Иллюстрация результатов работы программы BarsPoisk.

Место в списке	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Наклон, град.	-30	-30	-15	-30	-30	-15	-30	-30	-15	-30
Поворот, град.	-45	-30	-30	-45	-30	-45	-45	-15	-30	-45

Для приведенного примера приблизительно углы могут быть определены как: наклон 30^0 , поворот между 30^0 и 45^0 .

Учитывая высокое быстродействие при выполнении операций сравнения (более 20 000 сравнений в секунду) данный метод можно использовать при анализе видео последовательностей для оценки ракурса изображения.

Следует отметить, что при применении данных автоматизированных методов использовались методы портретной идентификации, основанные

на использовании дифференциальных спектров и контурный метод портретной идентификации [1,2,3].

Список литературы:

1. Банников А.М., Коляда А.А., Ревинский В.В. Метод портретной идентификации для криминалистических учетов на основе дифференциальных спектров // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр. / НПЦ Гос. ком. судебных экспертиз Республики Беларусь; редколл.: А.В. Дулов (гл. ред) [и др.]. Минск, 2014. Вып. 1/35. С. 49-57.

2. Банников А.М., Коляда А.А., Ревинский В.В. Контурный метод портретной идентификации для криминалистических учетов // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр. / НПЦ Гос. ком. судебных экспертиз Республики Беларусь; редколл.: А.В. Дулов (гл. ред) [и др.]. Минск, 2014. Вып. 1/35. С. 58-63.

3. Бочарова О.С., Банников А.М., Буржинский В.А., Коляда А.А., Ревинский В.В. Особенности построения автоматизированных информационно-поисковых систем криминалистического назначения по установлению личности человека // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр. / НПЦ Гос. ком. судебных экспертиз Республики Беларусь; редколл.: А.В. Дулов (гл. ред) [и др.]. Минск, 2014. Вып. 1/35. С. 64-69.

A.M. Bannikov, Candidate of Engineering, Director of the LLC «Bars-International» (e-mail: ban-ban@mail.ru)

O.S. Bocharova, Candidate of Law, Corresponding Member of ISO IAIT, Associated Professor of the Criminal and Criminal Procedural Law Department of Minsk Branch of RSSU (Republic of Belarus) (e-mail: nihil13@mail.ru)

V.V. Revinskiy, Doctor of Engineering, Associated Professor, Chief Scientist of SPC of State Committee of Forensic Expert Analysis of Republic of Belarus (e-mail: vvrevinski@mail.ru)

DEFINITION RESURSNOGO HEAD POSITION AUTOMATED METHODS WHEN CONDUCTING IDENTIFICATION PORTRAIT

Abstract. The paper proposes a new method for automatically determining resursnogo head position automated methods when performing face identification software methods.

Keywords: automated systems, face recognition, determination of the identity of the person.

УДК 343.92

К.А. Борисенко, адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Владимирского юридического института ФСИН России (e-mail: www.whatisboris@rambler.ru)

РОЛЬ ОПЕРАТИВНОЙ ОБСТАНОВКИ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

В данной статье рассматривается ситуационная обстановка в сфере борьбы с коррупционной преступностью в сфере уголовно-исполнительной системы, приводятся статистические данные, выделяются аспекты оперативной обстановки.

Ключевые слова: борьба с коррупцией, уголовно-исполнительная система, взяточничество.

Проблема борьбы с коррупцией и взяточничеством в правоохранительных органах, в том числе в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, многие годы не теряет своей актуальности. Значимость данного явления подтверждается рядом организационно-управленческих мероприятий, которые во многом сводятся к созданию эффективной нормативно-правовой базы, трансформации штатной структуры ФСИН России, учреждению новых структурных подразделений, направленных на борьбу с коррупцией, реформе социально-бытовой сферы защиты пенитенциарного персонала и повышения заработной платы.

Несмотря на широкий круг преобразований и модификаций, производимых высшими органами государственной власти – уровень коррупции в учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания, остается достаточно высоким. Между тем, включение в правоохранительный процесс незаконных методов осуществления деятельности ставит под угрозу не только эффективность функционирования ведомства, но и внутреннюю безопасность государства. Так, необходимость скорейшего решения проблем борьбы с фактами подкупа-продажности, в очередной раз, отметил Президент Российской Федерации – В. В. Путин на заседании расширенной Коллегии МВД России, называя «коррупционное давление со стороны правоохранительной сферы серьезным давлением для всей экономики».

[1] В свою очередь, возможность выявить закономерности и детерминанты пенитенциарной преступности, в частности, определить современное состояние коррупционной составляющей в пенитенциарных учреждениях, обозначить их специфические черты и особенности, без четкой оценки общего состояния правопорядка в учреждениях, представляется, по мнению автора, затруднительным.

К примеру, в 2014 году правоохранительными органами было зарегист-

рировано 754 преступления, совершенные лицами, содержащимися в учреждениях УИС, при этом более 61 тысячи преступных деяний было предотвращено в результате профилактической и оперативно-розыскной работы пенитенциарного персонала.[2] В отношении сотрудников УИС было возбуждено 357 уголовных дел, в том числе 101 уголовное дело по фактам взяточничества.[3] Статистические данные показателей совершения преступлений спецконтингентом за отчетный период 2013 года говорят о наличии 865 преступлений и 59,8 тысячи предотвращенных преступных намерений [4]; в отношении 456 сотрудников возбуждены уголовные дела, 105 из которых коррупционной направленности.[5] В 2012 году 887 преступных деяний было зарегистрировано среди лиц, отбывающих уголовное наказание, более 60 тысяч предотвращено правоохранительными органами;[6] 475 уголовных деяний было зарегистрировано среди сотрудников ведомства, 86 из которых предусмотрены ст. ст. 290, 291 УК РФ. [7]

Из приведенных статистических данных, за последние три года, общий уровень совершения противоправных деяний преступным элементом снижается, в свою очередь уменьшается и количество возбужденных уголовных дел в отношении сотрудников ведомства. Данный факт свидетельствует не только о влиянии оперативной обстановки в местах, обеспечивающих изоляцию от общества на качественные и количественные показатели преступности среди правоохранителей, но и во многом определяет ее.

В этой связи, считаем целесообразным обозначить и подробно рассмотреть вопросы определения оперативной обстановки в исправительных учреждениях УИС, а также ее организационно-функциональную роль в сфере профилактики и борьбы со взяточничеством в стенах ведомства.

Понятие оперативной обстановки является достаточно абстрактным и применяется к различным ситуациям, возникающим в ходе выполнения служебной и профессиональной деятельности сотрудниками правоохранительных органов. [8] Так, А.Г. Лекарь, сформулировавший одним из первых данное понятие, полагал, что под «оперативной обстановкой» следует понимать условия, а именно особенности обслуживаемой территории (объекта), состояние преступности, а также наличие и состояние сил и средств правоохранителей, в которых тот или иной аппарат (орган) выполняет задачи борьбы с преступностью. [9] Автор убежден, что данное определение носит чрезмерно емкий и всеобъемлющий характер.

В этой связи, следует отметить, что, по мнению ряда ученых и исследователей, относить к одному из условий деятельности сотрудников правоохранительных ведомств состояние и динамику преступности, является не совсем верным. Так, М.П. Лапшин, совершенно справедливо отметил, что состояние преступности является «самостоятельным, важным элементом оперативной обстановки».[10]

Поэтому рассматривать указанную дефиницию следует в более узком смысле, в первую очередь, применимо к функционированию системы, ис-

полнения наказаний.

Опираясь на исследования ученых-пенитенциаристов, отметим, что под оперативной обстановкой в УИС следует понимать совокупность внутренних и внешних условий, в которых осуществляется деятельность учреждений и органов, обеспечивающих изоляцию от общества, имеющих качественные и количественные показатели, в свою очередь влияющие на криминогенную ситуацию в них, и обуславливающие организацию и осуществление деятельности как пенитенциарного ведомства в целом, так и отдельных структурных подразделений учреждений в частности.

В свою очередь, следует выделить черты, характеризующие оперативную обстановку как явление социально-правовой действительности.

Наблюдение и оценка за состоянием оперативной обстановки в учреждениях УИС осуществляется по ряду количественных и качественных показателей, которые в свою очередь служат как базисом для ее оценки и анализа, так и являются факторами непосредственно на нее воздействующими.

Для уяснения содержания оперативной обстановки, перечислим основные ее показатели, к которым следует относить:

- 1) вид исправительного учреждения, его территориальное расположение, а также лимит наполнения и фактическое количество осужденных, в нем содержащихся; профиль производственного сектора учреждения;
- 2) криминологическую характеристику осужденных; количество осужденных, состоящих на профилактическом учете;
- 3) число преступлений, совершенных осужденными в исправительном учреждении и их характеристика; количество нарушений установленного порядка отбывания уголовного наказания;
- 4) количество изъятых запрещенных предметов, в том числе при попытке их доставки в исправительное учреждение (СИЗО);
- 5) материально-бытовые условия содержания осужденных, уровень обеспечения их прав и свобод, обеспеченность трудом;
- 6) укомплектованность структурных подразделений персоналом, его качественный состав.
- 7) число преступлений, совершенных сотрудниками пенитенциарного ведомства; их характеристика и тд.

Опираясь на практику деятельности по борьбе с коррупционной преступностью в УИС отметим, что информационное обеспечение деятельности правоохранительных подразделений (например, подразделений собственной безопасности, оперативного аппарата) во многом коррелирует с изучением, анализом и оценкой оперативной обстановки.

В свою очередь, не только, Б.Т. Шумилин, отмечал, что для правильной оценки оперативной обстановки необходимо прежде всего иметь достаточно полные исходные данные по каждой линии работы [11], но и статистические данные ФСИН России свидетельствуют о влиянии и взаимопроникновении указанных элементов.

Таким образом, оперативную обстановку можно рассматривать в нескольких аспектах, таких как:

1) фактор (условие) непосредственно влияющий на порядок осуществления мер по борьбе с пенитенциарной, в частности коррупционной преступностью;

2) форму информационного обеспечения деятельности в сфере своевременного выявления коррупционных проявлений;

3) фактор, во многом детерминирующий коррупционную преступность;

4) объект в сфере профилактики взяточничества.

При этом очевидным остается тот факт, что глубокий и качественный анализ элементов, условий, показателей оперативной обстановки позволяет прогнозировать процессы и явления в сфере борьбы со взяточничеством в УИС, эффективно определять главные стратегические и тактические направления деятельности в этой стезе, в свою очередь успешно решая проблемы своевременного выявления, раскрытия и расследования данной группы преступлений.

Список литературы:

1. Владимир Путин принял участие в работе коллегии МВД // Российская газета. URL : <http://www.rg.ru/2015/03/04/putin-mvd-site.html>. (дата обращения 05.03.2015)

2. Форма 2-УИС. Отчет о состоянии преступности среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС (за декабрь 2014 года)

3. Форма 3-ПР. Отчет о состоянии законности и преступлениях среди сотрудников уголовно-исполнительной системы за 4 квартал 2014 года.

4. Форма 2-УИС. Отчет о состоянии преступности среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС (за декабрь 2013 года).

5. Форма 3-ПР. Отчет о состоянии законности и преступлениях среди сотрудников уголовно-исполнительной системы за 4 квартал 2013 года.

6. Форма 2-УИС. Отчет о состоянии преступности среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС (за декабрь 2012 года).

7. Форма 3-ПР. Отчет о состоянии законности и преступлениях среди сотрудников уголовно-исполнительной системы за 4 квартал 2012 года.

8. Ткачук Т.А. Роль оперативной обстановки в раскрытии преступлений по горячим следам // Вестник Владимирского юридического института. № 2(11). 2009. С. 149.

9. Основы оперативно-розыскной деятельности. М. : изд. ВШ МООН РСФСР, 1966. С. 440.

10. Лашин М.П. Проблемы научной организации деятельности органов охраны общественного порядка в борьбе с преступностью. М. : ВНИИООП СССР, 1968. С. 55.

11. Шумилин Б.Т. Оперативное учение «Волна» // Оперативно-розыскная работа: Бюллетень ВНИИ МВД СССР. 1968. № 48. С. 3-11.

К.А. Borisenko, Postgraduate Student of Faculty of Training of the Teaching Staff of Vladimir Law Institute of Federal Penitentiary Service of Russia (e-mail: www.whatisboris@rambler.ru)

THE ROLE OF THE OPERATIONAL ENVIRONMENT IN THE FIELD OF COMBATING CORRUPTION CRIMES IN THE CRIMINAL EXECUTIVE SYSTEM

Abstract. This article discusses the situational environment in the field of combating corruption crimes in the sphere of criminal-Executive system, statistical data, the aspects of the operational environment.

Keywords: *corruption, criminal Executive system, bribery.*

УДК 343.1

О.Г. Дьяконова, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Тульского филиала РПА Минюста России (e-mail: oxana_diakonova@mail.ru)

СЛЕДСТВЕННОЕ, СУДЕБНОЕ ИЛИ ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ - К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

В статье анализируется сущность судебной экспертизы как процессуального, следственного или судебного действия. Автор приходит к выводу о том, что судебная экспертиза представляет собой комплекс действий процессуального характера — процессуальное действие.

Ключевые слова: *судебная экспертиза, следственное действие, судебное действие, процессуальное действие.*

Многие авторы-процессуалисты, посвятившие свои труды уголовному процессу, исследуя сущность судебной экспертизы, рассуждали об отнесении судебной экспертизы к числу следственных ли процессуальных действий, совершаемых в уголовном процессе, в связи с чем выделяли определенные признаки. Эти признаки, по мнению авторов, доказывали, является ли экспертиза следственным действием, процессуальным действием либо имеет иную сущность.

С. А. Шейфер четко разграничивает узкое и широкое понимание «следственных» действий: «а) широкое — это любое процессуальное действие, производимое следователем (дознавателем); б) узкое — только познавательное действие управомоченного субъекта. В первом случае в основу определения кладется субъект процессуальной деятельности, а во втором — осуществляемая управомоченным субъектом (следователем, дознавателем) ее познавательная цель и содержание» [16, С.57]. Кроме того, С. А. Шейфер отмечает, что с познавательной точки зрения следственное действие выступает как способ собирания доказательств — извлечение информации из следов события (деятельность по формированию доказательств)...Процессуальный аспект следственного действия состоит в том, что его проведение четко регламентировано нормами уголовно-процессуального закона, совокупность которых образует специфический институт уголовно-процессуального права, реализуемый в правоотношениях между его участниками [16, С.6]. Таким образом, по мнению С. А. Шейфера, эксперт не выступает субъектом следственного действия, им может быть только следователь (дознаватель), деятельность эксперта не является полностью автономной, в виду чего экспертиза представляет собой познавательный комплекс, в котором следователь осуществляет систему действий, связанных с назначением и проведением экспертизы, которые и являются следственным действием...; эксперт же по поручению

следователя осуществляет исследовательскую деятельность [16, С.62].

Л. В. Лазарева, перечисляя признаки судебной экспертизы, совпадающие с признаками следственного действия, также наделяет судебную экспертизу рядом признаков, которые отличают ее от следственных действий, но при этом пишет, что эти признаки ни в коей мере не позволяют считать «судебную экспертизу особой, автономной формой осуществления познавательной деятельности, коренным образом отличающейся от следственных действий (А. А. Эйсман, И. М. Лузгин) [14, С.140-142]. Мы считаем, что нельзя вести речь об автономии эксперта при производстве судебной экспертизы, так как эксперт осуществляет свою познавательную деятельность по инициативе лица, назначившего экспертизу, изучает лишь те материалы, которые были ему предоставлены, и отвечает на поставленные перед ним вопросы» [7, С.278], и, подводя итог, делает вывод, о том, что взаимодействие следователя и эксперта направленное на получение фактических данных об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по уголовному делу, и представляет собой содержание судебной экспертизы как комплексного действия познавательного характера [7, С.279].

Напоминая о том, что уголовно-процессуальное познание может осуществляться следователем и в опосредованных формах, а экспертиза – не единичный случай следственного действия, где познавательные приемы применяет не сам следователь (например, освидетельствование лица иного пола, чем следователь, сопровождаемое обнажением этого лица, осуществляет непосредственно специалист-врач, со слов которого следователь и составляет протокол), Е. А. Зайцева, пишет, что деятельность эксперта является неотъемлемой частью следственного действия – назначения и производства экспертизы, которое, в свою очередь, представляет собой сложное действие, включающее в себя комплекс процессуальных действий следователя и лиц, вовлекаемых в процесс получения доказательств – заключения эксперта [5, С.140].

Последовательно проанализировав природу и признаки судебной экспертизы, Е. А. Зайцева приходит к выводу, что экспертиза как следственное действие — это назначенное в соответствии с требованиями закона и осуществляемое в установленной процессуальной форме исследование вещественных доказательств и других, выявленных при расследовании уголовного дела материалов, объектов, обстоятельств, которое проводится на основании мотивированного решения органа расследования или суда не заинтересованным в исходе дела лицом, сведущим в науке, технике или других специальных отраслях знания, с целью составления обоснованного заключения по специальным вопросам, возникающим при расследовании и разрешении уголовного дела по существу [5, С.161]. Данное определение судебной экспертизы возникло, благодаря анализу и различию следственного и процессуального действия, последнее, по мнению, Е. А. Зайцевой, является внешним параметром действий (следственных, судебных и других) [5, С.139].

Действительно, все следственные действия, так же как и судебные, являются процессуальными, но не только по форме — как внешнему параметру этих действий, но и по содержанию, поскольку являются частью процессуальной формы, характеризующей судопроизводство в целом, а также осуществление отдельных действий в определенном порядке, что характеризует сущностную их составляющую.

Точки зрения авторов о деятельности сущности судебной экспертизы можно условно разделить на несколько групп: 1) судебная экспертиза суть специфическое, с учетом участия эксперта, следственное действие (Ю. К. Орлов, В. М. Быков, Е. А. Зайцева, В. А. Семенов); 2) судебная экспертиза как особый комплекс действий, направленных на проведение исследования и получение заключения (Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская, С. А. Шейфер, А. В. Кудрявцева, В. Ю. Шепитько, Л. В. Лазарева, С. Б. Россинский и другие). С.А. Шейфер [13, С.56-57] и А.Б. Соловьев [9, С.11] относят к следственным лишь действия по решению вопросов, связанных с назначением экспертизы. Другие ученые полагают, что назначение и производство судебной экспертизы является самостоятельным следственным действием [9, С.281; 12, С. 31; 3, С.135].

Приведенные точки зрения уважаемых авторов весьма значимы, однако, не стоит забывать, что судебная экспертиза — как совокупность действий и правовой институт присутствует не только в уголовном процессе и уголовно-процессуальном праве (в сфере которого она наиболее часто встречается). Судебная экспертиза — межпроцессуальный комплексный правовой институт, межпроцессуальная совокупность действий, на месте следователя (дознателя) во многих случаях при назначении экспертизы находится судья. Называть следственным действием судебную экспертизу в этом случае невозможно, наименование «судебное действие» к ней также не совсем подходит.

В УПК РФ следственные действия отделены от судебных, хотя определений ни одного из терминов в нем не приводится. Тем не менее, некоторые ученые проводят знак равенства между следственными и судебными действиями (Ю. В. Корневский). С. А. Шейфер считает, что данное разграничение не имеет особого значения, поскольку все познавательные действия, осуществляемые в судебном разбирательстве, следует также именовать следственными, т.к. иной подход порождает неустранимую путаницу, вызванную тем, что «судебные действия невозможно отделить от «иных процессуальных действий» [14, С.11]. Похожую позицию в этом вопросе занимает и В. А. Семенов [4, С.195-198].

С. Б. Россинский, не соглашаясь с этим мнением, отмечает, что распространение сферы применения следственных действий на судебные стадии уголовного процесса приведет, в конечном счете, к размыванию их процессуальной сущности и обусловит их смешение с действительно близкими по смыслу судебными процедурами, предусмотренными гл. 37 УПК РФ [8, С.21].

Некоторые авторы развивают теоретические положения о судебных действиях. Так, С. А. Александрова под судебными действиями понимает процессуальные действия, связанные с осуществлением полномочий суда в уголовном судопроизводстве (в ходе досудебного и судебного производства), производимые в судебном заседании судом (судьей) либо иными участниками уголовного судопроизводства под организационным руководством суда (судьи) в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством РФ. А в систему судебных действий включает три подсистемы: судебно-контрольные действия, судебные действия следственного характера, организационно-обеспечительные действия суда [1, С.8]. И следственные, и судебные действия, которые, впрочем, можно разделить и на определенные категории, являются процессуальными действиями.

Представляется, что следственные действия получили свое наименование от словосочетания — проводить исследование, исследовать и вести следствие, а не от наименования субъекта, который их проводит — следователя, поскольку следственные действия может проводить дознаватель, а судебное следствие в рамках судебного разбирательства проводит судья. Так, собирательное по признакам определение следственных действий предлагает закрепить в УПК РФ С. А. Бочинов: «эти действия характеризуются совокупностью поисковых, познавательных и удостоверительных операций, детальной регламентацией процедуры их производства и оформления, а также обеспеченностью уголовно-процессуальным принуждением»[2, С.61].

Профессор И. Я. Фойницкий, обосновывая отличие экспертизы от свидетельского показания и осмотра, указывает, что экспертиза, представляя материал для постановки судебного решения, является доказательством особого вида. Мы поддерживаем точку зрения ученых [11, С.280], высказанную более столетия назад, до сих пор актуальную, и полагаем, что судебная экспертиза, несомненно, имея процессуальную природу, как формально, так и содержательно, тем не менее, не относится ни к следственным действиям, ни к судебным в их дословном понимании. Судебная экспертиза — особая совокупность действий — деятельность, результатом которой выступает особый вид доказательств, на основании которого, наряду с другими доказательствами, суд выносит свое решение.

Назначение и производство судебной экспертизы представляет собой процессуальное действие, состоящее из нескольких этапов — назначения экспертизы (как следственного или судебного действия), проведения непосредственно экспертного исследования (производства экспертного исследования) и оценки заключения эксперта. Таким образом, назначение судебной экспертизы — это первый этап процессуального действия, состоящий из определения вида судебной экспертизы, подготовки объектов и материалов для производства исследования, формулирования вопросов эксперту, вынесения управомоченным на то законом лицом (органом) по-

становления или определения о назначении судебной экспертизы, выполнения комплекса действий по обеспечению реализации участниками судопроизводства принадлежащих им прав, и отправки данных объектов в экспертное учреждение (эксперту). То есть совокупности действий, целью которых является проведение в установленном законом порядке подготовительных действий, направленных на обеспечение должного производства экспертного исследования.

Производство экспертизы — это деятельность, которая складывается из исследования, проводимого по особой методике (с применением определенного метода, методов) на основе полученных материалов и представленных на экспертизу объектов. Исследование завершается одним из следующих вариантов: во-первых, составлением заключения, под которым эксперт (комиссия экспертов) ставят свою подпись и за изложенные в котором сведения несут личную ответственность; во-вторых, составлением письменного мотивированного сообщения о невозможности дать заключение (это происходит при наличии некоторых условий, например, отсутствие возможности дать ответ на поставленные вопросы вследствие недостаточности материалов, когда ходатайство об их дополнении не было удовлетворено, негодности представленных объектов и т.п.); в-третьих, при производстве некоторых видов экспертиз, например, амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы в отношении живых лиц нередко возникает необходимость для углубленного исследования подэкспертного, в связи с этим эксперты (психиатры или психологи) рекомендуют направить лицо, в отношении которого необходимо назначить экспертизу, на стационарное исследование, т.е. назначить дополнительную экспертизу.

Следовательно, проведение судебной экспертизы включает в себя систему процессуальных действий, состоящих из назначения экспертизы, подготовки материалов (т.е. их собирание, закрепление и направление руководителю государственного экспертного учреждения для представления экспертам с целью проведения исследования и дачи заключения), проведения исследования, получения и оценки заключения. Оценка заключения эксперта является объектом, который включается как в деятельность по проведению судебной экспертизы, так и в часть следствия (в том числе судебного) — исследования доказательств.

Процессуальными действиями может считаться совокупность действий, которые осуществляются субъектами процесса (судопроизводства) в строгой процессуальной форме, имеют цель и задачи, а также особый субъектный состав и решающий акт, представленный в виде документа, оформленного в соответствии с требованиями закона. Кроме того, в других процессуальных кодексах речь вообще не идет о следственных действиях. Если ставить во главу угла единообразное регулирование института судебной экспертизы, то следует привести общее определение, отражающее сущность и природу совокупности действий, называемых судебной экспертизой. Выделение следственных действий актуально только для

уголовного процесса, судебная экспертиза — совокупность действий, используемая в гораздо более широком спектре процессуальных областей, включая и уголовный процесс. Следует раздвигать горизонты и отыскивать пути унификации института судебной экспертизы.

Именно поэтому, полагаем, судебная экспертиза выступает *процессуальным действием*, т.е. *совокупностью действий познавательного характера, направленных на получение ответов на вопросы, требующие использования специальных знаний в различных областях науки, техники, искусства, ремесла, включающих назначение и производство исследования, которые осуществляют соответственно субъект, ведущий процесс (следователь, дознаватель, судья) и эксперт, а также составление экспертом заключения и представление его субъекту, назначившему экспертизу, и его оценку*. Учитывая данное положение, мы можем говорить о судебной экспертизе не только как об институте уголовно-процессуального права, что не умаляет достижения и разработки, связанные с совершенствованием регламентации института судебной экспертизы в судопроизводстве.

Список литературы:

1. Александрова, С.А. Судебные действия, осуществляемые судом первой инстанции в уголовном судопроизводстве России : понятие, виды, процессуальный режим : автореф. диссер. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2010.
2. Бочин, С.А. Следственные действия как способы собирания доказательств в до-судебном производстве: диссер. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2014.
3. Быков, В.М., Жмурова, Е.С. Следственные действия по Уголовно-процессуальному кодексу РФ // Правоведение. 2003. № 2 (247). С.125-135.
4. Гладышева, О.В., Семенов, В.А. Уголовно-процессуальное право. Общая часть и досудебное производство: курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2013.
5. Зайцева, Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях составительного уголовного судопроизводства : дисс.... д-ра юрид. наук. Москва, 2008.
6. Кальницкий, В.В. Следственные действия: Учебно-методическое пособие. Омск, 2001.
7. Лазарева, Л.В. Концептуальные основы использования специальных знаний в российском уголовном судопроизводстве: дисс.... д-ра юрид. наук. Владимир, 2011.
8. Россинский, С.Б. Понятие и сущность следственных действий в уголовном судопроизводстве: дискуссия продолжается // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. 2015. № 2. С.16-21.
9. Соловьев, А.Б. Система следственных действий как средство уголовно-процессуального доказывания (проблемы уголовного процесса и криминалистики). Научно-методическое пособие. М., 2006.
10. Уголовный процесс: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» /В.П. Божьев; под ред. В.П. Божьева. 3-е изд., испр. и доп. М., 2002.
11. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Том II. Издание третье, пересм. и доп. С.-Пб., 1910.
12. Чувилов, А.А., Добровольская, Т.Н. Особенности преподавания курса уголовного процесса в вузах МВД СССР. Вопросы методики чтения проблемных лекций по Особенной части: учебно-методический материал. М., 1986.

13. Шейфер, С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 2004.

14. Шейфер, С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М., 2004.

15. Шейфер, С.А. Система следственных действий: каковы пути ее развития? // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. 2015. № 2. С.5-15.

16. Шейфер, С.А. Собираание доказательств по уголовному делу: проблемы законодательства, теории и практики: монография. М., 2015.

O.G. Djyakonova, Candidate of Law, Associated Professor, the Civil Law Courses Department of Tula Branch of Russian Law Academy of Ministry of Justice of the Russian Federation (e-mail: oxana_diakonova@mail.ru)

INVESTIGATIVE, JUDICIAL OR PROCEDURAL ACTION - THE QUESTION OF THE NATURE OF FORENSIC EXAMINATION

Abstract. *The article analyses the essence of the forensic examination as investigative, judicial or procedural action. The author forms to the opinion that the forensic examination is a complex procedural action.*

Keywords: *forensic examination, investigative action, judicial action, the procedural action.*

УДК 343.13

А.С. Закотянский, аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета (e-mail: zakotyanskyas@mail.ru)

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ДОКАЗЫВАНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

В статье рассматриваются подходы к использованию результатов тайных полицейских операций, аналогичных российской оперативно-розыскной деятельности, в доказывании по уголовным делам на примере практики Европейского Суда по правам человека и УПК Германии.

Ключевые слова: *доказывание по уголовным делам; оперативно-розыскная деятельность; Европейский суд по правам человека; УПК Германии.*

Вопрос об использовании в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности (далее также - ОРД) в российской науке традиционно разрешается с большой осторожностью. Об этом говорит значительное число сторонников подхода, согласно которому результаты ОРД не имеют самостоятельного доказательственного значения, а являются лишь источниками информации, приобретающей процессуальный характер после ее извлечения, закрепления и проверки путем проведения следственных действий. Среди сторонников этой консервативной концепции можно назвать таких ученых, как В.И. Жажицкий [1; с. 45, 47], Е.А. Доля [2, с. 56-63, 70-77, 83-90], А.Р. Белкин [3, с. 283], А.В. Победкин [4, с. 244].

Но если обратиться к опыту других стран континентальной системы права - Германии, Франции, а с недавних пор и Украины, - можно увидеть тенденцию к регулированию тайных операций, схожих с отечественной оперативно-розыскной деятельностью, непосредственно в уголовно-процессуальном законодательстве и сближения их доказательственного значения с результатами следственных действий.

Такое слияние уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности допускает и Европейский Суд по правам человека (далее также - Европейский Суд), подтверждением чему является дело «Перри против Великобритании». Предметом рассмотрения Европейского Суда явились гарантии права на неприкосновенность частной жизни, но подробный анализ опубликованных материалов по данному делу содержит ценные выводы и по вопросу о роли результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам [5].

По делу «Перри против Великобритании» содержащийся под стражей заявитель, обвиняемый в совершении ряда разбойных нападений, был доставлен в полицейский участок для производства следственных действий, начала которых он ожидал в холле участка. Однако данное ожидание было лишь прикрытием для тайной полицейской операции, в ходе которой специально настроенная камера видеонаблюдения фиксировала обвиняемого и «случайно» проходивших мимо него заранее подобранных полицейей статистов в целях дальнейшего предъявления для опознания свидетелям преступлений и потерпевшим. Сам обвиняемый не был проинформирован о получении полицией видеоматериала для предъявления для опознания, чем были нарушены требования национального законодательства, регулирующего познавательную деятельность полиции по уголовным делам (Кодекса практики, являющегося частью английского Закона о полиции и доказывании по уголовным делам 1984 г.). Нарушения национального законодательства выразились, в частности, в том, что обвиняемый не имел возможности оспаривать выбор статистов, полицией не был получен отказ обвиняемого от участия в обычной процедуре предъявления для опознания либо согласие обвиняемого на подобную видеосъемку, а также не было обеспечено право обвиняемого или его адвоката знакомиться с видеозаписью в ходе досудебного производства либо присутствовать при ее демонстрации опознающим лицам.

Несмотря на перечисленные нарушения, Европейский Суд сделал вывод о неприемлемости жалобы в части довода о несоответствии требованиям справедливого судебного разбирательства использования в доказывании видеозаписи тайной полицейской операции и результатов опознания обвиняемого на основании данной видеозаписи.

При этом, Европейский Суд сформулировал общий подход к использованию в доказывании информации, полученной стороной обвинения в ходе тайной полицейской операции в том числе и проведенной с нарушением требований национального закона. Первые два сформулированных Судом

критерия - представление стороне защиты эффективных возможностей по своевременному ознакомлению с результатами тайной полицейской операции и проверке их достоверности, а также наличие совокупности косвенных доказательств, подтверждающих вывод, сделанный на основе таких результатов, - охватываются понятием «надлежащих процессуальных гарантий». Третий сформированный Судом критерий устанавливает требования к самой информации, полученной в ходе проведения тайной полицейской операции, в том числе и с нарушением требований закона, - отсутствие обстоятельств, позволяющих предположить, что ее использование в доказывании будет пристрастным, включая факты любого давления, принуждения или провокации со сторон публичных участников процесса при ее получении.

Европейский Суд не устанавливает принципиального запрета на использование в доказывании информации, полученной официальными участниками процесса со стороны обвинения в ходе тайных полицейских операций, аналогичных российской оперативно-розыскной деятельности, но запрещает ее заведомо предвзятое использование, выражающееся в лишении стороны защиты возможности состязательного участия в проверке такого доказательства или в отсутствии реагирования на признаки провокации преступления.

В качестве основной гарантии против полицейского произвола и провокаций в современной практике Европейского Суда предлагается судебный контроль или надзор органа, не входящего в систему органов полиции, производящих тайные операции [6, § 105, 106]. Необходимо подчеркнуть, что в большинстве европейских стран санкционирование тайных операций, аналогичных российской проверочной закупке, является исключительно судебным или производится органами прокуратуры с обязательным уведомлением органа судебного контроля [6, § 52, 53, 56, 58, 59].

Тенденция сближения оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности наблюдается и в странах континентальной системы права - в ряде государств процесс такого сближения отражен в процессуальном законодательстве.

В качестве яркого примера можно рассмотреть УПК Германии [7], где непосредственно урегулированы меры, аналогичные российским оперативно-розыскным мероприятиям, и порядок использования в доказывании сведений, полученных от полицейских агентов «под прикрытием» (аналог отечественного оперативно-розыскного мероприятия «оперативное внедрение»).

Особенно детально регламентирована процедура тайного прослушивания частных помещений обвиняемого или частных помещений иных лиц, где обвиняемый находится (ст. 100с УПК Германии). Производство такого прослушивания возможно, если конкретные факты дают основание подозревать лицо в совершении или в подготовке к совершению тяжкого уголовного преступления (включая убийство, торговлю людьми, преступле-

ния в сфере незаконного оборота наркотических средств, разбой и грабеж), или конкретные факты дают основание подозревать, что прослушивание лица позволит установить местонахождение его сообщников, и «иные средства установления фактов будут непропорционально более трудным или их применение обоснованно представляется безрезультатным» (п. 1-4 ч. 1, ч. 2 ст. 100с УПК Германии).

Не допускается прослушивание лица, обладающего свидетельским иммунитетом, кроме случаев, если имеются конкретные факты, позволяющие предположить, что это лицо является сообщником преступления или помогает воспрепятствовать расследованию (ч. 6 ст. 100с, ч. 4 ст. 160а УПК Германии).

Прослушивание производится на основании решения судебной коллегии, санкционирующей его осуществление не более чем на 1 месяц с ежемесячным принятием нового решения о продлении на основании представляемой суду информации о результатах и ходе прослушивания. При этом каждое из таких судебных решений, согласно ч. 3, 4 ст. 100d УПК Германии, должно содержать:

- указание на вид получаемой информации и ее предполагаемое значение для производства расследования;
- конкретные факты, на которых основывается подозрение;
- мотивировку необходимости и соразмерности применения данной меры;
- указание на конкретные факты, свидетельствующие о том, что прослушивание не будет направлено исключительно на получение данных о частной жизни человека.

Необходимо обязательное уведомление об осуществлении наблюдения обвиняемого, иных лиц, разговоры которых прослушаны, а также владельца прослушиваемого помещения в возможно короткий срок, если такое уведомление не ставит под угрозу цели расследования или жизнь, здоровье и личную свободу третьих лиц (п. 4 ч. 4, ч. 5 ст. 101 УПК Германии). Если такое уведомление не происходит в течении 6 месяцев после завершения прослушивания, решение о дальнейшем отказе от уведомления принимается судом (ч. 6 ст. 101 УПК Германии). Уведомленное лицо вправе в судебном порядке оспорить законность осуществленного в отношении него прослушивания, включая способ и средства его осуществления (ч. 7 ст. 101 УПК Германии).

Кроме того, согласно ч. 3 ст. 161 УПК Германии, сведения о личности, полученные в результате тайного прослушивания частных помещений, могут быть использованы в доказывании на основании «конституционного принципа пропорциональности» и только после оценки законности осуществления такой прослушивания судом.

Такое правовое регулирование создает развернутую систему судебного контроля за законностью полицейского познания, осуществляемого оперативно-розыскными методами, и позволяет, в разумных пределах, создать

условия для его беспристрастности.

Необходимо отметить, что столь детально урегулированный контроль на досудебном этапе производства по делу существует в германском уголовном процессе не за всеми тайными полицейскими операциями. Но недостаточность гарантий на досудебном этапе, как правило, компенсируется германским законодателем при регулировании судебного производства по делу.

Так, использование полицейских агентов под прикрытием возможно с согласия органов прокуратуры, что не вполне соответствует выработанной Европейским Судом концепции о необходимости такого санкционирования независимым органом. Прокуратура в Германии выступает в качестве ведомства, в непосредственном подчинении которому находятся полицейские, проводящие тайную операцию, что следует из ч. 1 ст. 161 УПК Германии, дающей прокурору право проводить расследование посредством поручения соответствующих действий полиции.

Получение согласия суда на проведение тайной полицейской операции с внедрением агента под прикрытием необходимо, только если агент будет осуществлять деятельность в отношении конкретного обвиняемого либо в ходе своей деятельности будет входить в частные помещения (ч. 1, 2 ст. 110b УПК Германии). Кроме того, ст. 110b УПК Германии не содержит каких-либо требований к содержанию и уровню обоснованности решений прокуратуры или суда о проведении тайной полицейской операции с использованием агентов под прикрытием.

Несмотря на недостаточность нормативного регулирования использования агентов под прикрытием на досудебном этапе производства по делу, УПК Германии позволяет обеспечить равноправное участие стороны защиты в проверке информации, полученной в результате внедрения агентов под прикрытием, при рассмотрении дела судом.

Уголовно-процессуальный закон Германии требует раскрытия личности агента под прикрытием в разумной степени, обеспечивающей проверку реальности наблюдения им событий, о которых он дает показания, а также позволяющей стороне защиты непосредственно участвовать в судебном допросе агента под прикрытием и наблюдать за его поведением во время дачи показаний. Согласно ч. 3 ст. 68 УПК Германии, свидетелю может быть разрешено не предоставлять личные данные или предоставлять их только в том виде, в котором они были известны обвиняемому (т.е. в объеме «оперативной легенды»), причем в любом случае свидетель обязан указать, в каком качестве факты, на которые он ссылается, стали известны ему.

Таким образом, допуская возможность прямого использования в доказывании информации, полученной в ходе деятельности, имеющей тайный, оперативно-розыскной характер, германский законодатель демонстрирует достаточно осторожный подход, закрепляя широкие гарантии обеспечения объективности и беспристрастности такой информации и проверки ее дос-

товерности стороной защиты.

Отсюда следует, что не является продуктивным традиционное для российской науки жесткое размежевание уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной познавательной деятельности. Нельзя назвать правильным и путь бесконтрольного использования результатов ОРД в доказывании, который неминуемо повлечет за собой произвол и беззаконие. Оптимальным для развития отечественного уголовно-процессуального законодательства представляется путь, уже намеченный практикой Европейского Суда и другими странами континентальной системы права - ограниченная возможность непосредственного использования результатов ОРД в доказывании с установлением развернутой системы процессуальных гарантий, обеспечивающих непредвзятость и объективность такого использования.

Список литературы:

1. Зажицкий В. Оперативно-розыскная деятельность и уголовное судопроизводство // Российская юстиция. 2001. № 3.
2. Доля Е.А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. М., 1996.
3. Белкин А.Р. УПК РФ: нужны ли перемены?: монография. М., 2013.
4. Победкин А.В. Уголовно-процессуальное доказывание. М., 2009.
5. Решение Европейского Суда о приемлемости к рассмотрению жалобы № 63737/00 по делу «Перри против Великобритании» (Perry v. The United Kingdom) от 26.09.2002 г. // <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-22694>. Дата обращения - 14.03.2015 г.
6. Постановление Европейского Суда по делу «Веселов и другие против Российской Федерации» (Veselov and others v. Russia) от 02.10.2012 г. Жалобы № 23200/10, 24009/07, 556/10. // <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-113289>. Дата обращения - 14.03.2015 г.
7. Уголовно-процессуальный кодекс ФРГ 1950 г. (с изм. от 2008 г.) // http://www.legislationline.org/download/action/download/id/3238/file/Germany_CPC_1950_amended_2008_en.pdf. Дата обращения - 14.03.2015 г.

A.S. Zakotyanskiy, Postgraduate Student of the Criminal Procedure and Criminalistics Department of Samara State University (e-mail: zakotyanskyas@mail.ru)

PROBLEMS OF USING THE RESULTS OF OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE ACTIVITIES IN PROVING IN FOREIGN COUNTRIES

Abstract. *The article deals with approaches to using of the results of secret police operations, similar to the Russian operational-investigative activity, in proving on criminal cases on example of practice of the European Court of Human Rights and the Criminal Procedure Code of Germany.*

Key words: *proving on criminal cases; operatively-search activity; European Court of Human Rights; Criminal Procedure Code of Germany.*

УДК 343.9

И.М. Комаров, д-р юрид. наук, профессор кафедры криминалистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: mgu.ikomarov@mail.ru)

Е.И. Комарова **Е.И. Комарова**, канд. юрид. наук, доцент кафедры криминалистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: mgu.ikomarov@mail.ru)

СЕМЕНА РАСТЕНИЯ МАК КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОЙ И ЭКСПЕРТНОЙ ОЦЕНКИ

В статье рассматриваются вопросы, правовой и экспертной оценки семян пищевого мака в качестве средства незаконного оборота наркотических средств, их связи с наркотическими веществами и вопросы соответствия семян пищевого мака объекту преступного посягательства.

Ключевые слова: *семена пищевого мака, растение Мак и наркотическое средство, экспертное исследование пищевого мака.*

Нет необходимости приводить статистические данные, которые характеризуют и актуализируют общественную опасность наркопреступлений и вреда, который их совершение ежедневно наносит гражданам, обществу и государству. Это очевидно.

Вместе с тем в этой проблеме есть аспекты, требующие детального исследования с тем, чтобы субъектам правоприменения можно было правильно толковать и реализовывать уголовно-правовые нормы, связанные с определенными средствами достижения преступного результата.

Одним из таких аспектов, на наш взгляд, является связь пищевого мака [1] и незаконного оборота наркотических средств, то есть возможность использования семян пищевого мака, в качестве средства совершения названных преступлений, насколько и в каких ситуациях это возможно в принципе.

В связи с тем, что в статье предполагается употребление понятий «наркотическое средство» и «наркотическое вещество» определимся с содержанием их толкования. Наркотическое средство – это понятие, установленное действующим законодательством¹ [2]. Наркотическое вещество определено Всемирной организацией здравоохранения² [3]. Первое имеет нормативную принадлежность, второе – определяется характером нега-

¹ Наркотическое средство – это вещества синтетического и естественного происхождения, препараты, включенные в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, в соответствии с законодательством Российской Федерации, в том числе Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года.

² Наркотическое вещество или наркотик – химический агент, вызывающий ступор, кому или нечувствительность к боли.

тивного воздействия на организм человека.

Итак, анализ судебно-следственной практики последних лет свидетельствует о том, что государство серьезно усилило меры борьбы с наркопреступлениями и уголовно-правового воздействия на лиц, их совершающих. Однако, как это обычно бывает, некоторые векторы данной компании, представляются нам чрезмерно «усиленными» в своей практической реализации. В погоне за «красивыми» цифрами это может привести к переусердствованию отдельных должностных лиц правоохранительных органов, ответственных за результаты борьбы с наркопреступностью, что может повлечь за собой нарушение прав граждан «втянутых» в силу сложившихся обстоятельств в систему данных общественных отношений. На это, в частности, обращает внимание и статистика судебно-следственной практики. В ней существенную долю занимают деяния, где семена пищевого мака выступают, как средство совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. С подачи правоохранительных органов семена пищевого мака во всех известных нам случаях признаются судом в качестве средства совершения преступлений, без какого-либо детального исследования обстоятельств, связанных с приобретением и распространением этого продукта, в том числе, сертифицированного полномочными органами.

В этой связи возникают вопросы, на которые современная судебно-следственная практика, к сожалению, не дает ответа, однако важность их не вызывает сомнений. Например, можно ли рассматривать семена мака выращенного, собранного и реализованного в промышленных объемах и законным порядком для пищевых целей (изготовления кондитерских или хлебобулочных изделий) в качестве наркотического средства? Где критерии различия между этим продуктом и подобным ему, но изначально приготовленным для преступных целей (как наркотическое средство)? Есть и другие вопросы, на которые мы обратим внимание читателя далее, по ходу изложения материала настоящей статьи.

Попробуем разобраться в обозначенной проблеме. Первый вопрос: существует ли правовой критерий, применение которого позволяет определить правовой статус пищевого мака, а с этим и факт отнесения его к элементу уголовно-правовой характеристики наркопреступлений?

Начнем с фундаментальных правовых основ. Ознакомление с базовым документом – Единой конвенцией (1961 г.) Организации объединенных наций о наркотических средствах [4], свидетельствует о том, что «наркотическое средство» определяется в ней как любое вещество (природное или синтетическое), включенное в соответствующие списки (№1 и №2). Семена мака как наркотическое средство данной Конвенцией не упоминаются.

Однако в документе есть список №3 и конвенция (п. 4 ст. 3) определяет критерии отнесения объекта к этому списку: «если Всемирная организация здравоохранения находит, что какой-нибудь препарат, вследствие со-

держащихся в нем веществ, не способен быть предметом злоупотребления и не может вызывать вредных последствий и что содержащееся в нем наркотическое средство не может быть легко извлечено, Комиссия может, в соответствии с рекомендацией Всемирной организации здравоохранения, добавить этот препарат к списку №3».

Такое толкование заложено в конвенцию по причине того, что отдельные объекты могут нести на себе фрагменты наркотических веществ (опия или морфина) и тем самым являться наркотическим средством, то есть формально они могут быть предметом преступного посягательства и, значит, элементом уголовно-правовой характеристики наркопреступлений.

В этой связи существует международная практика, в соответствии с которой препараты опия или морфина (производные семян мака), содержащие не свыше 0.2% морфина в пересчете на безводный морфин-основание и соединенные с одним или несколькими ингредиентами наркотическим веществом не являются. Однако это при условии – указанное соединение осуществлено таким образом, что наркотическое средство не может быть извлечено из данного препарата при помощи легко осуществимых способах или в количествах, которые могли бы представить опасность для народного здоровья. Хороший критерий разделения в спорных случаях семян масличного мака и мака опийного, которые служат средством для приготовления наркотических веществ. Арбитром в этих случаях могло бы стать экспертное заключение, где на основе известных методов было бы возможно определить криминальную и некриминальную принадлежность семян «заподозренного» мака.

Далее, относительно правовых критериев оценки правового статуса пищевого мака. Российское законодательство следует Единой конвенции ООН 1961 года и развившей ее положения Конвенции «О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ» (Вена, 20 декабря 1988 года). В России семена растения «мак» наркотическим средством не являются. Для того, чтобы в этом убедиться достаточно ознакомиться в Перечнем наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, который утвержден постановлением Правительства РФ от 30 июня 1998 года №681. Данное постановление хорошо толкует все понятия наркотических средств, веществ и пр., столь необходимых для правильного их применения в судебно-следственной практике. Есть там толкование и понятия «маковая солома». Оно соответствует тому, что наркотическим средством являются все части растения мак, содержащие наркотически активные алкалоиды опия. Данное определение из наркотических средств исключает семена мака [5].

Это исключение основано на признаках, используемых в качестве критериев отнесения вещества к категории наркотических, психотропных, сильнодействующих или ядовитых, что установлено вышепоименованной конвенцией. Критерии известны из разъяснения Постоянного комитета по контролю наркотиков по запросу работников аптек, судебно-следственных

органов и экспертов. В их систему включены следующие критерии: 1. Данное вещество обладает способностью вызывать состояние зависимости; 2. Оно оказывает стимулирующее или депрессивное воздействие на центральную нервную систему, вызывая галлюцинации или нарушение моторной функции, либо мышления, либо поведения, либо восприятия, либо настроения; 3. Приводит к злоупотреблению и вредным привычкам, аналогичным какому-либо веществу, включенному в Списки, 1,2,3, Единой конвенции о наркотических средствах 1961; 4. Существуют достаточные свидетельства того, что имеет место злоупотребление данным веществом или существует вероятность такого злоупотребления, что представляет или может представить проблему для здоровья населения и социальную проблему, которые дают основания для применения к этому веществу мер контроля [5].

В соответствии с этими критериями контроль за семенами мака, в связи с тем, что данный продукт не является опасным для человека, со стороны соответствующих государственных органов не нужен, разве, что за их соответствием упомянутому ГОСТу Р 52533-2006.

Однако это не аксиома, так как практика все же сталкивается с ситуациями, когда как масличный, так и опийный мак (их семена) являются средством совершения преступлений на основе незаконного оборота наркотических средств. Например, когда семена мака, предназначенного в пищу, имеют значительную степень засорения. Это еще один из вопросов, на который мы хотим обратить внимание в настоящей статье.

Для того чтобы как-то определиться и в этих обстоятельствах Постоянным комитетом по контролю наркотиков 18 августа 1994 года, протоколом №32 были утверждены методические рекомендации «Криминалистическое исследование опийного и масличного мака». На них мы уже ссылались. Дифференциация этих сортов мака в данных рекомендациях основана на соотношении алкалоидов наркотина, наркотина и ретикулина. То есть, при наличии наркотина либо при полном отсутствии наркотина и наркотина образец относится к маку масличному, а при наличии значительного количества наркотина (более 15 – 20% от морфина) и полном отсутствии наркотина образец относится к маку опийному. При наличии ретикулина образец относится к украинским сортам масличного мака (этот признак используется в качестве дополнительного). Все же оговоримся, что эти данные приводятся соответственно к образцам маковой соломки (означает, по определениям указанной Конвенцией, все части скошенного опийного мака – И.К.), а не собственно семян мака [6].

Однако и в этих обстоятельствах в практике правоприменения возникают ситуации, которые не имеют однозначного разрешения посредством недостаточной правовой регламентации и данных унифицированной экспертной практической деятельности.

Эти вопросы в основном сводятся к тому, как быть в случаях, когда на семенах масличного мака естественным путем после механической про-

мышленной обработки образуется млечный сок (опий), который формально может оцениваться как наркотическое средство (возникшее посредством «засорения») и, следовательно, расцениваться правоохранительными органами как наркотическое средство для совершения преступлений?

Обратимся в этой связи вновь к Единой конвенции 1961 года и соответствующим правовым актам, и методическим рекомендациям более позднего времени. Единая конвенция в приведенном аспекте не позволяет дать однозначных комментариев относительно поставленного вопроса, вместе с тем в ней опий определен как «свернувшийся сок опийного мака» [4]. Методические же рекомендации по определению вида наркотических средств, получаемых из конопли и мака, определяют мак опийный и мак масличный в качестве подвидов снотворного мака [7]. В соответствии со списком наркотических средств Постоянного комитета по контролю наркотиков, опий определяется как «свернувшийся млечный сок опийного или масличного мака» [7].

Синтезом понятий опия закрепленных в Единой конвенции 1961 года и Методических рекомендациях «Определение вида наркотических средств, полученных из конопли и мака», утвержденных Постоянным комитетом по контролю наркотиков (протокол №36 от 6 февраля 1995 года) являются рекомендации Коллегии Евразийской экономической комиссии. Они определяют опий как сушеный сок незрелых коробочек мака, получаемый надрезанием или экстракцией из стеблей или семенных коробочек [8].

Как и Методические рекомендации 1995 года, так и рекомендации Коллегии ЕЭК 2013 года определяют внешние признаки опия как вещества с характерным запахом, цветом (преимущественно коричневого цвета), формой (комочки, шарики, плитки), консистенцией (в виде мазеобразного вещества), а также наличием наркотически активного алкалоида (морфина, наличие меконовой кислоты).

Методические рекомендации, кроме того, указывают, что при количественном исследовании опия и экстракционного опия (экстракт маковой соломки) используют навеску вещества массой 0.5 гр., но это условие практически не реализуемо при исследовании наслоений, которые образуются на семенах мака обработанных промышленным способом.

Вместе с тем, в соответствии с методическими рекомендациями 2006 года [9] семена мака при экспертном исследовании должны подвергаться экстракции, тогда при химическом тестировании и хроматографическом исследовании в сухом остатке после экстракции обнаруживается меконвая кислота и наркотически активные алкалоиды – морфин, кодеин и тебаин» [9].

В этой связи можно сделать промежуточный вывод. Анализ нормативных документов и развитых на их основе экспертных методических рекомендаций указывает на то обстоятельство, что существуют и до настоящего времени не устранены неточности в определении понятия «опий». В свою очередь этот факт негативно влияет на практику правоприменения и

не позволяет толковать однозначно указанное понятие в качестве предмета преступного посягательства.

Однако даже при такой «неразберихе» в определении понятия «опий», практика должна однозначно отвечать на вопрос о том – являются ли наркотическим средством (опием) естественные микроскопические наслоения на семенах пищевого мака, содержат ли они меконовую кислоту и алкалоиды опия, возможна ли их экстракция и какой объем семян мака должен быть экстрагирован для получения одной дозы наркотического вещества? И этот вопрос достаточно важен для производителей семян пищевого мака и пользователей этой продукции в промышленных целях, так как такая неопределенность создает для них серьезные риски в хозяйственной деятельности.

Продолжим разбираться в теории и практике этого вопроса. Нами уже было отмечено, что семена мака являются объектом экспертного исследования и есть соответствующие методические рекомендации «Исследование семян мака (пищевой продукт) и получаемых из них продуктов (препаратов) и наркотических средств» (2006). В соответствии с ними судебной экспертизой может быть установлено, что представленные на исследовании семена являются семенами растения рода Мак; они содержат видимые наслоения, напоминающие наслоение опия; в сухом остатке после экстракции меконовой кислоты и наркотически активных алкалоидов опия – морфин, кодеин и тебаин.

Следуя методическим рекомендациям, эксперт (практика такие случаи знает) может сделать выводы – представленные на исследования семена общей массой ___ грамм (килограмм) являются семенами растения Мак; исследованные семена мака (как пищевой продукт) наркотическим средством не являются, но *содержат наслоения наркотического средства опий*. Фактически эксперт подтвердит наличие опия в семенах мака, а это как уже было неоднократно сказано наркотическое средство, а наркотическое средство является предметом преступного посягательства и пр. Но к этому мы еще вернемся. Сейчас в этом же аспекте рассмотрим дальнейшую конструкцию практического применения приведенных методических рекомендаций. Она свидетельствует о том, что вывод наличия опия в качестве примеси семян мака может быть сформулирован, если имеются видимые (!), а не выявленные при микроскопическом исследовании наслоения, похожие на опий и, что экстракт содержит меконовую кислоту и морфин, кодеин и тебаин в совокупности.

Но в Российском административном и уголовном законодательстве отсутствует нормативно-правовое определение, где бы на соответствующем уровне были бы определены признаки опия, который отражается в микроколичествах на поверхностях объектов, в нашем случае – семенах мака. Те же нормативные определения, к анализу которым мы обращались выше нельзя признать унифицированными и отражающими ситуацию предмета исследования настоящей статьи. Напомним, согласно определениям опия,

приведенным в Конвенции 1961 года и рекомендациях Коллегии Евразийской экономической комиссии это свернувшийся сок опийного мака, полученный (что важно – И.К.) надрезанием или экстракцией из стеблей или семян коробочек. Российское законодательство, разделяя мак снотворный на опийный и масличный указывает, что опий, получаемый из этих сортов мака, является продуктом *определенной* технологии, а именно, посредством надрезания или экстракции из стеблей или семенных коробочек. Ни о каких наслоениях наркотического средства опий на семена мака в этой связи ничего не сказано, так как это естественный процесс переработки, результатом которого является получение пищевого продукта – семена мака.

Однако практика правоохранительной и судебной деятельности в спорных ситуациях идет по пути оценки наслоений наркотического средства опий на семена мака и в семенах мака, о чем сказано выше, как сорных примесей этого продукта. Основанием этому является то обстоятельство, что об этом факте указывается в заключениях экспертов (!). Кроме того, практика правоприменения рассматривает данные сорные примеси как наркотическое средство «маковая солома» (!).

Но термин «примеси» в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Таможенного союза, используется исключительно для веществ, присутствие которых в отдельном химическом соединении является единственным и непосредственным результатом процесса производства, в том числе включая очистку [8]. Эти вещества могут появиться в результате влияния любых факторов, присутствующих в таком процессе – не вступившие в реакцию исходные материалы; примеси, содержащиеся в исходных материалах; реагенты, применяемые в производственном процессе (включая очистку); побочные продукты. Алкалоиды же морфина, кодеина и тебаина в семенах мака имеют *естественное* происхождение, что не позволяет расценивать их в качестве примеси с позиции товарной номенклатуры. В этой связи отметим, что официально толкование примеси применительно к наркотическим средствам отсутствует, следовательно, толковаться произвольно не может.

Толкование практикой сорных примесей в семенах мака в качестве наркотического средства «маковая солома», на наш взгляд, также не выдерживает серьезной критики. Методические рекомендации дают соответствующее определение. В соответствии с ними маковая солома – это «все части (как целые, так и измельченные, как высушенные, так и не высушенные, *за исключением зрелых семян*) любого сорта мака, собранного любым способом, содержащие наркотически активные алкалоиды опия» [7]. Данное определение свидетельствует о том, что маковая солома является объектом, при исследовании которого следует выделять анатомические признаки растения мак (фрагменты наружной и внутренней эпидермы коробочек мака, части сосудистопроводящей системы, склеранхимные волокна, эпидерма листьев, млечники и пр.). Причем лишь на основе всей

совокупности микропризнаков может быть сделан вывод о принадлежности объекта к частям растения мак. В случаях исследования семян мака на основе соответствующих методических рекомендаций [7] и обнаружении отдельных частиц растений мака может быть сделан вывод, что представленные на исследования семена мака содержат примесь наркотического средства – маковой соломы, но при этом следует всегда иметь в виду – присутствие отдельных частиц растительного происхождения еще не свидетельствует о *совокупности* указанных выше анатомических признаков растения мак. Эксперт же при данном исследовании не может отделять частицы растений от семян, так как он самостоятельно (чего делать не в праве) получает качественно новый объект (эксперт формирует объект исследования) экспертного исследования, который, возможно и будет обладать признаками маковой соломы. Все же если такое происходит, в заключении следует делать вывод о наличии в составе семян мака маковой соломы, при указании соответствующего условия – отделения указанных частиц (фрагменты эпидермы коробочек мака, эпидерма листьев, млечники и пр.) от общего объекта (семена мака).

В заключение этой части статьи, хотелось бы еще раз вернуться к определению понятия «маковая солома». В нем отражено, что все части растения (как целые, так и измельченные, как высушенные, так и не высушенные) должны быть собраны любым способом. В пищевом маке собраны не части растения, а только семена, но структура коробочек растения «мак» такова, что их сбор и *современные технологии переработки* (!) не исключает попадания в семена фрагментов коробочек, но эти естественные примеси никак не связывают семена пищевого мака и маковую солому.

И последний вопрос, который мы намерены обсудить. Он представляется нам весьма важным для практики расследования наркопреступлений, так как от его правильного разрешения зависят ряд серьезных и ответственных процессуальных решений, когда предметом рассмотрения является пищевой мак. Это вопрос возможного изготовления вещества (опий, морфин, кодеин, тебаин) для наркотического потребления из семян пищевого мака. Насколько технологически это возможно и сколько следует взять пищевого мака, чтобы изготовить одну дозу соответствующего наркотического вещества?

Данный вопрос имеет общую правовую регламентацию и к ней мы обращались, когда рассматривали положения Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года. Напомним, как этот нормативный акт трактует наркотические средства, относимые к списку №3 – препараты опия и морфина, содержащие не свыше 0.2% морфина в перчете на безводный морфин-соединение и соединенные с одним или несколькими ингредиентами таким образом, что наркотическое средство не может быть извлечено из данного препарата при помощи легко осуществимых способов или в количествах, которые могли бы представить опасность для народного здоровья. Устоявшаяся практика промышленного производства пищевого

мака свидетельствует о том, что морфин в нем содержится, но составляет, как правило, не менее 0.001процента. Соотнести эти данные не трудно. При всем этом Российским законодательством вопрос допустимого содержания морфина в пищевом маке не разрешен, но методические рекомендации «Определение вида наркотических средств, получаемых из конопли и мака» устанавливают границы условий, за пределами которых вывод наличия наркотических средств сделан быть не может. Причина этому понятна – существуют объекты, которые содержат ничтожно малые количества наркотических средств, психотропных, сильнодействующих или ядовитых веществ, неспособных оказать вредоносное воздействие на организм человека.

В таких обстоятельствах экспертное исследование наркотического средства растительного происхождения может основываться не только на приведенных методических рекомендациях. За экспертом всегда остается право самостоятельного принятия решения в поле системы приведенных рекомендаций в зависимости от имеющихся образцов сравнительного и приборного обеспечения. При этом эксперт может руководствоваться правилом при проведении исследования «соотношение “исследуемый объект-экстрагент“ при осуществлении экстракции – 1:10» и если при соблюдении указанного соотношения, морфин, кодеин или тебаин не выделяются, должен быть сделан вывод об их отсутствии.

В этой связи уместно замечание о том, что в соответствии с методическими рекомендациями «Исследование семян мака (пищевой продукт) и получаемых из них продуктов (препаратов) и наркотических средств» эксперту следует учитывать даже *следовое содержание* наркотических средств в семенах мака. Однако содержание этого понятия нигде не раскрывается, не разъясняется и понятие следовых количеств не имеет однозначного толкования. Фактически это микрообъект, а по известному определению это объект экспертного исследования, находящийся в микроколичестве, что требует для его обнаружения и исследования применения современных методов микроанализа [10]. Данное определение указывает на тот факт, что «следовое содержание наркотических средств» вряд ли можно считать предметом преступного посягательства в незаконного оборота наркотических средств.

Одним словом, при нормативно-правовой и экспертной оценке такого объекта как семена пищевого мака вопросов в теории и практике значительно больше чем ответов на них.

Какие могут быть в этой связи предложения.

Во-первых, в ситуациях, когда семена пищевого мака являются предметом разбирательства посредством уголовного судопроизводства не оставлять без достаточного внимания усмотрения определенные ст. 14 УПК РФ, в особенности части 3, данной правовой нормы.

Во-вторых, унифицировать определения всех понятий, связанных с растением рода Мак (масличный, опийный и пр.), которые могут использова-

ны в судебно-следственной практике.

В-третьих, содержание российских ГОСТов, отражающих все требования к семенам пищевого мака (в том числе и поступающему в страну из-за рубежа) должно быть приведено в соответствие с международным и российским законодательством.

В-четвертых, методические рекомендации по исследованию семян пищевого мака посредством судебной экспертизы должны быть унифицированы и соответствовать действующему (также унифицированному) законодательству.

В этих обстоятельствах теоретического соответствия всех элементов, характеризующих правовое положение семян пищевого мака может быть минимизирован практический риск судебной ошибки в отношении граждан, тем или иным образом связанных с этим объектом.

Список литературы:

1. ГОСТ Р 52533-2006, ОКС 67.200.20 Группа С23 Поправка к ГОСТ Р 52533-2006 Мак пищевой. Технические условия. Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии. Национальный стандарт Российской Федерации // СПС Консультант-Плюс, 1992 – 2014.
2. Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах» от 08.01.1998 №3-ФЗ (ред. 25.11.2013 N317-ФЗ, с изм., внесенными 04.06.2014 N145-ФЗ) // СПС Консультант-Плюс, 1992 – 2014.
3. Словарь терминов, относящихся к алкоголю, наркотикам и другим психотропным веществам. World Health Organization, Geneva, 1994.
4. Методические рекомендации «Криминалистическое исследование опийного и масляного маков» (утверждено Постоянным комитетом по контролю наркотиков 18 августа 1994 г., протокол №32) // СПС Консультант-Плюс, 1992 – 2014.
5. Дроздов М.А. Применение метода жидкостной хроматографии при экспертном исследовании маковой соломы и опия // Экспертная практика. 1997. №42. С. 10 – 16.
6. Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 года о поправках к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года (Заключена в г. Нью-Йорке 30.03.1961) // Собрание законодательства РФ. 2000. № 22. ст. 2269.
7. Определение вида наркотических средств, получаемых из конопли и мака: Методические рекомендации / Сорокин В.И. и др. Под ред. д-ра мед. наук, проф. Э.А. Бабаяна. М.: ЭКЦ МВД РФ, РФЦСЭ МЮ России, 1995. С. 24.
8. Рекомендации Коллегии Евразийской экономической комиссии от 12.03.2013 г. №4 (ред. от 17.12.2013) «О Пояснениях к единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Таможенного союза» (вместе с «Пояснениями к единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Таможенного союза (ТН ВЭД ТС)»). (Том 1. Разделы 1-4. Группы 01-28) // СПС Консультант-Плюс, 1992 – 2014.
9. Воронков Ю.М., Тухканен О.В., Сарычев С.В. Исследование семян мака (пищевой продукт) и получаемых из них продуктов (препаратов) и наркотических средств. Методические рекомендации. Утверждены Постоянным комитетом по контролю наркотиков при МЗ и СР РФ (протокол №4/105-2006 от 22.11.2006 г.).
10. Энциклопедия судебной экспертизы / под ред. Т.В. Аверьяновой, Е.Р. Россинской. М., 1999, С. 228.

I.M. Komarov, Doctor of Law, Professor of the Criminalistics Department of M.V. Lomonosov Moscow State University (e-mail: mgu.ikomarov@mail.ru)

E.I. Komarova, Candidate of Law, Associated Professor of the Criminalistics Department of M.V. Lomonosov Moscow State University (e-mail: mgu.ikomarov@mail.ru)

PLANT SEEDS IAC AS OBJECT OF LEGAL AND EXPERT ASSESSMENT

Abstract. The article considers the questions of a legal and expert estimation of seed food poppy as a means of illicit trafficking of drugs, drug substances and the adequacy of seed food Maca object criminally-th assault.

Keywords: food seeds of the poppy plant poppy and narcotic drug, expert study food Mac.

УДК 343.9

Е.И. Комарова, канд. юр. наук, доцент, кафедры криминалистики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: mgu.ikomarov@mail.ru)

ПОНЯТИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

В статье рассматривается перечень вопросов, связанных с обеспечением безопасности судебного разбирательства в суде первой инстанции, подчеркивается необходимость мониторинга со стороны государственного обвинителя за этой ситуацией с целью достижения целей правосудия, дается определение понятия информационной безопасности судебного разбирательства.

Ключевые слова: государственное обвинение, безопасность, судебное разбирательство.

Государственное обвинение в суде является одной из важнейших уголовно-процессуальных функций. Правильное определение тактики его поддержания в значительной мере обеспечивает отправление судом правосудия по конкретному уголовному делу. Вместе с тем и полноценная деятельность органов прокуратуры по поддержанию государственного обвинения, и суда по отправлению правосудия по уголовному делу в значительной степени связаны с информационной безопасностью производства в суде первой инстанции.

Известно несколько определений информационной безопасности как научной категории.

Так, А.Д. Урсул связывает ее с состоянием защищенности основных сфер жизнедеятельности по отношению к опасным информационным воздействиям [1].

В получении максимальной информации о намерениях и потенциальных действиях своих оппонентов и минимальной утечке информации о своих планах видит определение этой категории Г.Г. Феоктистов [2].

Ю.В. Статев и В.А. Тиньков считают, что информационная безопасность есть защита информации и поддерживающей ее инфраструктуры с помощью совокупности программных, аппаратно-программных средств и методов с целью недопущения причинения вреда владельцам этой инфор-

мации или поддерживающей ее инфраструктуре [3].

Достаточно широко трактует данное понятие В.В. Крылов. На его взгляд информационная безопасность представляет собой защищенность личности, общества и государства от воздействия недоброжелательной информации; информации и информационных ресурсов от неправомерного воздействия посторонних лиц; информационных прав и свобод [4].

Распространенным в науке является определение информационной безопасности М.В. Арсеньева [5].

Анализ вышеприведенных определений свидетельствует о том, что они по своему содержанию они являются базовыми понятиями для специального понятия информационной безопасности производства в суде первой инстанции, которое по своему содержанию может быть использовано в качестве дополнения к соответствующему виду криминалистических рекомендаций, обслуживающих судебное разбирательство по уголовному делу и, в частности, тактику поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции.

Однако данное специальное понятие невозможно сформулировать лишь на основе научных понятий. Для этого необходимо придать его содержанию, в первую очередь, правовой смысл, а во вторую, связать с предметами уголовного процесса и криминалистики.

Действующее законодательство, Доктрина информационной безопасности РФ формулируют необходимые для этого правовые понятия, такие как «информация», «информационная сфера», «безопасность». Кстати сказать, Доктрина определяет информационную безопасность также, как и наука достаточно широко, через национальные интересы в информационной сфере, в их балансе с интересами личности общества и государства [6].

Итак, для интересующего нас определения необходимо выделить наиболее важные признаки, среди которых, мы полагаем, должны быть: субъект, информационная сфера и характер защищаемой информации, то есть объект.

С субъектом все просто, им является государственный обвинитель – поддерживающее от имени государства обвинение в суде по уголовному делу должностное лицо органа прокуратуры, а по поручению прокурора и в случаях, когда предварительное расследование проведено в форме дознания, также дознаватель или следователь [7].

Мы выделяем именно государственного обвинителя в качестве основного субъекта обеспечивающего информационную безопасность судебного разбирательства по причине того, что именно на него государство возложило функцию уголовного преследования граждан за совершение преступлений. Функции других активных участников уголовного судопроизводства имеют другое целевое предназначение. Но это не означает, что они не заинтересованы в обеспечении информационной безопасности производства в суде первой инстанции.

На наш взгляд, по аналогии с общим понятием информационной сферы

(среды), данным в ФЗ «Об участии в международном информационном обмене» [8] не представляет сложности определение информационной сферы, где обеспечивается информационная безопасность – это производство в суде первой инстанции.

Некоторую сложность в определяемом нами понятии представляет характер защищаемой информации (объект). Подходы к определению этого признака понятия следует рассматривать с учетом этимологии данного словосочетания и того, является ли судебное разбирательство по уголовному делу открытым или закрытым. Поэтому вернемся к определениям содержательной части исследуемого понятия, отраженным в специальных источниках и, в первую очередь, к такому понятию как «информация».

В науке существует несколько определений понятия «информация» как общенаучных, так и специальных, криминалистических. В литературе широко распространены определения Б.С. Украинцева, А.И. Трусова, У.Р. Эшби, Л. Бриллюэна, Н. Винера, Р.С. Белкина, А.И. Винберга, но единого определения понятия «информация» в настоящее время нет.

Вместе с тем, все наиболее популярные определения данного понятия связывают его с понятием «сведения». Хотя часто авторы определений, толкуя их содержание, признают, что понятие «сведения» несколько шире содержания понятия «информация».

С учетом анализа часто употребляемых определений понятия «информации», на наш взгляд, наиболее близким по смысловому содержанию к рассматриваемому вопросу является определение М.Н. Хлынцова. Под информацией он понимает выделенную нашим сознанием при решении конкретной задачи часть сведений (сообщений) об объекте исследования, которая может способствовать решению интересующей задачи [9].

Но это определение, конечно, не отражает характер защищаемой государственным обвинителем в судебном разбирательстве информации, так как оно не содержит соответствующих специальных признаков, присущих следственно-судебной информации.

В специальной литературе из близких этому понятию мы встретили определение А.М. Трофимова, который определяет следственно-судебную информацию через совокупность признаков отдельных объектов, фактов и обстоятельств события преступления, полученную из уголовно-процессуальных источников и служащую средством установления истины по уголовному делу [10] и определение Р.С. Белкина и А.И. Винберга, правда, эти авторы предлагают следственно-судебную информацию именовать доказательственной [11]. Содержанием доказательственной информации, по их мнению, могут быть не только изменения среды, но и изменения на отражаемом объекте как последствия акта отражения.

Однако данные определения указывают только на процессуальные и, отчасти, на криминалистические источники получения следственно-судебной информации в процессе производства по уголовному делу в суде первой инстанции, что, с нашей точки зрения необоснованно сужает это

понятие, и исключает из него ориентирующую информацию.

С учетом этого основным объектом защиты информации государственным обвинителем в судебном разбирательстве в широком смысле этого понятия будет и доказательственная и ориентирующая информации, которой владеют и в той или иной мере представляют суду все участники уголовного судопроизводства. Фактически в смысле действующего уголовно-процессуального законодательства (ст. 74 УПК РФ) это любые сведения, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу.

Однако в связи особенностей процессуального положения государственного обвинителя и тактики поддержания им государственного обвинения по уголовному делу, сведения, которые ему приходится защищать в суде по своему содержанию несколько шире трактуемых ст. 74 УПК РФ. Кроме доказательственной и ориентирующей информации они могут включать еще и сведения, полученные в результате сопровождения оперативными службами производства в суде первой инстанции, организованное территориальным прокурором и контролируемое государственным обвинителем.

Вторым компонентом словосочетания информационная безопасность является понятие «безопасность» определенное законодательно. По смыслу Закона РФ «О безопасности» это состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества, государства от внутренних и внешних угроз. Жизненно важные интересы представлены в Законе совокупностью потребностей, удостоверение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства. К основным объектам безопасности отнесены – личность, ее права и свободы; общество, его материальные и духовные ценности; государство, его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность [12].

Путем сужения таких широких понятий, «безопасность», в смысле производства в суде первой инстанции, может быть представлена в защите характера той информации, которой обеспечиваются интересы личности, общества и государства для соответствующего процессуального решения суда, в том числе и окончательного, то есть приговора суда.

Слушание судом уголовного дела обычно связано с длительными временными периодами, которые в силу многообразия жизненных ситуаций, привносят многообразие и в судебные ситуации, что государственному обвинителю следует учитывать в тактике своей судебной деятельности. Поэтому, определяя информационную безопасность нельзя не учитывать такую важную криминалистическую категорию как судебные ситуации.

Таким образом, *информационная безопасность как компонент тактики государственного обвинения производства в суде первой инстанции представляет собой, основанный на оценке судебной ситуации, особый вид деятельности государственного обвинителя по обеспечению защиты*

любых сведений (доказательственной информации, ориентирующей информации, данных оперативного сопровождения производства в суде первой инстанции), на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию в процессе судебного разбирательства по уголовному делу и принимает соответствующие процессуальные решения.

Мы не претендуем на абсолютность данного понятия. Вероятно, что он в дальнейшем будет модернизироваться и совершенствоваться. Однако, на наш взгляд, для современной практики правоприменения это понятие вполне удобно, так как отражает современные реалии рассмотрения судами уголовных дел.

Список литературы:

1. Урсул А.Д. Информационная стратегия и безопасность в условиях устойчивого развития // НТИ. Сер. 1: Организация и методика информационной работы. 1996. №1. С. 7.
2. Феоктистов Г.Г. Информационная безопасность общества / Г.Г. Феоктистов // Социально-политический журнал. 1996. №5. С. 211–212.
3. Статев Ю.В. Информационная безопасность распределенных информационных систем / Ю.В. Статев, В.А. Тиньков // Информационное общество. 1997. №1. С. 68.
4. Крылов В.В. Расследование преступлений в сфере информации. М., 1998. С. 59.
5. Арсеньев М.В. К вопросу о понятии «информационная безопасность» // Информационное общество. 1997. №7. С. 50.
6. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ 9 сентября 2000 г. // Российская газета. 2000. 28 сентября.
7. Уголовно-процессуальный кодекс РФ: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ, с изменениями, внесенными Федеральными законами. М., 2015. 267 с.
8. Об участии в международном информационном обмене: Федеральный закон от 12 июня 1996 №84-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 28. Ст. 3347.
9. Хлынцов М.Н. Криминалистическая информация и моделирование при расследовании преступлений. Саратов, 1982. С. 33.
10. Трофимов А.М. Использование некоторых закономерностей в процессе расследования // Труды Высшей школы МООП СССР. 1967. № 15. С. 91.
11. Белкин Р.С. Криминалистика и доказывание / Р.С. Белкин, А.И. Винберг. М., 1969. С. 176.
12. О безопасности: Закон от 5 марта 1992 №2446-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 769.

E.I. Komarova, Candidate of Law, Associated Professor of the Criminalistics Department of M.V. Lomonosov Moscow State University (e-mail: mgu.ikomarov@mail.ru)

THE CONCEPT OF INFORMATION SECURITY TRIAL

Abstract. *The article discusses the list of issues related to the safety of the trial in the court of first instance, emphasizes the need for monitoring by the public Prosecutor the situation with a view to achieving the goals of justice, defining the concept of information security of the trial.*

Keywords: *public prosecution, security, trial.*

УДК 343.9

С.М. Коцюмбас, канд. юрид. наук, доцент, судья Белгородского областного суда, доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики Белгородского государственного университета (e-mail: Kocumbas@yandex.ru)

К ВОПРОСУ О ПУТЯХ ПРЕОДОЛЕНИЯ НЕДОСТАТКОВ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ АНАЛОГОВ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

В статье исследуются проблемы организации расследования преступлений связанных с незаконным оборотом аналогов наркотических средств и психотропных веществ.

Ключевые слова: расследование преступлений, стадия возбуждения уголовного дела, экспертиза, наркотические средства и психотропные вещества.

Уголовным законом предусмотрена ответственность за незаконный оборот не только наркотических средств и психотропных веществ, но и их аналогов.

В практике работы правоохранительных органов Белгородской области так и большинства регионов страны до настоящего времени не было фактов привлечения к уголовной ответственности лиц за незаконный оборот аналогов, однако на территории Российской Федерации происходит их активное распространение, в связи с чем необходима выработка единого подхода органов предварительного следствия, прокуратуры, суда к механизму отнесения новых веществ к аналогам наркотических средств и психотропных веществ.

В соответствии со ст. 1 ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» №3-ФЗ от 8 января 1998 года, «аналоги наркотических средств и психотропных веществ - это запрещенные для оборота в Российской Федерации вещества синтетического или естественного происхождения, не включенные в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, химическая структура и свойства которых сходны с химической структурой и со свойствами наркотических средств и психотропных веществ, психоактивное действие которых они воспроизводят».

В рамках расследования уголовных дел данной категории для признания изъятого вещества аналогом необходимо устанавливать помимо схожести его структуры с наркотическим средством или психотропным веществом, внесенным в соответствующие Списки, утвержденные постановлением Правительства РФ от 30 июня 1998 года №681, также психоактивное воздействие исследуемого вещества на организм человека.

Рядом территориальных органов ФСКН России выработана положи-

тельная практика отнесения изъятых веществ к аналогам наркотических средств и психотропных веществ, вследствие чего судами вынесено более 100 обвинительных приговоров по делам данной категории.

Методика признания вещества аналогом наркотических средств и психотропных веществ заключается в проведении комплекса экспертиз с привлечением экспертов-химиков и врачей-токсикологов, которыми после установления химической формулы делается вывод о его психоактивности со ссылкой на результаты ранее проводившихся исследований в ГБОУ ВПО «Пермская государственная фармацевтическая академия Минздрава России» в отношении веществ с такой же химической формулой.

Таким образом, изъятые вещества признаются аналогами без проведения повторных исследований на предмет их психоактивного воздействия на организм человека, поскольку наличие психоактивных свойств определяется химической структурой указанных веществ.

Так, в каждом случае обнаружения и изъятия новых веществ, не относящихся к запрещенным, они должны направляться на экспертизу в экспертно-криминалистическое подразделение, при этом перед экспертами помимо прочего должен ставиться вопрос: «Структурным аналогом какого наркотического вещества они являются?».

После получения заключения эксперта о том, что исследуемое вещество имеет сходную химическую структуру с наркотическим средством или психотропным веществом, включенным в соответствующий Список, направляется запрос в ГБОУ ВПО «Пермская государственная фармацевтическая академия Минздрава России» для решения вопроса: «Исследовалось ли ранее данное вещество и признавалось ли оно аналогом наркотического средства, психотропного вещества?».

При получении положительного ответа должна назначаться токсикологическая экспертиза, проводимая соответствующим экспертом - врачом-токсикологом (в Белгородской области экспертом признан врач-токсиколог высшей категории МБУЗ «Городская больница», имеющая высшее образование, стаж работы по специальности «Токсикология» 15 лет). При назначении токсикологической экспертизы следователь в каждом случае отбирает от эксперта подписку, в которой эксперту разъясняются его права и ответственность, предусмотренные ст. 57 УПК РФ, эксперт предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения.

На экспертизу предоставляются материалы дела в т.ч. и заключения экспертов-химиков и ответы ГБОУ ВПО «Пермская государственная фармацевтическая академия Минздрава России», на разрешение эксперта ставятся следующие вопросы:

1. Является ли представленное вещество аналогом наркотического средства, психотропного вещества?

2. Способно ли вещество (указывается установленная в ходе химической экспертизы формула) вызвать опьянение, аналогичное вызванному

употреблением наркотических средств и психотропных веществ?»

3. Способно ли данное вещество вызвать психическую и физическую зависимость при его употреблении?

4. Способно ли данное вещество быть опасными для жизни и здоровья человека при однократном и многократном употреблении?»

По результатам проведенного химического и фармакологического исследования эксперт делает вывод о том, что:

- вещество является аналогом того или иного наркотического средства, психотропного вещества;

- способно вызвать острое психическое расстройство, аналогичное вызванному употреблением наркотических средств и психотропных веществ;

- способно вызвать психическую и физическую зависимость при постоянном употреблении;

- опасно для жизни и здоровья при однократном и многократном употреблении.

Таким образом, на основании указанного заключения эксперта изъятое вещество признается аналогом наркотического средства, психотропного вещества, в соответствии со ст. 1 ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» №3-ФЗ от 8 января 1998 года, что позволяет рассматривать его предметом преступлений, предусмотренных ст.ст. 228, 228.1, 229.1 УК РФ.

В настоящей статье, с учетом ее рамок, обозначены лишь некоторые сложные вопросы, связанные с расследованием преступлений связанных с незаконным оборотом аналогов наркотических средств и психотропных веществ. Однако, на наш взгляд, данная проблема является актуальной для правоприменительной практики и требует более глубокой научной проработки.

S.M. Kotsyumbas, Candidate of Law, Judge of the Belgorod Regional Court, Associated Professor, the Forensic Expert Analysis and Criminalistics Department of Belgorod State University (e-mail: Kocumbas@yandex.ru)

REVISITING THE APPROACHES TO THE CORRECTION OF CRIMINAL LEGISLATION DEFICIENCY WHEN INVESTIGATING THE CRIMES RELATED TO ILLICIT TRAFFIC IN THE ANALOGUES OF NARCOTIC AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES

Abstract. *The author of the article analyzes the issues of organizing the investigation of crimes related to illicit traffic in the analogues of narcotic and psychotropic substances.*

Keywords: *investigation of crimes/ crime investigation, initiation of a criminal case, expert examination, narcotic drugs and psychotropic substances.*

УДК 343.98:340.6

А.М. Ломшин, помощник прокурора Ичалковского района Республики Мордовия (e-mail: artemlomshin@yandex.ru)

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОЗДАЮЩИХ ПРЕПЯТСТВИЯ МАЛОМУ И СРЕДНЕМУ БИЗНЕСУ

В статье указывается понятие, значение криминалистической классификации преступлений, а также дается криминалистическая классификация преступлений создающих препятствия малому и среднему бизнесу.

Ключевые слова: *классификация преступлений, бизнес, малый бизнес, средний бизнес.*

Рассмотрение проблем криминалистической классификации преступлений как основы методики их расследования (частной криминалистической методики) неразрывно связано с разработкой научных положений, раскрывающих сущность и виды классификаций преступлений, их принципов и процедур построения классификационных систем, понятийного и терминологического аппарата, а также особенностей использования разработанных криминалистической наукой классификационных систем преступлений в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений [1].

В криминалистической литературе классификацию рассматривают в двух значениях. Первое – как средство, способствующее систематизации научных знаний, а не сама систематизация. Так, например, Р. С. Белкин полагает, что систематизация основывается на процедуре классификации [2]. А. Л. Хмыров считает, что классификация способствует систематизации накопленных знаний и, следовательно, более осмысленному их применению [3]. Второе – криминалистическая классификация представляет собой специфическую разновидность систематизации научных знаний [4].

Е. В. Кантеева указывает, что криминалистическая классификация преступлений способна устранять информационный дефицит, благодаря тому, что позволяет определить место этих преступлений в классификационной системе. Учитывая, что криминалистическая классификация основывается на определенных криминалистически значимых признаках, т.е. признаках, значимых в большей мере для выявления, раскрытия и расследования преступлений, чем для его квалификации, то естественным и закономерным является то, что знание места в классификационной системе способно восполнить информационный вакуум, который сложился на определенном этапе расследования. То есть классификационная система – это своеобразный информационный инструмент, использование которого способствует устранению информационного дефицита на определенном этапе расследования [5].

Преступления, которые совершаются в сфере малого и среднего бизнеса – это не простая совокупность разрозненных преступлений, а система действий, объединенных в единую преступную деятельность, целью которой является достижение личной материальной выгоды за счет нарушения нормальной экономической деятельности малого и среднего бизнеса. Каждое отдельное преступление в названной системе является этапом, звеном в достижении единой для всей системы преступной деятельности цели. Хотя это не исключает и того, что при совершении каждого отдельного преступления преступник преследует и достигает еще и какие-то частные цели. Однако, названные цели либо не являются основными, либо их достижение является своеобразной ступенью в достижении основной цели преступной деятельности [6]. Стоит отметить, что в настоящей работе предполагается лицо, занимающееся законной предпринимательской деятельностью. В случае когда предприниматель нарушает закон с целью уйти от ответственности, данная ситуация представляет собой отдельный состав преступления.

Помимо преступлений в сфере экономической деятельности, предусмотренных главой 22 Уголовного кодекса Российской Федерации, при расследовании преступлений, совершаемых в сфере малого и среднего бизнеса, приходится рассматривать и преступления, предусмотренные главами 16, 21, 24, 30 Уголовного кодекса Российской Федерации. Без этого невозможно расследование, а затем успешное раскрытие преступлений данной категории.

Преступления, создающие препятствия малому и среднему бизнесу, как правило, не совершаются без комплекса действий, создающих необходимые для его осуществления условия. Такие условия создаются совершением других преступлений, среди которых особое место занимает дача взяток различным должностным лицам за покровительство, за непринятие мер, пресекающих незаконную деятельность и совершение подобных действий. Понятно, что дача взятки в данном случае – это лишь этап в достижении определенного преступного результата, а потому является элементом единой преступной деятельности по достижению определенной преступной цели.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что преступления, создающие препятствия малому и среднему бизнесу, необходимо рассматривать несколько шире, чем определенную совокупность преступлений, предусмотренных главами 22 и 30 УК РФ. Это не просто преступления, объединенные в одной из глав УК РФ, а группа преступлений, которые часто оказываются связанными единой преступной целью для достижения определенного преступного результата в сфере малого и среднего бизнеса. Для определения названной совокупности преступлений необходимо обобщение следственной и судебной практики, поскольку только такое обобщение может дать ответ на поставленный вопрос. Результаты такого обобщения показывают, что в состав конкретной преступной деятельности в

сфере малого и среднего предпринимательства могут входить: убийство (ст. 105 УК РФ); умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ); умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 УК РФ); причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта (ст. 113 УК РФ); мошенничество (ст. 159 УК РФ); грабеж (ст. 161 УК РФ); разбой (ст. 162 УК РФ); вымогательство (ст. 163 УК РФ); воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности (ст. 169 УК РФ). Наряду с этим, к преступлениям данной группы следует относить также и преступления, которые предусмотрены главой 30 УК РФ. К таким преступлениям относятся злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ); нецелевое расходование бюджетных средств (ст. 285.1 УК РФ); нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов (ст. 285.2); внесение в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений (ст. 285.3); превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ); получение взятки (ст. 290 УК РФ); дача взятки (ст. 291 УК РФ); посредничество во взятке (ст. 291.1 УК РФ); служебный подлог (ст. 292 УК РФ) и целый ряд других преступлений.

На основании вышеизложенного следует определить черты, по которым можно отграничить преступления, создающие препятствия малому и среднему бизнесу, от других преступлений.

1. Способами совершения преступлений ОПГ являются: «наезды» на предпринимателей; высказывание различных угроз в адрес предпринимателя; создание различных препятствий осуществлению предпринимательской деятельности со стороны проверяющих органов, с которыми участники ОПГ заранее договариваются; причинение вреда имуществу предпринимателя; причинение вреда здоровью предпринимателя или его близких родственников.

2. Способами совершения преступлений специальным субъектом являются: затягивание процесса оформления документов под предлогом нехватки времени или большой загруженностью; вымогательство денежных средств, товаров, которые производятся или реализуются предпринимателем, либо оказание каких-либо услуг в результате проведения плановой проверки, в которой выявлены определенные нарушения; совершение преступлений в результате участия в конкурсе согласно Федеральному закону № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных или муниципальных нужд». В частности, первый способ, когда предпринимателю приходится платить определенную сумму, для того чтобы его допустили к конкурсу. Второй, когда некоторые предприниматели подкупают лиц, имеющих доступ к информации, в которой указывается минимальная сумма за выполнение контракта, в результате чего конкуренты, поступившие таким образом, выигрывают этот конкурс. Третий, когда предпринимателю, выигравшему конкурс, сообщают о необходимости выплатить «откат» организаторам

конкурса и вышестоящему начальству под угрозой разрыва контракта и заключения контракта с другим предпринимателем. Четвертый, когда предпринимателю в процессе выполнения условий контракта навязывают субподрядчиков, услуги которых гораздо дороже или качество выполнения работ хуже.

В настоящий момент был принят новый закон [7], но его действие не решило ранее существовавших проблем, в том числе и наличие активной преступной деятельности в указанной сфере.

3. Потерпевшей стороной является лицо, занимающееся предпринимательской деятельностью, а именно малым или средним бизнесом [8, 9].

4. Предметом преступления выступают денежные средства, полученные предпринимателем в виде доходов, товары, которые производятся или реализуются, либо оказание каких-либо услуг. Также предметом преступления могут быть жизнь, здоровье предпринимателя и его близких людей.

Выделение классификационной группы (преступления в сфере малого и среднего бизнеса) на основании приведенного принципа позволит оптимизировать деятельность правоохранительных органов, сделав ее более целенаправленной и системной. Кроме того, это будет содействовать выявлению целого ряда преступлений, которые в настоящее время часто не замечаются правоохранительными органами, но расследование которых очень важно для полноты расследования, для того чтобы картина совершенных преступлений была более полной, максимально соответствующей действительности. К сожалению, в настоящее время приходится сталкиваться с несколько иным положением дел при расследовании преступлений. Часто случается, что увлеченные перспективой разоблачения крупного должностного лица или просто должностного лица, находящегося на определенном ключевом посту, следователи и оперативные работники видят только это преступление и мобилизуют все силы на его раскрытие и расследование, но совершенно не замечают преступлений в сфере экономической деятельности, ради которых собственно и была передана взятка. Такой подход к расследованию преступлений приводит к тому, что следователи и оперативные работники лишают себя средств, необходимых для раскрытия и расследования преступлений, попавших в сферу их деятельности. Ведь известно, что уличающие обстоятельства, ставшие известными по одному преступлению, могут оказаться полезными при расследовании другого.

Приведенный подход к расследованию преступлений в сфере малого и среднего бизнеса основан на рассмотрении преступлений как элементов, которые составляют структуру преступной деятельности. Тем самым смещается акцент в постановке задачи расследования. При таком подходе задачей становится расследование не только отдельных преступлений, но и всей преступной деятельности конкретных лиц или группировок, в которые они объединены. Это позволяет принципиально изменить подход к сбору информации, необходимой для расследования, а также изменить ка-

чественный подход к получению доказательств по делу. В результате все преступления, входящие как элемент в преступную деятельность, будут расследованы, будет установлена полная картина произошедшего, что позволит дать правильную оценку и в последующем вынести справедливое решение по делу. Сам процесс доказывания в этом случае будет более последовательным и планомерным, а потому и более управляемым, предсказуемым, что позволит оптимизировать работу следователя.

Список литературы:

1. Шмонин А.В. Методика расследования преступлений. М., 2006. С. 195.
2. Белкин Р.С. Курс советской криминалистики. Т. 1. Общая теория советской криминалистики. С. 267.
3. Хмыров А.А. О классификации косвенных доказательств // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1980. Вып. 32. С. 71.
4. Шмонин А.В. Методика расследования преступлений. М., 2006. С. 199.
5. Кантеева Е.В. Криминалистическая классификация преступлений, препятствующих осуществлению служебных полномочий судебного пристава-исполнителя // Российский следователь. 2013. № 8. С.33-37.
6. Подольный Н.А. Доказывание при расследовании преступлений в сфере малого и среднего бизнеса // Следователь. 2003. № 8. С. 35–40.
7. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд [Электронный ресурс]: федер. закон от 5 апреля 2013 г. №44-ФЗ. // Доступ из справ.-правовой системы Гарант.
8. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: федер. закон от 24 июля 2007 г. // Собрание законодательства РФ. 2007. № 31. Ст. 4006.
9. О предельных значениях выручки от реализации товаров (работ, услуг) для каждой категории субъектов малого и среднего предпринимательства [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 22 июля 2008 г. № 556 // Доступ из справ.-правовой системы Гарант.

A.M. Lomshin, Assistant of Prosecutor of Ichkalovsk District of Republic of Mordovia (e-mail: artemlomshin@yandex.ru)

FORENSIC CLASSIFICATION OF CRIMES THAT CREATE OBSTACLES FOR SMALL AND MEDIUM BUSINESSES

Abstract. The article states the concept, the value of forensic classification of crimes, as well as provides forensic classification of crimes which create obstacles to small and medium-sized businesses.

Keywords: classification of crimes, business, small business, medium business.

УДК 343.9

Е.В. Мангутова (Кантеева), соискатель кафедры уголовного права, криминалистики и криминологии Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева (e-mail: tatustik5@mail.ru)

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ

В данной статье рассмотрено понятие криминалистической характеристики преступлений, рассмотрено его значение, так как вопрос о значении криминалистической характеристики преступлений до сегодняшнего дня является наиболее спорным и актуальным, также рассмотрены основные элементы криминалистической характеристики.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика преступлений, элементы криминалистической характеристики, информационная модель события преступлений, этапы расследования преступлений.

Криминалистическая характеристика преступления - это понятие, используемое в криминалистике для построения своеобразной модели преступления, облегчающей понимание его взаимосвязей и планирование расследования [1, С. 210]. До внедрения в криминалистику понятия и элементов криминалистической характеристики планирование предварительного расследования преступлений осуществлялось, исходя из сложившейся ситуации расследования и имеющихся у следствия доказательств по делу [2]. Описывались лишь некоторые элементы криминалистической характеристики преступлений, однако какой-либо взаимосвязанной системы таких элементов исследователями не выделялось.

После долгих дискуссий научное сообщество в середине 70-х гг. прошлого века признало конструктивную роль понятия «криминалистическая характеристика преступления». Так, выдающийся отечественный ученый-криминалист Р. С. Белкин, проанализировав и сравнив мнения представителей науки криминалистики, пришел к выводу, что криминалистическая характеристика представляет собой абстрактное научное понятие. Криминалистическая характеристика отдельного вида преступления, по Р. С. Белкину, должна включать характеристику исходной информации, системы данных о способе совершения и сокрытия преступления и типичных последствиях его применения, личности вероятного преступника и вероятных мотивах и целях преступления, личности вероятной жертвы преступления, о некоторых обстоятельствах совершения преступления (место, время, обстановка), соединенные в систему [3, С. 229-230].

По мнению А. А. Эйсмана, криминалистическая характеристика преступлений представляет собой научно обоснованный типовой перечень обстоятельств, подлежащих установлению по делу как юридически реле-

вантных, так и промежуточных (доказательственных), с выделением среди них скрытых, неочевидных обстоятельств, характеризующих преступление данного вида (группы) на момент начала расследования, и служит эффективной организацией расследования [4, С. 99].

В понимании Г. А. Густова, криминалистическая характеристика - это основанное на практике правоохранительных органов и криминалистических исследованиях описание преступления как реального явления, имеющее своей целью оптимизацию процесса раскрытия и расследования преступления и решения задач правосудия [5, С. 44].

И. Ф. Герасимов под криминалистической характеристикой преступления понимает «...совокупность сведений, знаний об определенном виде или группе преступлений, полученных в результате специальных исследований, являющаяся важным структурным элементом методики расследования, обуславливающая методические рекомендации и, в конечном счете, способствующая раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений» [6, С. 333].

По мнению В. В. Ключкова, криминалистическая характеристика преступлений - это совокупность данных (сведений), информации о характеристике преступлений и определенных, связанных с ним явлениях; информация, отражающая типичные (устойчивые, типологические, характерные) признаки (свойства, качества, черты, обстоятельства) преступления; информация, имеющая криминалистическое значение для раскрытия и расследования преступлений [7, С. 24].

И. М. Лузгин считает, что по своей природе криминалистическая характеристика преступлений является информационной моделью события (преступления) и поэтому служит его аналогом. Как информационная модель события криминалистическая характеристика выполняет ряд функций: эвристическую и познавательную (способствует поиску следов и раскрытию преступления); организационно - методическую (помогает правильно выбрать методы расследования и организовать работу по делу), оценочную (в известной мере помогает правильно оценить признаки конкретных деяний, сопоставляя их с типичными [8, С. 26-27].

Приведенные выше мнения ученых относительно криминалистической характеристики преступления не исчерпывают всех распространенных взглядов, но позволяют нам утверждать, что научное сообщество активно пользуется этим понятием. Однако, ситуацию вокруг понятия «криминалистическая характеристика преступлений» усугубило высказывание Р. С. Белкина, который указал на то, что «криминалистическая характеристика преступления, не оправдав возлагавшихся на нее надежд и ученых, и практиков, изжила себя, превратилась в иллюзию, в криминалистический фантом» [9, С. 45; 10, С. 36-37].

Согласимся с Д. В. Ким, который считает «что данное высказывание спорно. Р. С. Белкин прав лишь в одном - большинство существующих криминалистических характеристик оказалось малопродуктивными с практи-

ческой стороны. Они чаще всего перегружены ненужной (частной) информацией, которая не позволяет выявить корреляционные связи между ее элементами, выявить и диагностировать типовые ситуации, складывающиеся в процессе подготовки, совершения и сокрытия преступления, а самое главное - не позволяют создать ту информационную базу, которая бы позволила выдвинуть типовые версии и создать предпосылки для успешного расследования и судебного разбирательства уголовных дел той или иной категории» [11, С. 116-117].

Криминалистическая характеристика преступлений является многоэлементной системой с основным назначением - служить информационной базой выдвижения типичных версий (преимущественно на первоначальном этапе) предварительного расследования [12, С. 123].

С точки зрения практики, как справедливо отмечает А. Халиков: «криминалистическая характеристика преступлений представляет собой накопление и переработку определенного опыта расследования того или иного вида преступлений или исследования моделей группы преступлений, вбирая в себя наиболее существенные их черты. В этом случае предварительное следствие начинается не с «чистого листа», не путем экспериментирования, а по определенной схеме, которая разработана по результатам исследований подобных преступлений. Это позволяет вести следствие оптимальным, экономическим путем, достигая его положительных результатов наиболее эффективными и квалифицированными действиями» [13, С. 119].

Основное значение криминалистической характеристики преступлений нам видится в том, что в условиях дефицита информации на первоначальном этапе расследования на основе корреляционных связей между ее отдельными элементами такая характеристика способствует выдвижению частных версий в отношении не установленных обстоятельств [14, С. 93-94]. Как справедливо отметил Н. П. Яблоков, «зацепив одно звено в этой системе взаимосвязей, можно вытащить наружу всю цепь. В частности, выявление наличия в расследуемом преступлении какого-либо элемента из взаимосвязанной цепочки с той или иной степенью вероятности может указывать на существование другого, еще не установленного элемента и определить направление и средства его поиска» [15, С. 12].

В содержание криминалистической характеристики преступлений авторы дефиниций обычно включают общий или относительно детализированный перечень элементов.

По мнению В. В. Клочкова в содержание криминалистической характеристики преступлений входят данные: о способах совершения и сокрытия преступления (и соответствующих ему следах преступления); об особенностях обстановки (условиях, в которых совершается преступление); о личности преступника; о непосредственном объекте преступного посяательства [7, С. 24].

По мнению И. М. Лузгина, основными элементами криминалистической характеристики являются: типичные способы подготовки, совершения и сокрытия преступлений, используемые орудия преступления, этапность деяния; типичные условия криминалистической ситуации (место, время погодные и иные условия); типичные факторы, детерминирующие выбор способов и условий подготовки, совершения и сокрытия преступления, мотив и цель деяния; устойчивые особенности объекта (предмета посяательства, влияющие на подготовку, совершение и сокрытия деяния); типичные следы и документы как материальные источники информации; особенности их образования, уничтожения, сокрытия; взаимная связь следов; наиболее вероятные свидетели; особенности личности преступника, потерпевшего, свидетеля, факторы, влияющие на форму их показаний и поведение их на следствии; характер и размер ущерба [8, С. 28]. Другие авторы включают в содержание криминалистической характеристики еще более развернутый перечень элементов. Проведя сравнительный анализ различных определений данной криминалистической категории, Р. С. Белкин, пришел к выводу, что в нее должна включаться характеристика исходной информации, система данных о способе совершения и сокрытия преступления и типичных последствиях его применения, личности вероятного преступника, вероятных мотивов и целей преступления, личности вероятной жертвы преступления (предмете преступного посяательства), о некоторых обстоятельствах совершения преступления (место, время, обстановка) [16, С. 321].

Таким образом, в качестве основных элементов криминалистической характеристики преступлений большинство ученых-криминалистов выделяют такие элементы, как:

- способ совершения преступления;
- обстановку преступления;
- данные о субъектах преступления;
- сведения о потерпевших преступлений;
- механизм слеодообразования.

Список литературы:

1. Коновалов С.И., Бондаренко Ю.А. Соотношение криминалистической характеристики и механизма преступления по делам о преступных нарушениях требований пожарной безопасности // Теория и практика общественного развития. 2011. № 8. С. 210.
2. Александров Г.Н. Настольная книга следователя / Г.Н. Александров; А.И. Апулин; Т.М. Арзуманян [и др.]; под общ. ред. Г.Н. Сафонова. М., 1949.
3. Белкин Р.С. Курс криминалистики: учебное пособие для вузов в 3 томах. М., 2001. Т.3. С. 229-230.
4. Эйсман А.А. О содержании понятия криминалистической характеристики преступлений // Криминалистическая характеристика преступлений. М., 1984. С. 99.
5. Густов Г.А. Понятие и виды криминалистической характеристики преступлений // Криминалистическая характеристика преступлений. М., 1984. С. 44.
6. Криминалистика / Под. ред. И. Ф. Герасимова, Л.Я. Драпкина. М., 1994. С. 333.

7. Клочков В.В. Криминалистическая характеристика преступлений: состояние и перспективы исследований // Криминалистическая характеристика преступлений. М., 1984. С. 24.

8. Лузгин И.М. Некоторые аспекты криминалистической характеристики и место в ней данных о сокрытии преступлений // Криминалистическая характеристика преступлений. М., 1984. С. 26 - 27.

9. Криминалистика: учебник для вузов / отв. ред. Н.П. Яблоков. М., 1997. С. 45.

10. Криминалистика: учебник / отв. ред. Н.П. Яблоков. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1999. С. 36-37.

11. Ким Д.В. Криминалистическая характеристика преступлений как информационная база методики расследования // Алтайский юридический вестник. 2013. № 4. С. 116-117.

12. Комаров И.М. Криминалистические операции и следственные ситуации в системе криминалистической характеристики расследования преступлений // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. 2013. Т. 9. № 2. С. 129.

13. Халиков А. Вопросы криминалистической характеристики преступлений в практике расследования уголовных дел // Уголовное право. 2006. № 1. С. 119.

14. Волчецкая Т.С., Осипова Е.В., Киселев Д.Г. Структура и особенности криминалистической характеристики преступлений, совершенных в отношении представителей власти // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. № 9. С. 93-94.

15. Яблоков Н. П. Криминалистика. М., 2010. С. 12.

16. Белкин Р.С. Курс криминалистики. М., 1997. С. 321.

E.V. Mangutova (Kanteeva), Applicant of the Criminal Law, Criminalistics and Criminology Department of N.P. Ogarev Mordovian State University (e-mail: tatustik5@mail.ru)

FORENSIC CHARACTERIZATION OF CRIMES: CONCEPT AND IMPORTANCE AT THE PRESENT STAGE OF DEVELOPMENT OF FORENSIC SCIENCE

Abstract. *This article considers the concept of forensic ha of characteristic crimes considered its importance as a question about the meaning of criminological characteristics of crimes to this day is the most controversial and topical, as the basic elements of criminological characteristics.*

Keywords: *forensic characteristics of crimes, El cops criminological characteristics, information model of the criminal event, the stages of the investigation of crimes.*

УДК 343.140.02

А.С. Правоторов, студент 3 курса Института юстиции Саратовской государственной юридической академии (e-mail: pravotorov.artem@yandex.ru)

Науч. рук-ль: Г.Р. Колоколов, канд. мед. наук, доцент, доцент кафедры правовой психологии, судебной экспертизы и педагогики Саратовской государственной юридической академии

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ОТПРАВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ ПО СЕРИЙНЫМ УБИЙСТВАМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СПОСОБАХ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Анализ криминогенной ситуации в Российской Федерации свидетельствует о проявлении устойчивой тенденции количественного увеличения серийных убийств. Расследование серийных убийств требует дифференцированного подхода.

Ключевые слова: *серийный убийца, расследование серийных убийств, предупреждение серийных убийств.*

Изучив практику по серийным убийствам советского и российского периода, мы пришли к выводу, что серийные убийцы далеко не всегда страдают явными психическими отклонениями. В ряде случаев можно говорить лишь о психопатологических изменениях их личности, "уродствах" характера, болезненно измененных и гипертрофированных личностных особенностях, что принято характеризовать как психопатию. Несмотря на наличие определенных психических отклонений, зачастую эти лица сохраняют высокий интеллект, способность к долгосрочному планированию, осознают и контролируют свои действия в процессе совершения преступлений. К характерным личностным особенностям серийных убийц часто можно отнести обаяние, ускоренный процесс мышления, изворотливый ум и нарастающий опыт в совершении преступлений (они обучаются и совершенствуются по мере осуществления убийств).

Эти черты позволяют длительное время вводить в заблуждение следователей и успешно уклоняться от правосудия, что обуславливает определенные сложности при расследовании серийных убийств.

Наукой и практикой, как медицинской, так и психологической, выработано достаточно средств и методик, позволяющих обнаруживать подобных людей. Использование таких знаний в борьбе с преступностью, очевидно, позволит вывести практику раскрытия преступлений на новый, более прогрессивный уровень.

Множество исследователей абсолютно справедливо указывают, что многие серийные убийцы в той или иной мере страдают расстройствами личности. Такие расстройства иногда проявляются в отрицательном отношении к социальным нормам и стремлении им противодействовать. Однако было бы ошибочно утверждать на этом фоне, что все лица, страдаю-

щие личностными девиациями, являются латентными серийными убийцами. В той или иной мере такая симптоматика, как нарциссизм, непонимание социальных норм, доминантность, дисфория, стремление к манипулированию сознанием другой личности, неспособность к сочувствию, лживость, импульсивность и парасоциопатическое поведение нередко встречается среди многих людей. Таким образом, патологическое состояние и личностные расстройства не служат единственным и безусловным детерминантом преступного поведения.

В связи с этим формы, средства и методы изобличения и поимки подобной категории преступников значительно отличаются от традиционных.

Ввиду этого следственные мероприятия с подобной категорией преступников должны проводиться, на наш взгляд, при непосредственном участии подготовленного специалиста в области психологии. Следователь, не обладающий такими специальными познаниями, и концентрирующийся, в основном, на соблюдении сугубо процессуальной стороны расследования, не сможет в полной мере, качественно и своевременно провести необходимые следственные действия.

Стоит отметить, что ранее единственным участником уголовно-процессуальной деятельности, наделенным правом давать заключения, основанные на своих специальных знаниях, был эксперт. Только его заключения имели доказательственное значение. Законодатель пошел на верному пути, расширяя возможности привлечения специальных познаний в процессе доказывания. 4 июля 2003 г. статья 74 УПК РФ была дополнена п. 3.1, в котором заключение специалиста было впервые закреплено в качестве источника доказательств. Однако в отличие от заключения эксперта:

- для подготовки заключения специалиста не требуется проведение исследования – оно может выглядеть в виде вопросов и ответов;
- УПК не регламентирует порядок получения и саму форму и содержание заключения специалиста;
- Заключение специалиста получают только стороны, а не суд;
- Компетентность специалиста определяют стороны при его подборе;
- Специалист не предупреждается об ответственности за дачу заведомо ложного заключения.

Несмотря на двойственное отношение к заключению специалиста в уголовно-процессуальной теории, мы придерживаемся позиции, наделяющей его доказательственным значением, причем, отличным от заключения эксперта.

В ряде случаев, как показывает практика, значительную помощь следствию оказывает применение метода психологического профилирования. Она позволяет предположить индивидуальные психофизиологические, половозрастные и социально – демографические (статус, вид деятельности, увлечения и др.) признаки и свойства личности, проявившиеся в следах преступной деятельности, а также совокупности обстоятельств, обу-

словивших возможность совершения преступлений, в том числе и серийных. Использование данного метода предполагает привлечение следователем специалиста психолога. Представляется, что в ряде случаев необходимо также привлекать к расследованию психиатра, который мог бы выявить и оценить психопатологические проявления при их наличии. Анализ психиатра, осуществляемый непосредственно при составлении психопортрета, позволит с более высокой степенью вероятности предположить индивидуальные личностные качества преступника, поскольку будут взяты во внимание не только психологические особенности преступника, но и патологические психические состояния лица, возможность влияния на его действия личностных расстройств и болезней.

Представляется существенным упущением отсутствие законодательной базы, которая бы позволила напрямую регламентировать применение психологического профилирования в правоохранительной деятельности. Ввиду этого упущения результаты, полученные при использовании данного метода, в настоящее время не являются доказательствами по делу.

Однако ошибочно будет думать, что при расследовании серийных убийств следователи в той или иной форме не обращаются за помощью к специалисту психологу и (или) психиатру на разных этапах расследования. Это облегчает выявление целей, мотивов преступления, поиск доказательств, прогнозирование дальнейших действий убийцы и осуществление оперативных и следственных действий по скорейшему изобличению и поимке преступника.

На наш взгляд, привлечение специалистов в области психологии и психиатрии при расследовании серийных убийств не должно сводиться только к составлению психологического портрета предполагаемого преступника.

Несомненно, данные, полученные при проведении психологического профилирования, могут и должны быть использованы при профилактике и расследовании преступлений. Их анализ может способствовать сужению круга подозреваемых, выделению предполагаемого субъекта из безликой толпы. Это может существенно помочь при отсутствии базовой информации. Экономия времени очень важна при расследовании серии убийств. Именно поэтому психологический портрет рассматривается нами как некое вспомогательное орудие оперативно-розыскной деятельности.

Говоря о доказательственной силе составленного психологического портрета, мы считаем должным отметить несостоятельность его как доказательства. На наш взгляд психопрофиль по самой своей природе не соответствует таким критериям, как достаточность, допустимость и достоверность. Исключается однозначность, и мы можем говорить лишь о стремлении к объективности. Возрастает роль метода рандомизации (вероятности) и, соответственно, угроза формирования избирательности восприятия доказательственной информации участниками уголовного судопроизводства.

Помощь специалистов может осуществляться в двух формах: процессуальной (содействие при осуществлении психопрофилирования, привлечение к участию в следственных действиях) и непроцессуальной (устные консультации).

На предварительном следствии специалист, исходя из своих профессиональных знаний и опыта, может осуществлять справочно-консультативную деятельность. На наш взгляд, она заключается в анализе сведений о характере и выявлении взаимосвязи определенных действий преступника, объяснении его возможной мотивации, даче рекомендаций по эффективному использованию методик исследования доказательств.

Необходимые сведения следователь может получать и в устной форме. В этом случае они могут быть использованы при составлении следственных версий, определении направления расследования, планировании оперативно-розыскных и следственных мероприятий.

В случаях, когда та или иная справочная информация может быть представлена в письменной форме, она, на наш взгляд, должна приобретать формальную форму заключения специалиста. Отметим, что разный статус представленной информации детерминирует и возможность использования её в процессе доказывания.

Мы убеждены, что помощь специалистов психологов и психиатров необходима практически на всех этапах предварительного расследования, где требуется непосредственное участие подозреваемого или обвиняемого. Это поможет оперативной проверке правдивости показаний, соотнесению их с имеющимися в деле доказательствами и выяснению скрытых мотивов и обстоятельств преступления. Разъяснения и советы специалистов способствуют верной оценке исходной следственной ситуации, выдвижению версий, определению рациональной последовательности оперативно-розыскных и следственных действий. На последующем этапе консультации могут помочь в определении возможностей использования доказательств при допросах подозреваемого либо обвиняемого, спрогнозировать попытки и формы противодействия расследованию, определению средств их преодоления. Помощь специалистов может также потребоваться при назначении экспертиз. Необходимость консультационной помощи при оценке заключения эксперта возникает в случаях, когда следователь нуждается в разъяснении отдельных положений заключения, когда у него появляются сомнения в верности и целесообразности применения научных положений и методик произведенного исследования или же в объективности полученных выводов.

Продуктивное взаимодействие требует достижения предварительной договоренности сторон с обозначением предмета и характера консультационной помощи. Разумеется, для более эффективного консультирования требуется, чтобы специалист обладал необходимой ему информацией, добытой следственным или оперативным путем. В противном случае высока вероятность того, что не будет учтено какое-либо важное обстоятельство,

могущее в дальнейшем сыграть ключевую роль во всем расследовании.

В таких случаях представляется необходимым предупреждать привлекаемого специалиста об установленной Уголовным кодексом ответственности за дачу заведомо ложного заключения (ст. 307 УК РФ) и разглашение данных предварительного следствия (ст. 310 УК РФ).

Таким образом, представляется, что консультации специалиста-психиатра и специалиста-психолога могут значительно повысить эффективность процесса получения и использования доказательств. Использование указанных специальных познаний многократно могло бы повысить эффективность расследования серийных убийств за счет разъяснения скрытых и неочевидных обстоятельств, повышения качества следственных версий, а также конкретизации стратегии и тактики следственных действий.

Кроме того, мы убеждены, что их заключения, раскрывающие мотивы и дающие профессиональную и квалифицированную оценку его личности, могут существенно помочь суду при оценке деяний преступника. Следствием этого станет повышение гарантии вынесения виновному справедливого, законного и обоснованного приговора.

Ученые и практики, придерживающиеся противоположной позиции, часто обосновывают свое мнение одним или несколькими из следующих оснований:

- непроцессуальный путь получения заключения;
- отсутствие специального разрешения (лицензии) на дачу заключения;
- сомнения относительно беспристрастности специалиста.

В силу пробелов в уголовно-процессуальном законодательстве мы не можем не признавать их правоту. Однако мы видим и большой потенциал использования заключения специалиста в процессе доказывания. Потому в целях расширения следственной и судебной практики мы рекомендуем регламентировать порядок и процедуру получения заключения специалиста сторонами в уголовном процессе, а также определить процессуальную форму заключения специалиста.

Мы поддерживаем позицию, согласно которой результаты анализа операциональной стороны (системы действий преступника, направленных к достижению преступной цели) и индивидуализирующей составляющей крайне важны, поскольку могут быть использованы как в ходе предварительного следствия для верного объединения однотипных (совершенных при схожих обстоятельствах) преступлений в серию на основе выявленной постоянной, так и в ходе судебного разбирательства в качестве одного из косвенных доказательств причастности преступника к совершению эпизода серии в случаях, когда не представилось возможным закрепление иных доказательств, а также при разработке общих и прикладных аспектов методики и тактики расследования серийных убийств. Ввиду этого следственные мероприятия с подобной категорией преступников должны проводиться, на наш взгляд, при непосредственном участии подготовленного

специалиста в области психологии и психиатрии.

Мы убеждены, что необходимо закрепить в Уголовно–процессуальном кодексе формы и виды участия специалистов в области психологии и психиатрии при расследовании квалифицированных убийств, поскольку в настоящий момент регламентация указанных действий, в основном, закреплена в иных нормативно – правовых актах, в том числе и ведомственных.

Необходимо четко определить особый процессуальный статус специалистов психологов и психиатров в Уголовно–процессуальном законе. Именно в УПК должны быть закреплены порядок их привлечения при проведении предварительного расследования, а также формы и виды его участия.

Представляется, что указанные рекомендации направлены на совершенствование уголовно – процессуальных норм в области обеспечения предварительного расследования серийных убийств.

Список литературы:

1. Сафуанов Ф.С., Назарова Е.А. //Сравнительный анализ различных методов составления психологического портрета предполагаемого преступника // Психология и право. 2011. № 3. // Портал психологических изданий PsyJournals.ru [Электронный ресурс]. URL: http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n3/46577_full.shtml (дата обращения: 17.03. 2015).

A.S. Pravotorov, 3-d year Student of Justice Institute of Saratov State Law Academy (e-mail: pravotorov.artem@yandex.ru)

TO A QUESTION ON SOME OF THE ISSUES OF JUSTICE IN SERIAL MURDERS IN RUSSIAN FEDERATION AND THE WAYS TO OVERCOME THEM

Abstract. The analysis of the crime situation in the Russian Federation indicate that the manifestation of a steady trend of increasing quantitative classic serial killings. Investigation of serial killings requires a differentiated approach.

Key words: serial killer, investigation of serial murders, warning of serial murders.

УДК 343.98

А.И. Сотов, канд. юрид. наук, доцент кафедры криминалистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (e-mail: sotoff@mail.ru)

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ТОРГОВЛИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНСАЙДЕРСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

Статья посвящена особенностям расследования такого преступления как использование инсайдерской информации при торговле ценными бумагами, а также той роли, которую играет в таких расследованиях оперативно-розыскная деятельность.

Ключевые слова: рынок ценных бумаг, инсайдерская информация, инсайдеры, оперативно-розыскная деятельность.

В 2010 г. в России был принят Федеральный закон № 224-ФЗ «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

В этом законе впервые прозвучало слово «инсайд», в том числе как основание для привлечения к уголовной ответственности. Ранее оно вообще отсутствовало в отечественной нормотворческой практике. Согласно определению, приведенному в п. 1 ст. 2 данного Федерального закона, инсайдерская информация (т. е. такая информация, использование которой участниками рынка ценных бумаг противозаконно) должна отвечать следующим требованиям:

- быть точной и конкретной;
- не быть общераспространенной в силу действий, предпринимаемых обладателями информации или в силу нормативных ограничений (например, составлять коммерческую, служебную, банковскую тайну, тайну связи и иную охраняемую законом тайну);
- ее распространение может существенно влиять на цены финансовых инструментов, иностранной валюты и (или) товаров;
- иметь отношение к одному или нескольким эмитентам ценных бумаг либо управляющим компаниям инвестиционных фондов, паевых инвестиционных фондов и негосударственных пенсионных фондов, одному или нескольким хозяйствующим субъектам, либо к одному или нескольким финансовым инструментам, иностранной валюте и (или) товарам.

Однако этими критериями определение инсайдерской информации не исчерпывается. Анализ закона показывает, что инсайдерская информация должна:

- исходить от определенного круга лиц;
- иметь дополнительные признаки, установленные для некоторых категорий таких лиц.

Немаловажным инструментом для обеспечения исполнения данного закона стало принятие УК РФ ст. 185.6. «Неправомерное использование инсайдерской информации». Новый состав был сформулирован как «умышленное использование инсайдерской информации для осуществления операций с финансовыми инструментами, иностранной валютой и (или) товарами, к которым относится такая информация, за свой счет или за счет третьего лица, а равно умышленное использование инсайдерской информации путем дачи рекомендаций третьим лицам, обзывания или побуждения их иным образом к приобретению или продаже финансовых инструментов, иностранной валюты и (или) товаров, если такое использование причинило крупный ущерб». Часть 2 ст. 185.6 УК делает преступным умышленное использование инсайдерской информации путем ее неправомерной передачи другому лицу.

Данное преступление является для отечественной правоохранительной системы безусловной «новинкой», которую еще предстоит «освоить», то есть выработать подходы к методике расследования, а главное – к оперативно-розыскному обеспечению расследования. Как показал зарубежный опыт, без такого обеспечения эффективно преследовать виновных лиц невозможно.

Например, в США после ряда громких дел, показавших неэффективность действующего контрольного института за фондовым рынком (Американское агентство по контролю за обращением ценных бумаг, SEC) было признано, что одной из причин этих «провалов» (дело Мадоффа, дело фонда «Галеон» и пр.) является отсутствие у SEC действенных полномочий по добыванию информации, в том числе методами оперативно-розыскной деятельности. В ходе первого срока президентства Б. Обамы была создана Объединенная группа по противодействию мошенничеству в финансовой сфере (Financial Fraud Enforcement Task Force), которая позволила скоординировать усилия SEC, Федерального казначейства, Министерства жилищного хозяйства и городского развития, а также Министерства юстиции, в распоряжении которого находится ФБР. В значительной степени благодаря ресурсам этого ведомства, имеющего право на ведение классической оперативно-розыскной деятельности, и стали возможны достигнутые в последнее время успехи.

Американский опыт широко используется в Великобритании, но, в отличие от США, британский финансовый регулятор — FSA — начиная с 2007 г. получил право самостоятельно вести расследование по уголовным делам. Реформа FSA позволила широко применять средства из традиционного полицейского арсенала. В штат были включены ревизоры, специалисты по наружному наблюдению, радиоэлектронной технике. В 2010 г. FSA обратилось с просьбой к банкам и другим финансовым учреждениям записывать на пленку переговоры торговцев по мобильному телефону. Результаты не замедлили сказаться. До этого FSA неоднократно подвергалась критике за свою пассивность в деле борьбы с незаконными опера-

циями на фондовом рынке, но уже в 2009 г. было успешно завершено первое уголовное дело. Сумма наложенных штрафов возросла с 3,8 млн фунтов стерлингов в 2008 г. до 8,1 млн фунтов в 2009 г.

С высокой степенью уверенности можно предположить, что ситуация с использованием инсайдерской информации на российском фондовом рынке мало чем отличается от ситуации в США или в Западной Европе. Поэтому накопленный за рубежом опыт борьбы может быть востребован и в России.

На основании анализа имеющихся эмпирических материалов можно сделать вывод, что расследование инсайдерских сделок должны осуществляться в тесном взаимодействии с органами ОРД. На каждом этапе расследования такое взаимодействие должно носить специфический характер.

I этап — выявление подозрительных сделок.

К подозрительным сделкам следует относить операции с ценными бумагами, валютой или иными активами, которые отвечают перечисленным критериям:

- совершены незадолго (в пределах 3–5 дней) до раскрытия значимой информации, влияющей на уровень рыночных цен;
- доход, полученный участниками сделки, превышает средний уровень;
- направленность операции не соответствует общей тенденции рынка;
- операции совершены участниками торгов, в отношении которых имеются подозрения об использовании инсайдерской информации (в частности, на основании результатов работы по итогам периода);
- существенное увеличение объема сделок по сравнению с обычным объемом, существовавшим в практике конкретного участника.

Основным инструментом выявления таких сделок возможно только благодаря использованию программных средств. В настоящее время Федеральная служба по финансовым рынкам РФ (ФСФР) располагает системой мониторинга, которая позволяет анализировать до 10 млн. операций в день. Сведения о таких сделках должны передаваться в органы ОРД, поскольку существующая система контрольных органов в лице ЦБ не способна надлежащим образом реализовать полученные сведения.

Кроме того, существенным источником оперативно значимой информации является мониторинг биржевых форумов, на которых трейдеры свободно обмениваются мнениями, в том числе и о наличии подозрительных операций.

II этап — выявление лиц, причастных к подозрительным сделкам.

К таким лицам могут относиться как сами участники рынка ценных бумаг (как продавцы, так и покупатели), так и лица, от имени и по поручению которых эти участники действуют (в соответствии с российским законодательством, субъекты, действующие на фондовом рынке за счет и по поручению клиента, именуются брокерами, а действующие за собственный счет — дилерами).

Выявление таких лиц может производиться сотрудниками ОРД с помощью данных из системы биржевых торгов, которая четко фиксирует стороны каждой сделки. Определив брокера, участвующего в сделке, далее можно установить и его клиента.

III этап — установление связи между участниками подозрительных сделок и лицами, располагающими инсайдерской информацией. Отслеживание данного этапа представляет собой особую сложность, поскольку эти связи могут быть эпизодическими, а также могут маскироваться. Установлению таких связей может помочь отслеживание телефонных звонков, переписки по электронной почте и проч. При удачном стечении обстоятельств в перехваченных электронных сообщениях могут находиться инсайдерские сведения. Также, как показывает практика, хороший результат может дать отслеживание денежных переводов по банковскому счету. Если участники сделок сами не имеют доступа к инсайдерской информации, они с высокой степенью вероятности будут перечислять на счет своего осведомителя некоторые суммы в качестве материального вознаграждения за оказанные услуги.

IV этап — установление наблюдения за лицами, предположительно получившими инсайдерскую информацию.

Целью такого наблюдения является фиксация самого момента передачи инсайдерской информации в телефонном разговоре, электронном сообщении или иным способом. После этого необходимо установить факт использования такой информации, а именно совершение субъектом сделки, для которой полученная информация имеет особое значение. Очевидно, что такое наблюдение должно включать в себя контроль телефонных переговоров, электронных сообщений, а также иные традиционные приемы оперативно-розыскной деятельности. Нельзя также исключать использование в отдельных случаях оперативного эксперимента — контролируемой утечки информации.

A.I. Sotov, Candidate of Law, Associated Professor of the Criminalistics Department of M.V. Lomonosov Moscow State University (e-mail: sotoff@mail.ru)

OPERATIONAL INVESTIGATION FOR FIGHTING TRADE WITH INSIDE INFORMATION

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of the investigation of such crimes as use of insider information in securities trading, and the role that plays in such investigations investigative activities.

Keywords: securities market, insider information, insiders, operational-search activity.

УДК 343.985

О.В. Цуканова, аспирантка кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета, г. Курск, старший инспектор Отдела планирования, контроля и взаимодействия с полномочным представителем Президента Российской Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе Главного Управления МВД России по Северо-Кавказскому федеральному округу (e-mail: law_kstu@list.ru)

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ОРГАНАМИ ДОЗНАНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ НА ОБЪЕКТАХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

В данной статье говорится о наиболее эффективных способах взаимодействия следователя с органами дознания при расследовании преступлений, совершенных на объектах железнодорожного транспорта. Отдельно рассмотрен вопрос о составе участников исследуемого вида взаимодействия.

Ключевые слова: взаимодействие, следствие, дознание, железнодорожный транспорт.

Для полного и своевременного раскрытия преступлений, совершаемых, в том числе и на объектах железнодорожного транспорта, важную роль играет взаимодействие следователя (дознателя) с другими органами. Взаимодействие будет максимально эффективным при условии его организации с учетом специфики совершенного преступления и условий железнодорожного транспорта. Содержание и объем взаимодействия напрямую зависит от целей и организационно-правовых форм согласованной деятельности следователя с органом дознания.

Под взаимодействием понимается согласованная по месту, времени, участникам и тактике осуществления деятельность следователя, оперативных и иных служб органа дознания в расследовании [7, с. 95], необходимость в которой возникает тогда, когда только путем производства следственных действий трудно установить обстоятельства уголовного дела. В преобладающем большинстве случаев работа многогранна и может быть выполнена лишь посредством сочетания следственных и иных процессуальных действий, организационных, розыскных и оперативно-розыскных мероприятий [6, с. 92].

В свою очередь, О.А. Крестовский в определение взаимодействия включает перечень задач взаимодействующих органов, в том числе розыск не только преступника, а еще потерпевшего и похищенного имущества [9, с. 507].

В.А. Волынский и М.А. Удовыдченко рассматривают обеспечение оперативными силами и средствами процесса всего расследования от момента возбуждения уголовного дела до его рассмотрения в суде, так называемое,

«оперативное сопровождение»[4], задачи которого непосредственно связаны с раскрытием и расследованием преступления.

Семенцов В.А., Гладышева О.В. и Репкин М.С. выделяют направления взаимодействия, обусловленные необходимостью решения задач предварительного расследования [11, с. 164-165]:

1. получение оперативной информации об обстоятельствах преступления, имеющих значение для раскрытия и расследования преступления;
2. оказание помощи органам предварительного следствия при производстве следственных и иных процессуальных действий. Деятельность органа дознания может быть самостоятельной, а может выражаться в содействии следователю, характеризуется применением уголовно-процессуальных форм и методов деятельности, а также организационной зависимостью от следователя (дознателя).

А.И. Кривенко разделяет взаимодействие органов предварительного расследования и органов дознания на процессуальное и непроцессуальное: «Результаты процессуального взаимодействия обязательно отражаются в материалах уголовного дела, в то время как результаты непроцессуального взаимодействия чаще всего не могут, а иногда категорически не должны найти отражения в материалах уголовного дела в интересах соблюдения принципа конспирации» [8, с. 33-34].

При расследовании преступлений, совершенных на объектах железнодорожного транспорта, как правило, взаимодействие осуществляется преимущественно с органами транспортной полиции одного отдела либо, при необходимости, расположенными на интересующей удаленной территории. Такая практика сложилась в связи с особенностями расследования преступлений на транспорте, о которых территориальные органы полиции, как правило, не осведомлены либо имеют поверхностное представление. Поэтому в случае, когда у следователя есть возможность выбора взаимодействия с территориальным или транспортным отделом полиции, предпочтение отдается транспортному.

Следует также учесть, что значительная и характерная часть преступлений совершается в движении, в перевозочном процессе, что требует специфических приемов и методов их пресечения, раскрытия и расследования, которые могут вырабатываться только практикой деятельности специализированных и централизованных органов внутренних дел.

Оперативные службы транспортной полиции также имеют свою специфику работы, часто значительно отличающуюся от работы аналогичных подразделений территориальных отделов полиции. Так, например, только в транспортной полиции имеется подразделение ОБППГ – отдел по борьбе с преступными посягательствами на грузы, перевозимые железнодорожным транспортом.

Основные требования к организации взаимодействия подразделений органов внутренних дел (и линейных, и территориальных) при осуществлении ими полномочий по раскрытию и расследованию преступлений уста-

навливает Положение об организации взаимодействия подразделений органов внутренних дел Российской Федерации при раскрытии и расследовании преступлений. [1]

Особенность взаимодействия следователя с органами дознания состоит в том, что работники последних по поручению следователя могут участвовать в производстве следственных действий и производить их самостоятельно, а следователь может участвовать только в розыскных действиях гласного характера, причем только в случаях необходимости.

Организация расследования в целом, в том числе и взаимодействия, является обязанностью следователя, так как он осуществляет доказывание по уголовному делу и устанавливает истинные обстоятельства произошедшего. Согласованность действий при расследовании преступления заключается в процессуальном подчинении оперативных работников следователю, своевременном обмене информацией и соблюдении дисциплины. Вся информацию, собранную в ходе оперативно-розыскной деятельности, орган дознания обязан предоставить следователю, который решает вопрос о ее относимости.

Основными формами взаимодействия следователя с органом дознания являются:

Поручение следователя органу дознания – является наиболее распространенной процессуальной формой взаимодействия и представляет собой письменное поручение следователя начальнику органа дознания, который направляет данное поручение конкретному сотруднику органа. Следователь не должен поручать органу дознания производство следственных действий, составляющих основу расследования, например, осмотр места происшествия, допрос подозреваемого и др. Такие действия следователь обязан выполнять лично.

Участие сотрудников органа дознания в следственных и организационно-подготовительных (организационно-технических) действиях – представляет собой очень разнообразный спектр работы: совместный выезд на место происшествия в составе следственно-оперативной группы, участие оперативного работника в следственных действиях (например, обыск, осмотр места происшествия и др.), возбуждение уголовного дела и планирование расследования на основе оперативно-розыскных данных, совместное обсуждение информации по делу, построение версий, планирование расследования и др.

Взаимодействие подразделений органов внутренних дел, в том числе и транспортных, при осуществлении ими полномочий по раскрытию и расследованию преступлений осуществляется путем: создания следственно-оперативных групп, при руководящей роли следователя (дознателя); привлечения к деятельности следственной группы сотрудников оперативных подразделений; совместного обсуждения оперативно-служебных документов, содержащих результаты оперативно-розыскной деятельности, планирования, подготовки ОРМ и оценки их результатов; оперативного

сопровождения расследования преступлений с момента возбуждения уголовного дела до завершения судебного разбирательства.

На первоначальном этапе расследования, как правило, обсуждение имеющейся по делу информации, определение и конкретизация целей расследования происходит в виде совещаний следователя с оперативными работниками. В дальнейшем – по мере необходимости.

Орган дознания в своей работе использует гласные и негласные средства, перечень которых определен в Федеральном законе от 12.08.1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Результаты ОРМ при соблюдении ряда требований могут использоваться при доказывании (ст. 89 УПК РФ). При этом, следует различать результаты оперативно-розыскной деятельности и доказательства. Это обусловлено абсолютным различием их правовой природы, предопределяющей предназначенность и допустимые пределы использования [5]. В связи с тем, что результаты ОРД не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам, органы, осуществляющие ОРД, предоставляют следователю предметы и документы для приобщения к материалам уголовного дела в качестве вещественных доказательств [12, с. 346] в установленном порядке [2].

Для получения статуса доказательства результаты ОРД должны: содержать информацию, устанавливающую обстоятельства, подлежащие доказыванию; ссылаться на источник получения данной информации; содержать данные, дающие возможность в процессуальных условиях проверить сформированные на их основе доказательства [10].

Скрытие источников и способов получения информации, препятствующее проверке процессуальными средствами достоверности сведений, полученных в результате ОРД, влечет не только сомнения в достоверности этой информации, но и дает основания полагать о сфабрикованности доказательств оперативными сотрудниками [3].

Поэтому содержание и формы реализации результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании преступления следователь планирует совместно с оперативным работником.

На объектах железнодорожного транспорта на первоначальном этапе расследования важную роль играет характер следственной ситуации, в особенности очевидность преступления.

Взаимодействие с оперативными службами необходимо когда: информация о преступлении была получена в ходе оперативно-розыскной деятельности; лицо, подозреваемое в совершении преступления, не установлено; проводится розыск лица, подозреваемого (обвиняемого) в преступлении; обвиняемый пытается помешать ходу расследования.

Субъектами ОРМ являются оперативные работники, а также иные сотрудники, в соответствии с законом осуществляющие оперативно-розыскную деятельность. Следователь не вправе принимать непосредственное участие в проведении ОРМ, однако может консультировать оперативных работников относительно тактики мероприятий в целом и кон-

кретного мероприятия, указывать на необходимость либо недопустимость выполнения определенных действий.

При расследовании преступления содержание и объем оперативных и оперативно-розыскных мероприятий определяется характером преступления, следственной ситуацией и другими факторами. Сотрудничество следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, необходимо, так как сочетание различных средств получения информации повышает эффективность расследования. Особенно это проявляется при расследовании преступлений, совершенных на транспорте, с учетом частой значительной удаленности расстояний, на которых приходится работать, и специфики работы железнодорожного транспорта.

Взаимодействие следователя с оперативными службами обязательно если: сведения о преступлении были получены оперативным путем, не установлено лицо, совершившее преступление либо необходимо производство розыска скрывшегося преступника (похищенного имущества).

Объем и характер взаимодействия следователя с органом дознания определяется сложностью расследования. Как правило, взаимодействие касается важных, основных вопросов, и носит непостоянный характер. Следователь работает отдельно от органа дознания, но согласованно решая вопросы, возникающие в процессе расследования.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в случаях, когда путем производства только лишь следственных действий нет возможности или сложно установить все обстоятельства расследуемого уголовного дела, залогом успешного расследования преступлений, совершенных на железнодорожном транспорте, становится взаимодействие следователя с оперативными подразделениями транспортной полиции и территориальных органов полиции.

Список литературы:

1. Приказ МВД России от 26.03.2008 года № 280 ДСП «Об утверждении Положения об организации взаимодействия подразделений органов внутренних дел Российской Федерации при раскрытии и расследовании преступлений» // СПС Гарант. Дата обновления: 01.03.2015.
2. Инструкция о порядке предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД РФ, МО РФ, ФСБ РФ, ФСО РФ, ФТС РФ, СВР РФ, ФСИН РФ, ФСКН РФ, СК РФ от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 // СПС Гарант. Дата обновления: 01.03.2015.
3. Астишина Т.В., Маркелова Е.В. К вопросу о результатах оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе // Вестник всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. № 3 (31). 2014. С. 46-47.
4. Вольнский В.А. Удовыдченко М.А. Организация и тактика использования результатов оперативно-розыскной деятельности в расследовании преступлений: лекция. М. 1999.
5. Доля Е.А. Результатам оперативно-розыскной деятельности нельзя придавать статус доказательств в уголовном процессе // Рос. юстиция. 2007. № 6. С. 38-42.
6. Ищенко Е.П. Проблемы первоначального этапа расследования преступлений. Красноярск. 1987. 168 с.

7. Ищенко Е.П., Филиппов А.Г. Криминалистика. Учебник. М., 2006. 752 с.
8. Кривенко А.И. Теория и практика взаимодействия следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. М., 2008. 240 с.
9. Криминалистика: информационные технологии доказывания. Учебник для вузов / Под редакцией В.Я. Колдина. М., 2007. 752 с.
10. Куликов А.В., Таранин Б.А. К проблеме формирования уголовно-процессуальных доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности // Российский следователь. 2007. № 3. С. 10-12
11. Семенцов В.А., Гладышева О.В., Репкин М.С. Следственные действия и розыскные меры в стадии предварительного расследования. М., 2010. 200 с.
12. Шамардин А.К. К вопросу об использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. Вып. 9. Оренбург. 2008. С. 342-356.

O.V. Tsukanova, Postgraduate Student of the Criminal Procedure and Criminalistics Department of Southwest State University, Kursk (e-mail: law_kstu@list.ru)

FEATURES OF INTERACTION OF THE INVESTIGATOR WITH THE INQUIRY IN THE INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED ON THE RAILWAY TRANSPORT

Abstract. This article describes about the most effective ways of interaction of the investigator with the inquiry in the investigation of crimes committed on the railway transport. Considered separately the question of the composition of the IC participants investigated types of interaction.

Keywords: interaction, investigation, inquiry, railway transport.

УДК 343.9

Н.А. Чеснокова, ассистент кафедры уголовного права и процесса Института права Башкирского государственного университета, г. Уфа (e-mail: skakalina.nadezh@mail.ru)

К ВОПРОСУ О НАЗНАЧЕНИИ СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ И КОМПЛЕКСНОЙ СУДЕБНОЙ ПСИХОЛОГО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В статье автор сравнивает экспертизы по целям и основаниям проведения, делая вывод о нецелесообразности назначения судебно-психиатрической экспертизы по уголовным делам несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетние, судебно-психиатрическая экспертиза, психолого-психиатрическая экспертиза.

Судебно-психиатрическая и комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертизы являются разновидностями судебной экспертизы, проводятся в отделениях судебно-психиатрической экспертизы государственных психиатрических учреждений по правилам производства судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях

и отличаются различными целями, основаниями их назначения.

Так, в соответствии с требованиями п.3, 3.2 и 4,5 ст.196 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее - УПК РФ) судебно-психиатрическая экспертиза назначается обязательно в целях установления психического состояния подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, когда возникает сомнение в его вменяемости (ст.21 УК РФ) или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве; когда имеются основания полагать, что он является больным наркоманией; а также психического состояния потерпевшего, когда возникает сомнение в его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания. Кроме того, судебно-психиатрическая экспертиза назначается также в целях установления оснований для применения ст.22 УК РФ в отношении лиц с ограниченной вменяемостью.

Однако, в отличие от судебно-психиатрической экспертизы, устанавливающей лишь наличие или отсутствие вменяемости, комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза более дифференцированно определяет конкретную меру проявления этой способности у лиц с болезненными «пограничными» психическими отклонениями в зависимости от актуального созревания личности, ее структурно-динамических и содержательных особенностей, наличия ситуационных эмоциональных сдвигов (реакций).

В связи с этими различиями в литературе высказываются рекомендации относительно выбора вида экспертизы [1]. Так, по мнению ряда авторов, необходимо последовательно проводить судебно-психиатрическую, а лишь затем комплексную судебную психолого-психиатрическую [2] или судебно-психологическую экспертизу [3]. Назначение сразу комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы считается неоправданным [4].

Некоторые авторы полагают, что предпочтительнее назначать комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу [5], в т.ч. в отношении несовершеннолетних с целью определения уровня их психического развития и при наличии данных об умственной отсталости [6], а также с признаками психофизического инфантилизма, страдающих олигофренией в степени дебильности, неврозами [7].

С учетом специфики рассматриваемой категории уголовных дел и в целях процессуальной экономии времени считаем целесообразным рекомендовать следователям, дознавателям при наличии оснований назначать проведение не судебно-психиатрической ввиду слишком узкого предмета исследования, а сразу комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (аналогичного мнения придерживаются 93% опрошенных следователей, дознавателей), т.к. именно она позволяет одновременно и детально установить: 1) наличие или отсутствие вменяемости на момент совершения общественно-опасного деяния; 2) причины совершения общест-

венно-опасного деяния; 3) уровень интеллектуального и психического развития несовершеннолетнего, что в соответствии с п.2 ч.1 ст.421 УПК РФ является обязательным в отношении несовершеннолетних, т.к. согласно ч.3 ст.27 УПК РФ подлежит прекращению уголовное дело в отношении несовершеннолетнего, находившегося в момент совершения общественно-опасного деяния в состоянии отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством (ч.3 ст.20 УК РФ); 4) причины отставания в умственном и психическом развитии подростка (наличие психического расстройства или социальной, педагогической запущенности).

Полагаем, что с учетом специфики подростковой психологии, в целях установления уровня психического развития и иных особенностей личности подростка, а также его защиты от необоснованного осуждения, проведение комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы в отношении несовершеннолетних в возрасте до 16 лет должно являться обязательным. Необходимость обязательного проведения данной экспертизы в отношении несовершеннолетних продиктована и необходимостью усиления профилактической работы, уровень которой вряд ли может считаться удовлетворительным, по делам несовершеннолетних должны тщательно изучаться особенности воспитания, проживания несовершеннолетних обвиняемых, психологические компоненты обстоятельств, способствовавших совершению ими преступлений[8].

В связи с этим считаем необходимым внести в ст.196 УПК РФ изменения, дополнив перечень случаев обязательного назначения судебной экспертизы пунктом следующего содержания:

«3.3) уровень психического развития и иные особенности личности несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в возрасте до 16 лет, имеющие значение для уголовного дела. Для этих целей назначается комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза».

Проведение комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы в отношении несовершеннолетнего назначается только при наличии достаточных к тому оснований. Однако законодатель не предлагает конкретные основания ее назначения. В законе указывается лишь о наличии у следователя, дознавателя сомнений во вменяемости лица, в его заболевании наркоманией, а также о наличии данных, свидетельствующих об отставании подростка в психическом развитии. Тем не менее, вопрос о том, когда такие сомнения должны возникнуть и каким образом следователь, дознаватель должен получить эти сведения остается открытым.

С учетом разнообразия мнений в научной литературе по данному вопросу[9] и его неоднозначного решения на практике, считаем, что под достаточными основаниями для назначения комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы следует понимать наличие у следователя, дознавателя совокупности объективных данных, свидетельствующих:

1) о неадекватном поведении несовершеннолетнего. На основе изученной практики полагаем возможным рекомендовать следователям, дознава-

телям при проведении следственных действий особое внимание обращать на внешний вид подростка, особенности его поведения, адекватность реакции на заданные вопросы, особенности мимики. Полная информация об особенностях поведения несовершеннолетнего м.б. получена при проведении допроса несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, его законных представителей, а также педагога несовершеннолетнего. К примеру, по данным опроса психологов такие признаки, как невыразительность мимики (в 15,4% случаев), излишняя импульсивность (12,3%), агрессивность (11,8%), частые смены настроения (10,6%), усиленная жестикуляция (9,7%), либо наоборот, излишняя замедленность подростка при ответе на вопросы (13,6%), неразвитость речи (10,4%), излишняя ее загрязненность словами-паразитами (8,8%) могут свидетельствовать о наличии у несовершеннолетнего отклонений в умственном и психическом развитии, психического расстройства, заболевании наркоманией.

2) о пребывании несовершеннолетнего на стационарном лечении в психиатрической или психоневрологической больнице, на амбулаторном лечении в психоневрологическом диспансере, нахождении на учете у психиатра. По делам о причинении вреда здоровью из хулиганских побуждений несовершеннолетними следователями, дознавателями была получена информация о нахождении несовершеннолетних на учете у психиатра при проведении следственных действий, при этом состоящие на учете несовершеннолетние в 48% случаев страдали непсихотическими формами психических расстройств с нарушениями возрастного психического развития в виде специфических синдромов; в 25% случаев - невротическими реакциями и состояниями в форме тревожных, фобических расстройств; в 12,7% наркоманией, алкоголизмом, токсикоманией; в 6% шизофренией; в 4,7% эпилепсией; в 3,6% олигофренией в форме дебильности;

3) о задержке в умственном и психическом развитии (к примеру, учеба в образовательном учреждении коррекционного типа);

4) заболеваниях и травмах головного мозга, как врожденных, так и приобретенных (при проведении допроса несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, а также его законных представителей - информация об эпилепсии, родовой травме головы, сифилисе головного мозга, менингите, органическом поражении головного мозга и т.д.);

5) о ничем не мотивированном, необычайно жестоком, соединенным с садизмом, беспричинном множественном нанесении ударов потерпевшему. Практика показывает, что причинение вреда здоровью потерпевшего без какого-либо повода и причины, внешне бесцельное, безмотивное, так характерное для хулиганских побуждений, само по себе часто является проявлением наличия у несовершеннолетнего отклонений в психическом развитии, патологий в аффективно-волевой сфере и даже психического расстройства.

Полагаем, любое из вышеназванных сведений о личности несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого должно являться для следователя,

дознателя достаточным основанием для назначения комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы.

Резюмируя изложенное следует заключить, что судебно-психиатрическая и комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертизы отличаются различными целями и основаниями их назначения, однако по уголовным делам несовершеннолетних целесообразно назначать проведение именно комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы ввиду ее более широкого предмета исследования. Эффективность же ее проведения во многом обуславливается наличием полученных следователем, дознавателем при проведении следственных действий сведений не только об обстоятельствах преступления, но и о личности несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого.

Список литературы:

1. Курмаева Н.А. Проблемы назначения и производства комплексных психологических экспертиз по уголовным делам с участием несовершеннолетних //Актуальные проблемы российского права. 2010. № 4 (17). С. 207.
2. Мельник В.В., Яровенко В.В. Теоретические основы судебно-психологической экспертизы. Владивосток, 1990. С. 106.
3. Коченов М.М. Введение в судебно-психологическую экспертизу. М., 1980. С. 31.
4. Гришина Е. Использование специальных познаний психолога на предварительном следствии //Законность. 2004. № 5. С. 26.
5. Громыко О.В. Судебно-психологическая экспертиза индивидуально-психологических особенностей несовершеннолетнего обвиняемого и их влияние на поведение в криминальной ситуации //Российский следователь. 2012. № 3. С. 45-48.
6. Гецманова И.В. Особенности предварительного следствия по делам о преступлениях несовершеннолетних: Автореф. дисс. ... к.ю.н. М., 2001. С. 15.
7. Макаренко И.А. Особенности назначения судебно-психологической и судебно-психиатрической экспертизы в отношении несовершеннолетнего обвиняемого // Эксперт-криминалист. 2008. № 4. С. 31-33.
8. Холопова Е.Н. Судебно-психологическая экспертиза как основная форма использования психологических знаний при раскрытии и расследовании преступлений // Вестник криминалистики. 2006. Вып. 4 (20). С. 26.
9. Кудрявцева А.В. Судебная экспертиза как институт уголовно-процессуального права: Автореф. дисс. ... д.ю.н. М., 2001. С. 12, 36.

N.A. Chesnokova, Assistant Teacher of the Criminal Law and Procedure Department of Law Institute of Bashkir State University, Ufa (e-mail: skakalina.nadezh@mail.ru)

TO THE QUESTION OF APPOINTMENT OF EXAMINATION AS FORENSIC-PSYCHIATRIC AND COMPLEX JUDICIAL PSYCHOLOGO-PSYCHIATRICHESKOY ON CRIMINAL CASES OF MINORS

Abstract. In the article the author compares the examination of the purposes and the grounds for making a conclusion about inexpediency of appointing a forensic psychiatric examination in criminal cases of minors.

Keywords: juveniles, judicial-psychiatric examination, psychological and psychiatric examination.

УДК 159.99;349

М.В. Шайкова, канд. психол. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета, г.Курск (e-mail: shaikovamarina@mail.ru)

СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ПОЛИГРАФА (ПСИХОЛОГО-ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В статье раскрываются психолого-правовые основы применения полиграфа при проведении психофизиологической экспертизы. Особое внимание уделяется соблюдению прав и свобод человека при полиграфическом исследовании.

Ключевые слова: права и свободы человека, полиграф, психофизиологическая экспертиза, полиграфолог, подэкспертный, морально-этический аспект.

Инструкция «О порядке использования полиграфа при опросе граждан» устанавливает, что «использование полиграфа при опросе граждан является разновидностью оперативно-розыскного мероприятия - опроса граждан с использованием технических средств и представляет собой проводимую по специальным методикам беседу с опрашиваемым лицом с фиксацией его психофизиологических параметров (реакций) на задаваемые вопросы».[4] Следовательно, «органы (должностные лица), осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, при проведении оперативно-розыскных мероприятий должны обеспечивать соблюдение прав человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну».[3]

Что же касается проведения психофизиологической экспертизы, то можно констатировать следующее. Согласно ст. 45 Конституции РФ каждый гражданин вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.[1] Следовательно, любой человек имеет право просить следователя или суд назначить в отношении него судебную психофизиологическую экспертизу с использованием полиграфа. Данная экспертиза не нарушает конституционные права граждан, так как проводится только с письменного добровольного согласия подэкспертного, разъясняются порядок проведения экспертизы, методические основы, все задаваемые вопросы обсуждаются, подэкспертный имеет право в любой момент отказаться от дальнейшего участия в экспертизе.[7] Однако существует довольно серьезная проблема. Среди экспертов распространено мнение о том, что судебный эксперт в области психофизиологической экспертизы не имеет права на производство экспертизы в том случае, если на это отсутствует письменное согласие любого подэкспертного лица независимо от его процессуального статуса. Это мнение базируется на рассмотрении двух положений статьи 28 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Так, ч. 4 этой статьи устанавливает, что «В случае, если в процессуальном законодательстве Российской

Федерации не содержится прямого указания на возможность принудительного направления лица на судебную экспертизу, государственное судебно-экспертное учреждение не вправе производить судебную экспертизу в отношении этого лица в принудительном порядке», а ч. 2 этой же статьи содержит указание на то, что «В случае, если судебная экспертиза производится в добровольном порядке, в государственное судебно-экспертное учреждение должно быть предоставлено письменное согласие лица подвергнуться судебной экспертизе». При таком толковании содержания этой статьи, не учитывается тот факт, что законодатель прямо установил главенство норм УПК РФ, регламентирующими производство судебных экспертиз, над нормами, содержащимися в ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Это определено во вводной статье ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», устанавливающей, что «Производство судебной экспертизы с учетом особенностей отдельных видов судопроизводства регулируются соответствующим процессуальным законодательством Российской Федерации». Часть 1 ст. 198 УПК РФ, подлежащая прямому применению, не включает в исчерпывающий перечень прав подозреваемых и обвиняемых при назначении и производстве судебных экспертиз их права на «добровольность». А, ч.4 ст. 195 УПК РФ не включает подозреваемых и обвиняемых в перечень лиц, от которых должно быть получено письменное согласие на производство судебных экспертиз в их отношении. Таким образом, получение письменного согласия подозреваемого и обвиняемого на производство в отношении них судебной психофизиологической экспертизы не является процессуальной обязанностью лица, назначающего экспертизу.

Однако надо признать, что проведение психофизиологической экспертизы с методической точки зрения (с учетом особенностей процедуры исследования, в ходе которой полиграфолог должен обсуждать вопросы тестов с подэкспертным) в принудительном порядке невозможно, если лицо, в отношении которого назначена экспертиза, отказывается от общения с экспертом.

Кроме того, наличие письменного согласия подэкспертного на прохождение судебной психофизиологической экспертизы и наличие заявления подэкспертного о том, что он не имеет претензий в отношении действий судебного эксперта в ходе процедуры, в ряде случаев рассматриваются судами как признак объективности судебной экспертизы при попытках опровергнуть ее результаты.

На протяжении многих десятилетий опрос с использованием полиграфа, как один из нетрадиционных методов получения значимой для расследования и раскрытия информации, является предметом рассмотрения ученых. Рассматривая вопрос о внедрении в криминалистическую практику опросов с использованием полиграфа, ряд видных юристов, в том числе Р.С. Белкин отмечали, что для этого необходимо решить вопрос о нравст-

венной допустимости полиграфного метода.[6]

Не так давно полиграф объявляли орудием пыток, причиняющим испытуемому неимоверные физические страдания. Особенно отрицалась возможность применения полиграфа при допросе. Использование полиграфа называлось не иначе, как псевдонаучный способ установления истины с помощью прибора, якобы, основанного на абсолютно ненаучной и противоречащей элементарным положениям психологии и физиологии варварской идее связи показаний с психической и физической реакцией и т.п. Отдельные ревнители «чистоты криминалистики» проводили даже прямые параллели между инквизиционным процессом и полиграфом.[5]

Рассматривая вопрос о том, нравственно ли применение полиграфа в целях борьбы с преступностью, М.С. Строгович писал: «Мы отвергаем подобные способы как потому, что они, облекаясь в наукообразные формы, по существу не имеют ничего общего с подлинной наукой и могут плодить лишь ошибки, извращая действительность, так и потому, что такие приемы в судопроизводстве решительно противоречат элементарным нравственным нормам и унижают человеческое достоинство тех, кто подвергается подобным испытаниям».

Рассмотрение именно морально-этического аспекта применения полиграфа важно также причине того, что основной момент в критике противников данного метода приходился и приходится на нравственную сторону проблемы.

Обсуждение надежности и правомерности применения полиграфа было развернуто в семидесятых - восьмидесятых годах прошлого века и окончилось абсолютной победой сторонников данного криминалистического метода. Сегодня рассуждения о безнравственности применения полиграфа являются совершенно неубедительными. Вряд ли противникам полиграфа удастся показать, чем именно полиграф унижает человеческое достоинство и, в более широком смысле, каким нравственным нормам противоречит его применение. На заявления последних, что применение полиграфа безнравственно по причине того, что человек становится при этом объектом исследования и этим унижается его человеческое достоинство, можно ответить так: уголовный процесс в некоторых случаях допускает такое положение. Например, обвиняемый становится объектом исследования при проведении судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы, изъятии образцов крови или других выделений человеческого организма, при освидетельствовании и т.д. Безнравственным же является оказание психического или физического насилия во время проведения такого исследования со стороны проводящего его лица.

Обоснованным является предупреждение Г.А. Злобина и С.Л. Яни, что при применении полиграфа есть: «более глубокая проблема, касающаяся принципиальной правомерности и пределов допустимости инструментального проникновения (даже не столь уж глубокого) во внутренний мир личности. Не секрет, что при помощи полиграфа недобросовестным опе-

ратором может быть добыта информация, выходящая за пределы официально расследуемого события и связанная с той областью личного, принудительного или тайного проникновения в которую противоречит гарантированным Конституцией правам и свободам гражданина». Особенно опасным это может быть в сфере оперативно-розыскной деятельности. Поэтому рассмотрение морально-этической стороны применения полиграфных исследований является важной задачей именно сейчас, когда интерес к полиграфу только растет.

Применение полиграфа, как и любого другого криминалистического средства и метода возможно лишь при наличии на то правовых оснований. Использование технических средств, приемов и методов может быть признано правомерным при удовлетворении хотя бы одного из основополагающих условий: прямо предусмотрены уголовно-процессуальным законом, рекомендованы законом, либо не противоречат закону по своей сущности и целям использования.

Уголовно-процессуальный закон предписывает необходимость применения технических средств в процессе собирания и фиксации доказательств, а также привлечение для этих целей специалистов различных областей знаний. Однако, ни закон, ни подзаконные акты не могут дать исчерпывающего перечня тех технических средств и тактических приемов, которые используются или могут быть применены с целью раскрытия и расследования преступлений. В криминалистике сформулированы общие принципы допустимости применения в ходе расследования преступлений технических средств, к которым относятся: законность, научная состоятельность, эффективность, безопасность и этичность.

Сущность нравственного аспекта при проведении полиграфного исследования заключается в том, чтобы не допустить нарушения основных конституционных прав граждан, в частности, на неприкосновенность личности. Статьи 21–23 Конституции РФ говорит о том, что каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам.[1]

Опрос с использованием полиграфа, как оперативно-розыскное мероприятие ставит проблему соотношения цели и средства. Профессиональные интересы не должны быть выше нравственных принципов, которыми руководствуются в своей работе специалисты-полиграфологи.

Любой обман при использовании технических средств в уголовном процессе, какой бы высокой ни была цель, безнравственен и противоречит этическим принципам установления истины.

Нравственные качества личности полиграфолога обязательно должны быть соизмеримы с его профессиональными знаниями и умениями. От его честности, принципиальности, настойчивости и изобретательности во

многом зависит раскрытие преступления, обнаружение преступника или, наоборот, спасение невиновного. Полиграфолог должен ясно осознавать свою ответственность перед человеком, давшим добровольное согласие на проведение исследования с применением полиграфа, и принимает на себя обязательства быть честным и объективным в отношении опрашиваемого лица, вне зависимости от его социального статуса, политических и религиозных взглядов и убеждений, расовой или этнической принадлежности, физических данных. Полиграфолог должен категорично отрицать возможность проведения исследования с применением полиграфа без согласия лица человека. Он не должен приступать к проведению опроса, не убедившись в том, что опрашиваемое лицо дало добровольное письменное согласие на полиграфное исследование без принуждения со стороны заинтересованных лиц. Полиграфолог не должен проводить опрос лица, которое, по его мнению, не подлежит исследованию с применением полиграфа из-за неудовлетворительного психического или физического состояния.

Таким образом, нравственная безупречность применения полиграфа вытекает из основополагающих принципов: законность, добровольность, исключительная безопасность прибора.

Список литературы:

1. Конституция РФ от 12.12.1993 // Российская газета. 25.12.1993. № 237. Ст. 21–23.
2. ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 // Российская газета. 2001. 5 июня. Вводная статья.
3. ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» от 05.07.1995 // Российская газета. 18.08.1995. № 160. Ст. 5.
4. Инструкция «О порядке использования полиграфа при опросе граждан», утвержденная Приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации от 28.12.1994 // Бюллетень нормативных актов органов исполнительной власти. 1994. № 6. 12 января. П.1.1
5. Алесковский С.Ю. Морально-этические проблемы применения полиграфа // <http://www.poligraf.sp.ru>.
6. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001. С. 87.
7. Белошина О.В., Ладченко А.Г. Опыт проведения психофизиологических экспертиз // Адвокатская палата. 2004. № 9. С. 16.

M.V. Shaikova, Candidate of Psychology, Associated Professor of the Criminal Procedure and Criminalistics Department of Southwest State University, Kursk (e-mail: shaikovamarina@mail.ru)

OBSERVANCE OF THE RIGHTS AND FREEDOMS OF THE INDIVIDUAL IN THE APPLICATION OF THE POLYGRAPH, PSYCHOLOGICAL AND ETHICAL ASPECTS

Abstract. The article describes the psychological and legal basis for the use of the polygraph in the psychophysiological examination. Special attention is paid to the observance of the rights and freedoms of man when printing the study.

Keywords: rights and freedoms, the polygraph, psychophysiological examination, polygraph, patients, moral and ethical aspects

УДК 343.1

Г.Н. Шамонова, канд. юрид. наук, доцент, Международный университет в Москве (e-mail: shamonova@bk.ru)

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

В статье рассмотрены ряд положений начальной стадии досудебного производства – стадии возбуждения уголовного дела, анализ ее современного состояния, характеризуемого наполнением содержания следственными и процессуальными действиями, что может сказаться в лучшую сторону и на результате проверки заявлений о преступлении, и на расследовании в целом.

Ключевые слова: начальная стадия уголовного процесса, доследственная проверка, осмотр места происшествия и предметов, документов, трупов; получение образцов, судебная экспертиза; истребование предметов, документов их изъятие; ревизия, документальная проверка.

Анализируя нормы досудебного производства в уголовно-процессуальном кодексе России 2001г., можно заметить, что его начальная стадия фактически не претерпела изменений в сравнении со ст.109 УПК РСФСР 1960г. [1,с.193-210], хотя получение объяснений в ст.144 («Порядок рассмотрения сообщения о преступлении») законодатель не отразил. Тем не менее, это не повлияло на действия практических работников: объяснения остались основным инструментом доследственной проверки информации о совершенных и готовящихся преступлениях. При этом и такое следственное действие как осмотр места происшествия по-прежнему был возможен, как и в УПК 1960г. на данной стадии в случаях, не терпящих отлагательства.

В качестве средства получения дополнительных сведений о происшедшем событии и с целью обоснованного возбуждения уголовного дела в период действия Закона 1960г. и после принятия нового УПК широко использовались предварительные исследования объектов, осуществляемые специалистами различных областей знания, но только в 2003г. они законодательно закреплены в исследуемой норме, что придало им, наконец, процессуальное значение. Здесь впервые был назван и специалист, но его правовое положение Закон не определял. Субъекты расследования стали «вправе требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов и привлекать к участию в этих проверках, ревизиях, исследованиях специалистов». После ряда дополнений ст.144 (п.а ч.1) уже к 2010г. содержание рассматриваемой проверки помимо исследований и осмотра места происшествия допускало и др. следственные действия: осмотр трупа и освидетельствование (ссылка на специальные нормы - ст.178-179УПК РФ) [2, 3].

Таким образом, применение специальных знаний в начальной стадии досудебного производства, в частности, в следственных действиях, их отражение в соответствующих протоколах и справках, и акты специалистов

по исследованиям стали служить не только основанием для возбуждения дела или отказе в этом, но и приобрели самостоятельный процессуальный статус.

По мнению отдельных авторов, стадию возбуждения уголовного дела следовало бы именовать стадией рассмотрения сообщения о происшествии (преступлении) и принятия по нему решения, Ее же название в уголовном производстве нельзя признать точным и соответствующим сути, так как здесь возможно принятие решения и об отказе в возбуждении уголовного дела. В этом случае стадия будет не начальной, а единственной [4,с.240-243]. Стоит прислушаться, как считаем, к этому суждению. К тому же на данной стадии могло быть принято решение о передаче материалов по подследственности.

Федеральный закон 4.03.2013г. внес новые дополнения ч.1 ст.144 УПК России [5]. Субъекты проверки были «вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование...».

Как видим, законодатель в первую очередь устранил прежние недочеты, вернув в проверку сообщений о преступлении получение объяснений, а также указав в ней производство осмотра места происшествия и освидетельствование. Выше нами отмечено, что в прежней редакции ст. 144 эти следственные действия не упоминались, а давалась отсылка к специальным нормам УПК.

Так, исследуя вопрос о получении объяснений от участников доследственной проверки, некоторые авторы отмечали, что в структуре ее документов объяснения от разных лиц составляют 89,6% случаев [6,с.99-102]. Другие ученые указывали на то, что в проверке «заложено главное противоречие между заявленными целями и реальным положением вещей ...уголовно-процессуальный закон не регламентирует порядок отображения объяснений у различных лиц, а правовой статус не определен, они не могут защищать себя и свои законные интересы. Нередко отображение объяснений производится неоднократно» [7, с.128,223]. На последнее замечание возразим, т.к. считаем невозможным в законе регламентацию порядка всех проверочных действий, а именно при получении объяснений, справок, проведении исследований, иных процедур. Законодатель не в состоянии даже их все перечислить и тем более урегулировать (была такая попытка в ст.144 УПК, но, полагаем, не во всем удачна). Если же получение объяснений неоднократно, то это свидетельство лишь упущений в организации проверки.

Многие предложения ученых и практиков по совершенствованию начальной стадии досудебного производства законодатель уже реализовал, в частности, разрешив производство судебной экспертизы, чего долго доби-

валось экспертное сообщество. Вместе с тем в ст.144 УПК оставлено и прежнее положение о проведении исследований специалистом, их перечень также не изменен. Исследования, на наш взгляд, необходимы уже потому, что в некоторых случаях невозможно производство экспертизы в ходе проверки, например, по материалам, имеющим признаки экономических преступлений. Как правило, назначение этих экспертиз требует длительной подготовки: производства ревизий, инвентаризаций и т.п. Невозможна в начальной стадии и судебно-психиатрическая экспертиза, что вызвано тем, что участники рассматриваемой проверки еще не имеют процессуального статуса.

Не все положительно восприняли новеллы закона 2013г., считая, они «способны породить значительные проблемы правоприменения в виду их непродуманности, противоречивости и поспешности», отмечая то, что детально не регламентированы случаи, когда в этой стадии требуется судебная экспертиза (не любые экспертизы), хотя объективно необходимость существует. Невозможно и получение любых образцов у любых лиц без оговорки о мере возможного принуждения и добровольности дачи образцов, без указания их вида [8,с.73-79]. Не разделяем подобные суждения автора.

Так, Уголовно-процессуальный кодекс называет обязательными лишь некоторые экспертизы, например, для установления причины смерти (ст.196). В остальном субъекты расследования самостоятельны: исходят из интересов следствия, потребности в той или иной экспертизе. В Законе же все ситуации предусмотреть нереально. На этот счет криминалистикой выработаны соответствующие рекомендации. Исходя из них и опыта, мы назвали выше случаи невозможности ряда экспертиз до возбуждения дела. Необходимость их чаще всего возникает по фактам незаконного оборота наркотиков, иных веществ, причем, при изъятии микроколичеств. Исследование таких объектов ранее в доследственной проверке приводило к израсходованию вещества, что делало невозможным производство экспертизы в уголовном деле.

Как полагаем, не нужна в УПК РФ и детализация процедуры получения образцов в рассматриваемой проверке, т.к. в тексте ст.144 даются ссылки: «в порядке, установленном настоящим Кодексом», т.е. имеется в виду ст.202 УПК. Конкретные же действия уполномоченных лиц о мере принуждения или добровольности в получении образцов выработаны на практике с учетом норм уголовно-процессуального закона и рекомендаций криминалистики.

Нам представляется значимым дополнение ч. 1.2 ст.144: «Полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений статей 75 и 89 настоящего Кодекса». Поэтому разделяем мнение ученых о том, что изменение сути проверочных мероприятий свидетельствует о стремлении законодателя увеличить возможности доказательственной деятель-

ности лиц в доследственной проверке, и тем самым обеспечить большую достоверность информации о наличии признаков преступления.

Заметим, что такое следственное действие как выемка документов в проверке новый УПК не предусмотрел. Вместо этого законодатель указал на истребование документов и предметов, их изъятие. До 2013г. на данной стадии документы и предметы зачастую изымались и с оформлением неких протоколов или актов изъятия, хотя указанное не признавалось источниками доказательств, но нередко это практиковалось. Полагаем, что игнорирование следственного действия «выемка документов, предметов» не соответствует требованиям Закона о производстве названных выше исследований объектов и судебной экспертизы в начальной стадии уголовного процесса.

Как отмечают многие юристы, новые дополнения хотя и существенны для следственно-экспертной практики, но складывается впечатление, что наполнение проверки заявлений о преступлении процессуальными и следственными действиями постепенно и все дальше размывает границы между собственно проверкой и самим предварительным расследованием. И задаются вопросом: означает ли это необходимость такой стадии вообще? Возражения против стадии возбуждения уголовного дела в основном сводятся к позиции разработчиков Концепции судебной реформы 1991г., исходивших из положений Устава уголовного судопроизводства 1864г. (ст.303) о том, что «жалобы почитаются достаточным поводом к начатю следствия. Ни судебный следователь, ни прокурор не могут отказать в том лицу, потерпевшему от преступления или проступка» [9].

О ссылках на Устав 1864г., др. акты О.В. Хитрова верно замечала: они «предназначены для регулирования правоотношений в иных исторических, социальных, экономических, политических условиях...», их простое копирование неуместно. Понятна ее позиция и в том, что «деятельность, «связанная» с преступлением, должна регламентироваться исключительно уголовно-процессуальным законом. При наличии юридического факта - сообщения о преступлении, возникают уголовно-процессуальные отношения: иной их правовая природа быть не может» [10, с. 393-404]. С нею согласны и другие ученые: процессуальные отношения (ст.141-144УПК) формируются «еще при приеме заявлений о преступлении. Постановление же о возбуждении дела и есть его начало, необходимость начать следствие, исследуя обстоятельства преступления» [11, с.59-65].

Опираясь на практику и собственный следственный опыт, выскажем и свое мнение. Стадия возбуждения уголовного дела – самостоятельный институт уголовного процесса, пополнилась новыми процессуальными средствами, в их числе следственные действия, для проверки заявлений о преступлении; здесь же более определен и статус участников проверки. Названные действия законодатель выбрал не случайно, а в связи с условиями подготовки экспертизы. Для ее производства требуется осуществить изъятие (выемку) и осмотр объектов (и следов); освидетельствование постра-

давших или иных субъектов; получить экспериментальные, контрольные, свободные образцы (для почерковедческой экспертизы, например) и осуществить иные процедуры: взять объяснения от заинтересованных лиц и т.д.

Учитывая все это, в ст. 144 УПК определен и срок проверки до 30 суток. Увеличение времени для проверочных действий в сравнении с прежним может положительно повлиять на соблюдение следователями процессуальных сроков и всего расследования. Для них и оперативных работников это имеет большое значение. Часто именно недостаток времени

сказывался на качестве проверки: невозможность выполнения необходимых действий, в связи с чем нарушались установленные законом ее сроки, оформлялись «задним» числом следственные действия и др.

Считаем, изменения начальной стадии могут способствовать качеству «доследственной» проверки, принятию обоснованных решений для начала предварительного расследования или отказа в возбуждении уголовного дела. В результате же незаконного решения о его возбуждении или отказе в этом возможно нарушение прав и интересов отдельных лиц и общества в целом. Оттого обсуждение сохранения (или нет) начальной стадии уголовного процесса в данное время преждевременно. Как надеемся, по поводу возникших вопросов появятся соответствующие разъяснения Верховного суда РФ, но, как показывает практика, ожидаемое может произойти не скоро.

Несмотря на неясность ряда положений, и упущения в новеллах УПК, что нуждается в дополнении и уточнении: в обеспечении реализации прав пострадавших от преступлений лиц, доведения внутрироссийского законодательства до уровня мировых стандартов в части защиты их прав и интересов, исследуемые изменения сущности проверки заявлений о преступлении свидетельствуют, на наш взгляд, о попытке законодателя решить наболевшие вопросы, возникающие у практических (и научных) работников о ее содержательной стороне и правах участников действий на стадии возбуждения дела. К исследуемым вопросам, на наш взгляд, следует вновь вернуться после апробирования на практике нового содержания доследственной проверки. Отрицательные результаты правоприменения новелл и соответствующее мнение практических работников, а не только представителей науки, возможно, и приведет законодателя к решению об отказе от проверочных мероприятий и введения иного порядка возбуждения уголовных дел по сообщениям о совершенных и готовящихся преступлениях.

Список литературы:

1. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР/под ред. А.М. Рекунова и А.К. Орлова. М., 1985.
2. Федеральный закон РФ от 4 июля 2003 г. №92-ФЗ (в ред. Федеральных законов от 05.06.2007 №87-ФЗ; от 02.12.2008 №226-ФЗ; от 29.12.2010 №433-ФЗ) // СПС Гарант. Дата обновления: 01.03.2015.
- Федеральный закон от 9 марта 2010г. №21-ФЗ // СПС Гарант. Дата обновления:

01.03.2015.

3. Попов А.А. Стадия возбуждения уголовного дела: получение объяснений или допрос? // Вестник Калинингр. фил. СПб ун-та МВД России. 2014. № 3.

4. Володина Л.М. Цели и задачи уголовного процесса // Государство право. 1994. № 11.

5. Федеральный закон РФ от 4 марта 2013г.. №23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» //СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

6. Зайцева Е.А. Арсенал средств доказывания в стадии возбуждения уголовного дела в контексте Федерального закона от 4 марта 2013г. №23-ФЗ // Проблемы отправления правосудия по угол. делам в соврем. России: теория и практика: Сб. V-й Межд. науч.-практ. конф., 13.04.2013. Курск, 2013.

7. Рытьков А.А. Деятельность следователя на этапе реформирования стадии возбуждения уголовного дела // Вест. Калинингр. фил. СПб ун-та МВД. 2014. № 3.

8. Устав уголовного судопроизводства 1864г. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (съем информ. 3.02.2014).

9. Хитрова О.В. О целесообразности сохранения стадии возбуждения уголовного дела: за и против // Правовое и криминалистическое обеспечение управления органами расследования преступлений: Сб. Всерос. науч.-практ. конф. В 3-х ч. М., 2011. Ч. 1.

10. Зинатуллин З.З., Туров С.Ю. Некоторые размышления о путях совершенствования досудебного производства по уголовным делам: Матер. Межд. науч.-практ. конф. Уфа, 2012.

I.N. Shamonova, Candidate of Law, Associated Professor, International University in Moscow (e-mail: shamonova@bk.ru)

ON IMPROVING THE PRE-TRIAL PROCEEDINGS

Abstract. *The article deals with a number of provisions of the initial stage of pre-trial proceedings - the stage of the initiation of a criminal case, the analysis of its current state, characterized by filling the content by investigative and procedural actions which may favorably affect both the result of the checking of statements about crimes and the investigation as a whole.*

Keywords: *the initial stage of the criminal procedure, pre-investigation verification, inspection of the scene, objects, documents, corpses; obtaining samples, forensic examination; requisitioning and withdrawal of documents, objects; revision; documentary check.*

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ ОТПРАВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В СОВРЕМЕННОЙ
РОССИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

*Сборник научных статей
IV-ой Международной
научно-практической конференции*

Часть I
16 – 18 апреля 2015 года

Редактор *Есипова В.А.*

Компьютерная верстка и макет *Есипова В.А.*

Подписано в печать 13.07.2015 г.
Формат 60x84 1/16, Бумага офсетная
Уч.-изд. л. 21,0 Усл. печ. л. 18,6 Тираж 100 экз. Заказ № 178
Юго-Западный государственный университет.
305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94.

Отпечатано в типографии
Закрытое акционерное общество "Университетская книга"
305018, г. Курск, ул. Монтажников, д.12
ИНН 4632047762 ОГРН 1044637037829 дата регистрации 23.11.2004 г.
Телефон +7-910-730-82-83